

76(2К)
Л 64

ЗЕМЛЯКИ. крг
Владимир ЛИТВИНОВ
ЗЕМЛІАКІ. крг

Я с вами

Владимир Литвинов

Я С ВАМИ

Портреты, написанные словом

КНИГА ПЕРВАЯ

Караганда, 2005

ББК 84Р7
Л 64

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ

Сердечная благодарность за поддержку Издания
Президенту ТОО «Кайрат»
Тукубекову Сагатаю Толеубаевичу
и Президенту ОАО «Компания Absolyt Kazakhstan»
Борисенко Александру Васильевичу

Литвинов В.

Л 64 Я с вами Портреты написанные словом. В двух
книгах – Караганда, 2005. — 376 с.

ISBN 9965-613-99-0

630153

Эта книга – не читиво, не развлекаловка.

Она адресована несуетливому, вдумчивому читателю.

Но в ней немало, как говорят наши дети, и «приколов».

Чей самолет сбил Павел Кунин? почему не стрелял по своим Борис Си-
гал? о чем писал Сталину Абдуали Сыздыков? как медсестра командова-
ла танковой ротой?

Кто и почему уничтожил нашего Евнея Букетова? как страна кормит
своих ученых? почему у нас маленькая зарплата? кто они, ученые –
мыслители или художники? что «за душой» у хирурга Лохвицкого?

О чем переживал Герой народа Христенко? как относится власть к па-
мяти Героя Труда Язева и труженицы земли Кутузовой? что стало с геге-
моном после «шмона»?

Наконец, о моих коллегам и шефах: как «явился в советскую литера-
туру» Михаил Балыкин? почему жучила журналистов «незнаменитая»
шефиня? почему областное радио не бастовало за Б. Мукушева? «кто
есть ху» таинственный Д. Т.? чем набила оскомину «валют-поэзия»?

Словом, листайте, читайте, вспоминайте добрым словом юбиляров...

Ваш Владимир Литвинов

ББК 84Р7

Л 4702010200
00 (05) - 05

ISBN 9965-613-99-0

© Литвинов В.И., 2005

Е.А.Бекетов атындағы
Қарағанды мемлекеттік
университеті

ҒЫЛЫМИ КІТАПХАНАСЫ

9 МАЯ 2005 ГОДА – 60-ЛЕТ ПОБЕДЕ

Композиция

1. «Дождались-таки святого дня!»

(Из повести «Босоногие», 1999 г.)

К обеду половина поля была вспахана. Все изморились – и доярки, и дети. На коров и глядеть было страшно: сквозь клочкастую шерсть выступила пена, валил пар, а бока ходили ходуном.

Кто-то подал голос: «А коровенкам-то передых нужен, а!»

И тут над полем разнеслись стук колес и крик:

– Стойте! Э-гей! Стойте!

Сема оглянулся и увидел Воронка, который и на мягкой пахотной земле отмеривал чуть не двухсаженные шаги.

Доярки мигом обернулись, побросали упряжки и побежали навстречу таратайке, с которой, стоя и размахивая кепкой, кричал управляющий Иванов:

– Стойте!

С краю поля крики услышали дети, побежали обратно.

– Бабоньки! Родные! – управляющий шагнул с таратайки, почти упал на руки подскочившим женщинам: – Немец капитулировал. Победа!

– Господи! Дождались-таки святого дня! – рванул души вскрик тети Паши.

Женщины разом охнули, сцепились руками за плечи, да и завыли в один жуткий, цепенящий душу голос. Стоя над стерней колоколом, они так и опустились на землю, слились головами, не переставая выть. Подбежавшая ребятня стояла, затихнув, размазывая по щекам слезы, шмыгая носами... Поодаль от всех сидел на земле Иванов. Уткнувшись лицом в кепчонку, вздрагивал плечами. Возле него, отвернувшись от всех, вцепившись единственной рукой в свой лоб, стоял оцепенело дядь-Вася.

Наконец Иванов встал, вытер слезы с морщинистых щек, кашлянул.

– По совести, бабоньки, – сказал он, – можно седни и отдохнуть. Праздник пришел на нашу улицу...

Женщины затихли. И тут первой встала, отряхнула подол, тетя Паша.

– Оно, конечно... – выдохнула она. – Токо, думаю, солдаты ноне винтовки-то свои еще не бросили... И нам надо, что задумали... допахать. Так думаю... Хлеб, он и после победы нужон. Одних поранетых да покалеченных **сенок. Да и здоровые, почитай, на ногах не стоят! Пошли, бабоньки...**

Женщины стали подниматься. Утираясь кто платком, кто кулаком, спотыкаясь на неровной пашне, они пошли к плугам. Радость так придавила их, что они еле двигали ногами.

Хрен ему было такой народ одолеть, Гитлеру этому, скрипнул зубами дядь-Вася.

– Верно, бригадир, – откликнулся погодя Иванов.

– Дядя Иванов, – раздался вдруг голос Семы. – Ответьте меня в детдом.

– Ты кто таков? – насторожился управляющий, не заметивший сразу Сему.

– Сема он, – сказал дядь-Вася, – Помершей Марии Лубиной сын. А Вавилы, погибшего, – приемыш. Один совсем остался. Голодует...

– А-а, – нахмурился управляющий.

– Отвезите, – сказал опять Сема.

– Некогда счас, – кашлянул управляющий. – Как сев закончим...

– А мне исть нечего! – в голосе Семы теперь не было никакой просительности. Он весь подобрался, наскакивал.

– Гаврила Федотыч, – сказал дядь-Вася, – парень и впрямь гибнет.

– Я ж сказал, как сев закончим!

– А мне исть нечего! – чуть не зарычал Сема.

– Гаврила Федотыч, – загорелся дядь-Вася, – тут же верст пять, а? Я на Воронке мигом его оттартаю, а вы тут за меня бабами чуток покомандуете.

– Куда тебе с одной-то рукой на Воронке? Разнесет!

– Э-а, Гаврила Федотыч, я двумя руками Гитлера в волжскую землю вгонял. А одной-то с Воронком не управлюсь?

Дядь-Вася подхватил Сему, чуть ли не закинул его в таратайку, вскочил туда и сам, гикнул так, что вороной красавец аж прыгнул с места и пошел отмеривать сажень за саженью.

– Ты вот что... Семушка, – сказал дядь-Вася, усмехнувшись, – на управляющего-то сердце не держи. Для него, брат, посевная ой-ей-ей! Он на всю деревню всю войну, почитай, один мужик был. И пастух, и хозяин... Бабы с ног валятся... от усталости да от ливня похоронок... скот, как мухи, мрет от бескормицы, а спрос – с Иванова. Да какой спрос! Чуть не так – «вредитель»! И ему каждый день держать фасон надо, как петуху среди куриц... Больно, голодно, а он: «Ко-ко-ко!» Смекаешь?

– Угу, – прогудел Сема.

– А ить какой день сегодня! А? – радостно вскричал дядь-Вася. – Гитлера раздавили! А! Он ить думал, что пальцы нам пооткрутит. А мы те пальцы – в кулак! Да по шее его, да по морде! И вот те – победа!

А Воронок все отмахивал и отмахивал версты, и до детдома, до Семиной новой жизни, было уже рукой подать.

2. Сохраненные голоса фронтовиков

(С пленок радиопрограмм «Земляки» 1992-98 гг.)

**Абдуали Сыздыков,
пехотинец, военнопленный и зек:
«Мне и Сталин не помог!»**

«Автор. Когда мы переступили порог по-современному безыскусной крестьянской избы на окраине села Сартюбе, что в тридцати километрах от Караганды по каркаралинскому шоссе, нас, радиогруппу, еще до представления окружило – нет, обволокло! – всеми оттенками человеческого гостеприимства: хозяин принялся усаживать нас вокруг стола, хозяйка тут же раздула очаг, а четыре дочки ослепили белозубыми улыбками. К ним я и подступился со своим репортерским микрофоном:

– А скажите, как зовут ваших папу и маму?

– Абдуали Абдуалиевич и Полина Готфридовна.

– Значит, папа у вас казах, а мама немка? А вы кто по национальности?

– Казахи! – ответили девочки в один голос.

Абдуали Сыздыков прошел всю войну. И ой-ей-ей, как прошел! Несколько раз его пытались расстрелять фашисты, когда он попадал к ним в лапы. Потом был под дулами винтовок в советском концлагере.

Неустрашимый Абдуали всегда преданно любил Сталина, почитает, как ни удивительно, его и сейчас. Он видел Сталина в ноябре 41-го, когда проходил в шеренгах войск, а вождь с Мавзолея напутствовал их не посрамить славу русских полководцев Суворова и Кутузова, Нахимова и Александра Невского. Из лагеря Абдуали написал Сталину письмо, чтобы поверил: не изменял он Родине, не сдавался в плен. Но не откликнулся Сталин на письмо зека, как, наверное, и на миллионы других таких же писем, хотя старый житель Сартюбе и сейчас уверен: письмо до вождя не дошло...

Отмантулил он в концлагере, считай, от звонка до звонка, лишь за три месяца до окончания срока был освобожден. Работал в совхозах области и хоть немало страдался от немцев, женился на немке.

– Аксакал, – спрашиваю напрямик, – трудноато живется?

– Если наши пенсии сложить да разделить поровну, на платья всем дочкам не хватит! А я после детдома мечтал о лучшей жизни. И после голода 32-33 годов вроде бы пошло улучшение. Потом война случилась, совсем плохо было. Думали, вот после войны заживем... И правда, стали лучше жить. А тут... последние годы... войны нет, а трудно, будто она есть!

– Хозяйка ваша занята, не может в наш разговор вступить. Как вам живется с нею?

– Очень хорошо! Она на 22 года меня моложе, но своей молодостью не кичится. Если заболею, как с маленьким ребенком возится.

– Вы в свои 76 выглядите, как в 56...

– А это зависит от моей женщины! Мы с ней как будто сейчас сошлись – вот как живем!

– А как вы ее называете?

– Полиночка! – и Абдуали радостно, заразительно смеется...»

Несколько слов сегодня:

Сейчас я ничего не знаю о семье казаха и немки. Добраться до Сартюбе для меня, «заслуженного отдыхающего», проблема неразрешимая. Но через знакомых сельчан узнал, что воин-великомученик Абдуали Сыздыков несколько лет назад умер. Лишь пленка «Земляков» хранит для меня его голос. Вышла программа в эфир 18 февраля 1992 года, накануне праздника советских воинов.

**Евдокия Ярковая,
медсестра танковой роты:**

«И я крикнула: «Вперёд, гвардейцы, вперёд!»»

Год спустя «Земляки» вновь говорили о фронтовиках – на сей раз о трех лейтенантах Донского фронта, которых мы теперь именуем «сталинградцами»: Алексее Филипповиче Мелехине, Григории Владимировиче Неймане и Евдокии Павловне Ярковой. Сегодня из них жив только Григорий Владимирович, 14 января отметивший свое 80-летие. Ветеран держится – и еще как! – работает в райвоенкомате нештатным советником, а вот его товарищи ушли из жизни: Алексей Филиппович пять месяцев назад. Ветеран Нейман с болью сказал: «Полковник Милехин ушел из жизни с обидой: четыре года обивал он пороги разных акиматов, чтобы отремонтировали крышу на доме, где он жил. Тающие снега и дожди заливали его квартиру. И мы, ветераны, помогали ему, и военкомат – все попусту». А Евдокия Павловна Ярковая умерла полтора года назад.

Но их голоса хранит пленка «Земляков». Эта программа, кстати, 3 февраля 1993 года «грудью закрыла» дорогу на облрадио пресловутой забастовке на ТВ. Подробнее об этом вы прочтете в конце книги. А теперь – сохраненные голоса:

«Автор. Евдокия Павловна, самое запомнившееся событие из Сталинградской битвы, в котором вы участвовали или были свидетелем?

Ярковая. Нас подтянули к Бекетовке, наш 4-й сталинградский танковый корпус, как он тогда именовался. И вот ждем команду... Все по местам. Танкисты в танках, командиры на своих местах, и я, медсестра, на своем месте. Вдруг... значит, секунды оставались считанные... по рации кричит командир корпуса: «Щербина, Щербина!» А я думаю, он не меня, я тут при чем! «Щербина, ты что там, оглохла?» Я говорю: «Товарищ генерал, слушаю» «Принимай роту!» Я говорю: «Как – принимай роту?» –

«Приказ есть приказ! Командир роты убит, выполняй!» Шальная пуля попала в висок комроты, и он упал... Ну что? Я – на первый танк! Становлюсь, и только сигнал дали, смешалась земля с воздухом – и пыль, и дым, а я команду: «Вперед, гвардейцы, вперед!»

Автор: Я вспоминаю книгу «Четвертая высота», там медсестра Гуля Королева заменила командира пехотной роты. А чтобы медсестра заменяла командира танковой роты, ну-у...

Ярковая. Вот-вот! Мне до сих пор не верят, что так получилось! Сама не знаю, как получилось... Конечно, и мой танк подбили. Снаряд попал в передний люк, и экипаж полностью погиб. Вы не можете себе представить, что в танке было... Меня тоже шарахнуло... Теперь вот инвалид второй группы.

Автор. Вы сколько пробыли на фронте?

Ярковая. Все время за исключением трех месяцев и двадцати дней, когда в госпитале была. Вылечилась, догнала свою часть и дошла до Берлина. На рейхстаге мой санитар написал мою фамилию. Вот...»

Артиллерист Борис Сигал:

«Красную Звезду – за невыполнение приказа...»

Автор. На восьмой день войны солдат Сигал оказался в бою. А через два месяца был ранен. Потом – еще четыре ранения, четыре ордена и медали.

Сигал. Самое большое впечатление – от самого тяжелого боя. Это было на реке Воксе, в первые годы войны, когда несколько крупных подразделений нашей армии не могли взять высоту, именуемую на карте «Огурец». После нескольких поражений при взятии этой высоты наша дивизия заняла позиции в предгорье, и начался бой. Наша пехота продвигалась с трудом, а моя батарея вела огонь по огневым точкам противника. Но случилось так, что... я не выполнил приказа и не стал вести

огонь. Дело в том, что высота, находящаяся к нам под углом, рикошетировала осколки наших снарядов в ту и другую сторону. Когда об этом узнали командир полка и командир дивизии, мне все-таки отдали приказ: «Стрелять!» Но я... наотрез отказался. После боя, естественно, был вызван куда надо... Но, разобравшись, командиры не наказали, а даже наградили меня орденом «Красной Звезды».

Автор. Борис Абрамович, а где вы закончили войну?

Сигал. В марте 45-го года у балтийских причалов один из снарядов танка попал в дом, где стояла моя пушка, осколком пробило каску, подшлемник и... череп. Победу я встречал в Москве, в госпитале.

Автор. Вот вы положили передо мной самые дорогие реликвии – фронтовые письма, солдатские треугольники. Расскажите о них...

Сигал. Я прочитаю письмо отца, в котором он, как мог, описал единение тыла и фронта.

*Боренька, милый, сыночек ты мой,
Будь на фронте всегда герой.
Бей немецко-фашистского гада.
Сообщаю тебе, дорогой мой сынок:
Мы делаем все, что надо,
Выполняем, что нужно, в срок.
Подписались мы все
на военный заём,
Твоя семья – мы все втроем.
Мы фронту еще поможем,
сделаем все, что сможем!*

А вот мое письмо. Мама сохранила все письма...

*Родная мать! Твое письмо родное
Мне принесли вчера.
Но лишь сейчас
На берегу речушки после боя
Его прочесть сумел я в первый раз.*

*Я тобой горжусь, моя родная,
Твой гнев к врагу мне хорошо знаком.
Вы там, в тылу, а я на фронте знаю,
За что дерусь безжалостно с врагом.
А обо мне, прошу тебя, мамаша,
Ты не болей ни сердцем, ни душой,
Вернись домой в семью большую нашу –
На весь наш дом закаты пир большой.
Спасибо за письмо,
за нежность, ласку.
Послание мое заканчивать спешу:
Идет обстрел, надеть придется каску,
А я на ней ответ тебе пишу».*

Необходимый сегодняшний комментарий

Какими бы ветхими не выглядели сегодня фронтовые письма, каким бы стилем и слогом не были написаны, у нынешнего читателя, если он не безмозглый чурбан, они могут вызвать лишь чувство душевной боли за судьбу их авторов – наших героев-предков – и глубокую благодарность им за то, что они во имя нас «пол-Европы попластунски пропахали» и сломали хребет фашизму.

Борис Абрамович Сигал в послевоенные годы стал первейшим стоматологом Караганды, а уже после перехода на пенсию вместе с супругой уехал вслед за сыновьями в Израиль, где и умер.

Запись беседы с ним для «Земляков» была сделана 23 февраля 1995 года.

Зенитчик Павел Кунин:

«Чей самолет я сбил?»

«Кунин. На фронт я попал наводчиком зенитных пулеметов. Нас посадили на баржу с названием «Самарка», и ночью отправились мы в дорожку дальнюю. От Астра-

хани начинали свой путь, и нужно было нам к Сталинграду попасть.

День прошел ничего. Ночью нас стали бомбить. Мы не знаем, куда деваться. Разломали еще на берегу туалет и каждый запасся доской, чтобы, если разбомбит, было за что держаться на воде. Да еще наш «дядя Вася», шкипер, сказал нам: «Ребята, понюхайте, что везете!» Мы понюхали: бензин! Говорит: «Здесь 12.000 тонн. Если нас разбомбит, то... на многие десятки метров вокруг ничего не останется! Вас не спасет и бревно. Поэтому нужно стрелять. Стрелять и стрелять! Немец тоже человек, он боится, что в него попадут!».

Автор. А самое знаменитое ваше дело, когда вы сбили мощный немецкий бомбардировщик?

Кунин. Это было 5 мая 1944 года под станцией Славенная. На нее обрушилось 300 самолетов. Бомбили страшно, все там горело. Потом фашисты улетели, мы легли спать. Все спокойно – отбой... А я как раз дежурил у своего ДШК. И вдруг слышу: на бреющем летит самолет. Чей он есть, я не знаю. Буквально глыбой на меня валит! Я открыл огонь. 32 снаряда выпустил! Вдруг вижу: искорка какая-то... Я даже не понял, что это такое. Он полетел мимо меня, и я увидел, что у него задымился хвост. И он километра за два, за три где-то упал... а здесь уже, когда я стрелял, все вскочили: «Что такое? Кунин сражается! С кем?» Тут оказался и командир полка. «Чей самолет?» – спрашивает. А я и не знаю, как сказать. Был-то он без опознавательных знаков, вернее, я их не видел

Стало светать... И мы направились к тому месту, где он упал. Командир взвода, командир полка и я. Я думаю: «Господи! Чей же все-таки самолет?» Если наш, то мне капут будет! Вдруг вижу: фашистский знак в стороне валется!.. Я перекрестился: слава Богу, я живой!

Автор. Павел Семенович, вам, наверное, и награду дали за этот самолет?

Кунин. Вот-вот, когда мы подошли к самолету, а там три фрица сгоревших... Командир полка и говорит: «Сол-

дат! Ты будешь представлен к награде!» И... спустя, наконец, год, мы были уже в Германии, вдруг выстраивают нас и вручают мне орден «Красной Звезды»!

Автор. Ну, прямо как в «Балладе о солдате»! Там связист со страху два танка подбил, а вы со страху такой самолет угрохали?

Кунин. Да-а, на фронте чего не бывает!

Автор. Прочертите, Павел Семенович, свой фронтовой путь.

Кунин. От Сталинграда через Белоруссию и Польшу до Одера. 2 мая я был в Берлине.

Автор. Нескромный вопрос: пенсию какую вам сейчас государство платит?

Кунин. 5200... Это, конечно, мизер.

Автор. Прасковья Максимовна, а у вас какая пенсия?

Кунина. 2600. ... Говорят, что надо было лучше работать...»

Сегодняшний комментарий

Радиопрограмма «Земляки» о П. С. Кунине вышла в эфир в 1998 году. Но главными в ней были не его военные подвиги, а уникальные творческие успехи. Карагандинский фотомастер своими потрясающими *фотополотнами* покориł организаторов *четырёхсот* международных и всесоюзных конкурсов, так что они вручили ему более сотни дипломов и медалей!

А вскоре Павла Семеновича не стало. Карагандинские фотохудожники потеряли чуткого друга и настоящего учителя.

А мы с вами – Мастера художественного фото, Певца человеческой души.

**Участник двух Парадов Победы,
разведчик Степан Косенко:**

«Нас осталось лишь тринадцать...»

Автор. Передо мною – седой человек с тремя «майорскими» звездами в петлицах мундира работника юстиции. Это значит – старший советник юстиции. И рассказывает, что сразу после войны и после вуза ступил на стезю защиты правопорядка. Работал в Дзезказгане, был председателем городского суда в Темиртау. Потом 20 лет трудился в областной прокуратуре. Сейчас, будучи в отставке, является главным консультантом областного управления юстиции. В 72 года человек продолжает работать, человек, прошедший четыре года войны!

Степан Григорьевич, несколько слов для «анкеты».

Косенко. Родился 1 января 1922 года в Кустанайской области, в селе Сорочинское. Там и школу кончал. А в начале 41-го мы переехали на Украину.

Автор. Начинали вы жизнь казахстанцем, а войну встречали украинцем?

Косенко. Да! Отец тоже участник боев, инвалид первой группы. Умер сразу после войны. Мать умерла в 82-м году. У меня есть жена, две дочери и сын.

Автор. До сих пор я говорил с ветераном труда, но работающим. А сейчас буду говорить с *воином*. Степан Григорьевич, Вы мне дали прочитать статью о Вас, которая была опубликована в 85-м году, 8 мая, в газете «Казахстанская правда». Прочитал я ее, и мне показалось, что Вы – герой... многих популярных советских песен. Давайте как бы пройдемся по ним. Слышите, что звучит?

Нас оставалось только трое

Из восемнадцати ребят...

Косенко. Это было под Москвой. И, наверное, первый бой... не только для меня, но для всех тех курсантов, которые пали тогда и которые остались в живых... их осталось всего тринадцать человек... ну самый трудный бой! Много после этого было боев! И страшные. И более страшные... ведь мне пришлось, что называется, прополз-

ти по-пластунски от Москвы, от Подмосковья, до Пардубиц в Чехословакии.

Автор. Какие столицы на Вашей груди?

Косенко. Столицы в медалях – «За оборону Москвы»... за Будапешт, за Прагу, за Варшаву...*(ветеран говорит, а уже звучит песня):*

И на груди его светилась

Медаль за город Будапешт...

Автор. Степан Григорьевич Косенко награжден шестью боевыми орденами. Тут вот на фотографии он красивый такой, улыбающийся. Наверное, 8 мая несколько лет назад, да? («8 мая 1985 года»). Я вижу два ордена Отечественной войны, два ордена «Красной Звезды»ыыы, самый главный военный орден, насколько я понимаю, – орден Боевого Красного Знамени, орден Славы и медаль «За отвагу», которую, говорят, можно приравнять к любому ордену, поскольку Степан Григорьевич был офицером, да?

Косенко. Я был всю войну курсантом! Старшим сержантом. Как попал – и все! Некогда было учиться. После ранения – снова в часть, и снова – бой! Но командовать мне приходилось и отделением разведки, и взводом разведки.

Автор. Какой из этих орденов... за какой подвиг Вы получили?

Косенко. Начну с медали «За отвагу», с самой первой. Самая почетная и, я считаю, самая высокая... *(фоном звучит песня «На безымянной высоте»):*

Кто хоть однажды видел это,

Тот не забудет никогда,

Я вам сказал, что в бой нас бросили курсантами *(глубоко вздыхает)*... Окопались мы в ожидании атаки... Немцы начали артиллерийский обстрел. И после этого пошли танки... Причем безжалостно... где ребята были неглубоко окопаны... просто гусеницами утюжили... Жестокый бой был! Медаль «За отвагу» за него я получил... в феврале 42-го.

*Ты помнишь, друг, как мы с тобой
От этих стен шли прямо в бой
И возвратиться обещали,
Когда вернем себе покой.*

Автор. Степан Григорьевич, я долго выбирал, кого же из живущих фронтовиков взять для этой передачи. Но пришел один товарищ из районного совета ветеранов, Габике Сабралиев, и сказал, что очень хорошо помнит события и хорошо о них рассказывает и, главное, чувствует себя хорошо Степан Григорьевич Косенко. А самое главное, он участник Парада Победы, причем не одного Парада, а двух. Участник Парадов Победы в 45-м году и в 85-м!..

*И вот над площадью звенят
Ветра высоких звуков марша!
И к ним вошла Победа наша
Парадной поступью солдат!*

Скажите, как он для Вас прозвучал, победный сигнал? Как вы узнали, что Победа уже есть?

Косенко. Мы шли в наступление. На марше были... И вдруг впереди... вероятно, получили сообщение – стрельба! Пулеметная, автоматная, ружейная. Первоначально, помню, растерялись мы. Полагали, что попали в засаду. А потом сообщили, что... Победа! Я сразу даже не поверил в это. Уж слишком много пришлось... Стреляли все! Стрелял я тоже, из автомата. Да даже больше: некоторые артиллеристы, развернув свое оружие, выстрелы... в Карпаты произвели!.. От радости...

Автор. Теперь давайте вспомним тот первый Парад Победы.

*Ты слышишь, друг, шаги звенят,
Шаги сегодняшних солдат,
Таких, как были мы когда-то –
Не так уж много лет назад...*

Косенко. Это был парад-гигант! Парад ликования. Парад слез. Парад салютов. Ну, что, Владимир Иванович, сказать...

Автор. Парад облегченного вздоха, наверное?

Косенко. И Парад Облегченного Вздоха! Да!

*И майский ветер над землей
Разносит эхом звуки марша!
Идут сыны и внуки наши,
И рядом с ними мы с тобой...*

В 85-м году тоже был Парад. Но далеко не все были те участники. Нас человек 250 собрали... Всего! Всего оставшихся в живых. Из Караганды мы выехали втроем: я, Сулейменов и Покотилов. Прибыли в Алма-Ату, там еще собрали группу, и группа из двенадцати человек вылетела в Москву. Из других регионов тоже прибыли... И мы этим батальоном возглавляли Парад 9 мая 85-го года в честь 40-й годовщины Победы. На 50-летие, наверное, не наберется и сотни...

*И пусть уйдем мы в тишину,
Но ты не дай забыть, планета,
Все, кто забыть мечтает это,
Парад Победы в ту весну!*

Автор. Что Вы чувствовали во время этого Парада?

Косенко. То же чувство – радости. То же чувство – сопереживания. За погибших 27 миллионов... Но не было того, что было в 45-м году 24 июня... Был горестный вздох: сколько нас мало осталось!

Автор. Степан Григорьевич, что Вы думаете о сегодняшнем дне?

Косенко. Я не думаю, а переживаю больше! Бывают ночи совершенно бессонные. Начинаешь анализировать, что было, что есть... Мы все были равны. Мы дорожили друг другом. Мы не знали, кто из нас какой национальности. Мы были – солдаты. Мы ели кашу из одного котелка. Мы были – братья, друзья. И горестно сознавать, что сейчас творится! Те же горячие точки, те же...

Автор. Как крикнул один погибающий летчик: «Будем жить!»?

Косенко. Будем жить!»

Сегодняшний комментарий

Программа «Земляки» рассказала о Степане Григорьевиче Косенко 22 февраля 1994 года. А недавно мне

удалось найти ветерана. Он по-прежнему живет на улице Московской. В свои 82 года бодр, хотя и не совсем, естественно, здоров. Но жалуется только на прогрессирующую потерю слуха.

**Связист дивизиона «катюш» Степан Ушков:
о нем «Землякам» рассказала его вдова.**

Почтовый мост Минск–Караганда

«Автор. Сегодняшние «Земляки» о том, как люди хранят память о бывших защитниках Родины.

Позвонила мне Н. А. Яворская и сказала, что живет в одном доме с нею вдова и хранит она богатейший архив своего мужа-фронтовика Степана Ильича Ушкова. А зовут ее Тамара Захаровна Ушкова. Нэлли Александровна, вы как-то уж очень хорошо объяснили, почему решили нам позвонить.

Яворская. Я сама имею отношение к войне – я блокадница. И мы очень хорошо сошлись с Тамарой. А когда увидела эти материалы и узнала, что человек, мобилизованный в 18 лет, во время боев вел дневники, зарисовывал виденное, я решила, что это нужно донести до людей, до слушателей.

Автор. Спасибо! А сейчас об обстановке вокруг меня. Передо мной разложено столько документов, что... – это и фотографии, и письма, и карты, это книги, это альбом... Ну, помните, мы в юности любили песни записывать на память, полюбившиеся стихи или высказывания? Даже не альбом и... тетрадь не тетрадь, может, амбарная книга, в которую солдат записывал что-то свое, любимое... Вот чьи-то стихи, записанные 15 февраля 45-го года, дальше тут текст песни «Не тревожь ты меня, не тревожь». Все это очень аккуратно, снабжается интересными рисуночками, которые солдат делал всю войну – от 41-го до 45-го... А у Нэлли Александровны в руках дневник – мы позже к нему вернемся. А вот солидная книга Алексея Васильевича Рязанова, генерал-

майора, «Гвардейские залпы 310-го и наша память». Здесь вот «Карта боевого пути 310-го Бежицкого гвардейского минометного полка» – от Сталинграда и до... туда далеко, через всю Белоруссию. Генерал Рязанов после войны взял на себя высокую миссию – узнать судьбу всех своих подчиненных и рассказать обо всем... Очень волнующие письма присылает Алексей Васильевич теперь уже Тамаре Захаровне, которая стала вдовой солдата. Вот отрывочки из последнего письма, пришедшего прямо сегодня из Минска:

«Дорогие Тамара Захаровна, ваши дети и внучата, здравствуйте!

Горячо поздравляю вас, родных, с Первомаем и приближающимся светлым праздником – днем великой Победы!..»

В каждом письме, а я их просмотрел много, Алексей Васильевич пишет такое: «К большой печали сообщаю, что не дожили до годовщины Победы еще трое мужественных однополчан, прекрасных тружеников...» И перечисляет поименно: кто умер от инфаркта, кто от инсульта в Москве, в Омске, Минске...

Вот фотографии интересные: полк собирался в том составе, в каком мог, и в 82-м году, и в 83-м, в 86-м. Ветераны тут – при орденах и... тросточках, седые, мужественные... Здесь нет Степана Ушкова, того, о ком мы сегодня говорим. Тамара Захаровна, тогда вашего мужа еще не отыскивали однополчане?

Ушкова. Один сослуживец, с которым он переписывался, живет в Перми. И вот на встрече в Брянске Рязанов его спрашивает: «Где Ушков?» Тот ответил, что Ушков живет в Казахстане, и дал адрес. Так началась переписка. Нам приходили вызовы на все встречи. Но, к сожалению, как только Степан узнал о встрече, с ним случился инфаркт... «Скорая» увезла в больницу и – строгий постельный режим.

Рязанов прислал к нам товарища из Челябинской области, которой именно со Степой воевал. Товарищ приехал и десять дней возле Степы находился... Думали, что встанет он на ноги... Но болезнь прогрессировала. Расстались они, но через год Николай Петрович Пермиков снова посетил нас: Рязанов попросил. Две недели он был у нас. Потом мне говорит: «Тамара Захаровна, Степан Ильич, наверное,

уже не поднимется...» Попрощались они, а он говорит: «Я и третий раз приеду!» Но не суждено ему было приехать – у самого случился инсульт... А Степа: «Что ж ты теперь напишешь генералу?» Я все и описала. С тех пор у нас не прекращается переписка, хотя Степана Ильича давно нет.

Автор. Своеобразный почтовый мост... А Степан Ильич, как я понял, так на встречи полка и не попал?

Ушкова. Узнал о встречах – первый инфаркт. Приехал друг – второй...

Автор. О благородной миссии генерала Рязанова мы поговорили. А вот второй хранитель памяти солдата – соседка Нэлли Александровна, которая пригласила меня сюда и эти документы любовно изучила, как свои собственные. Я не могу прочесть дневники Степана Ильича, трудно разобрать; Нэлли Александровна, пожалуйста ...

Яворская. Дневник довольно обширный. Очевидно он писал, когда впервые попал на фронт. Что видел, что его поразило... Вот небольшой отрывок:

«Позади осталась Москва. Мечты сбываются! Хотелось бы побыстрее попасть на фронт. Едем хорошо. Следов боев не много: воронки от бомб, брошенные немецкие самолеты. Затем все больше и больше видны следы боев. Кругом, куда ни глянешь, все пусто. Торчат одни трубы, развалины. О том, что тут было село или деревня, напоминают только разрушения. И ни единой души человеческой! Черная земля, почерневшая... А вот изредка стали попадаться на дороге ноги, головы, туловища. Все больше и больше! Это лежат немцы. Убитые немцы! Они шли сюда, чтобы стать хозяевами этой земли, и действительно стали хозяевами – мы им отвели по два метра каждому!»

Автор. У солдатика явно просматривается писательский слог...

Яворская. Тут есть описание боя, в котором участвовал впервые Степан:

«Июль-август 42-го года. Получив подкрепление, немцы снова зашевелились. Начали готовиться к наступлению на небольшом участке в районе Белий. И утром, в четыре часа, пошли... Я здесь получил первое боевое крещение. Сначала обрабатывали передний край, затем появились их

танки. Самолеты беспрерывно шли на нас. Пришлось тошновато... Первый ведь раз!

Мы пока молчали. Ждали нашей артиллерии. Наконец, она заговорила! Какая радость!»

Автор. Колоритная картинка! А вот исглевший от времени документ:

«За нашу Советскую Родину!

Дорогой товарищ, гвардии сержант Степан Ильич Ушков!

Верховный главнокомандующий генералиссимус Советского Союза товарищ Сталин в своем приказе от 23 августа 1945 года за № 372 объявил вам за отличные боевые действия в войне против империалистической Японии благодарность. Поздравляю вас с высокой похвалой и желаю дальнейших успехов в борьбе за укрепление могущества и процветание нашей Советской Родины»...

Вот еще один ветхий лист, 95-го года: список документов Ушкова С. И. на предмет установления инвалидности в связи с получением ранения в период Великой Отечественной войны... А вы мне сказали, что пенсию он получал не как инвалид войны, а как заболевший человек.

Ушкова. Да, как заболевший человек.

Автор. С чьего этого такого понимания? Я сейчас открою ту страницу книги генерала Рязанова, где он как раз об этом пишет. Вот: «старший радист Ушков Степан Ильич был ранен осколком в голову, но продолжал выполнять боевую задачу...»

Ушкова. Он все время жаловался на головную боль, и я решила его проверить. Смотрю: на голове у него вмятина... И давление подскакивает – гипертонию получил. Надо, наверное, встать на учет. А в поликлинике сказали, что для этого надо предъявить документ из госпиталя. Но выехать в поисках этого документа было невозможно. Пришлось мне поехать к военному прокурору, и он дал направление в ту же поликлинику, да еще и возмутился: чего это они мудрят! Пошла я вновь к заведующей поликлиникой. А она говорит: пошлем вас на военную экспертизу в Алма-Ату. И только из военной экспертизы Алма-Аты прислали указание, чтобы его немедленно поставили на учет как инвалида войны первой группы...

Автор. Ну, крючковторы! Их бы самих под пули да осколки! А в каком же году это было?

Ушкова. Это было в 95-м году.

Автор. И Степан Ильич сорок лет не признавался инвалидом войны! («Да! Да!») Сорок лет, ждал, чтобы его какой-то бюрократ признал инвалидом!

Ушкова. Потом пришла комиссия к нам домой – хирург, терапевт. Ну, что ж, говорят, человека просмотрели!

Автор. А дожил он до дней, когда инвалидам льготы фронтовые пошли?

Ушкова. Никаких льгот! Обещали перед Днем Победы сделать ремонт в квартире, а он уже лежал, так все эти побелки-покраски при нем делали. Чтоб не мучить, мы его из комнаты в комнату переносили.

Автор. Говорят про память о фронтовиках: «Это нужно не мертвым, это надо живым!» А как мы относимся к памяти и к самим этим людям, кому обязаны безмерно, говорит история болезни гвардии сержанта Степана Ушкова. Бесчеловечная история!

Сегодняшний комментарий:

Программа «Земляки» о хранителях солдатской памяти прозвучала 12 мая 1998 года. И семь лет я ничего не знаю об ее участниках. Наши телефончики, непрерывно меняя нам номера, выбили у меня возможность найти сегодня Т.З. Ушкову и Н.А. Яворскую. А проблема бездушного отношения к ветеранам, о которой мы говорили, не исчезла. Может быть, чуточку притупилась.

(Аудиопленки расшифрованы 19 ноября 2004 года, комментарии – в декабре 2004 года).

ЕВНЕЮ БУКЕТОВУ НЫНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 80

**«Букетов прикоснулся
к вечности и бессмертию!» (В. П. Малышев)**

Наш Евней как Антей

Это раньше на Евнея Арстановича «накатывали», а сейчас – сплошной восторг. Мой коллега В. М-й как-то писал в журнале «Простор»: «Я давно много знаю о Евнее Букетове».

Невероятное сообщение. Так вообще не говорят. Как нельзя сказать, если вы мало-мальски грамотны: «я недавно мало знаю», так и нельзя сказать: «я давно много знаю».

А преподаватель КарГУ М. Т-в в «Индустриалке» в статье о Букетове, которому был подчиненным, восторженно называет шефа «отличным руководителем», «глубоким ученым» и «интересным писателем».

На мой взгляд, наклеивание громких эпитетов даже оскорбительно для человека, которого знали не только в Казахстане, но и в СССР. Лучше бы сказать о том, как он влиял на судьбы и характеры подчиненных, коллег, близких людей, что осталось у них от общения с ним, а не навешивать комплименты.

Признаюсь, для меня образцом в жизни, идеалом, являются три казаха: поэт Сулейменов, художник Куюков

и ученый Букетов. («Великого Шкипера» не беру в расчет, ибо сказано: «не поминай всуе имя Господне».)

Олжас Сулейменов для меня – былинно-мощная фигура, обладающая к тому же природным даром сродни чрево вещанию или горловому пению. Он неподражаемо *слышит* русское Слово! И знает ему место в любых текстах.

Карипбек Куюков – на зависть мужественный человек. Родившись близ Семипалатинского полигона, он уже в чреве матери был зачат безруким, но не впал в ужас от своего ужасного положения, напротив, стал художником и борцом против *атома*. Ситуации, когда человеку без рук *никуда*, не повергают Карипбека в истерику – он, как ни в чем не бывало, улыбается и все делает сам. Улыбка его еще найдет отражение у людей, как «улыбка Жени Урбанского» по метафоре Евг. Евтушенко.

Ученый и писатель Евней Букетов вызывает во мне безоговорочную симпатию и восхищение. Не говоря даже о его заслугах перед мировой наукой, достаточно взгляда на его внешность: импозантная, величественная фигура, породистое лицо (и как могло родиться такое лицо у потомка казахских скотоводов!), умнейший добрый взгляд.

Мне не довелось встречаться с Евнеем Арстановичем (только осваивался тогда в Караганде после приезда с Алтая), не приходилось перечитывать его книг (давненько не хватает сил посещать общественные библиотеки), но, общаясь с карагандинскими учеными – В. Малышевым, А. Акбердиным, И. Кирилусом, – я словно дышу воздухом Букетова, приобщаюсь к его взглядам на жизнь. В своих публикациях (газета «Республика-2000» и альманах «Алтай», 2001 г.) ратовал даже за то, чтобы один из районов Караганды получил имя Букетова. Тот, например, где жил академик, где действуют его ХМИ и КарГУ.

Словом, одним из самых знаковых явлений в моей жизни считаю *приобщение к памяти* Евнея Арстановича.

В моей фонотеке хранится кассета под № 2 – «Слово о Евнее Букетове». (Программа «Земляки» под № 1 была, кстати, о Куюкове.)

В ноябре 93-го года пришел ко мне профессор химии Иван Владимирович Кирилус и решительно заявил:

– Нельзя мириться, Владимир Иванович, с тем, что героем ваших «Земляков» до сих пор не стал Евней Арстанович Букетов!

– Но ведь он умер, а «Земляки» – о живущих карагандинцах, – возразил я, на что настойчивый профессор немедленно парировал:

– Академик Букетов долго еще будет жить в исследованиях его учеников-продолжателей! Наконец, ваша программа станет... передачей-мемориалом.

Две серии программы «Земляки» под общим названием «Слово о Евнее Букетове» вышли в эфир 7 и 14 декабря 1993 года, в дни 10-летия со дня смерти нашего выдающегося земляка

Далее мне, вероятно, следует публицистическим языком передать читателю содержание «Слова...», подчеркнув наиболее значимые его места. Но я сделаю по-другому: почти полностью предложу вам стенограмму «Земляков» о Букетове, ибо это – документ 11-летней давности и, следовательно, к нему надо относиться бережно, с почтением. Итак, переводим звуки в буквы!

«Автор. Больше всего я, наверное, боялся именно этой темы – слово о Евнее Букетове. Почему? На мой непросвещенный взгляд, это самая крупная фигура в истории Карагандинской области. Почти четверть века работы ученого, руководителя ученых, писателя, просто гражданина описана и показана так широко и тщательно, что, конечно, даже схематично ее невозможно вместить в 25-минутную радиопрограмму. Шутка в деле: академик, профессор, автор сотен научных трудов, изобретатель, практик-руководитель, плюс писатель и переводчик выдающихся авторов – Шекспира, Золя, Маяковского!

Мой микрофон – в одном из зданий КарГУ, в музее Букетова. Напротив – плакат с автографом Евнея Арстановича и его словами: *«Я не знаю, что будет после меня,*

но если хоть одно зерно, посеянное мною, даст плоды, я буду считать себя счастливым человеком!»

Эту мысль я и хочу положить в основу нашей программы. А в разговоре примут участие младший брат академика, он же директор музея, Камзабай Арстанович Букетов, профессор Виталий Павлович Малышев, профессор Иван Владимирович Кириллос. Каждый из них в отдельности смело может быть певцом жизни Евнея Букетова.

Итак: что дали «зерна», посеянные писателем и академиком?

Кириллос. Он любил свой народ. Он так и говорил: «Мой народ». Он говорил: «Я – потомок скотоводов. Мой отец, дед, прадед – все были скотоводами. Я горжусь этим! Это люди труда!». А ведь он сам был ученым широчайшего профиля и ученым оставался в каждой области, будь то металлургия, химия. О литературе говорите? Он и там был исследователем. Переводчиком? Он и там подходил к делу как ученый. И еще: он сам учился всю жизнь, до последних дней, и очень строго относился к этому.

Малышев. Мне очень знаком этот кабинет. Приходилось много раз бывать здесь... Меня как-то поразили старые книжки на столе. Я взял, а это были книжки пушкинского «Современника». Оказалось, эти журналы находились у него в проработке. Он интереснейшие из них извлечения делал... И сейчас вашу тему «зерен» я воспринимаю, как будто Евней Арстанович одновременно был и зерном, и почвой, на которой взойдет это зерно. А главное, он был проводником культуры между прошлым и настоящим временем. Вспоминается гамлетовское: «распалась связь времен». Мне кажется, с уходом Евнея Арстановича у нас тоже распалась связь времен. Мы стали слишком «современными» без него. Мы оторвались от того, что связывает людей во времени и пространстве. И между собой. Об этом говорит маленькая деталь: книжки пушкинского «Современника» на столе современного ученого.

Автор. Эта деталь очень греет душу. Сейчас некоторые забияки начали отмахиваться от Пушкина. И если Евней Арстанович возвращался на полтора века назад и к

сегодняшнему дню примерял прошлое, это большая наука нам.

К. Букетов. Если речь зашла о Пушкине... Я недавно в его архиве нашел переписку с известным алмаатинским критиком – сначала резкое такое письмо, потом – помягче. Оказывается, Евней Арстанович как-то написал статью «Пушкин и Маяковский». А журнал «Простор», где работал этот критик, отделался отпиской. Евней Арстанович дал им решительный отпор. Это подчеркивает его характер, настойчивость.

Что касается его личной жизни, то вы, товарищи, видели, как его, где бы он ни был, облепляли маленькие дети. Там и племянники были, и родные дети, и соседские дети. Он любил детей. И любил своих родных. Он был советчиком в семье, он был нашим кумиром... Здесь в музее вывешена наша домашняя стенгазета, и в ней есть эпиграммы, шутки, написанные им. У кого какой характер, кому какие пожелания...

Автор. Леденящий душу факт: в 1995 году Евнею Арстановичу Букетову исполнилось бы 70 лет, а его уже больше десяти лет с нами нет. В 58 лет ушел из жизни нужнейший миру человек. Давайте обменяемся информацией, почему это случилось. Вот проработал он 12 лет директором ХМИ, затем был ректором КарГУ и вдруг – завлабораторией того самого ХМИ, где был директором. Почему? Что такое случилось с Букетовым? Помню, в 83-м году поднялся шум, и Букетов стал и плохим писателем, и не таким ученым...

Мальшев. Мне кажется, это были последние отголоски 30-х годов и первые симптомы сегодняшнего времени.

К. Букетов. Что получилось... Когда его освободили от должности ректора КарГУ, в официальных документах значилось – «по собственному заявлению». А дело было в том, что в Академии наук предстояли выборы президента. И хотя среди кандидатов на этот пост значился Евней Букетов, однако он сам об этом не заявлял, ни к кому по этому поводу не ходил. Однако кому-то понадобилось раздуть идею, что он всеми способами рвется к креслу

президента Академии. Появилась та самая злобная статья в «Ленинской смене», что делами университета он не занимается, только пишет, пишет. И она стала толчком к его освобождению. Это, конечно, ускорило его смерть.

Автор. Я – к профессору Кирилюсу. Иван Владимирович, вы всегда высказываетесь четко, мыслите остро, резко и оригинально. Как на ваш взгляд (а вы в то время работали с Букетовым)...

Кирилюс. Я всегда был его заместителем, мы были друзьями...

Автор. Не явилось ли волевое сбрасывание Букетова с постов причиной преждевременной его смерти? В 58 лет ушел молодой, крепкий человек!

Малышев. Я, извините, помогу Ивану Владимировичу. Дело в том, что Евней Арстанович не был бы Букетовым, если бы не принимал близко к сердцу всего, что происходит. А у него сердце начало болеть еще в 65-м году, насколько мне известно, и он частенько бывал в больницах. Это потому, что он все через сердце свое пропускал.

Кирилюс. Я что хочу сказать? Стиль работы «номенклатуры» был такой, что шло назначенчество сверху. Даже на выборных должностях. И это назначенчество не всегда сопровождалось выдвижением умных, талантливых людей снизу. Он-то как раз поднимался снизу. Мы, его современники, его друзья, мы чувствовали и воспринимали его приоритет.

Малышев. Его превосходство, в лучшем смысле этого слова!

Кирилюс. И если мы это понимали, то в «номенклатуре» считали, что им ни к чему такая конкуренция. Она им была не по нутру! Именно это было основным мотивом, по которому его не ввели в высшие эшелоны. Более того, его резко поставили на место. В низы! Хотя в науке он остался величиной высшего порядка, не только в нашей области и Республике – далеко за пределами! Выдающиеся ученые России и зарубежья признавали его авторитет.

Малышев. Владимир Иванович, вас интересуют детали? Я даже сейчас разулыбался, как вспомнил одну деталь. Мы по случаю его круглой даты сочиняли альбом, там были аппликации, и все такое... И ему больше всего понравилось вырезка: откуда-то сверху тянется рука с золотыми запонками и передвигает шахматную пешку. Он сразу узнал себя и заразительно смеялся.

Автор. К словам Ивана Владимировича о международном значении деяний академика я хочу добавить: труды Букетова использовались в США и Канаде, ФРГ, Финляндии, Швеции, Австралии и т. д. Еще вопрос к брату: когда случилось низвержение, как это переживал Евней Арстанович? Повлияло ли это на приближение...

К. Букетов. Очень даже повлияло! Хотя Евней Арстанович никогда никому это не говорил. Но здорово переживал... Когда встретились, он протянул мне руку: «Поздравь безработного академика!»

Автор. Какие же «зерна», поскольку здесь два ученых – химик и металлург, – какие научные плоды дали зерна, посеянные Букетовым?

Малышев. Самый большой плод его, не в обиду сказано университету, это все-таки Химико-металлургический институт. Его родной, с которым он сросся. У нас, вы знаете, есть барельеф, подчеркивающий его имя и его вклад. Этот институт сейчас – базовый, и не только в Караганде. В Казахстане, скажем, он ответственен за черную металлургию, которой огромное внимание уделял Евней Арстанович Букетов. Могу, в частности, обратить внимание на вашу, Владимир Иванович, недавнюю программу «Земляки» о ферромарганце. Да за все эти дела он брался первым! И вот его плоды. Это именно он почувствовал реалистичность и нужность этого дела. И то, что мы сейчас видим, то, что сейчас в институте много докторов наук, это или прямые его ученики, или относящиеся к «школе Букетова». То есть самое главное, сейчас при всей критической ситуации вокруг науки наш ХМИ – и академический институт, и институт, входящий в национальный на-

учный центр по комплексной переработке минерального сырья.

(На несколько секунд я «остановлю» пленку радиопрограммы «Земляки», чтобы добавить одну деталь к истории ХМИ и характеру Е. А. Букетова. Об этом просил меня один из «птенцов гнезда Евнеева» – профессор Александр Абдуллович Акбердин.

«В те дни, когда травили Букетова, скидывали его со всех высот, нечто подобное делали и со мной, – рассказал Акбердин. – Чтобы убрать меня с должности завлабораторией чугуна, намеревались даже закрыть саму лабораторию. Мы с коллегами метались в поисках выхода. И вдруг приходит к нам Евней Арстанович и говорит:

– Как академик, я имею право без конкурса занять должность заведующего лабораторией. Как смотришь, если я вместо тебя возглавлю лабораторию?

Так и случилось. Но не все тогда догадались, что, подставив себя, Евней Арстанович на самом деле спасал меня. Это еще один яркий пример того, что он был Человеком Поступка!»

Удачный пример для разговора! Теперь можем дальше «крутить радио»).

Малышев. Институт остается базовым, он не способен деградировать, потому что в нем заряд букетовской энергии, которую он передал ему. Несмотря на всю драматичность его жизни!

Кириллос. Причем надо подчеркнуть, что Евней Арстанович не только сформировал коллектив института; если о материальной базе говорить... то проектирование и строительство здания – это все на его плечах было.

А теперь второй «плод». Это строительство и открытие комплекса зданий университета... Нужно отдать должное: если начинателем развития науки в Центральном Казахстане был президент-академик Сатпаев, а затем первый директор химико-металлургического института Азербаетов, то Евней Арстанович очень много сделал конкретно в организации Центрально-Казахстанского отделения

Академии наук. Сейчас оно объединяет несколько академических институтов и распространило свое влияние не только на Карагандинский регион, но и на Павлодарскую, Семипалатинскую области и – далее.

Автор. Камзабай Арстанович, а литературные «зерна» **Букетова** какие плоды дали?

К. Букетов. Прежде я хочу добавить к сказанному, что... ни в одном из построенных зданий ему не пришлось **работать**. Только закончил здание ХМИ, его перевели в университет. Только закончил здание университета на Юго-Востоке, надо было только в кабинет зайти, его освободили... После этого построил он маленькое задние лаборатории по извлечению из карагандинского угля жидкого топлива, моторного... Тоже не пришлось в лаборатории **поработать** – он ушел из жизни...

Что касается его литературных трудов, то я много **этим** делом занимался после его смерти... Набралось пять томов его сочинений и один том переводов. Все эти книги сейчас подготовлены к изданию. Одну книгу издали, «Шесть писем другу», вы хорошо знаете... А четыре книги так и лежат... в издательстве «Жалын», в «Казахстане» и «Жазушы»... То бумаги нет, то денег нет, то...

Автор. Денег нет, бумаги нет. Перспективы-то есть?

К. Букетов. Перспективы... Директора этих издательств не отказывают, так что вся перспектива в том, что придется пока подождать.

Автор. Я хотел бы участникам нашей «экскурсии» задать последний вопрос. Каков человек – Евней Арстанович Букетов, мы сказали. Каково его значение для науки и для жизни области, Республики и далее, мы тоже сказали. А отдали ли мы должное его делам? его памяти? Мемориальная доска на нашем ХМИ, имени Букетова – наш университет. Все ли? Или еще что-то есть?

Малышев. Знаете, дело даже не в этом. Сейчас я удручен чисто прозаическими вещами: дом, в котором он жил, с протекающей крышей. Мы не можем даже найти средства, чтобы крышу отремонтировать! О какой можно

говорить памяти? Может, в этом наша бедность, может, непросвещенность спонсоров...

Автор. Я – за спонсоров. Но когда речь о национальном богатстве, то, на мой взгляд, заботиться об этом должно государство. А?

Малышев. Не спорю. Но важно то, что он остался светлым пятном в памяти очень многих людей, и остается до сих пор, он незабываемый человек... Он прикоснулся к вечности и к бессмертию. Дай Бог другому человеку, чтоб такой след оставил в жизни! А что касается того, чтобы это закрепить, не растерять, что мы знаем, этого, к сожалению, недостаточно. Этот упрек я могу и себе самому сделать, ведь все, что я знаю, я до сих пор не зафиксировал. Что-то уже идет, но по-настоящему засесть за эту работу... вот... не получается.

Кириллос. Мы, друзья его и соратники, его образ и память о нем всегда носим в своем сердце, в своей душе. Но!.. Для того чтобы сохранить обществу Букетова, необходимо все-таки и государству, и этому обществу понести определенные материальные затраты.

К. Букетов. Я хочу добавить еще... Из тех принятых официальных документов, постановлений два пункта до сих пор не выполнены. Первое: упрек нужно сказать нашим городским властям. В 88-м году было принято постановление – одной из улиц на Юго-Востоке дать имя Букетова. И там даже срок был указан, когда будут вывешены таблички. До сих пор этого нет. На Бухар жырау нашли время, на Еркекова нашли, на Ерубаяева нашли, а академику Букетову до сих пор ни денег, ни времени не хватает. И второй пункт. Есть постановление правительства, когда присваивалось имя Евнея Арстановича КарГУ. Вторым пунктом было записано: на доме № 188 по ул. Фурманова в Алма-Ате вывесить мемориальную доску. Этот пункт до сих пор не выполнен.

Сейчас что сделано? В трех райцентрах – два в Северо-Казахстанской области, один в Павлодарской – имя Букетова присвоено самым центральным, хорошим улицам. У нас – университету, есть мемориальная доска на

здании ХМИ, и вот с помощью коллектива университета открыт этот музей Букетова, где мы с вами находимся. Работа здесь ведется большая и будет продолжаться.

Автор. Спасибо вам, товарищи, за Слово, которое прозвучало в адрес Евнея Арстановича Букетова. Я думаю, что этим Словом мы сказали ему еще раз наше общее спасибо. А сейчас в исполнении актера театра имени Станиславского Михаила Долиненко прозвучит глава из незавершенной повести Букетова об академике Сатпаеве...

7-14 декабря 1993 г.

Интервью «с пылу – с жару»

– Почти в том же составе, что в декабре 93-го года, собрались у меня спустя ровно одиннадцать лет участники той программы «Земляки». По семейным обстоятельствам не пришел лишь профессор И. Кириллос. Мы собрались, чтобы разобраться, изменилось ли отношение к научному и литературному наследию Евнея Арстановича Букетова, и как намерена Караганда отметить приближающееся 80-летие своего знаменитого сына. Первым, естественно, заговорил хранитель музея брата-академика – Камзабай Арстанович:

Букетов: Все его труды, имеется в виду литературные, сейчас изданы. Но тираж – 200, 300, максимум 400 экземпляров. Изданы не, как говорилось, в пяти томах, а напропалую: в зависимости от того, как я находил деньги. Я не литератор, не историк, не филолог, я – строитель. Но не мог же я прийти к какому-нибудь специалисту и сказать: отредактируй! Надо платить деньги, а у меня денег нет, живу на пенсию. Все время помогает Виталий Павлович Малышев. На добровольных началах, но с удовольствием помогает во всех делах. Что делается на сегодня по научным трудам? Коллектив КарГУ имени Букетова взялся издать десяти томник его сочинений, или,

как назвали, «Собрание трудов академика Букетова». Первый том уже в типографии.

– Теперь они приведены в соответствие? И редактор, и корректор есть?

К. Букетов: Все есть. Один из главных редакторов сидит с нами – В. П. Малышев. Получилось 5 томов по науке и 5 томов по литературе.

– *Виталий Павлович не только ученый прекрасный, но и писатель.*

К. Букетов: Всего у него получилось 15 томов, но 5 томов к изданию мы сократили. Это его переводы из Ивана Вазова, Эмиля Золя, Василенко (детская повесть «Артемка»). Они были изданы 20-30-тысячными тиражами в Советском Союзе... поэтому мы их сейчас не стали издавать. Что из переводов не издано – Шекспир, Флетчер, Маяковский, Есенин – хороший том составило: 530 страниц!

Из науки с большой помощью Виталия Павловича издали книгу «Фундаментальные труды академика Букетова». Тиражом всего 200 экземпляров. На столько я насобирал денег.

Я вам расскажу, как добываются эти деньги. Правда, случай не сегодняшний, а когда готовились отметить 70-летие Евнея Арстановича. Друг один у меня работал тогда в «белом доме». Посоветовал написать письмо «самому» и попросить помощи. Письмо я написал, но оно застряло где-то там в папках. А попасть на прием к «хозяйину» – попробуй! Но друг опять выручил – протолкнул между посетителями. Вхожу я в просторный кабинет, а «хозяйин», сидя, с ходу:

– Чего пришел?

– Сейчас, – говорю – присяду, отдышусь. И обскажу.

Сел, значит, объясняю, что надо бы отметить юбилей академика Букетова, гордость ведь науки нашей был...

– Не слыхал я что-то про юбилей, – говорит.

– Так письмо мое тут у вас... в папке лежит... – усмехаюсь.

Достал он письмо, прочитал. И говорит:

– Денег-то у меня нету. Где же я тебе их возьму?

– Академик был человеком государственным, – говорю, – у государства для него и поискать деньги надо.

– У государства деньги расходуются по плану, – говорит нравоучительно, – сам должен знать... Ну а если от меня помощи ждешь, так вот...– и достает из кармана красную полусотню, что тогда еще были, подает мне со словами: – Составь список, первой поставь мою фамилию, и, думаю, каждый не откажется помочь...

Меня – в жар! Но я сызмальства спокойный человек. Не возмутился, не вспылал. Медленно так обвел глазами кабинет и говорю... с выражением:

– Это куда же я попал? У кого прошу помощи? – потом подвинул ему его полусотню и сказал, как мог, спокойно: – Мы, Букетовы, и в трудные дни подаяния не просили, а сейчас... – и вышел из кабинета... А письмо, знаете, он тогда же и подписал, и денег на проведение юбилея немножко дали...

Камзабай Арстанович рассказал нам это дня три назад, а вам, читатель, воспроизвожу его рассказ дословно так врезался в память, тронул душу!

К. Букетов: Что касается увековечения памяти Евнея... В Алма-Ате на улице Фурманова мемориальная доска появилась. Где-то в 2000 году повесили.

– Семилетней выдержки память, если вести счет от выхода нашей программы, и 17-летней, если идти от смерти Евнея Арстановича! Ну дают!

К. Букетов: Она такая скромненькая... доска. Маленькая! У нас в музее фотография есть. Кстати, звание его, регалии на этой доске я вынужден был сократить. Я за свои личные деньги сделал эту доску здесь. И для того, чтобы повесить ее на фасаде дома, понадобилось распоряжение акима Алма-Аты Храпунова. Я год добился, чтобы это распоряжение было дано! Слава богу, он документ подписал, и я поехал, и там мы повесили и небольшое торжество провели. Байкен Ашимов, бывший

премьер республики, присутствовал, деятели науки из Алма-Аты присутствовали.

– *А как с улицей на Юго Востоке у нас?*

К. Букетов: Есть улица такая... Она состоит из шести домов... Табличек, правда, нету... Моя дочь работает начальником почты города. Она нашла деньги и издала перечень отделений связи с перечислением улиц, относящихся к ним. Их, кажется, 74. Но улицы Букетова ни за одним не числится.

Теперь что я делаю? Написал письмо акиму области. Виталий Павлович его отредактировал, я собрал подписи самых видных людей Караганды: С. Досмагамбетова, К. Аманбаева, М. Имашева, А. Сагинова, З. Молдахметова и других гигантов наших – и направил это письмо. Но вопрос пока не решен.

А о том, что сейчас делается к 80-летнему юбилею Евнея Арстановича, было сказано в «Индустриальной Караганде». Из намеченных мероприятий выполняется пока два – выпуск книг и ремонт музея. Причем оба дела делает коллектив университета, дай им бог здоровья!

– *Давайте Виталия Павловича послушаем. У него есть что добавить.*

Малышев: Говоря об увековечении, надо обязательно сказать о книгах, которые написал Камзабай Арстанович. Это «Брат мой, друг мой» и «Дорога к истине», а также о множестве его публикаций в газетах. Там все есть – и известные факты, и самые сокровенные истории семьи Букетовых, откуда и как пошел в большую науку казахский мальчик Евней. Там можно найти ответ на вопрос, как он получился таким монументальным, выйдя из простой семьи скотоводов. Евней Арстанович в своих книгах этого касался, но у него показ более глобальный, у Камзабая Арстановича – более детальный.

Знаете, у меня частенько сравнения возникают: братья Карамазовы, братья Букетовы... Братья состоялись потому также, что Евней Арстанович не оторвался от близких, а после его ухода из жизни младший брат Камзабай всего себя отдал сохранению памяти старшего брата.

Теперь второе. В перечне регалий Евнея Арстановича вы, Владимир Иванович, не упомянули, что он лауреат Госпремии СССР.

– Это вы не упомянули! Я и не знал этого.

Малышев: В то время получить звание лауреата Государственной премии СССР было великое дело! Я вот в последнем журнале «Цветные металлы», посвященном 75-летию института «Гипроцветмет», прочитал... Это московский институт, который проектировал все предприятия цветной металлургии СССР... И там говорится, что среди наиболее существенных работ, которые спроектированы институтом, был тот проект, за который была дана Госпремия; то есть – прямая переработка балхашских концентратов в конвертере, которая на 20 процентов увеличила выпуск меди. Там еще шесть-семь названий. Профессионалам-металлургам понятно, что это была эпоха, определившая технический прогресс Советского Союза. И в этой работе непосредственно участвовал Евней Арстанович Букетов. Это уже признание и – абсолютно объективное!

– Причем, с каким промежутком времени!

Малышев: Да, почти 20 лет! Там еще идет исторический обзор страниц на 15, ну, юбилейный отчет, и идет перечень стран, в которых внедрялась эта технология, – от Индии до Чили!

И раз я о премии сказал, то... за время прошедшее с кончины Евнея Арстановича, наш институт, химико-металлургический – дважды получил Государственную премию Казахстана. У нас сейчас работает шесть лауреатов Госпремии Республики, 5 из них – его ученики. И при каждом присуждении говорилось, что застрельщиком таких работ был академик Букетов.

При жизни Евнея Арстановича не удалось придать полный статус нашему институту. Каждый Академический институт должен иметь диссертационный совет. Наши ученые защищались постоянно, но в разных городах, начиная от Алма-Аты до Ленинграда и Москвы, от Москвы до Тбилиси. Этот совет, сначала только с правом защиты

кандидатских диссертаций, а в последние 6-7 лет и по защите докторских в области черной и цветной металлургии, у нас действует. И что особенно дорого, нам разрешена специальность «Теория металлургических процессов». Это то, где Евней Арстанович свободно ориентировался и имел большие планы. И это своеобразный ему памятник, потому что возможность защиты диссертаций – это уже работа *школы!* Научной школы! И можно сказать, что Букетов – глава школы ученых в Караганде, металлургов и химиков.

– Такой вопрос: вот есть гигантская фигура ученого. Была бы такая память о нем, если бы не было пробойного брата? Было бы все, что мы перечислили, во имя памяти Евнея Букетова, если бы не было Камзабая?

Малышев: В науке допустимы мысленные эксперименты. Они признаются заслуживающими право быть. Что тут говорить? Камзабай Арстанович, если говорить языком химика, это катализатор, что ускоряет процесс.

– И мощный катализатор!

Малышев: Да, без него бы все это замедлилось, затянулось, может быть, кое-что и не успелось бы. Однако если бы Камзабай Арстанович не чувствовал, что это не только ему одному надо... а он же знает, что это надо многим, это народу надо! И в этом смысле он ускоряет процесс. Ускоряет то, что должно быть во имя исторической справедливости.

К. Букетов: Что касается школы... Под его руководством вошло в науку 60 кандидатов – металлургов и химиков. Из шестидесяти кандидатов 52 защитились еще при его жизни. Из этих кандидатов выросло 24 доктора наук, трое – еще при жизни.

Еще вот какая деталь о характере Евнея. После его смерти я нашел его переписку. 97 адресатов во всех концах страны СССР и мира! И на всех заведены карточки с указанием: Ф.И.О. его самого, имя отчество жены, имена детей, точный адрес, номер телефона – все это я нашел, а потом этим людям начал писать письма. Взял на почте (тогда была шесть копеек стоимость) пачку конвертов,

сто штук, и давай им писать. А они мне начали ответы давать. Из них, кажется, 78 дали ответы. Воспоминания свои. И это я собрал – у казахов по-казахски, у русских по-русски – и две книги издал.

– *Виталий Павлович, спустя год после той программы «Земляки» вы мне подарили книжку «Поступью командора и пророка». Это и есть та работа, которую вы делали во имя Букетова?*

Малышев: Да! В конце этой брошюры я указал дату начала и дату завершения. Эта небольшая книжка долго и трудно получалась у меня – 10 лет.

– *М-да-а!*

Малышев: Когда пишешь о человеке, который по уровню повыше тебя, а об этом мы говорили: мы чувствовали его превосходство над нами, то всегда опасаясь за то, чтобы не приземлить его на свой уровень.

– *А я что придумал в этом случае? Чтобы рассказать о человеке по имени В. П. Малышев, я поручил это дело ему самому! (Общий смех).*

На этом можно бы и поставить точку в моей «мемориал-композиции» (комментарий+стенограмма давней радиопрограммы+сегодняшнее интервью).

Но читатель книги вправе заглянуть в мои честные очи: «Что же, и ты, «биограф земляков», промолчишь в ответ на свой же вопрос, кто и как погубил нашего первого академика?

Мне горько, что еще в 93-м году не последовало ответа на этот вопрос, как не прозвучал он и ныне. Мои собеседники-патриархи (им на троих приходится два с половиной века жизни!) резонно отвечали на прямой вопрос:

– В науке, исторической в том числе, не принято делать заявления, не подтвержденные фактами и документами.

У меня тоже нет фактов и документов. Есть информация от коллег (на уровне, естественно, слухов), что, убирая Евнея Арстановича Букетова с предвыборного пути в президенты АН Казахстана, усердные доброты тогдаш-

него Лидера страны из числа ответственных сотрудников ЦК Компартии и Правительства Республики расчищали путь его ученому брату. Солидному, надо сказать, ученому и опытному руководителю.

– Почему же понадобилось так безжалостно расправиться с нашим земляком? – вздыбливался я, на что мне резонно отвечали:

– Научное значение Букетова в Казахстане к тому моменту, а особенно его авторитет среди ученых СССР были таковы, что просто свалить его было мало. Он и «сваленным» мог победить на выборах. Надо было раздавить его!

«Административный Геракл», как видим сегодня, не на долго победил, если вообще сумел победить нашего Евнея! Как мифический Антей, силы свои он черпал и черпает сегодня у своего народа – у казахстанцев, карагандинцев.

И, отпраздновав 80-летний юбилей Букетова, мы – верю! – станем готовиться к его следующему юбилею – 85, 90... 100...

Декабрь 2004 г.

ПТЕНЦЫ ГНЕЗДА ЕВНЕЕВА

Иван Кириллюс:

«Кто я? Да просто... человек».

Портретная галерея Кириллюса

Профессора химии Ивана Владимировича Кириллюса самого надо увековечить в ярком, глубоком портрете. А пока он это делает с другими...

Не забуду ошеломляющего впечатления, в которое поверг меня герой очередной программы «Земляки», уловив меня в коридоре Института органического синтеза и углехимии и заведя в свою лабораторию. В первую очередь в глаза бросались не оборудование, не уникальные приборы и множество папок с бумагами, а красочное панно на стене, сплошь состоящее из написанных маслом портретов. Я изумленно рассматривал, а улыбающийся «в усы» профессор называл не до конца узнаваемые мною лица:

Вначале Ердан Ныгметович Азербает, мой учитель в науке, а сам ученик знаменитого Фаворского, первый директор нашего ХМИ... Евней Арстанович Букетов, академик, писатель... вы что, не узнали его?

Да я ни разу с ним не встречался... А вот это точно Андрей Сахаров!

– Он. А это Виталий Павлович Малышев, наш карагандинский гений...

В силу «недообразованности» своей я не сразу принимаю живопись маслом, но постепенно привык к ее переливам и стал опознавать оригиналы, даже... себя, любимого, признал. Лик мой прилепился в конце, наверное, последняя работа в уникальной галерее.

– Это я, что ли? – отвисла моя челюсть.

– Собственной персоной, – хитро заулыбался живописец.

Теперь я немного процитирую свой очерк из декабрьского 1992 года номера газеты «Индустриальная Караганда»:

«Горделивые нотки в голосе Ивана Владимировича пробудили и во мне ощущение гордости за наш город, оказывается, такой именитый людьми, одухотворенный незаурядными натурами. Я не знал, стыдиться ли мне, что большинство имен были до сих пор мне неизвестны. А он называл новые имена:

– Это Эдуард Милбардис, человек очень сложной судьбы. Закончил университет еще в довоенной Латвии. Медик по образованию. Одновременно закончил консерваторию. Здесь был... «жильцом Карлага». А это Андрей Томилов, москвич, лауреат Ленинской премии. Активно участвовал в разработке электрохимии Казахстана, часто бывал в Караганде.

Я слушал «экскурсовода» и думал: чем привлекает к себе человек?

Видимо, не только тем, что много знает и умеет, а прежде всего отдачей любимому делу и увлечению. Не таков ли и он, симпатичный мне профессор Кирилюс? Я не замедлил перейти к интересующим меня вопросам:

– Иван Владимирович, перечислите ваши титулы.

– То есть? – взметнул брови собеседник.

– Ну, кто вы есть?

– Да просто... человек. Титулы вовсе необязательны.

– Вы профессор и доктор химических наук?

– Ну, профессор и доктор.

– Вы заведующий лабораторией?

- Да, лабораторией электрокатализа Института органического синтеза и углехимии.

- Вы депутат райсовета, пропагандист, агитатор, художник, поэт...

- Самодеятельный, самодеятельный!

- И вот что интересно... от других я часто слышу: «Ой, я занят, занят! Мне некогда!» Вы никогда такого не говорите, всегда находите время побеседовать, прийти по первому зову.

- Я так не говорю, потому что у меня действительно нет свободного времени. Что же его тратить на бесполезные сетования!

- Вы подарили мне книгу «Электрокаталитическое гидрирование органических соединений». У вас есть еще груды?

- Вообще-то у меня вышло пять монографий и, кажется, полторы сотни научных статей...»

Визиты ко мне у Ивана Владимировича всегда целенаправленны.

Вот он пришел с новыми стихами о шахтерах, попавших в завал. Никогда не забуду душераздирающие строчки: «В забой не носят господа... своих подачек никогда. Наши товарищи... придут и нас спасут...»

Вот он приносит мне объемистую книгу «Коричневое ожерелье»... Владимира Литвинова... харьковского писателя, с дарственной надписью карагандинскому Владимиру Литвинову. И с пожеланием, чтобы последний тоже заинтересовался судьбой малолетних узников фашизма...

А вот Иван Владимирович, сам из малолетних узников фашизма, приносит свои наметки по оказанию помощи карагандинским узникам концлагерей.

И. В. Кирилёсу сегодня 78-й год, но дома его опять нет.

- В Бердянске он, в отпуске... будто бы, - говорит его супруга Зинаида Егоровна. - Да отпуск этот понарошку: он там материалы собирает об узниках, статьи пишет... А в институте

он теперь не заведующий, а главный научный сотрудник лаборатории синтеза и физико-химических исследований.

Между прочим... оказавшись в одночасье экспонатом портретной галереи Кирилюса, я испытал, поверьте, не сладкую истому, не возвышенную гордость своей запечатленной в масле персоной, а ощущение недостаточной своей ответственности за дела мои и слова. Иван Владимирович Кирилюс вообще таков, что в его присутствии, под его взглядом хочется несколько подтянуться.

«Душа – бумеранг», июнь 2003 г.

Комментарий сегодня

Через 11 месяцев и 1 день после юбилея Е. А. Букетова, то есть 24 апреля 2006 года, исполнится 80 лет и профессору химии Ивану Владимировичу Кирилюсу. Однако он не уgomонился, не уселся на «старушечью скамейку» за домино! Бразды правления своей лабораторией в Институте оргсинтеза и углехимии передал кандидату химических наук Нине Михайловне Ивановой (супруге Виталия Павловича Малышева), а сам остался главным научным сотрудником лаборатории – передает знания и опыт новой смене ученых. Все так же усердно работает во имя бывших малолетних узников фашизма. Не оставляет занятия живописью (реконструирует свою портретную галерею) и поэзией.

5 декабря шахтерскую Караганду постигло страшное несчастье – погибли в огне 23 горняка шахты «Шахтинская». Получив известие об этом от Павла Шумкина, одного из историков шахтерских трагедий, я невольно потянулся к полке, где стоит последний оставшийся экземпляр моей книги «Любовь, она такая...», и, чтобы уgomонить зачастившее сердце, перечитал напечатанное на стр. 154:

Иван КИРИЛЮС

Доктор химических наук, профессор

ШАХТЕРСКАЯ ЛЮБОВЬ

Наш бригадир сказал:
«Завал!
Он там один...»
И мы пошли. И мы нашли.
Но вздрогнула земля,
как хрупкое стекло.
Он был один, нас стало двое.
Всех отсекло, одни в забое,
и – тишина.
Он прошептал:
«Как ты прошел
сюда... в завал?
Моя рука...
наверняка...
Пришла, браток,
моя пора...
Мне не дожидаться...
на-гора...
Мы ближе к Богу...
в яме...
Ты Светке и маме...
Я Светку обидел...
Скажи ей,
я лучше девчонки не видел...
Скажи им, быть может...
начальство поможет...
Оно – господа...».
И замолчал.
А я кричу:
«Ты не молчи!
Я не хочу!..»
А он молчит.

А я кричу:
«Ты не молчи!
Ты не молчи!
В забой не носят господа...
Своих подачек никогда.
Наши...
товарищи придут
и нас спасут!
Еще не вечер!
Ты слышишь стук?
Держаться, друг!
И пробиваться к ним навстречу!
Ты слышишь, друг?
Еще не вечер!
Ты слышишь, друг?..
Еще...
Ты слышишь...»

Ужасная гибель шахтеров принесла горе не только в их семьи и семьи их друзей. Она больно ранит сердца и ученого, и писателя... и всех наших земляков. И одним вопросом бьются наши мысли: «Доколе? Доколе будут гибнуть наши братья-горняки?»

Декабрь 2004 г.

Виталий Малышев:

«Лучшее хобби – научная работа»

«Живой гений»

Именно так аттестовал мне доктора технических наук, профессора (цветная металлургия) Виталия Павловича Малышева его давний коллега по Центрально-Казахстанскому отделению Академии наук Казахстана (и, полагаю, истинный друг, хотя и на десяток лет постарше) профессор-химик Иван Владимирович Кириллос, человек зоркий, умный и по-юношески

посторженный. «Кроме того, что ученый от Бога, Виталий Павлович еще и политический аналитик, писатель, поэт, человек, увлеченный спортом, и прочая и прочая! Занесен во всемирный справочник «Кто есть кто?», – блестя глазами, поража меня профессор. – Считаю, что для ваших «Земляков» Виталий Павлович будет украшением – и не меньше!

Он оказался абсолютно прав: Виталий Павлович Малышев с первой встречи очаровал меня и вошел в число немногих персон, коих я считаю для себя идеалом (уж простите, воспитан на идеалах и стою на том!). Я выдал в эфир две программы «Земляки» о нем, затем «Актуальное интервью» о работе Малышева с коллегами по модернизации оборудования на Жезказганском медеплавильном комбинате, а также под рубрикой «У микрофона писатель» Виталий Павлович читал свою главу из книги о Евнее Букетове.

С виду Малышев молод, красив и статен, хотя уже отметил шестьдесят... Вот уж что невозможно, так это дать ему эти шестьдесят – на пятьдесят и то не тянет. Он приятный и равный с тобой собеседник, хотя и не трудно с первых же минут общения почувствовать, скажем так, несравнимость его кругозора и глубины мышления по сравнению с твоими... И с ним говорить можно (если сам способен!) на любую тему, будь то политология или экономика, металлургия или машиностроение, литература или живопись, лыжи или шахматы, детские капризы или... женская красота.

Взвесив все, я признал за благо не своим языком вырисовывать Малышева в очерке, а предоставить это ему самому – теми его ответами, которые он дал на мою анкету почти два года назад, а сегодня полностью подтвердил их.

Итак, наш диалог:

– Родился я 25 июня 1937 года, в Ташкенте. Деталь – еще тогда проявлял «заботу» о маме: при рождении мой вес был 5400, а за избыточный вес в то время роженицам давали дополнительное питание.

– Кем были родители? Кто из них оказал наибольшее влияние на Вашу судьбу?

– Отец – Павел Витальевич Малышев – 1909 года рождения, бухгалтер. Ворошиловский стрелок, рыбак, охотник. Спокойнейший характер. Жив и здоров до сих пор. Мать – Александра Ивановна Константинова – 1917 года рождения. Умерла в 1983 году. Бухгалтер. Идеальная хозяйка. Оба коммунисты, были секретарями парторганизации в своих коллективах. Наибольшее влияние на меня, как и на всех родственников, оказала моя мама. С ней мы пережили военные годы, а отца я помню только после возвращения с фронта.

– Если Вы родились не в Караганде, можно поподробнее о переезде?

– В Ташкенте прожил только год, потом семья переехала в Актюбинск, а затем в Туймазы (Башкирия) – все в связи с учебой отца. В 46-м переехали в Кустанай, к братьям отца, где и проживает все семейство Малышевых до сих пор. В Караганду я приехал в 59-м году после вуза по совету академика В. И. Смирнова, в новый Химико-металлургический институт. Я мог выбрать Урал или Украину, но меня убедили слова В. И. Смирнова, что лучше начинать самостоятельную жизнь на новом месте и расти вместе с институтом.

– Какие и как закончили учебные заведения?

– Среднюю школу закончил в 1954 году в Кустанае с золотой медалью, а Уральский политический институт – в 59-м с отличием.

– Помните ли первую учительницу? Первого преподавателя в вузе? Первого начальника на службе?

– Первую учительницу не помню. Запомнил лишь бесплатную еду на перемене в 1944 году. В политехническом институте хорошо запомнились многие доценты и профессора – отборные лекторы. Был поражен глубоким знанием дела преподавателями военной кафедры – бывшими фронтовиками, танкистами в чине от майора и выше. Устройство танка, теория стрельбы, новые системы наведения и стабилизации, работа двигателя – все давалось предельно обоснованно с точки зрения компромисса между

весом танка, его скоростью, маневренностью и еще массой других аспектов. Может быть, это приучило меня к комплексному восприятию любой проблемы и жизни в целом. При работе в институте на меня огромное влияние оказал академик Евней Арстанович Букетов – своим умением создавать максимально свободную творческую атмосферу и своими могучим оптимизмом.

– Есть ли конкретный человек, историческая личность, либо герой художественного произведения, оказавшие серьезное влияние на Ваши характер, мировоззрение? Если нет, что растило Вас?

– Пожалуй, свое предназначение я осознал уже в 9-10 классах. Именно тогда говорил и самому себе, и всем о моей будущей жизни: я буду ученым. Это говорилось без апломба или гордости, или чего еще экстраординарного. Просто я видел себя только в науке. Все остальное: и люди, и события хорошие и плохие, – только укрепляли меня в этом убеждении. Один из сильнейших «катализаторов» – французский математик Эварист Галуа, в 18 лет создавший теорию групп, не понятый великим Гауссом и попавший в тюрьму за свой тост с бокалом красного вина и с кинжалом, занесенным над этим бокалом: «За – Луи Филиппа!» На спровоцированной дуэли он был застрелен в 21 год. Все это было описано в книге Леопольда Инфельда, сподвижника Энштейна, которую я прочитал в студенческие годы.

– Довольны ли Вы своим характером? Если «да» или «нет», подробнее – почему. Кто или что создало Вам характер?

– Я не в разладе с собой, значит, доволен своим характером. Если у меня созрел план, никакие обстоятельства не помешают мне работать над его выполнением с методичностью робота.

– Члены Вашей семьи, чем они заняты?

– Жена Нина Михайловна – квантовый химик. Четверо детей от трех браков. Старший сын Игорь работает в отеле «Дагомыс» в Сочи. Старшая дочь в Минске после окончания ЛГУ работает психологом. Младшая дочь Анна закон-

чила Литературный институт имени Горького в Москве, выпустила семь книг. Младший сын Николай – школьник, возможно, будет биохимиком.

– *Довольны ли Вы судьбой? Были ли изломы в судьбе?*

– Безусловно, доволен. Мне удалось немножко объять необъятное и сказать что-то свое. На излом попадался. Но остался целым. В конце концов поломалось то жестокое, что брало меня на излом, – ортодоксальное коммунистическое мировоззрение, а конкретно Карагандинский обком КПСС.

– *Интересно бы узнать о Ваших увлечениях, хобби. Когда они появились и как влияют на Ваше существование?*

– Самое лучшее хобби – научная работа. Открыть и высказать что-то новое – ради этого стоит жить. Рыбалка, лыжи, велосипед – больше для здоровья, чем для удовольствия. Голова настолько не отключается, что готов в любую минуту без всякой подготовки продолжать прерванное дело. Может быть, это постоянное вдохновение. Что же тогда хобби? Впрочем, люблю что-нибудь делать руками, ремонтировать все подряд.

– В чем состоит Ваша сегодняшняя основная деятельность?

– Основная сегодняшняя деятельность – продолжение фундаментальных исследований по гармонии порядка и беспорядка (информации и энтропии) в самых разных областях (физико-химических, биологических, социальных) и материи в целом, включая ее отображение личностью.

– Что является Вашей дополнительной деятельностью?

– Дополнительная деятельность – преподавание в вузах и внедрение в заводскую практику своих технических разработок. Это, кстати, основной источник для семейного бюджета... в последнее время. Совсем редко пишу стихи и нечто вроде мемуаров.

– *Назовите Ваше ноу-хау или какие-то решающие результаты в работе, что позволяет Вам с гордостью говорить: «Это мое детище».*

– Мне удалось расшифровать общую структуру эволюции материи в трех масштабах – от наиболее крупного до наиболее мелкого, единичного, показать их взаимосвязь по законам случайного и необходимого, определить

место современного общества в структуре социальной эволюции и обосновать закономерность паразитических проявлений во всех стадиях эволюции материи, включая социальную, а также в развитии личности. Написал и издал 15 книг, около четырехсот научных статей.

– *Имеете ли Вы звания и правительственные награды?*

– Доктор технических наук (1982 год), профессор (1982 год), академик Международной академии информатизации (1995 год). Имею медали «В честь 100-летия со дня рождения В.И.Ленина», «Ветеран труда» и Грамоту Верховного Совета Казахской ССР. Ученых же вообще награждают только за глобальные открытия, скажем, космические...

– *Есть ли у Вас неисполненные мечты, нереализованные планы?*

– Мечты и замыслы возникают постоянно, они постоянно опережают возможности, хотя и сделано и делается не так уж мало. Хочется участвовать во всех международных конференциях, на которые получаю приглашения. Нет денег.

– *О чем сегодня мечтается?*

– Хотелось бы объехать все страны и собрать материал по взаимосвязи уровня благосостояния со структурой собственности. Это помогло бы обосновать новую экономическую теорию социальной эволюции и показать каждой стране направление ее прогресса.

– *Имеется ли у Вас свободное время, как оно используется?*

– Все мое время – свободное, потому что подчинено моему свободному выбору, что делать на работе и дома.

– *Назовите любимых...*

– Героев книг, театра, кино? Они все искусственны, словно биороботы.

– Героев войны, труда? Г. Жуков, Л. Эйлер.

– Политических деятелей? Петр I, Екатерина II, А.

Лебедь.

– *Кто «греет» Вашу душу?*

– Из литераторов: Хемингуэй, Моэм, Пастернак.

– Из журналистов: Листьев.

– Из музыкантов: Глинка, Чайковский, многие другие.

- Из художников: Леонардо да Винчи, многие другие.
- *Какова Ваша оценка нашего прошлого?*
- Наше прошлое – это случайная реализация крайности в государственной форме собственности, помноженная на паразитический диктат личности.
- *А нашего настоящего?*
- Наше настоящее – попытка подражания тому, что противоположно нашему прошлому, с уничтожением всего хорошего, что было в прошлом и к чему бесплодно стремятся те, кому мы собираемся подражать.
- *Каким Вы видите наше будущее?*
- Наше будущее – это гармония крайностей с неподавляющим преимуществом одной из них. Мы ближе к некоторому перевесу общественного над личным, и дай нам бог добраться до этой разновидности гармонии.
- *Как Вы считаете: у нас есть свобода мышления? Высказываний, выступлений?*
- Мышление всегда свободно (по определению). Высказывания, выступления всегда определяются жесткостью связи социальной системы, иначе говоря, твердостью кочерги, которая бьет по лбу, если на нее наступить. Пока что у нас наиболее выражена вертикальная связь, имеющая выступы на уровне организации, района, города, области, республики, то есть пятиступенчатая кочерга.

Мне, наверное, можно бы порассусоливать о том, как относятся к Виталию Павловичу Малышеву коллеги, как широко и весомо был отмечен его юбилей, еще о каких-то штрихах к его портрету, но, ей-богу, не надо! В ответах своих Малышев таков, каков есть. А гений ли он, этот действительно незаурядный наш земляк, покажет время. Справедливее, чем оно, оценщика нет и быть не может... Да, вот еще из стихотворений Виталия Малышева:

МАТАДОР
 Эль торо.
 Бык.
 Держись, тореро!

Билетик лотерейный –
Твоя мулета,
Неверная арена –
Как рулетка.
А бык – он пьяница,
Он не в своей тарелке,
Дрожат рога от ярости,
Как рельсы под экспрессом!
От промаха до промаха –
Проверка на бессмертие.
Держись, тореро!
Роботы идут
Тебе на смену.

Когда этот очерк был готов и отправлен в семью Малышевых «на корректуру», позвонила Нина Михайловна, супруга, и с обидой спросила:

– Виталий Павлович может, конечно, скромничать, но вы то, В. И., разве не знаете, что у него свыше сотни патентов на изобретения из доброго десятка стран мира? Только печь для сушки медных гранул у джезказганских металлургов работает четверть века. Он, кроме этого, разработал новые методы в области химической кинетики и термодинамики. А две его монографии по математическому планированию эксперимента популярны и в России, и на Украине, и, конечно, у нас. «Мне кажется, – подчеркнула Нина Михайловна, – этих фактов не хватает в вашем рассказе».

«Ай да жена!» – подумалось мне. Ведь я всего этого, к сожалению, не знал, а потому с превеликим удовольствием согласился с критикой в свой адрес и добавлениями – в его!

А теперь – всё о нем? Да нет, конечно!

У профессора Малышева каждый день жизни – полнокровнейшая жизнь.

«Сердца раскрываются», апрель 1993 – апрель 1998 гг.

Громкое имя... в тиши

(наброски)

Когда я тихо думаю о себе, о своих делах и словах («итожу то, что прожил...»), перед моими глазами встает профессор Виталий Павлович Малышев – «живой гений», как с легкой руки профессора Кириллуса я назвал ученого в одном из очерков книги «Сердца раскрываются», – примериваю слова и дела Виталия Павловича к своим речам и поступкам.

А как соберусь писать о любимом герое – теряюсь. То недостает информации, то начинает казаться: не по силам мне создать образ этого человека. Поэтому – пока тезисы...

– Виталий Павлович! Для новой книги «Разрушаемость и сохранность конгломератов» Вы разработали – в мозгах не умещается! – 540 формул. Не позволит ли столь мощный математический заряд... перевести в цифры показатели Вашего отдыха?

– Это просто, – опять отшучивается профессор, – за 20 месяцев – ни одного дня отпуска, за 800 дней работы – ни одного выходного...

– Это в 65-то лет?

– Точнее, за 60 дней до... 66-летия.

Как говорится, поиграли цифирью!

Мне не дает покоя вопрос: когда Малышев позволит себе отдохнуть? Может ли такое вообще случиться?

Виталий Павлович отшучивается:

– Сказано: «сняли с плеч подвижника вериги – и подвижник пал»... Когда окрыляешься этой мыслью, так в душе светло становится!

Мы часто болтаем о счастье. Хотя, может быть, в этом и счастье, что о нем можно болтать?

Виталия Павловича Создатель одарил щедро. Сам он, как говорилось, живой «гений» (непрерменно ставить кавычки требует сам В. П.). Ученый-металлург, глубокий философ, писатель-публицист и романтик-поэт, трудоголик, каких поискать!.. Жена Нина Михайловна Иванова – умница, красавица и... чуть-чуть не комсомолка. Заведует той самой лабораторией, в которой Иван Владимирович Кириллос делал свои научные обобщения и писал портреты любимых им и народом людей... Их сын Николай – «на выданье»: и в смысле будущей семьи, и в смысле приближающегося выпуска в Карагандинской медицинской академии. Спортсмен, компьютерщик, знаток английского (и географии с историей!). И второй год «помогает родителям деньгами», то есть отличной учебой избавил их от оплаты за его обучение в нашей медакадемии...

Дочь Виталия Павловича от второго брака Анна, выпускница Карагандинской средней школы N 1 и героиня моей радиопрограммы «Земляки», – известная российская писательница, автор двух десятков увлекательных детективов.

Вот и опиши правдиво и глубоко (но коротко!) профессора Малышева!

Да еще и «ученые проблемы» забыть я не имею права!

Я полагал, что работа ученых «за так» – дела давно минувших дней. Но оказалось: в Химико-металлургическом институте и ныне они переведены на оплату труда в полставки, да и это «жалованье» им не платят много месяцев. Выручают мыслителей Караганды договорные работы на предприятиях.

...Наши ученые мужественно перенесли унижение, когда их отправили в неоплаченный отпуск: «Можешь не работать... Но ты ведь не сможешь не работать... Однако не обессудь: платить мы тебе не можем. Так что добывай свой хлеб как можешь...»

Государство с такой реальностью, на мой взгляд, – самоубийца, ибо как можно отправить в отпуск Мысль? Но если Мысль не остановишь, как можно заставлять ученых голодать?

А в швейцарских банках, говорят, лежат миллиарды, спрятанные от любопытных граждан суверенной азиатской страны! Только вот дотошным Шерлокам Холмсам никак не удастся узнать, кто же... «кровавыми мозолями натрудил» эти миллиарды?

«Душа – бумеранг», октябрь 2003 г.

– Виталий Павлович, если говорить в развитии: что изменилось у Вас в жизни за время после моих публикаций о Вас? С чем входите в 2005 год? Так сказать, дайджест каков?

– В период после первой Вашей публикации было печальное событие – схоронили мы отца моего, Павла Витальевича.

В остальном в семье Малышевых – движение по восходящей. Супруга Нина Михайловна – на пороге защиты докторской диссертации, возглавила лабораторию в Институте оргсинтеза и углехимии Академии наук РК. Сын Николай закончил Карагандинскую медакадемию, сейчас – в интернатуре при онкологическом Центре им. Блохина в Москве. Дочь Анна, живущая под Москвой, – автор почти трех десятков детективных романов и трех сериалов по ним.

О себе? Количество моих научных работ возросло до шестисот, в их числе 23 монографии, почти 90 изобретений и 32 зарубежных патента. Труды мои за это время отмечены нагрудным Знаком «За заслуги в развитии науки Казахстана» (одновременно с профессором А. А. Акбердиным).

Ноябрь 2004 г.

Александр Акбердин:

«Дайте людям нормальную зарплату!»

Этот настырный «черняк»

Человека красноречивее всего определяет Поступок. О таком Поступке молодого ученого Александра Абдулловича Акбердина (под фамилией Аккулов) рассказал в своих «Записках научного работника» Евней Арстанович Букетов:

«Я уже знал, что такое академик Хайлов, тем не менее был поражен, когда начал уговаривать сотрудников, работавших в его группе, поступить в аспирантуру. Ни один из них не соглашался идти в ученики к своему руководителю. Узбек Аккулов сидел передо мной, угрюмо уставившись в пепельницу, когда же я закончил свою уговаривающую речь, он посмотрел на меня своими большими черными глазами и жестко спросил:

– Вы что, хотите меня погубить? Он же в области теоретической химии остался на уровне тридцатых годов. Он сам говорит, что именно тогда работал доцентом у известного профессора. Больше он никогда не изучал этот предмет.

Аккулов ни разу не назвал академика даже по фамилии. И это говорил мне молодой специалист, с которым я, признаться, разговаривал как с научным несмышленишем. Теперь многие из тех, кого я тогда сватал к Хайлову в аспиранты, стали ведущими работниками. И самым ярким из них остается Аккулов, при встрече с которым мы обязательно вспомним, как я собирался отдать его в ученики к «единственному» академику...»

Мне немного, ну чуть-чуть, хочется поспорить с Евнеем Арстановичем по поводу деталей портрета Акбердина – таких, как «угрюмо уставившись» и «большие черные глаза». «Глубоко задумавшимся» Александра Абдулловича я представить могу, а вот «угрюмо» – ему, шутни-

ку и насмешнику, по-моему, не свойственно. И глаза его черные-черные, но не большие, сам Абдуллович большой, а глаза нет, не большие, тем более что они постоянно с таким насмешливым прищуром...

Ученый-металлург Акбердин был героем трех программ «Земляки» – в ноябре 1997 и январе 1998 года, где он предстал как интереснейший рассказчик, рациональный аналитик и, я бы сказал, отличный мужик. Поэтому в очерке я буду просто «нахально» пользоваться его колоритными ответами. Мой самый первый вопрос был:

– Кто из выдающихся ученых способствовал становлению ученого Акбердина?

– Нашим «цветникам», – охотно начал профессор, – т. е. работникам цветной металлургии и ХМИ, конечно, крупно повезло, поскольку они много общались с таким выдающимся человеком, как Евней Арстанович Букетов. Нам, «чернякам», т. е. представителям черной металлургии, в этом плане, конечно, повезло меньше. Но тем не менее с академиком Букетовым пришлось общаться плотно, поскольку для теоретической науки, физической химии металлов, нет границ, поэтому мы, «черняки», тоже считаем Евнея Арстановича своим учителем, внесшим огромный вклад в подготовку кадров для черной металлургии и в проведение научных исследований.

Я не могу не упомянуть и академика Абылкаса Сагинова. Когда мы в 60-х годах приехали работать во вновь организованный химико-металлургический институт, кандидатов наук было очень мало, и встал вопрос о подготовке кадров высшей квалификации. Совета по защите диссертаций не было ни по черной, ни по цветной металлургии. И вот большую заботу об этой вовсе не свойственной ему отрасли (он же горняк!) проявил Абылкас Сагинович. В своем институте он организовал совет по защите диссертаций для горняков. Но ему хотелось помочь региону, металлургам в подготовке кадров высокой квалификации, творческой интеллигенции, и он добился в Москве разрешения на защиту у него диссертаций и для нас. Мне повезло там защищать свою диссертацию. Сагинов

и вручал мне Диплом... Я никогда не забываю об этом. Таких, как я, оказалось, благодаря Абылкасу Сагиновичу, человек двадцать.

– У вас, Александр Абдуллович, более ста пятидесяти научных работ. Не назовете ли наиболее важные из них?

– Совместно с учеными Москвы мы в течение ряда лет готовили «Справочник по физико-химическим свойствам металлургических расплавов». Работа шла очень тяжело, потому что требования к «Справочнику» жесткие, этот материал проходит проверку во множестве инстанций, комиссий, и, к нашей радости, в 1989 году в Москве этот «Справочник» вышел из печати и дал металлургам много ценного. Тираж был весьма большой, и сейчас, например, мы часто видим свою работу на столах сотрудников «Испат-Кармета». В 90-х годах мы своим коллективом издали в Алма-Ате важную монографию «Планирование эксперимента при исследованиях физико-химических свойств металлургических шлаков». Это книга по математике, написанная технологами для технологов. Использование изложенных здесь методов исследований позволяет в десятки, сотни раз уменьшить расходы дорогостоящих реактивов, электроэнергии, четко планировать эксперименты, оценивать ошибки этих экспериментов. Словом, это то, что мы называем сегодня распространением методов математического планирования в исследовательскую и производственную практику.

...Вы обратили внимание, что Александр Абдуллович все время говорит «мы», «наш коллектив»? Я отношу это на счет его скромности и четко вижу роль самого Акбердина в упомянутых работах. Он немало сделал, подходя нынче к своему шестидесятилетию. Еще раз прибегаю к почти дословному цитированию профессора. Вот его ответы на вопросы моей анкеты:

– Судьбой своей я доволен. Изломы в ней были... Попытки привить в химико-металлургическом институте полученные в Москве, в Институте стали, методы работы

встретили яростное сопротивление обывателей самого разного ранга. По заложенной сути академический институт – одна из самых демократичных организаций. Никто не спускает сверху планы, никто не навязывает идеи. Предлагай, отстаивай свою идею, получай из бюджета деньги и работай! Лет через пять выдавай результат. Положительный – хорошо, отрицательный – не беда. Многие по пять-шесть пятилеток не выдавали положительных результатов, так как закладывали заведомо порочные идеи и методом их поиска не владели. Это был для них очень удобный способ существования без ответственности. Девиз таких людей: «Не опрокинуть бы научное корыто!».

Попытки изменить сложившуюся ситуацию стоили мне всех постов и многих наказаний. Поочередно объявляли мне свои выговоры «первичка», райком, горком и даже... обком партии. Кто прошел многомесячные «промывки мозгов» на партийных «коврах» и в комиссиях, тот меня поймет.

И только два человека открыто, на всех уровнях, без страха защищали меня – Виталий Павлович Малышев и Евгений Арстанович Букетов, которые тоже преследовались... в том числе и за мою защиту. В этой ситуации я выбрал единственный, на мой взгляд, метод обороны – углубление в науку для достижения заметных результатов. Могу сказать, что он удался.

На вопрос о ноу-хау или каких-то решающих результатах в работе Александр Абдуллович ответил кратко:

– Это – способ теоретического предсказания оптимального состава композиционных материалов. Теория и практика использования бора в черной и цветной металлургии, фосфорной промышленности, средствах защиты от проникающей радиации. И упомянутое уже первое в истории ХМИ издание справочника по металлургии в Москве.

– *А какова ваша оценка нашего прошлого?*

– Согласен с оценкой историков, что наше прошлое – цепь трагических событий, приведших к нищенскому су-

ществованию народа. Истоки этого в неверно выбранной концепции развития общества. Как научный работник не могу без содрогания читать о разгроме школы генетиков и кибернетиков, отбросившем нашу страну с путей цивилизации на многие десятилетия.

- Как оцениваете наше настоящее и каким видите будущее?

- Согласно официальной статистике и повседневно наблюдаемой жизни, наше настоящее – тяжелое. А оценить будущее можно на основе анализа предложенных руководством путей развития общества. Таких путей народу предложить ни полуграмотные (Ленин), ни безграмотные руководители (Сталин, Микоян и др.) не могли. Не смогли их предложить и вторгшиеся в политику металлурги (Брежнев). Это дело политологов, юристов, экономистов, которых мы только начали готовить в престижных зарубежных научных центрах. Я думаю, что ранее принятая идеология (коммунизм) ни средством достижения благ, ни конечной целью развития общества быть не могла. Пока живы и руководят обществом носители этой идеологии, нам светлого будущего не видеть. Любая поданная снизу или сверху идея реформирования будет вязнуть в этой правящей нами на местах липкой массе «идеологов». Если знать периодичность смены поколений, то подсчитать сроки начала светлого будущего не трудно.

- Такой вот тонкий вопрос: сколько раз вы возили свою супругу Нарбибиш в Ялту, на Кавказ, на Канары?

- Простите, но я не знаю, что такое... Ялта и где находятся... Канары! Я знаю прекрасные казахстанские степи! Говорят, они безжизненны. Это неправда, Владимир Иванович! Казахстанские степи, просторы – карагандинские, акмолинские, кустанайские – полны жизни во все времена года, зимой и летом. Я не езжу ни в Ялту, ни на Кавказ – езжу в Нуринский район. Это мой курорт. Тридцать пять лет я езжу на охоту. Мы с моим коллегой, главным доменщиком «Кармета», три десятка лет садимся в одну машину и по месяцу в году охотимся, отдыхаем.

А супруга вот здесь со внучками отдыхает, на аллеях ботанического сада и в огородике возле него.. Это ее курорт. Вечерами и выходными днями мы отдыхаем под мелодии моего любимого Бетховена. Во-он сколько у меня пластинок с его музыкой. Все до одной симфонии тут!

По некоторым деталям с рассуждениями Акбердина можно бы поспорить. Но, я думаю, не надо. Для того Всевышним и дан Разум человеку, чтобы он имел обо всем собственное мнение и не похожее на другие лицо.

А что касается настырности, так я сам такой...

«Сердца раскрываются», ноябрь 1997 – апрель 1998 г.

Рождественский гусь

Александр Абдуллоевич Акбердин в моем представлении – нечто большое, умнющее, насмешливое. И совершенно неравнодушное ко мне.

Он написал к моему юбилею возвышенный стих... Он отдал мне в обучение шахматам свою любимую внучку. И дотошно контролировал процесс обучения... Он подкалывает меня больше, чем все «земляки» вместе взятые. Именно он придумал мне не стандартную «кликуху» – «писатель, широко известный на улице Ленина». А когда я сообщил ему, что с десяток моих книг уже читают на проспекте Ленина в Барнауле, благосклонно расширил мою популярность еще и на «проспект Ленина».

А между этими (и, естественно, своими главными – научными!) занятиями профессор Акбердин безотказно дает мне советы и консультации по самым различным вопросам – от экономики до... кулинарии.

При этом он не гнушается и моими советами – особенно по вопросам журналистики. Где, например, лучше опубликовать сообщение об очередном его научном открытии или эксперименте.

Но один поступок профессора-металлурга мне не забыть вовек. Как-то предзимним днем он заявился ко мне домой с внушительным свертком.

– Что это? – насторожился я.

Дело в том, что один из друзей-шутников на именины вручил мне как-то такой же примерно сверток; в восторге схватив его, я чуть не отшиб себе ноги: в ворохе газет был любовно запеленат... силикатный кирпич. Но Акбердин не всегда шутник:

– Это вам рождественский подарок, – возгласил он, на сей раз без своей хитрющей улыбки и – торжественно. Сделав эффектную паузу, он добавил: – Это – гусь! Я лично подстрелил его на просторах Нуры!

Вы не поверите, но для меня это был ошеломляющий подарок. Никогда в жизни я не только не ел дикого гуся, но и в руках не держал. Презентованная дичь не долежала до Рождества. Мы с супругой (по рецепту удачливого и щедрого охотника) приготовили ее... к новомуднему столу.

– Я вам гуся, а вы мне – «утку»? Вся пресса шумит, что Акбердину будет присуждена Государственная премия, а вам главное – гусь... – не преминул подколоть меня профессор, прочитав эту миниатюру.

– Какой Вы педант! Вот получу... из Комитета по премиям факс, сразу и впишу сюда сообщение! – подколот и я колючего профессора.

Но вскоре он пришел ко мне с добрым коньяком и Свидетельством о присуждении Госпремии:

– Вот вам два доказательства, что профессор Акбердин никогда не шутит!

«Душа – бумеранг», сентябрь 2003 г.

Сегодняшний комментарий

Знали бы вы, читатель, как я порадовался за своего героя! Тут же уговорил коллег с 5-го телеканала взять у

Александра Абдулловича интервью в их оперативный выпуск «P.S.». А потом они позвонили:

– Ты почаще давай нам таких умниц! Как он тему держит! М-мм!

Говоря о премии, Александр Абдуллович не забывает подчеркнуть, что заработал ее он не один, а с коллективом своего отдела, со своими учениками – А. С. Кимом, А. Б. Есенжуловым и другими. И когда сообщает, что награжден также почетным Знаком за успехи в области науки, техники и образования, то подчеркивает: «Как и Виталий Павлович Малышев».

К сегодняшнему дню на счету доктора технических наук, профессора А. А. Акбердина более двухсот печатных трудов и двадцать авторских свидетельств и патентов на изобретения. Чтобы смягчить экономическое положение института, ученые, в том числе и Акбердин, перестроились в своей работе, то есть укрепили связи с промышленными предприятиями Балхаша, Жезказгана, Усть-Каменогорска – «И этим живем!» – выполняют для них заказы.

Эти цифры и факты я выпросил у Александра Абдулловича позже, поскольку на вопрос: «Что изменилось в вашей жизни в последний год?» – он дал совсем уж неожиданный ответ:

– Становясь старше, мы больше задумываемся о смысле жизни, над тем, как мы живем. И вот какая интересная мысль мне пришла... Какими путями улучшить свою жизнь, близких, друзей, моего коллектива, да и вообще, если высокопарно говорить, всего нашего общества?

Интересный анализ я провел: посмотрел, где же истоки нашей не очень хорошей жизни. Когда мне говорят: «мы скоро удвоим ВВП, макропоказатели улучшим»... – я этого не понимаю! Я понимаю, когда мне показывают уровень зарплаты. Так вот интересный факт: если проанализировать структуру себестоимости любой продукции Казахстана, доля зарплаты там не более 5-7 процента. Все остальное – затраты, как мы говорим, производственные.

Если же это самое посмотреть у американцев, японцев, у южных корейцев, там доля зарплаты... 50 процентов!

Если у нас горновой доменной печи или писатель, или ученый получает маленькую зарплату, он не может купить мясо. И – не развивается животноводство! Если он не может заплатить за квартиру – у нас на боку лежит коммунальный сектор! Если у него за 20 лет жизни было два костюма – значит, у нас Абайская швейная фабрика стоит. Если он не может купить носки, стоит Карагандинская чулочно-носочная фабрика.

(Прошу прощения у читателя, что предлагаю чуть ли не лекцию профессора Акбердина. Да еще и лекцию экономическую – от профессора-металлурга. Но Александр Абдуллович говорит так заразительно, так логично, да еще и о любимом нашем предмете... о зарплате! Давайте вникнем в его слова!)

– Есть прямая связь между благосостоянием всей страны и зарплатой. Ведь зарплата людей – это, как я называю, очень *быстрые деньги*. Мы идем на базар и покупаем курочку, отдаем деньги частнику, он тут же покупает комбикорма, а завтра приносит другую курочку... Лучшим и самым мощным инвестором является народ с его зарплатой. Вот это надо руководителям понимать!

Когда я приезжаю в Усть-Каменогорск, Жезказган, местных руководителей спрашиваю: а как у вас отношения с иностранными инвесторами? Они говорят: а никаких. Почему? Но это же частное предприятие, мы не можем вмешиваться. Я тогда говорю: а народ работает у них ваш? Из вашего города? Да!.. И тогда излагаю вот эту мысль, которую предложил вам.

Обязательно с иностранцами надо устанавливать контакт. Обязательно!

Видеть, что зарплата низкая и не принимать меры, – это полный развал, как мы говорили, народного хозяйства. Здесь прямая связь. Иностранные инвесторы никогда не дадут столько денег, сколько даст народ. У нас 15

миллионов населения. Умножьте на среднюю зарплату – и получите астрономическую цифру инвестиций, которые могли бы мы внести, но не вносим из-за нищенской зарплаты. Потому у нас ничто не развивается и не будет развиваться!

– *А какой же выход?*

– Выход, казалось бы: в два раза увеличить зарплаты и пенсии... Но себестоимость продукции тут же подскочит выше мировых цен, и мы вообще ничего никуда не продадим! Значит выход один: снижать производственные затраты.

А для этого надо привлекать науку, представителем коей я являюсь, науку с ее разработками новых технологий. Вот когда и государство и бизнесмены это услышат, тогда мы будем хорошо жить.

– *Услышат алчущие иностранцы... Ой, ли!*

– Рассчитывать на то, что иностранные инвесторы и бизнесмены это услышат, конечно, наивно. Им выгодно не платить за экологию, не платить зарплату нормальную, и не вкладывать деньги в инфраструктуру городов и поселков. Мы для них как будто страна третьего мира – с очень низкой зарплатой. И это выгодно им.

Но мы должны увидеть это. Мы – это гражданское общество, профсоюзы, журналисты-писатели, это ученые, которым дозволено (да и всем дозволено!) говорить об этом вслух, обсуждать. Если бы у нас были сильные профсоюзы, как в Америке или в других капстранах, такого бы положения не было.

Интересна, к примеру, такая вещь. Когда российский или казахстанский металл прибывает в США, сталевары, горновые их выходят на забастовку, запрещая ввоз металла. И вы думаете, по какой-то технической причине? Нет. Они говорят: этот металл прибыл к нам потому, что нашим братьям-шахтерам, рабочим платят нищенскую зарплату, и у них дешевый металл. Мы за то, говорят они, чтобы производили металл, чтобы они присылали его нам, но при том, чтобы им платили высокую зарплату!

Вот о чем говорят профсоюзы капиталистических стран. Вот если бы у нас были такие профсоюзы! Вот если бы у нас было развито гражданское общество с обсуждением этих вопросов... А у нас роль профсоюзов принижена.

– И если бы у нас было другое отношение к науке!

– Да. А у нас говорят: ваши технологии дорогие, мы лучше по-старому. И получается заколдованный круг. Раюровать его, я уверен, можно только одним способом: применять новые технологии, которые помогут снизить затраты и увеличить зарплату! А у нас этих технологий, как говорят одесситы, есть!

Вы не поверите, но – «честное пионерское!» – профессор Акбердин потчует меня подобными лекциями с завидной регулярностью. Однажды, например, буквально заставил сделать две программы «Земляки» по теме «Наука и бизнес». И его идею самым энергичным образом поддержали ученые других отраслей: экономист А. Алимбаев, металлург-«цветник» В. Малышев, методолог В. Цой. Две программы в итоге получились – пальчики оближешь!

Он всегда торопится. Но успевает и новостями поделиться, и очередную «шпильку» вогнуть мне под кожу, и выдать, к случаю, что-нибудь эдакое!

– Читал... – говорит как-то с чертенятами в глазах, – заметьте с карандашом в руках читал... ваш опус «В объятиях валют-поэтики». А хотите настоящей поэзии? Вот:

Ни любви не надо, ни признанья.
Только мне улыбку подари,
Песни про свиданья-расставанья –
У костра с гитарой до зари!
Пусть мотив любви, как дымка, нежит,
Стелется и рвется, как туман,
И с лучами солнца не исчезнет,
И волнует сердце по утрам.

Кого я, по-вашему, цитирую? Не вспомните? А еще учитель-литератор! Тогда вот еще:

Ты услышишь музыку рассвета,
Ты увидишь сполохи зари,
Ты услышишь, как тревожно сердцу, –
Все узнаешь, только приходи!

И видя, как я в недоумении морщу лоб, милостиво сообщает:

– Ладно уж, пополню ваш литературный багаж. Это написал некий Александр Акбердин, притом находясь среди красот Каркаралинска и, следовательно, от избытка чувств. Правда, было это лет сорок назад...

А мне подумалось, что эти юношеские строки куда более зрелы, и уж, конечно, не в пример более грамотны, чем вся та «валют-поэтика», что назойливо лезет нам в глаза со всех газетных страниц, струится нам в уши изо всех мыслимых электронных СМИ...

Ноябрь 2004 г.

ОТ ЮБИЛЕЕВ НЕ ОТВЕРТИШЬСЯ!

Сергей Лохвицкий:

«В хирургии я – ровно полвека!»

Дело и Душа

1

Рассказать в достаточном объеме о *Деле Сергея Викторовича Лохвицкого* я не в силах (да и не знаю, кто иной в силах), ибо *одни его итоговые цифры* валят с ног: 50 лет – в хирургии, 30 из них – в Караганде, даже в шестьдесят девять лет он делал по 250-300 операций в год (а это тысячи спасенных жизней!), издано 18 монографий, получено более 100 патентов и свидетельств на изобретения, более 100 учеников с учеными званиями! Одно только перечисление в визитке его титулов и званий занимает... 10 строк!

Вы еще стоите на ногах? А я в изнеможении откинулся на спинку кресла. Так что попробую подобраться к его *Душе*...

Но сначала все-таки несколько строк о его деловой репутации. Мне кажется, что Лохвицкий в Караганде более популярен, чем любой из бывших первых обкомовских секретарей и бывших административных глав области. Спрос на профессора доходит до курьезов.

– Дайте мне домашний телефон Лохвицкого! – звонит как-то известная в городе музыкальная дама.

– Это зачем же? – спрашиваю, отупев от неожиданности просьбы.

– Да у меня на пальце что-то...

Пришлось пофантазировать немного, в том смысле, что Сергей Викторович вчера только уехал в заграничную командировку. Не распространяться же перед страдальцей, что не со всеми болячками бегают к профессору.

Наше знакомство началось в 92-м году, когда по совету ветерана медицины, профессора Анны Захаровны Бузиной мне удалось вырвать у него пару часиков и записать интервью для очередного выпуска радиопрограммы «Земляки». Когда расположились в его уютном домашнем кабинете, он деловито спросил, сразу перейдя на «ты»:

- Что будешь пить? Коньяк или кофе с коньяком?

- До записи интервью – чай, а после – оба «К», - ответил я.

- Ну а я для тонуса коньячку пригублю.

Двухсерийная программа «Земляки» вышла в эфир в ноябре. Не скажу, что она была качеством своим достойна величия моего героя, но, прокрутив кассету сегодня, с болью в душе услышал, что время испортило пленку. А ведь это говорящий документ о том, каким был, как исцелял людей и делал медицинскую науку Сергей Лохвицкий, когда ему еще не было и шестидесяти. Потом у меня был репортаж с его 60-летия. А сегодня мы готовимся отметить его 70-летие... Потом были радиорассказы с его участием о совместной работе карагандинских и американских хирургов по программе «Караганда–Колорадо: открытое сердце». И – много чего еще.

Сергей Викторович напрочь лишен заданной самому себе *осанки*. Как в смысле манеры держать свое тело в пространстве (есть любители задрать подбородок повыше и выпятить пузо подальше), так и в тональности и интеллектуальности уровня общения. Речь его настолько «нашенская», что ни разу и не вспомнишь, что перед тобой Профессор и фигура с невероятной популярностью. Эту «нашесть» он еще и усугубляет тем, что легко так, походя, роняет шутку за шуткой, а то и вlepит к месту забористый анекдот. Между прочим, на праздновании 60-летия, в «капустнике» молодых коллег было обнародовано, что Хирург во время операции бывает настолько грозен и может так крутануть замешкавшегося ассистента словом «с верхнего этажа», что виновник аж «на задние ноги присядет»!

(Вот она магия писательства: сказал «задние ноги», и тут же выдернулось из памяти воспоминание о самом экстравагантном подарке юбиляру на том вечере: темиртауские, кажется, коллеги преподнесли Сергею Викторовичу в полном смысле весомый презент – гнедую конягу, да еще и под седлом. Помню, как покатывались мы со смеху от кавалерийской «ловкости» профессора, взбиравшегося на своего одра. Говорят, жизненная стезя того «презента» закончилась в тот же вечер – у ресторана «Орбита». Но догарцевал на нем туда, конечно, не юбиляр.

Гражданин московского зачина, хирург московского розлива (родился, учился и стал хирургом в Москве), он напрочь лишен даже малейшего *чванства*. Со всей душой давал мне интервью для «Земляков», никогда не проверял записанное («Ты профессионал – я тебе верю!»), позже с душой приходил на все пять встреч «земляков», общался, пел-танцевал с учеными, педагогами и простыми работягами.

Лет семь назад с моей супругой случилась неприятность: после операции аппендицита «умелые медики» поликлиники занесли инфекцию, и четыре месяца она не могла выйти на работу. А тут приспела очередная наша с Сергеем Викторовичем встреча...

– А что это Люба у нас такая скрюченная? – удивился он с порога.

– Да вот... – развел я руками. – Мастера перевязки потрудились.

Не тратя слов, гость прошел в ванную, профессионально вымыл руки и скомандовал хозяйке, подавшей полотенце:

– Иди, готовься. Врач пришел...

Собирая на кухне необходимое к застолью, я слышал, как чертыхался Сергей Викторович и спрашивал: «Где у тебя тут спирт? Бинт широкий есть?» Выходя из спальни в зал, сказал:

– Как там, в кино? «Летать-стрелять не могут... Но – орлы!» Так и наши: швы снять не могут, перевязать не умеют... Но – медики!.. Четыре месяца, говоришь, она без-

дельничает? Завтра забегу, мазь свою занесу – через неделю танцевать будет!

– Стервы – и только! – буркнул я.

– Перестань, – проворчал профессор. И – твёрдо: – В присутствии пациентов я не позволяю ругать врачей.

А назавтра он принес свою мазь, показал, как пользоваться *его чудом* исцеления, – и побежала Люба на работу аккуратно через обещанную неделю.

Совсем свежая деталь: при встрече в Клинике он, естественно, спросил, как чувствует себя сегодня моя Люба. У меня нашлась, конечно, очередная жалоба и, наверное, легко читался в глазах вопросец: «А нельзя ли?..»

Сергей Викторович, само собой, его прочитал и без обиняков сказал, как отрезал:

– Запомни: тебя, если понадобится мое вмешательство, я буду лечить. И Любу, наверное, тоже. А вот врачей своих об этом просить не буду!

С тихой грустью вспоминаю ту пару лет, когда мы нет-нет да и встречались для душевной беседы у меня дома. Поначалу и он приносил «чего-нибудь» объемом «0.75», и я выставлял столько же. И сидели часа по 3–4; каких только проблем под семейную снедь не мусолили! (Если это читает кто-нибудь из ханжей, не напрягайтесь: в нашей компании в первую очередь говорят о вещах серьезных, государственных!). Потом мы стали обходиться одной «0.75», пролетели еще месяцы – и стало хватать одной «0.5»... Помню, Сергей Викторович повертел в руках нечто финляндское и усмехнулся:

– А сдаем ведь, Володя! До шестидесяти я почти не ощущал усталости. А сейчас постоишь у стола часа три-четыре, и – вот она, тягучая усталость! Поползла по тебе...

Писал я, писал в «простонародном» тоне и вдруг осекся: а что, ежели сыщется кто-нибудь *многомудрый* и проскрипит:

– К прославленному человеку примазываешься? На свой уровень приземлить его тщишься?

Не потому, что «колышут» меня такие подозрения, а *фабулы ради* – вернись-таки к *Делу* профессора.

В последнюю встречу, в «Клинике профессора Лохвицкого» пару недель назад, было не до рюмок, не до чашек с кофе. Сергей Викторович тонким намеком ограничил наше randevu:

- Тебе сколько *моего* времени надо?
- Если не халтурить, примерно час.
- Хорошо, я дам команду, чтобы не дергали.

Но даже Лохвицкий не во власти над людской потребностью в его помощи, совете, участии. Мой магнитофон, казалось, взорвется от постоянных команд ему «стоп» из-за восклицаний от раскрываемой двери: «Сергей Викторович... ой, извините!.. там больная...», «Сергей Викторович... ой, простите!» То «грыжа» его звала, то «киста», то «приступ»... то: «подпись тут надо поставить!»

А я, включив свой «Репортер», все подбирался к *Душе* человека:

- К своему 70-летию чем счастлив Сергей Викторович Лохвицкий?

- Тем, что у меня есть дочка трех лет и четырех месяцев! Анечка – это мое самое большое достижение!

- Как этот... *(со смехом)* ассирийский Ашурбанапал?

- Сейчас это очень модно. Сейчас по ТВ все показывают подобные браки... То композитора Шаинского, то режиссера Табакова... У тренера Гомельского... в возрасте между двумя сыновьями разница 30 лет! У моих дочерей поменьше разница...

- А как зовут ваших женщин?

- Жена Надежда, а дочка Аня. Жена тоже хирург. Кроме медицинского, закончила юрфак, ходит на судебные процессы. Не знаю, не сбежит ли из хирургии...

- Помню вашу фразу: «вот как поставлю дочерей на ноги...»

- Мои старшие дочери в Израиле, обе закончили университеты...

- Предварительно отслужив в израильской армии?

- Да. Обе учились по специальности «управление бизнесом»... и работают в фирмах. Старшая в русской рекламной фирме, младшая - в израильской.

(Вспомнился мне один наш прямой разговор. Помявшись, я спросил:

- Говорят, профессор Лохвицкий в Израиль намерен уехать?

- Не могу я туда ехать, - посерьезнел Сергей Викторович. - Я у них там Лохвицким не буду. А дочерей поставить на ноги обязан. Отсюда мне это легче сделать.

«Могучий мужик!» - подумалось мне тогда).

- Периодичность Ваших визитов в Израиль к дочерям сократилась?

- Каждый год там бываю! И в этом году был.

- Чем заполняете свободное время, если оно бывает?

- Времени свободного у меня не так много. В клинике я обычно часов до четырех... В оставшееся - книги, телевизор, Интернет... Самому приходится писать, это тоже забирает время дома. Книги читаю, что попадет... А люблю Булгакова, Иосифа Бродского

- Вообще отношение к культуре сегодняшней - книжной, киношной, музыкальной, телевизионной?

- От музыкальной культуры я немножко отошел. Жил в Москве - хороших симфонических концертов не пропускал. А здесь как-то пошел... Понимаешь, сейчас я иногда не успеваю днем отдохнуть... ночью-то сплю 6-7 часов. Если я приду вечером на концерт, я засну. А это неприлично. Я на любом заседании засыпаю - какая-то у меня манера неприличная... У меня очки затемненные, а голову я держать умею, так и прячусь... Но на джаз хожу, когда бывает у нас. Сейчас жена поехала, должна взять билеты на «Московскую антрепризу». Последний раз был на концерте Максима Галкина. На Пугачеву идти Надя не выразила желания, а я жалею - надо было пойти. Про ТВ... Слава Богу, что пошли российские сериалы взамен

мексиканских, а то был кошмар зеленый. И меня, конечно, удивляет культ бандитов в кино.

– Такой вот вопрос. Врач, который лечит, не имеет права болеть. Как чувствуете себя, Сергей Викторович, накануне своего 70-летия?

– Ты понимаешь... неожиданно появившаяся дочка заставила меня думать, что мне надо пожить немножко больше. Не могу таких заявок делать, но хотелось бы пожить, чтобы ее немного подрастить. Вырастить, боюсь, не удастся, подрастить хотя бы. Я стал обращать внимание на свое здоровье. Стал питаться более-менее нормально и регулярно. Сбросил вес... Выпиваю рюмку за обедом, это, говорят, полезно... Коньяка или водки – не имеет значения. стакан вина или рюмка коньяка... 50 граммов. В гостях я могу выпить максимум две рюмки, в былые времена в меня больше входило... Когда я это все стал делать, перестал таблетки глотать. Давление стало нормальным.

– «Не курил и не курю»?

– Курил очень много, курил с двенадцати лет. В четырнадцать выкуривал пачку в день! А в тридцать отрезал: не курил ни разу. И с полной уверенностью говорю, что, если бы я не бросил, меня бы сейчас живым не было.

– А по методу знаменитого кардиолога Амосова бег ежедневный?..

– Бег исключен. Я «сова», а мне вставать надо рано. Но во всяком случае, 10-15 минут по рабочим дням и час-два в выходные я занимаюсь гантелями, педали кручу. К сожалению, я сейчас не хожу пешком. Скользко...

– Скоро нам с вами, Сергей Викторович, по 70 лет будет...

– Как это ты любишь считать? «Если по числам, то ты на 30 дней меня старше, а если по годам, то я – на 11 месяцев обогнал!»

– А что! Мне нравится играть в ревнивые «догонялки» и «совпадет–не совпадет»: «Лохвицкому в феврале исполнится 70, а через 11 месяцев и я выйду на этот рубеж... Он 50 лет – в хирургии, а я 50 – в журналистике... у Лохвицкого три дочери – у меня три сына и четыре внуч-

ки, последняя его *дочка* Аня – а у меня первая *внучка* Аня» Так что Ваша, профессор, очередь подвести итоги жизненного марафона.

– Понимаешь... У меня получилось все удачно. В медицинский я пошел, потому что я хотел в него пойти. Правда, я не думал, что буду хирургом. Думал, стану теоретиком-физиологом. Но попал в операционную первый раз и понял, что это моя жизнь. Первую операцию свою я сделал на втором курсе института, значит, уже 50 лет в хирургии. 50 лет оперирую! И представь, хирургия не надоела еще. В те годы в Москве я не мог получить клинику для самостоятельной работы, как мне хотелось, и я приехал в Караганду. Здесь клинику в мединституте я получил. 30 лет уже работаю! Теперь – эта клиника, называется она...

– ТОО «Клиника профессора С. В. Лохвицкого»?

– Да, совершенно верно. Я ее руководитель и ведущий хирург... Работать мне намного легче, поскольку в государственных лечебницах много того нет, что есть у нас. Здесь нет материальных проблем. Если по деньгам что-то купить можно, значит покупаем. Если пока не можем, значит, откладываем деньги, уменьшаем свои дивиденды и покупаем нужную аппаратуру. И работаем в нормальных условиях. Если я всю жизнь боролся против того, что нам давали тупые скальпели, то сейчас... ну и так далее. Нет плохих ниток, а есть такие, какие нужны, у нас аппаратура – для современных операций. Я достаточно сделал в хирургической науке... Один из известных хирургов бывшего Советского Союза... Один из трех ведущих хирургов Казахстана. Как принято говорить, Мухтар Алиевич Алиев – это юг Казахстана, Лохвицкий – это Центр, и Изимбергенов Намаз Изимбергенович – на Западе.... Больше 100 учеников моих – имею в виду только докторов и кандидатов наук – работают во всех вузах и основных исследовательских институтах Казахстана... работают в Москве, Новгороде. Сургуте, да во многих местах России, а также в Украине, на Кавказе, в Грузии, в

Армении и далее... В ФРГ, Израиле, Америке. Понимаешь, так что...

Профессор, мы лет 10 не беседовали у микрофона. Новые научные труды появились? Разработки типа открытий?

– Монографии выходят почти каждый год. По-моему, их уже штук 18, видишь, торчат везде. И сейчас готовим, будет выходить. А изобретений у меня... патентов около сотни. Многие делают операции моим способом.

– Помните, в кинофильме «Все остается людям» академик Дронов был озабочен тем, кому передать его заветную папку?

– Черкасов играет?.. Нет у меня таких папок... Но эстафету есть кому подхватить! Кафедрой моей заведует доктор Тургунов.

– Не сын ли нашего знаменитого онколога Мейрама Тургунова?

– Да, сын. Ермек Мейрамович. Ему еще и 40 нет, а вполне соответствует уровню завкафедрой. Зрелыми хирургами являются профессор Омархан Ержанов и доцент Марат Абеуов. Есть преемники!

– Вернемся еще раз к частной медицине. Что она практически дала и вам, и нам? Тем, кто лечит, и тем, кто лечится?

– Тем, кто лечит, она дает сравнительно достойные доходы. Если в год моего 60-летия, помнишь тот трудный год, врачи получали зарплату просто стыдную, а рядовой профессор получал почти столько, сколько уборщица в какой-нибудь фирме. Врачи, которые у меня работают, получают зарплату сдельно, сколько выработал, столько и получит. От каждого осмотренного больного, каждого проверенного, получают определенный процент того, что этот больной заплатил. И еще – в зависимости от активности работы, квалификации. Их зарплаты в несколько раз превышают зарплату врачей государственных больниц. В два раза – это как минимум!

– Еще – с точки зрения материальной: у вас в клинике может излечиться только крутой бизнесмен или и обычный человек?

– Когда мы открывали клинику, – а нам в этом помог тогдашний глава области Мажит Толеубекович Есенбаев, и мы ему очень благодарны! – я ему сказал: «Все-таки у нас город не бизнесменов, а трудящихся. Будет ли достаточно больных, которые смогут оплатить лечение?» Он ответил: «Думаю, что будет». И этим он меня вдохновил. У нас больной получает счет, ему дают ориентировочную сумму, сколько будет стоить лечение, сколько стоит операция, сколько стоят лекарства и так далее. У больного никогда ничего не попросят сверх этого счета! – Это исключено! Больной получает здесь помощь на современном уровне – научном. Таким же уровне, как это делается в Америке, Германии, Израиле, Москве, Петербурге. И в городе все-таки много людей, которые имеют некоторый запас денег на чрезвычайные обстоятельства.

А бизнесмены у нас... Вот есть специальная «вип-палата», большая – с комнатой, душем, туалетом... Так она далеко не всегда занята. Мы туда ставим вторую койку и кладем простых людей за обычную цену. Хотя она стоит в три раза больше, чем обычная наша палата. Периодически есть богатые, но обычно лечебный процесс идет на простых трудящихся – учителях, рабочих, пенсионерах. И больной, когда ему говорят, сколько надо заплатить, совсем не часто говорит, что ему платить нечем. Один примерно случай на сотню случаев.

Я ведущий хирург. Хирургические операции здесь, кроме наиболее простых, делаются мной или с моим участием. Урологические операции большей частью делаются с моим участием или мной. У нас есть уролог, он молодой, он растет. У нас опытный гинеколог... очень активная! При этом у нас внедрены все современные методы. В хирургии мы делали операции большей частью видеозендоскопические. В гинекологии тоже эндоскопические, это когда через проколы вводятся телекамера и инструменты и без разреза удаляются желчный пузырь, ап-

пендикс, матка. Сейчас эти операции в Караганде делают и в облбольнице, и в медсанчасти, но у нас они проходят в большем количестве и более широком диапазоне. У нас, к сожалению, нет своего ортопеда, но к нам ежемесячно приезжают из Кургана специалисты Илизаровской клиники. Недавно был успешно сделан искусственный сустав при эндопротезировании тазобедренного сустава.

– А что, профессор, числится за Вами как «впервые»?

– Я впервые в Караганде применил видеолапароскопические и торакоскопические операции. На органах живота и груди...

– Помню, я рассказывал об этом по радио лет 10 назад. Вы удалили желчный пузырь с камнями без разрезания живота.

– Можно и так сказать. Впервые в Казахстане и Центральной Азии я провел микрохирургические операции по реплантации пальцев руки. Помню, в первом случае пришлось пришить сразу четыре оттяпанных пальца. Довелось мне оказаться лидером в Казахстане и даже среди лидеров Советского Союза в хирургии лимфатических сосудов.

4

– Сергей Викторович, несколько щекотливый вопрос: а за полувековую деятельность, за все эти вот «впервые» и два десятка монографий... какие звания и знаки отличия упали Вам на грудь и чело?

– Наивысшая правительственная награда у меня – Орден Трудового Красного Знамени СССР. Несколько медалей есть. Звания? Хирург высшей категории, доктор медицинских наук, профессор.

– Один московский гость на Вашем 60-летию говорил: «Мы, московские коллеги, удивлены, почему Сергей Викторович Лохвицкий до сих пор не академик в Казахстане?» Как звали гостя?

– Это профессор Виктор Кузьмич Гостищев. Сейчас он академик АМН России. И как это ты помнишь, что он говорил?

– Еще помню, как он сказал: «Я расскажу коллегам в Москве, что Сережа Лохвицкий если не академик АМН Казахстана, то уж *Народный Академик* – это точно!» И еще, поверьте, помню, что в репортаже с того юбилея, я, репортер областного радио, призывал власти Республики и области оценить все-таки по заслугам дела и мысли Лохвицкого!

– Значит, слабым голоском призывал (*смеется*) – не услышали...

– Профессор, каким образом юбилей отмечать будем?

– Черт его знает... 50 лет, я помню, было интересно отмечать. В 60 было... ничего, но год был тяжелый. Юбилейную статью в «Хирургии» надо было поместить, но – сначала заплати 200 баксов. Где бы я их тогда взял? А сейчас я вообще бы не отмечал! Нет у меня желания... этот юбилей отмечать. Сижу вот и «саржи» на себя рисую... чтобы вспомнили, что я есть. Во всяком случае, что-то надо будет делать. Обещали мои ученики приехать... Господин Афендулов, депутат Госдумы России, профессор, мой ученик, сказал, что приедет.

– То есть не отвертеться – отмечать придется?

– Из Израиля хотят мои ученики приехать... Не говоря про тех, кто поближе. Так что придется, наверное...

– На 60 лет Вам подарили 6 чапанов и – целую лошадь!..

– Чапанов было много больше... Ты не все видел.

– И куда они делись?

– Раздариваю. Кто-то смеялся, что есть, видимо, чапаны, которые ходят по кругу... Жив буду... и ты на свои 70 лет получишь чапан!

– Вот спасибо! Сам не заслужил, так Лохвицкий подарит!

Декабрь 2004 г.

УЧЕННЫЕ – ВНЕ ЛАБОРАТОРИЙ

Абылкас Сагинов:

**«Я никогда не подписывал писем
в поддержку...»**

Человек-утёс

В мае 96-го случился сбой в той «пляске», что затеял вокруг автора программы «Земляки» председатель теле-радиокомпании У. Ахметов. Не вышло у него с маху от-править в отставку непокорного подчиненного:

– Ишь, на какие высоты ты вышел... – прошипел он сквозь зубы, и я понял, что костью в горле Утена застря-ла третья моя встреча с Сагиновым.

...С Академиком Абылкасом (в Караганде его, как ве-ликого Абая в Казахстане, можно называть без фамилии) я, к сожалению, встречался всего трижды.

Первый раз – когда он, ректор политехнического ин-ститута, приехал в совхоз «Индустриальный» Нуринского района вручать символический ключ к новой школе, ударно построенной *его* студентами из стройотряда под командованием А. Анисимова. А я делал там репортаж для телестанции «Юность».

Второй – когда, комфортно развалившись в кресле в домашнем кабинете Академика, брал у него интервью для программы «Земляки».

Третья встреча случилась в кабинете директора *Института комплексного исследования недр*, который будто бы и создан был «под Сагинова».

В первую нашу встречу меня поразили «габариты» Сагинова – и физические, и, так сказать, послужные. Не по-казахски высокого роста, широченный в плечах. Суровое лицо с тяжелыми роговыми очками. Весь такой суперзначительный, вальяжный. Весь в черном, а потому особенно ярко отсверкивала Золотая Звезда на костюме Героя. Глыба, а не человек...

– Он первый в области горный ученый, – тихо толковал мне Анатолий Анисимов. – Первый у нас в области Академик и первый Герой Труда-ученый. Считается родоначальником высшего технического образования в области... и Казахстане.

Вручение символического ключа прошло «на ять»! Селяне – и старые, и юные – чуть не рыдали от счастья. Шутка ли, в соседнем совхозе такую школу профессионалы-строители возводили... двенадцать лет, а «птенцы гнезда Абылкасова» – всего два года. Сагинов в этой шумной кутерьме являл собой вид гордого утеса...

А потом мы «нарушили» закон ССО. Пили какой-то славный коньяк, закусывая его сладчайшим арбузом. Не думаю, что от коньяка, скорее, от гордости за своих студентов и тихого уюта в штабе ССО лицо Абылкаса Сагиновича из сурово-руководящего стало ласково-отеческим, сквозь очки искрились его некрупные, но глубокие, пытливые глаза. Говоря что-то о своем детище – угольном институте, открывшем дорогу к созданию крупнейшего в республике «политеха», ректор подливал мне янтарное питье, приговаривая:

– Вы пейте, пейте, вам это... еще не вредно. Не то что мне...

К слову, это оказалось даже полезным мне! Смесь «коньяк плюс мякоть арбуза» (в большом количестве) привела к

тому, что я потом полгода не мог взять в рот ни капельки спиртного! Чем это не рецепт борьбы с алкоголизмом?..

Вторая встреча с Сагиновым по иной причине неизбежна.

Признаться, я не ожидал, что 80-летний казах может без усталости так великолепно говорить по-русски полтора часа – должны же были сказаться на его мышлении и речи и возраст, и национальность. Но Абылкас Сагинович потряс меня логикой, образностью рассказа, охватом самой обстановки, в которой ему довелось начинать и доводить высшее образование в области до тогдашнего уровня. Я буквально расплавился, словно масло на сковородке, и «поплыл» в радости: из этого интервью выйдет не одна, а три программы «Земляки»! Если бы я сообразил тогда, что это объемистое интервью сразу для трех программ лишит меня возможности новых встреч с Академиком, я бы «вырвал грешный свой язык» – и попросил о новой встрече. Но говорят же: дурак в радости еще больший дурак, чем в горе...

Так и случилось: из одного этого интервью смонтировалось три программы. Зато с выдачей их в эфир мои «радиобастыки» сообразили курьез.

Черт дернул меня в октябре-ноябре 1996 года баллотироваться кандидатом в областные депутаты. Не то от собственной глупости (не то от чьей-то) и его «усердия» перед «княгиней Марьей Алексевной», которая что-то скажет, Утен Ахметов запретил мне выходить в эфир:

– Ты нарочно так подобрал героя! Рассказывая о Сагинове, ты будешь рекламировать себя!

– Область-то именно в начале ноября отмечает его юбилей! – убеждал я.

– Ну и что? Дадим твои программы... после юбилея.

Не могу до сих пор простить себе, что в горячке дурацких препирательств и предвыборных забот я не сделал копий тех «Земляков». Три программы вышли, а ни одна не сохранена! Случись эта ситуация сегодня, я не променял бы беседу с Академиком ни на какое депутатство!

Ахметов вот-вот должен был выкинуть из эфира ненавистного Литвинова. Но кто-то подсказал мне «крепкий ход»: от имени солидных карагандинцев направить письмо в Верховный Совет Казахстана. Мне показалось, что начинать надо с Сагинова: по значительности своей он, по моему мнению, не ниже второго нашего академика-земляка – Евнея Букетова.

Абылкас Сагинович радушно встретил меня в своем кабинете: встал навстречу, пожал руку. Сначала по казахскому обычаю мы поспрашивали друг друга о здоровье, о семье, о делах. Потом он внимательно прочитал заготовленное письмо, зорко взглянул на меня и сказал:

– Я никогда не подписывал писем *в поддержку*. Но это – подпишу.

Именно эта, третья, встреча и сбила спесь с Утена Ахметова.

Вслед за Сагиновым письмо подписали восемь видных людей Караганды.

И программа «Земляки» продолжала звучать еще почти три года.

...Несколько лет назад мне подарили огромный, дорожный фолиант «Элита Казахстана». Листал я его с интересом: не всех же своих Героев, Лауреатов, Заслуженных и Народных мы знаем. Естественно, выискивал всех наших, карагандинских. С изумлением увидел, что по чьей-то глупости или беспечности в книге нет имени... Абылкаса Сагинова.

Да простят меня те, чьи имена там *не пропущены*, я брезгливо отбросил эту бесчестную вещь, потом и вовсе изгнал ее из дому – кому-то отдал. «Это не дорога, если она не ведет к Храму!» – воскликнул цитатой из фильма.

«Душа – бумеранг», июнь 2003 г.

Комментарий сегодня

Герой Социалистического Труда Абылкас Сагинович Сагинов идет к своему 90-летию, которое мы будем отмечать в конце 2005 года. А на заслуженный отдых, как у

нас когда-то с гордостью говорилось, он ушел недавно. Если считать, что ушел... В Карагандинском Государственном техническом университете (КарГТУ) он по-прежнему является советником ректора. А еще старательно исполняет обязанности члена редакционного совета журналов, издаваемых КарГТУ. За ним персонально закреплена автомашина. А в Институте комплексного освоения недр, который Абылкас Сагинович «становил» и долго возглавлял, он избран Почетным директором.

В последние недели нашего Аксакала-Академика постигли две беды – сначала умер сын Виктор Абылкасович, известный ученый, а затем спутница всей его жизни, супруга Жанбиби.

Абылкас Сагинович мужественно переносит горе. «Умершим – наша память, а нам, живым, надо продолжать жить и работать!» – говорит он.

Декабрь 2003 г.

Абильда Алимбаев:

«Не сомневайся, когда все продумано!»

«Готов с тобой вместе подписаться!»

К случаю вспоминается классика... «Государь в обхождении прост!» – такую характеристику дает царю Петру в знаменитом фильме многомудрый посол России. Эта фраза всякий раз всплывает в моей памяти, когда вспоминаю или вижу умнейшего из известных мне экономистов Караганды Абильду Амерхановича Алимбаева. Замечательно прост в обхождении человек!

Познакомились мы с ним десяток лет назад, когда он руководил заседанием Ученого совета по защите кандидатских диссертаций. Соискателем был президент фирмы «Ал-габас», недавний комсомольский лидер города Абая Виталий Розе, а оппонентами – с десяток докторов наук во главе с самим Алимбаевым. Его светлые, почти белые, волосы, морщинистое лицо священного трепета не вызывали, ну

явно – не деспот, однако создавали загадку: даст ли мне разрешение на запись собрания ученых для радиорепортажа, какие ограничения поставит? Поэтому я осторожно спросил, можно ли вести журналистские записи.

– Записи? – оживился председатель совета по защите. – Одну минуту, я сейчас подойду к вам.

И тут же, отдав какие-то распоряжения секретарю совета, спустился со сцены, где стоял председательский стол, и направился ко мне.

– Меня зовут Абильда Амерханович, – с улыбкой протянул руку. – А вас?

И все-все мне разрешил, даже пообещал по первому моему сигналу что-то повторить в ходе защиты или уточнить.

Улыбка его была невероятной: казалось, что улыбаются на его лице не только глаза и губы, но и сотни морщинок.

Все последующие годы при мысли об Абильде Алимбаеве у меня перед глазами всплывает его улыбка. А в памяти – его удивительные точность и аккуратность.

Ученый-исследователь, профессор, общественный деятель, в придачу – постоянный командированный, – а я не помню случая, чтобы он отказался от встречи или не выполнил того, что обещал.

Он вообще невероятно «легок на подъем» в свои почти 70, когда кому-то нужна его помощь. Один из самых почитаемых в области людей, бывший председатель Карагандинского облисполкома, ученый и политик, Султан Каппарович Досмагамбетов написал солидную книгу и решил отвезти ее в подарок Президенту Республики. Но нужна была основательная рецензия. Кто ее сделает лучше Абильды Алимбаева? И два ветерана, которым на двоих почти полтора века, до утра не вставали из-за письменного стола...

А как-то на мою просьбу встретиться Абильда Амерханович сообщил:

– Пару дней не могу. Академик Сагинов попросил свозить его на охоту!

Абильда Амерханович ответил на многие десятки разнообразных моих вопросов, в какое бы время суток я их ему ни преподносил. Он прочитал немало моих произведений и не с ходу, а основательно подумав, пошелестев страницами, не спеша «раскладывал» их по полочкам или... «разносил по кочкам».

Одна из моих работ особенно тревожила меня, ибо касается щепетильного вопроса причин миграции русскоязычных из нашей области.

– Не сомневайся, – твердо сказал профессор. – Все тобой продумано и верно обсказано, основательно обосновано. Доведись, я бы поставил свою подпись под этим твоим очерком...

«Душа – бумеранг», июнь 2003 г.

Комментарий сегодня

Профессор экономики Абильда Амерханович Алимбаев (а еще – трижды Академик: Академии гуманитарных наук, Народной Академии экологии Республики Казахстан и Почетный Академик Академии инновации России) в декабре 2005 г., а именно 29 декабря, тоже отметит большой юбилей – свое 70-летие. Конечно, вместе с нами отметит!

Несмотря на эту неподъемную, кажется, жизненную дистанцию, его практически невозможно застать дома – носится по Республике, помогает становлению новых научных «светил» как «профессионал-аттестант».

Вернусь к его простоте в обхождении...

Помню, с каким тончайшим юмором отвечал Абильда Амерханович на мои вопросы в программе «Земляки» семь лет назад:

« – Довольны ли Вы своей судьбой? Были в ней изломы?

– Иногда доволен (Ну, оч-чень доволен!), а иногда, особенно когда подумаешь, нет! Думается, что при ином стечении обстоятельств могло быть и лучше... Лучше в том смысле, что мог бы сделать больше хорошего – и в воспитании подрастающего поколения, и в научной работе, и в развитии региона.

- Какова Ваша оценка нашего прошлого?
- Прошлым вполне доволен. Особенно, своим...
- А Ваша оценка нашего настоящего?
- Хочется лучшего, ведь это наше (особенно!) поколение заслужило. Хотя бы зарплату давали вовремя...
- Каким Вы видите наше будущее?
- Оно должно быть хорошим, ведь мы живем с надеждой!»

Таков он и сегодня, Абильда Амерханович – быстрый на мысль, легкий на шутку, надёжный на дружбу, неосстановимый на работу, жадный... до ласки и рюмки. («Последнее определение... оставить?» – спрашиваю своего героя сегодня. Отвечает сразу: «Да оставляй, контролера-партии теперь нету!»)

Два года назад по его идее создан в Караганде «Институт регионального развития», который ему же и доверено возглавлять.

В 2000 году вышел в свет двухтомный научный труд Абильды Алимбаева «Региональная социально-экономическая система», проще говоря – сценарий социально-экономического развития Карагандинской области до 2010 года в условиях рынка

- Во, куда я замахнулся! – смеется Абильда Амерханович.

Декабрь 2004 года

«БУДЕМ ЖИТЬ И ТВОРИТЬ, ЗЕМЛЯКИ!»

Валерий Цой:

«Ни дня – без результата!..»

Кто он? Методолог!

Помните, ординарец Петька с печки говорит легендарному начдиву: «Недоступный ты моему пониманию человек, Василий Иванович!»?

Вот и моему пониманию почти недоступен Валерий Иванович Цой – ректор **университета** предпринимательства и культуры менеджмента в 1992 году, директор **института** предпринимательства и культуры менеджмента в 1996-м, декан **факультета** предпринимательства и управления в рамках Карагандинского технического университета – в 1998-м... — учебного заведения, статус которого то и дело меняла наша «культура» мышления, а точнее некий зуд, прекрасно отраженный в любимом анекдоте одного из моих героев: «Назовите слово из тринадцати букв, – со вкусом загадывает он, – которое на «Р» начинается и никогда не кончается!..»

Вы правы, *реорганизация*. Именно зуд из-за нее и трансформировал новое, интересное и перспективное дело.

Но об университете несколько позже, а сейчас о самом В. И. Цое, ибо «штучки» с делом его жизни мне понятны, надеюсь, вам тоже, а вот почему пониманию моему недоступен ректор-директор-декан, поясню на примерах, точнее – на цитатах из самого Цоя.

Вот, например, его ответ на мой вопрос, кто или что оказало серьезное влияние на становление его характера, мировоззрения:

– Сводить становление характера, мировоззрения к решающему влиянию родственников, педагогов либо литературных героев было бы слишком просто. Осознание значимости собственного **Я** не только вселяет уверенность и силу, но и задает программу постоянной работы над собой. Ответственное отношение к тому или иному действию обуславливается уровнем внутренней культу-

ры, поэтому все негативные стороны нашей действительности я связываю главным образом с маломощностью своего интеллекта...

Вы углубились в мысль Валерия Ивановича? Повторить ее сможете?

И я не смог. А вот его простой ответ на мой простенький вопрос об увлечениях его, хобби, так сказать:

– Увлечения? По жизни – шахматы, поэзия, интересные люди. А вот увлечения у меня деятельностного характера: культура изобретательского творчества, естественно, культура политического, педагогического, управленческого мышления... экономического и предпринимательского мышления. Осознание проблемы как отсутствия необходимой части знания о собственном мышлении для организации «правильной» практической деятельности может прийти после знакомства с методологией мышления – современной наукой...

Вы обратили внимание, что «чем дальше в лес, тем... меньше дров», то есть чем больше говорит Валерий Иванович Цой, тем меньше напряжения в нашем восприятии его, хотя напряг еще изрядный. Тогда «на закусочку» ответ методолога на вопрос, как он считает, есть ли у нас свобода мышления, высказываний, выступлений:

– Мышление, оперирующее несогласованными понятиями и категориями, рождает и сегодня инвалидизированные Законы, Постановления, Приказы и т. п., выступающие ограничителями истинной свободы Духа и Разума. А поэтому с позиции культуры мышления наше настоящее по большому счету мало отличается от прошлого. Основная масса деятелей и, в частности, макроуправленцы продолжают оставаться вне культуры и повторять прежние ошибки. Основной метод управления в деятельности – метод проб и ошибок – предопределяет сам по себе неэкономичное использование финансовых, интеллектуальных, энергетических и материальных ресурсов. При этом осознание цивилизованных форм взаимодействия, взаимовыгодного сотрудничества будет происходить достаточно долго, может быть, сотни лет.

...Вот теперь нам все понятно: если не научимся все мы – и министры, и производители – шевелить как следует мозгами, не видать нам лучшей жизни еще долго-долго!

Родился Валерий Цой всего сорок восемь лет назад в поселке Малая Сарань. Так что у его односельчан есть полное основание дать одной из улиц его имя: не каждый год в таких селеньицах рождаются создатели целой отрасли науки и организаторы университетов, а именно Валерий Иванович Цой подарил региону *методологию* и первый в Казахстане *частный университет* предпринимательства и культуры менеджмента. И – факт! – этот университет прожил полнокровной жизнью пять лет!

После Карагандинского политехнического, где Валерий Цой потряс преподавателей и студентов защитой диплома на чистом английском языке (таких «чудиков» оказалось лишь двое из 800 выпускников!), он прошел аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию в Ленинградском политехническом институте. В конце 80-х и начале 90-х годов неугомонный карагандинец «прошел» Курсы повышения квалификации по методологии технического творчества в подмосковных Люберцах, Всесоюзную школу культуры парламентского мышления, Всесоюзную игротехническую школу при Академии наук СССР, Методологическую школу при Российской Академии менеджмента и агробизнеса. Кроме знаний, если выразиться его стилем, заложенных в глубокие и многочисленные извилины серого вещества, в сокровенные места положил документы, удостоверяющие: «предъявитель сего имеет квалификации» горного инженера-механика, переводчика с английского языка, методиста технического творчества, игротехника, методолога, консультанта-организатора коммуникации в парламентской дискуссии. Вот!

А по итогам организаторской деятельности и научных публичных выступлений карагандинского ученого посчитали за честь ввести в свои ряды весьма серьезные «альма-матер»: он избран академическим советником Инженерной академии РК, членом-корреспондентом Казахского отделения Международной академии информатизации и Членом-

корреспондентом Международной экономической академии Евразии... Не знаю, насколько оглушающе звучат все перечисленные звания, но то, что Валерий Цой – выпускник карагандинской СШ-63 по классу математики уникального педагога Б. Г. Шегая, для меня весьма убедительно!

Кстати, сам Валерий Иванович по поводу «титулов» мыслит так:

– К различного рода установленным в государстве званиям и наградам не стремлюсь, так как у меня другая система ценностей:

Я инженер, педагог, ученый.

А в сущности я человек простой –

Душой и сердцем в Мир влюбленный!

– Так что я не бываю без дела. У меня ни дня – без результата. Даже когда я играю в шахматы или читаю газеты, осознаю необходимость этого для более полной самореализации своих возможностей в основной деятельности.

...Теперь о его ноу-хау – Институте предпринимательства и культуры менеджмента – пора поговорить, хотя еще в мартовской 1994 года программе «Земляки» он был представлен, как *университет*. С чего он начался? Валерий Иванович, посмеиваясь над собой, говорил тогда:

– Я, наверное, в самые юные годы был ориентирован на то, чтобы не зря прожить жизнь, сделать что-нибудь существенное. А для этого что надо? Надо *строить* себя и в первую очередь закалить себя. И поскольку я был достаточно хил и слаб телом, пошел заниматься штангой, потом на бокс записался, потом велосипедным спортом занялся. А поскольку с одним другом все время соперничали, то я, как только увидел, что он увлекся парашютом, немедленно полез на парашютную вышку! И в это же время меня тянуло чего-нибудь смастерить, изобрести... А закончив институт и аспирантуру, затем став кандидатом технических наук, я задумался уже о *методах* технического творчества, то есть *как* научить людей изобретать. И вот, раздумывая над этими проблемами мышления, я попал в 89-м году в одной из московских школ повышения квалификации на организационно-деятельностную игру и встретился с уникальными людьми, которые занима-

лись проблемами мышления вообще и мышления экономического, управленческого в частности.

Я многое там постиг и дома, в Караганде, немало приложил сил, чтобы провести такую игру с областными руководителями по теме «Демократизация управления городом». Так я «заболел» игротехникой, методологией. А на всесоюзных организационно-деятельностных играх в Вильнюсе, Москве, Твери, Омске получил новые знания и закалку. Меня все больше мучил вопрос трансляции культуры мышления. И первое, что я сделал, обратился в клуб «Факел» при Дворце пионеров, где были очень толковые ребята Костя Кольцов, Маулен Шарипов, Гуля Курбанбаева, и предложил им заняться новой наукой – методологией мышления... Потом были занятия, игры, семинары и появились новые единомышленники. Людмила Алексеевна Титова, завуч школы, Галина Андреевна Мохова, преподаватель кооперативного института, Артур Кирхмаер, секретарь Темиртауского горкома комсомола, Платон Пак, директор фирмы «Контакт», Виталий Розе, президент фирмы «Алгабас» – с ними первыми зародилась идея вуза нового типа, они и стали костяком нашего коллектива...

– В качестве главного приоритета, – продолжает рассказ Валерий Иванович сегодня, – мы поставили освоение новой культуры мышления, присущей цивилизованным рыночным отношениям. Поскольку мы начали работать на нестандартных технологиях, мы не имели морального права на «масштабный» прием абитуриентов. На первый курс мы набрали тридцать юношей и девушек. Каждый следующий год набор был такой же. Но авторитет к вузу пришел сразу! Новые структуры производства, новые виды деятельности требовали от специалистов соответствующих знаний, и мы эти знания давали.

Состоялся и наш первый выпуск. Ребята с него все до единого востребованы. Работают юристами, бухгалтерами, менеджерами частных предприятий. Работают и педагоги, распространяя наши методики. Ведь мы вводим в блок фундаментальных знаний такие инновационные предметы, как «Методология мышления и деятельности», «Схемотехника», «Игротехника», «Методология предпринимательской

деятельности», «Психологические и педагогические методы управления». Знания жадным до них молодым людям передают известные в Караганде ученые – профессор экономики А. Алимбаев, профессор-металлург В. Малышев, философы А. Майсюк и В. Батурин, опытный администратор в области шахтостроения А. Фридлянд...

– Почему же бывший университет предпринимательства и культуры менеджмента скукожился до факультета политеха? – спрашиваю в лоб.

– Не смогли, наверное, наши политики понять, а мы не донесли до них главный предмет необходимых преобразований – мышление человека! – прямо отвечает и Валерий Иванович. – А формальный повод отказа нам в лицензии состоит в том, что мы... не добираем до стандартного уровня набора на первый курс. И наши доводы, что этого и не нужно делать именно нашему вузу, как раз «культура» мышления на верхах и не позволяет воспринять!

А мы – упрямы! Уверены, что новая методология пробьет себе дорогу, мы и в этом не окажемся без результата!

А вот сейчас Валерий Иванович Цой вполне доступен моему пониманию – и в стиле речи, и в задумках, и в решительности.

«Сердца раскрываются», март 1994 – апрель 1998 г.

«Истина... – в игре!»

Представьте: инженер-механик «подцепил» в Москве новое понятие «методология», приехал домой, в Караганду, и породил у нас целую отрасль науки – методологию мышления! Но не утихомирился: постиг методологию – и родил... университет! Университет предпринимательства и культуры менеджмента.

Полтора десятка лет назад журналистская братия Караганды – в том числе и программа карагандинского радио «Земляки» – встали на уши: в шахтерской столице Казахстана родилось доселе небывалое учебное заведение. Да еще – высшее. Да еще – частное. Да еще с таким направ-

лением деятельности!.. когда и словечки-то «менеджмент», «маркетинг» не только объяснить, но и выговорить многие не брались.

Валерий Иванович Цой, хоть и кандидат технических наук, был тогда мало известным сотрудником объединения «Союзспецфундаментстрой». И послали его на повышение квалификации по методике изобретательского творчества в Люберцы (те самые, от которых пошел ансамбль «Любэ»?).

– Учился там, как надо изобретать... – ухмыляется Валерий Иванович. – Однажды нам предложили провести инновационную игру... Что такое инновационная игра? Ничего подобного я не знал... Почему бы нет?.. А за пять дней игры... я построил... – сам построил! – стратегию развития машиностроительного комплекса Советского Союза! Без всякой информации, но на концептуальном уровне... Не один, конечно, а наша группа инженеров... Так и вошли в меня навеки игровые методы...

Словом, земляк мой Валерий Цой попал в *зону притяжения игры*. А вскоре оказался он в АН СССР на занятиях игротехнической школы и познакомился с ее основателем Олегом Сергеевичем Анисимовым.

– Тогда я впервые услышал такое слово *методология*, – делится Цой. – Есть, оказывается, такая наука. Она официально не оформлена, не объявлена... Методологи продемонстрировали особую технику мышления. Я тогда понял, что всякие общественные преобразования, всякие эволюционные изменения в обществе происходят в зависимости от изменений языка. Если язык развивается, и общество развивается. Если язык деградирует – общество деградирует. Особенно в деятельностном отношении.

Вернувшись домой, Валерий Иванович белкой в колесе закрутился. Начал сразу с организации семинара по игровому моделированию – «Демократизация управления городом», на который были приглашены администраторы. И руководил этой игрой приглашенный из Москвы О. С. Анисимов. Он, к слову, потом еще на две игры приглашался. А сам Валерий Иванович Цой с активом разных профилей – общественных, административных, хозяйст-

венных – провел только в области больше сорока *деятельностных* игр, да «полстолька» в Астане, Чимкенте, Семипалатинске и Алматы!

– А есть ли практический результат?

– Первое время – в конце 80-х, начале 90-х – никто вообще о методологии не знал. Мне приходилось ходить и рассказывать, говорить... бесплатно притом... А сейчас уже о нас знают. Практически я не пишу рекламных статей в газеты, вообще никакой рекламы не делаю... а мы сегодня... вот так – загружены! Имеем работы... на год вперед!

– И по-прежнему на инициативной основе?

– Нет. Теперь все мероприятия платные. А деньги бросаем на приобретение литературы, на командировки и повышение квалификации. И на проведение игр на спонсорской основе в учебных заведениях.

– Прошу прощения, Валерий Иванович... Что вам лично дала эта пятнадцатилетняя трепка сил?

– Сегодня у меня сложилось четкое представление о том, как должна быть организована деятельность. То есть у меня построена картина миродейтельности. Не картина мира. А именно картина миродейтельности. Включая управленческую деятельность, инженерную, предпринимательскую. Я вижу, как они связаны логически.

– Стала ли методология мышления учебным предметом в вузах?

– Пока только в Карагандинском государственном техническом университете. Кроме того... Меня усиленно зовут в Алматинский университет имени Аль-Фараби, в Астану – в университет имени Л. Гумилева, но!.. Команда, которая мной создана, остается преданной Караганде, где корни наши пущены!

– Десять лет назад гремел ваш Университет предпринимательства и культуры менеджмента. Аркадий Фридлянд, шахтостроитель, педагог, поэт и художник, говорил даже, что «только в Университете Цоя дают настоящие знания»...

– «Меняются времена, меняются нравы...» Наш университет преобразован в две структуры: институт предпринимательства и культуры менеджмента (на консалтинговой

основе) и факультет предпринимательства и управления КарГТУ. Просто учебная часть перенесена в рамки государственного вуза...

– Последний вопрос... Случались ли в этой истории эпизоды, когда и «пальцы грыз», и «локти кусал», и «слезьми обливался»?

– Не было, честно говоря, и года без проблем, без каких-то разочарований. Но!.. Всякий раз какой-то анализ с одной стороны, потом какие-то инициативные движения – с другой... И мы выравнивали наш крен. И если мы оказались непотопляемыми, это потому, что опираемся на методологию мышления и деятельности. И я нахожу источник вдохновения, устойчивости... вот в этой самой культуре!

...Любимый мой Маяковский радовался, что «...такие люди в стране советской есть!» Мне бы тоже порадоваться, что есть такие неудержимые в продвижении своей идеи люди, как Валерий Иванович Цой...

Но мне почему-то грустно. Почему?

Кинул себе Валерий Иванович под ноги *деятельностный* (словечко-то какое!) марафон, длина которому не спортивные сорок два километра, а целая жизнь. И, может быть, не одна. Я верю, что он сдюжит задуманное. Но все же...

«Душа – бумеранг», октябрь 2003 г.

Николай Мисливец:

«Я, и в Карлаге сидя, строил!»

Моложе самых молодых

Наверное, все-таки есть магия в числах, иначе зачем бы они в определенной последовательности и постоянно преследовали одного и того же человека?

Вот, к примеру, строитель Николай Иванович Мисливец. Вся его долгую жизнь вокруг него так и крутятся

«7» и «15» ! Даже меня пленили: сейчас вот 7.00 утра, правда, 12 апреля, День космонавтики, но думаю-то я о 15 апреля – дне, когда моему герою Николаю Ивановичу Мисливцу исполнится ровно... 77. Кстати, в 47-м (тоже 7!) его из Свердловска отправили в Карлаг на 15 лет, а отсидеть ему довелось... 7.

Да, еще: у его отца было 7 братьев и сестер, а сегодняшняя семья Николая Ивановича, то есть жена Юлия Михайловна, дети, внуки, правнук, как он говорит, – «7 и я»... И так уж случилось, мои «Земляки» о нем вышли в эфир 15 апреля, но прошлого года.

– Дорогие мои земляки! Я не знаю, что мне делать! – воскликнул я тогда, начиная программу. – Если рассказывать обо всем, что было у Николая Ивановича в жизни, ей-богу, не хватит и десяти программ. Человек жил в трех странах: родился и жил в Китае, потом жил и сидел в СССР; пенсионер, но живет и трудится строителем в Казахстане. Он знает четыре языка, он был оперным певцом, шахтостроителем... работником горкома партии и строителем «легпрома».

Господи, я все его «был» не в состоянии перечислить!

И, следуя велению *свыше*, всю жизнь Николая Ивановича я излагать не буду, ограничусь... 7-ю эпизодами из его исповеди перед моим микрофоном:

– *За что вы попали в Карлаг, земляк?*

– Такой же вопрос мне задал следователь, когда я освобождался. Я говорю: «Ну откуда я могу знать?», а слезы льются из глаз, дыхание перехватывает, бешеное волнение, понимаете... А он посмотрел эдак и говорит: «Не совершил, но... может совершить преступление!». Хотя преступление мне «дали» очень страшное: это 4-й пункт – «за связь с мировой буржуазией», 6-й – за «шпионаж» и 11-я – «групповая». Кажется, так...

– *По прошествии множества лет что у вас осталось в душе от Карлага? Только тяжкое?*

– Вы знаете, конечно, это трагедия. Владеть четырьмя языками – двумя европейскими и двумя азиатскими, а это редко кому удается! – и я считал, что буду полезен Родине в ее трудный час, но потерял я *семь* лет. Но как-то это при-

тихло... Я ведь и в Карлаге уже строил! Шахту 4-ю, потом 6-7, потом ДОК там строил, жилье, больницу. И, видите, вроде не зря жил...

– Николай Иванович, конечно, можно слезы проливать по поводу того, что выпала такая черная страница в жизни. Можно зубы сжать и зло держать на государство. Но можно и какой-то жизненный опыт из этого извлечь...

– Конечно! Потому что в заключении встречались очень интересные люди, с которыми я нашел и общий язык прекрасно, и получил от них много хорошего – заряд веры во что-то святое, больше всего, конечно, в Человека, и новые знания. Вот вам Стефан Сергеевич Карпов – это замечательный архитектор московский, Благой Попов – один из руководителей Коммунистической партии Болгарии, сподвижник Георгия Димитрова, это Левка Вознесенский – сын знаменитого Предгосплана СССР... Затем Кубаткин – руководитель НКВД Ленинграда... Многие фамилии вылетели из памяти. Это и художники были прекрасные, это были и писатели. То есть лучшее наше общество здесь было! Сидели вот... Чурубай-Нура – тогда называлось местечко, теперешний город Абай.

– Теперь окунемся, Николай Иванович, в ваши молодые годы! Вот у меня ваш Аттестат, размером с половину газетной страницы:

«Предъявитель сего Мисливец Николай Иванович, эмигрант, родившийся 15 апреля 1921 года, закончил в декабре 38-го года при отличном поведении полный курс мужского реального училища имени Оксаковской...» Это в большом китайском городе Харбине. Причем, знаете, заведуешь тому, что тогда изучали молодые люди. Вот: Закон Божий – отлично, тут и маньчжурский язык, тут и русский язык, и английский язык, и такие науки, как космография, востоковедение, минералогия, правоведение, логика и психология. Вот это образование! А какое оно – среднее, высшее?

– Среднее. Но вы знаете, с этим Аттестатом я мог поступить в любой университет мира. Вы вот не обратили внимания на высшую математику, мы же проходили анализ бесконечно малых величин. Мы приходили в университет

готовыми и были в нем фактически три года! Из гимназии выходили врачи и так далее, а кто кончал реальное училище, это были блестящие инженеры. Потом я закончил институт в Харбине, стал инженером-электриком...

– Вот лежат фотографии ваших очень симпатичных, интеллигентных однокашников. Где они, что с ними?

– Арон Ярхо находится в Израиле, прекрасный человек, понимаете ли, очень душевный. Вот даже сейчас, понимаете, как получается: родные не помогают, они все у меня на Украине, все Мисливцы... а этот совершенно мне посторонний человек посылает мне и посылки, и денежные переводы... Один, я говорю, находится в Израиле, один находится в Австралии, третий – в Америке, в Сан-Франциско. И все стараются мне помочь. Вы понимаете? Эта дружба, которую мы прошли, воспитание наше, конечно, дали очень хорошие плоды. Я им обязан... Но чем я им могу отплатить, кроме памяти о них. Арон Ярхо говорит: «Я не могу успокоиться, если ты будешь нуждаться!» Мне думается, если бы правители не мешали, то народы мира сделали бы так, чтобы границ просто не было...

– Николай Иванович, у вас очень интересная биография до приезда в Советский Союз... Просто перечислите, кем вам удалось поработать.

– В Шанхае я работал при французской полиции. Занимался боксом, понимаете, профессиональным... Прекрасно стрелял, из пистолета выбивал не меньше чем 9 из 10... Поэтому был там телохранителем Посла Франции... с 41-го по 43-й год... Анри Косм, помню, его имя. Это был замечательный человек, я им просто восхищен. Когда началась война, он говорит мне: «Мон петит Луи (он меня так называл: «мой маленький Луи»), знаешь, говорит, началась война. Но это ошибка Гитлера! Это будет его конец». 22 июня он это сказал, Анри Косм...

– Мне нравится, как вы восхищаетесь людьми, Николай Иванович! Если человек восхищается людьми, стопроцентная гарантия, что сам он хороший человек... Кем еще вы были в Китае?

– Хе-хе-хе! Ну, был шофером такси. Пел в опере и оперетте. («На каком языке, кстати?») На итальянском пел, на английском, на французском и на русском пел – на всех!.. Еще я плавал в китайской водной компании, был на Борнео, Суматре, Яве... Имел интересную встречу с маршалом Чжу Дэ, говорил с ним на китайском языке...

– Следующий этап, Николай Иванович, ваша певческая деятельность.

– У меня лирико-драматический тенор был. В Шанхае я пел, потом в оперном театре Свердловска... («Вы с Юлией Михайловной пели?») Нет, она балериной в Свердловске была. Потом, когда я из Карлага вышел, она приехала сюда ко мне, и мы поженились. Потом и ее родители сюда переехали... Пел я и Дубровского, и Ленского, но в основном вторые роли. Первые мне не давали – приехал-то из-за... «Шпионская деятельность!»

– Вы, кажется, и «взяты» были, идя на работу в театр?

– Да-да! Шел на спектакль, на пять минут меня остановили и – пять минут превратились в 7 лет... Кстати, пел-то я и в Карлаге, и после – на карагандинской телестудии. Светлана Тарасова меня приглашала... Я работал тогда в конструкторском бюро...

– Николай Иванович, вы были, что называется, глубоко обижены отцовской Родиной... С каким же настроением работали на строительстве карагандинских шахт?

– С большим наслаждением! Я с людьми свыкся. Ведь был начальником участка и в подчинении имел 120 человек... Мы вели электрику, строили котельные, поднимали трубы, делали водопровод, канализацию. Вы представляете, мы за месяц проложили три километра водопровода! Старый Шахтинский район весь фактически строили мы. И никакого зла... не было. Единственно, что жалел, – 7 загубленных лет. И не давали подняться выше...

– А как вы из шахтостроителя превратились в начальника стройцеха кондитерской фабрики, где трудитесь и по сей день?

– Я перед пенсией работал главным инженером в УЖКХ «Каругля» и, чтоб не оказаться с инфарктом, тогда же, помните, как на «коврах» пропесочивали, решил от-

дохнуть. Но профессия-то осталась, а пенсия... прости меня Боже! И я пошел к кондитерам.

– *Что же сделано на этом посту за десять лет?*

– По моему проекту построены компрессорная станция, магазин. Сделал я и проект Дома отдыха на Топарском водохранилище. Была идея: между корпусами сделать красивую вставку... и вообще должна была быть проведена серьезная реконструкция... где на первом этаже – подсобные помещения, на втором – библиотека, а на третьем – спортивный зал. Понимаете? Было бы изумительно! Фабрика высшего разряда! Но сегодня то денег нет, то...

Мне хочется закончить этот «очерк из фрагментов» в год 77-летия Николая Ивановича Мисливца поздравлением ему с помощью чьих-то стихов, как это сделали еще в связи с его 60-летием коллеги неувядаемого строителя по Карагандинскому горкому партии (он никогда, между прочим, в партии не состоял, но, видите, и в горкоме поработал!):

Жмем вашу руку и желаем
До самых до волос седых
Быть Вам таким, как мы Вас знаем, –
Моложе самых молодых!

Апрель 1997 – апрель 1998 г.

Николай-победоносец

Есть Святые – Георгий-Победоносец и Николай-Угодник... А бывает, что Георгий – угодник, а Николай – победоносец.

У меня есть такой Георгий, но сейчас речь не о нем, о – Николае. Ох, и немилосердна в последние годы судьбина к Н. И. Мисливцу!

Напомню Читателю, что я писал о нем в книге «Сердца раскрываются»:

«Я не знаю, что мне делать! – восклицал я, открывая очередную свою радиопрограмму «Земляки». – Если рассказывать обо всем, что было в жизни Николая Ивановича Мисливца, ей-богу, не хватит и десяти наших программ. Человек прожил почти две жизни: пятьдесят лет – считай, одна жизнь, плюс двадцать семь – считай, вторая. Человек жил в трех странах: родился и работал в Китае, потом работал и сидел в СССР, давно пенсионер, но живет и трудится в Казахстане. Знает четыре языка. Был шофером, боксером, оперным певцом, шахтостроителем, сотрудником горкома партии и... Господи, всех его «был» не перечислить!»

Храня в своей памяти такой послужной список, Судьба могла бы и ослабить свой нажим на него. Но...

– Ты представляешь! – начиная по привычке свое приветствие на китайском или японском, Николай Иванович переходит, наконец, на русский язык: – Представляешь, что придумали энергетики? Отрубили мне свет в гараже и письменной директивой обязывают меня... создать гаражный кооператив, оплатить объединенную проводку и заключить новый договор с ними! Каково?

– Наверное, придется, – мычу я неопределенно.

– Но у меня есть договор! И почему именно я должен создавать кооператив?.. И почему я должен делать коллективную проводку?

– Тогда надо судиться с ними.

– Так я в прошлом году выиграл суд! А они опять...

Мужик он крепкий, Николай Иванович Мисливец. До семидесяти девяти возглавлял строительный отдел кондитерской фабрики. Водит свой «Жигуль» как молодой. Но вот посыпались на старика беды как из того рога!

На энергетиков он мне жаловался года три назад.

Потом посетовал, что избил все ноги, топоча по инстанциям, чтобы перечислили в пенсионный фонд его накопления. Года два ходил!

Потом чуть не «ссадили» его с машины, когда выяснилось, что за очередной техосмотр, очередную замену госномеров и еще за что-то «очередное» с него запроси-

ли сумму, в полтора раза превышающую его и старухину (вкупе!) месячную пенсию.

Потом опять мерзавцы потрусили дачку, испакостили все.

Потом беда случилась с Найдой, умнющей дворнягой, – потребовалась ей операция. Найда, изголодавшаяся, больная, прибилась к Николаю Ивановичу в трудную для нее минуту, да так и осталась в семье. У нее поразительная способность понимать язык людей: команд она не знает, слушает и *выполняет просьбы*. За операцию Николаю Ивановичу пришлось выложить всю месячную пенсию. Да месяц он выхаживал любимицу. «На что теперь бензин покупать?» – сокрушался.

– Представляешь... – поделился недавно новой своей проблемой, придя ко мне, – пальма у меня усыхать стала. Тесно ей в моей квартирке.

А ему самому в моей, совсем не низкой, квартире тесновато. Высокий, почти стройный, он шагает в зал. Старости в нем не замечаешь. Сутулость возрастная вроде бы пытается взлезть ему на плечи, да не удается ей это.

Новой своей бедой он поделился, видать, не только со мною, потому что вкоре в газете появилась большая статья с вопросом: не купит ли кто большую пальму у ветерана.

Потом заговорил еще об одной беде – Найда после операции лишь год прожила, умерла на глазах хозяина.

– Все не сводила с меня глаз, полных слез... Потом закрыла глаза...

Да еще одно надорвало сердце, как шуганули ветерана, *тридцать лет* отдавшего строительству шахт в бассейне, когда он пришел к пенсионным чиновникам с просьбой о перерасчете его семитысячной пенсии.

Перечисляю эти беды 83-летнего земляка, а мысль перескакивает к тем, кому еще труднее, – тысячам наших стариков, у которых и здоровья нет, и денег на лекарства не хватает, и безмашинные они, да что там машины – стакан воды у многих – некому подать. В иные-то времена ни энергетики их не доставали, ни ветеринарную помощь *Другу* не надо было вываливать месячной пенсии, и с ГАИ проблемы не были такими шкуродерущими.

А к Судьбе сердечная просьба: уж не сыпь ты, неумолимая, на голову моему герою все, что имеешь в заглавниках. Стоял он и стоит на своих закаленных работой ногах! И не сшибешь его, пока он сопротивляется...

...Вчера Николай Иванович зашел ко мне по пути из налоговой. Я ахнул: лица на человеке нет, враз постарел еще на десяток лет.

– Представляешь? Налоговикам я треть пенсии, оказывается, должен... За землю, на которой стоит гараж. Насчитали – представляешь? – с 58-го года!

Меня в жар бросило: я же только что просил тебя, Судьба, не весь свой заглавник вытряхивать на голову ветерана! Что ж ты творишь?

Август 2003 г.

– Николай Иванович, держисься? – спрашиваю ветерана сегодня, 8 ноября 2004 года. – Праздник Октября как отметил?

– Да как? Лежу... Рюмочку выпил лежа. Раньше-то как следует отмечал. А тут... Ведь пятый месяц, едри его, лежу! На лекарства все пенсионные улетают! Глотаю таблетки, а сам думаю: господи, как эти-то болеют, у кого пенсия по 4-5 тысяч? Да... знаешь, меня друзья из Сан-Франциско, из Канады просят: «Пиши! Поможем книжку издать!» Ну я написал тут что-то вроде рассказа... «Телохранитель». Это про то, как работал с французским послом. Надо бы, чтоб ты прочитал. Я же только пробую...

– Ну, конечно, я почитаю. И помогу, чем могу.

P.S. Ба! Задуманный моим замечательным другом и героем рассказ «Телохранитель» вижу в газете «Карагандинские вести» за подписью... его соседа. Только со ссылкой, что он – прообраз героя рассказа... Как это получилось? Почему?

Николай Иванович только кряхтит...

Ноябрь 2004 г.

Владимир Крупский:
«Владыкой мира будет Труд!»

Гегемон после «шмона»

Гримаса истории: демократическая «революция, о необходимости которой» втайне мечтали дельцы, обогатила жуликов и ограбила тружеников! Сам гегемон перенес такой «шмон», что за ним не осталось ни мастерства, ни заслуг, ни копейки «про черный день».

И все-таки меня «тянет к людям простым – чистым, теплым, святым», хотя кое-кто из читавших наброски этих записок предупреждал меня: «Сегодня *плазма общества* не пресловутые люди труда, а те, кто, уронив под стол купюру с Абылай-ханом, для подсветки зажигают купюру с ликом Франклина».

Посему, господа «новые», чуток обождите: я опять говорю о трудяге – на сей раз о строгальщике Карагандинского машиностроительного завода N 1, тезке моем, Владимире Крупском.

Кто не знает, строгальщик – это станочник, занимающийся холодной обработкой металла, специалист, между прочим, весьма высокого уровня. Этому делу герой мой отдал двадцать семь лет в одном цехе одного и того же завода, потом там же десять лет был мастером цеха. Заработал между делом высшие ордена СССР – Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени. Был, конечно, активистом – профгруппоргом, членом бюро райкома КПК. И депутатом бывал (не покупал мандат, а избирался!), так уж принято было в той стране, которую кое-кто сейчас оплевывает. Он потому был везде нужен, что характером – истый коммунист: за спины не прячется, не смолчит, если видит воровство или обман, перед начальством не «вибрирует».

Шестидесятилетний юбилей знатный машиностроитель отмечал уже в ином «почете»: без работы, без зарплаты и пенсии, в неясных перспективах, ибо все цеха одного из лучших заводов растащили по своим «закро-

мам» денежные люди (откуда они, б., и взялись-то в нашем весьма ровном по доходам государстве?), коллективы цехов и отделов пнули под зад, простите... отправили в отпуска без содержания. И Владимир Николаевич оказался на содержании у супруги своей, которая успела выйти на пенсию. Правда, мужчине с мозолями не к лицу сидеть на шее у жены, и металлист-мастер становится сторожем детсада «Вьюнок», построенного детям шахтой имени Костенко.

Но и элита рабочего класса Караганды – шахтеры – оказалась хлипкой, «репнулась и гепнулась» под напором «рэкманов». Продолжаю утверждать, что нынешние ловкачи от доллара не чета нэпманам 20-х годов хотя бы по своему отношению к культуре, и потому именую их новым словечком – рэкманы...

Закрылся и детсад, его коллектив, как и машиностроители, оказался в незаконном отпуске, а «сторож Крупский» снова взял ноги в руки, чтобы найти какой-нибудь заработок...

Мое поколение – шестидесятилетних – не понимает и не принимает общество, которое низводит Человека Труда до уровня люмпена, когда он в борьбе за свои права, за свой кусок хлеба должен бунтовать, бастовать, голодовать.

Интересно, как это общество воспримут наши внуки? Владимир Крупский уверен: власть ловкачей и рвачей будет низвергнута. Владыкой мира будет Труд!

А я вспоминаю, как шли со смены рабочие машзавода N 1. Уютная зеленая аллея между 3-м и 10-м цехами... Веселые морды и мордашки... Смех, болтовня... Будто в Первой! Как и не было восьми часов пота и усталости...

Может, это и штамп, но весьма уместный: два моих «телесериала» – «Завод – моя биография» и «Завод в шести ракурсах» – начинались именно этим триумфальным шествием от цехов к проходной под напев: «Та заводская проходная, что в люди вывела меня...» Не думал, конечно, не гадал тогда Гегемон, что и вышвырнут его, ненужного, через ту проходную.

Вряд ли он благодарен за это...

Сегодняшний комментарий:

Владимир Николаевич Крупский сегодня наращивает свое профессиональное мастерство: поскольку он не нужен производству в качестве аса по обработке металла, трудится специалистом... по охране родных цехов. Работа до мозга костей не может ведь сидеть без дела!

И в партийных делах он «на коне»: укрепляет ту часть партии, которая размежевалась с КПК и создала Народную коммунистическую партию Республики Казахстан.

По этому поводу у нас с ним разногласия: я считаю, что коммунистам надо сейчас не делиться, а множиться. Ради народа.

Георгий Евстигнеев:

«Коммунистом я не был...»

Водители... и предводители

Если бы передо мной стоял выбор: из трех сотен героев программы «Земляки» описать в очерках два десятка человек и – одного, я бы поступил однозначно. Если два десятка, то выбрал бы тех, о ком вы здесь читаете, а если бы одного (из трех сотен!), я выбрал бы водителя персональных лимузинов цвета воронова крыла, Георгия Романовича Евстигнеева!

Стоило мне сделать программу о шестидесятилетнем водителе из бывшего обкомовского гаража Юрии Яровенко, который прокрутил баранку целых сорок лет и возил аж четырех первых секретарей, как один из молодых водителей огорошил меня:

– Сорок – это что! У нас в гараже работает мужик, который катал не только четырех первых, но и членов самого Политбюро! Ему за семьдесят, а он нам, молодым, ни в чем не уступает. Пятьдесят лет за рулем! А посмотрите его водительские права – Книга почета да и только!

Честно говорю: полагал, что квартира персонального шофера целого сонма виднейших руководителей нашей

виднейшей области уж точно блещет какой-нибудь «евромобелью», обвешана персидскими коврами, ведь от роскошных хозяйских «столов», как принято считать, перепадает и слугам. Но Георгий Романович привез меня в простецкую пенсионерскую квартиру, хотя и в центре города, в доме, где три года назад обитало мое родное областное радио. Именно пенсионерскую...

Георгий Романович, невысокий щупленький мужичок в узбекской тюбетеечке, то широко улыбаясь, то посмеиваясь, начал перечислять своих важных ездовых.

– Михаила Семеновича Соломенцева возил. Его карагандинцы тепло вспоминают... хотя и относился потом к старикам-застойщикам. Часов в восемь я уже был возле машины. То по городу, то в районы ездили. В Джезказган, в Балхаш. Возвращались частенько совсем потемну... а то и неделями не возвращались домой.

– До Джезказгана дорога дли-и-нная, – перебиваю я. – Говорили о чем-то, балагурили, или он, мужчина суровый и многоумный, сам с собой ехал, а?

– Говорили, балагурили. Особенно про поля говорили. Он, бывало, выйдет из машины, снимет свой пиджачок, набросит его на пшеницу и считает, сколько там колосьев, чтоб прикинуть урожайность с гектара...

– А что свиты никакой не было, чтоб сосчитать и сообщить?

– А что Соломенцев, что Банников старались без свиты... сперва поля посмотреть. «Потом заедем в совхоз, к директору, посмотрим, как он врать будет!» – любили говорить и тот, и другой.

– Отдыхать-то вам давали? Они же, вожди наши партийные, любители были царской охоты, царской рыбалки...

– При мне этого не было! – прямо рубит мой собеседник, и улыбки на его лице как не бывало: – Ни Соломенцев, ни Банников, ни Акулинцев охотами-рыбалками не увлекались. Абсолютно!

– Георгий Романович, можете откровенно: из этих трех довольно выдающихся руководителей кто вам ближе был?

– Я честно и скажу: они мне все трое по сердцу были. Очень внимательные... И мне нравилось, что они требовательные. Вот по районам ездили, если они сказали... – особенно Банников! – если он сказал, что на обрат-

ном пути я заеду, проверю, то обязательно заедет. Он не любил два раза говорить.

– Вам, Георгий Романович, кроме первых карагандинских секретарей, говорят, приходилось катать шишек и повыше?

– Много раз. Члены Политбюро ЦК КПСС часто наезжали. Косыгин, председатель Совета Министров, Гришин, председатель ВЦСПС, Козлов Фрол Романович... Дымшиц был, министр цветной и черной металлургии, Финогенов, по строительству каналов... Мы по трассе канала Иртыш-Караганда ездили с ним. Чуйков приезжал, Василий Иванович, маршал знаменитый, да...

– А с кем общение какое-то запомнилось?

– С нашим самым первым... Динмухаммедом Ахметовичем Кунаевым! Он со мной рядом всегда садился, расспрашивал о семье, о детях.

– А Чуйков? Он же, по фильмам судя, суровый, как глыба?

– Не-ет! Смеется честно. – Помню, пока доехали до Темиртау, мы животы надорвали от его анекдотов! Жизнерадостный человек!

– А вы в партии сколько лет состояли, Георгий Романович?

– Да не состоял я в партии! В армии комсомольцем был. Возраст вышел, и...

– Как же вам доверили такой пост – шофер первых «персоналок»? Они что, не знали, что вы не коммунист? Ни Соломенцев, ни Акулинцев?

– Почему не знали? Знали! Но... по работе, видно, оценивали.

– Георгий Романович, возить таких пассажиров... поджилки-то не тряслись? Баранка не ходила туда-сюда, когда они устраивались на сиденье, ЧП от страха не случались?

– Ни разу. Бог миловал! Я и сейчас вот за рулем, вожу председателя антимонопольного комитета, не было у меня приключений. Был бы растяпа или недотепа, или попахивало бы от меня чем-нибудь, не держали бы тридцать лет при «Чайках» да «ЗИЛах». Выперли бы в момент!

– Георгий Романович, у вас, говорят, водительские права особенные. Можно взглянуть?

– А чего ж нельзя! Сейчас достану...

Пока хозяин искал свой главный документ, я полистал семейный альбом, полюбовался на его орлов-сыновей. Один закончил высшее военно-морское училище, шестнадцать лет проплавал на подводном атомном крейсере, сейчас на пенсии, другой – инженер-строитель, возглавляет участок на одном из заводов в поселке Актау.

– Пока завод стоит, он зарабатывает на хлеб детишкам на вахтах в Шубарколе. – пояснила мне супруга Георгия Романовича, верная на всю жизнь спутница Людмила Павловна.

Я в этот момент подумал: а сможет ли нынешний шофер хоть с персоналки, хоть с грузовика дать такое вот образование своим сыновьям? При нынешних нерегулярно выдаваемых зарплатах да при нынешних регулярно повышаемых за все на свете платах?

И тут подошел хитро улыбающийся хозяин «дома».

– Мать моя, матушка! – воскликнул я, раскрыв поданное мне водительское удостоверение. – А я думал, что ваши коллеги шутят или преувеличивают насчет автографов космонавтов! Тут же прямо книга исторических росчерков! Можете перечислить своих небесных пассажиров?

– Чего ж не могу? Я их и без росписей помню, будто вчера возил, – Шонин, Кубасов, Елисеев, Шаталов, Беляев, Береговой, Терешкова, Николаев...

– Тут аж шестнадцать фамилий! Георгий Романович, я помню, с каким волнением мы ждали каждое сообщение о космонавтах, как мы переживали за них. Вспомните, какие чувства вы испытывали, когда везли самого первого вашего космонавта, и кто был у вас самым первым?

– Это был космонавт-3 Андриян Николаев... Был у нас старый аэропорт. У них там связь вся была в маленькой комнатушке. И вот мы туда их привезли с вертолета, его посадили подальше... И они с Поповичем залезли на стол, его вместо трибуны поставили... а народ как хлынул туда, все заборы поломали, чуть дом не снесли...

Еще труднее у меня было с Валей Терешковой. Там несколько вертолетов ложных сажали, а я стоял там, где сейчас макаронка, фабрика, шурф там был, я около шурфа стоял. Там посадили маленький вертолет, и на нем ее привезли. И я ее забрал на «ЗИМе». Люди там ждут, в аэропорту, вертолет посадят, они к нему бегут... мотоциклы милицейские попереворнули... а мне ее тут посадили, и мы скорей в гостиницу.

Довез до улицы Кривогуза, а тут уже коридор такой сплошной... из народа.

– Николаев, Береговой, Терешкова... У вас с ними общение было? Они хоть поздоровались?

– Ой, мы даже целовались! Они сидели все со мной рядом, все космонавты.

– А попозже вы, кажется, возили многих писателей?

– С ними я поездил везде! Юрия Рытхэу возил, Вадима Кожевникова, Глеба Горбовского. И в Темиртау их возил, и в Сарань, в Абай.

– Ну, это народ не такой усталый, как космонавты после полета...

– Я б сказал, что космонавты тоже уставшими не выглядели, держались. Я просто им завидовал. Молодцы ребята! Орлы просто.

– Георгий Романович, вы со своим коллегой Юрием Яровенко, хотя вам почти семьдесят, а ему шестьдесят... вы тоже, как космонавты, молоды, оптимистичны и красивы. Как это вам удалось сохраниться, а?

– Во-первых, надо все время следить за собой, не распускаться. Надо спортом заниматься, ходьбой больше. Я вот на работу иду, мне надо минут пятнадцать, а я делаю круг, чтобы идти тридцать минут. Я дома занимаюсь... гимнастикой, у меня вон две гири по 24 килограмма, две гантели по 12 килограммов. Вы даже не поверите, мне под семьдесят, а у меня все зубы свои. Я связываю эти две гири платочком, беру зубами и поднимаю их...

– Ого! Так вы что, и на пенсию не уходили до семидесяти лет?

– Почему? Уходил. Но спасибо Абельгазы Калиакпаровичу Кусаинову, самому первому председателю антимонопольного комитета, а сейчас сенатору, вернул меня к работе. Спас он меня!

– Почему «спас»?

– Так пенсию-то я вытрудил уж больно «великую»! Аж 2800 тенге! Считайте, что ничего не заработал, – и он рассмеялся. Тут бы слезы вытереть с глаз, ну заматериться, что ли, в три этажа, а он... рассмеялся.

– И всего-то? – опешил я. – А льготы какие-нибудь? Ведь пятьдесят лет за рулем самых ответственных лимузинов! Это же, значит, пятьдесят лет каждый нерв натянут как струна!

– Это только на машинах пятьдесят, – спокойно поправил меня этот непостижимый человек, – а так-то я работаю с 42-го года... Столярничал на фабрике, ящики для снарядов мастерил. Медаль «За трудовую доблесть» имею. А заработал на старость... 2800. Смехота! Были сначала льготы за коммунальные там расходы... забрали. Но зато дали еще медали – к 20-летию, 30-летию и 50-летию Победы.

– Да-а, вот тебе и труженик... – у меня больше слов не было, ком неприятный застрял в горле.

– У меня и супруга, Людмила Павловна, всю жизнь проработала на одном предприятии – в связи. С 42-го года, запись в трудовой книжке одна-единственная, а получает те же 2800.

– Сколько ж за квартиру уходит? – еле выговорил я.

– Одной пенсии не хватает... Спасибо, вот на День Победы в гараже дали 2000 тенге... помощи.

Да, подумалось мне, предводители уходят – водители остаются.

С чем остаются?

Май 1997 – апрель 1998 г.

Сегодняшний комментарий:

Георгий Романович Евстигнеев, железный водитель, поражавший всех своей завидной неутомимостью и здоровьем, под давлением набегающих лет все-таки оставил работу (Он в последние годы трудился охранником на радио «Терра»). Отдыхает дома вместе с супругой. Объединенными усилиями борются, чтобы часом не подвести заботливое государство, выделившее им за бразцовый многолетний труд невероятные пенсии... в 7.800 тенге. Чтоб хватало на лекарства и оплату «коммуналки»...

А 7 января 2005 года он перешагнет 75!

Ноябрь 2004 г.

Юрий Лукаш:

«Такие мы все, Лукаши!»

Щедрый вечер

Спросите вы у меня или не спросите о том, какой день в своей жизни я считаю самым счастливым, скажу не задумываясь:

– 25 января 1997 года! День четвертой встречи земляков...

То была у нас зима – ого-го! Кто называл ее «блокадной ленинградской», кто – «замораживающей рязанской», ибо всё пережили тогда карагинцы и не без основания пели: «здесь нет воды ни капли, и ночью света не-ет!...»

А в кафе «Весна» от трех часов пополудни до самой полуночи веселились полсотни карагинцев, сведенных воедино одним лишь признаком – в течение пяти лет каждый из них побывал героем радиопрограммы «Земляки».

До охрипа пели, до упаду танцевали. И взахлеб говорили, смеялись.

Я вспоминаю тот вечер с чувством гордости и восторга. Наряды, улыбки, шумные переклики. И река – щедрости!

Галина Суворова и Татьяна Летучая обряжают Главного Земляка (автора программы) в придуманный ими и сделанный за ночь «форменный» прикид – казахский малахай, походную суму и метровой длины галстук из выбеленной мешковины. И цепляют ему на грудь Орден Землячества с бантом, по красоте и элегантности ей-ей не уступающий какому-нибудь из пышных орденов.

Три феи с «Каргормаша» – Анна Бондаренко, Татьяна Еремина и Тамара Циммерман – поют сочиненное за ночь:

Не стихает шумок до рассвета,
Не согреется город никак...
«Наша песенка вовсе не спета!» –
Обнадежил нас Главный Земляк.

Воспитатель детского сада Елена Кишкина поет под гитару свои песни.

Шахтостроитель Аркадий Фридлянд и компьютерщик Владимир Казначей-ский соревнуются, кто лучше знает стихи на украинском языке.

Будущий лидер здравоохранения области Канат Еремекбаев читает притчу.

Любую вспыхнувшую песню подхватывает баянист Александр Емельяненко, а застольный шум перекрывает бархатный баритон певца Олега Ярыгина.

Все это без передыха фиксирует чуткая телекамера Кайрата Алиева (к слову сказать, не будучи «земляком», Кайрат работает, как все, – безвозмездно).

А за «тусовкой» горящими глазами наблюдает инженер-автомобилист Юрий Лукаш, изредка перебрасываясь впечатлениями с супругой Наташей. Пока участники вечера собирались и прихорашивались, он успел как следует поработаться. На своей немолодой «Волге» привез в кафе меня с супругой, магнитофоном и необходимой документацией. Потом смотался с Наташей на рынок – закупили для стола фрукты-ягоды. Да еще привез из филармонии музыкантов Бориса Пропищана и Олега Ярыгина, а с Юго-Востока баяниста Александра Емельяненко... Забегая вперед, скажу: когда вечер заканчивался и все расходились, Юрию Юрьевичу несколько рейсов пришлось проделать в обратном порядке и только после двенадцати ехать домой и ставить машину.

Среди земляков с изюминкой Юрий Юрьевич для меня – самый-самый!

Представитель рабочей династии Лукашей из одноэтажной Михайловки.

– Каждый день в 8.00 утра аж восемь Лукашей входят в проходную мясокомбината! – говорит он с гордостью.

Он из трех Лукашей, закончивших среднюю школу № 28 с золотой ме-далью.

- Как это могло быть? В чем исток? – интересуюсь.
- Уж таки воны Лукаши! – белозубая загадка в ответ.
- Ну а если серьезно?
- Книги читал запоем. Да и сестры тоже...

Человек из любимой мной когорты, кто свою судьбу делает сам.

– «С третьего курса политеха ушел под погоны... – это цитата из про-граммы «Земляки» от 19 мая 96-го года. – Служил на Дальнем Востоке. Как технический специалист со знанием иностранного языка был переброшен во Вьетнам, так сказать... в ограниченный контингент советских военных специа-листов. Да, воя американских бомб наслушался...»

Пионер предпринимательского движения в Караганде.

Еще в 81-м на собственные сбережения съездил на учебу в Одессу. Учился менеджменту и маркетингу. По приезду домой стал первым в области предпринимателем: сам разработал учредительные документы и создал МЧП в автоуправлении грузовых перевозок. Работали три года. «Как звери! С восторгом! С задором!»

И каждый из 47 рабочих давал ежедневный доход в 5.000 рублей, а вместе достигли годового дохода... в миллиард с хвостиком!

– Впрочем, конец у этого энтузиазма был стандартный. «В целях повышения эффективности...» решением областных властей МЧП было ликвидировано, а в автоуправлении проведено акционирование. И... АО развалилось через восемь месяцев. Пришлось делать новые попытки... – огорченно говорил Юрий.

Памятный вечер 25 января был не единственным, когда самоотверженные Лукаши откликались на зов о помощи. Все годы – только кликну...

А двухчасовая пленка, снятая Кайратом Алиевым тем щедрым вечером, уже семь лет крутится на моем домашнем видеике: то один земляк хочет окунуться в ту атмосферу, то другой. И раз за разом я слышу проникновенное:

– Спасибо за ту встречу в январе 97-го!

Между прочим, приглашенная тогда журналистка карагандинского ТВ не нашла в том вечере «события».

– О чем тут писать? – передернула пышными формами и отмахнулась: – Так, посиделки...

Бывают же слепые и глухие журналисты!

«Душа – бумеранг», ноябрь 2003 г.

Слово от сегодня

Была еще одна – пятая встреча «земляков», в декабре 98-го. Юрий Юрьевич Лукаш и тут бросил и свою машину, и свое время, и силы на помощь в организации встречи. Да и без таких поводов он всегда готов помочь словом и делом по первому зову. А на самого обрушилась тяжкая болезнь, так что пришлось ложиться на операцию сначала здесь, потом в городе Таразе.

По-прежнему работает в большом грузовом автохозяйстве, являясь одним из основных его акционеров.

– Как работается?– спрашиваю. – Проблем поубавилось?

– А так бывает, чтобы убавлялись проблемы? – как всегда широко улыбается он. – Про нас, предпринимателей, помнишь, еще Некрасов сказал:

Работаешь один...
А как работа кончилась,
Глядишь, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!

Декабрь, 2004 г.

Оксана Дашко:

«Сколько нежности в твоём рассказе!»

Доброе слово Оксаны

Оксана Михайловна Дашко *живет* в моем сердце: величавое лицо с характерным профилем зрелой Анны Ахатовой, из глубин души идущий голос, посверкивающие любовью глаза. Она перестанет жить во мне, только когда и меня накроет могильный холм.

Я вечно забываю, что ее у меня уже нет и что, если сейчас позвоню ей, не услышу ответа. Становится горько, обидно и больно, будто умерла мой Главный Редактор не два года назад, а вот только что.

Душа моя стонет и кричит отчаянным криком...

Тогда достаю из моего хранилища голосов «земляков» кассету N 26 и слушаю, слушаю ласкающий слух ее говорок, колокольчиковый ее смех.

Не забыть мне две последних ее *живых* фразы.

– *Сколько нежности в твоём рассказе «В объятиях Би!»! Чистой такой...*

Это было сказано в казахско-американском лицее, куда я специально приехал для встречи с нею – сама не могла вырваться.

– *А хороший рассказ ты все-таки написал, Володя...*

Это был звонок по телефону – за три дня до ее смерти.

Оксана говорила о рассказе «Лунной ночью», который вызвал у моих молодых «рецензентов» восторг, а у тех, кому 55-60, – раздражение.

Мне ее похвала стала бальзамом на душу, поскольку Оксане было шестьдесят пять. Она просто расколола ряды моих матерых критиков.

Оксана успела прочитать все написанное мною при ее жизни (к сожалению, только половину книги «Приговор», вторую половину и «Дворянку Чару» я написал уже после). Каждое свое прочтение завершала «телеграфными» рецензиями – на тетрадных листках, даже на тетрадных обложках, частенько неудобной для чтения красной пастой.

– И зачем это я тебе пишу? – ворчала она, вручая мне «рецензию», – ты все равно все оставишь по-своему.

– Не скажи, Оксанка, ни одно из твоих замечаний без внимания не остается! – восклицал я. – Если у меня не хватает доводов против них, я исправляю по твоему совету. А если ты меня не смогла убедить, оставляю, как написал. Но через денек опять «спору» с тобой...

До слез жалко, что не успел я показать Оксане Михайловне свои «забойные» рассказы «Приговор», «Квартирантки», «Пантеры тоже плачут» и рассказы из «Чары». Так важно знать, что бы она о них сказала! И то, над чем сейчас работаю, может быть, больше всего нуждается в ее грамотном, добром взгляде.

Уж она-то нашла бы вдохновляющее слово.

«Душа-бумеранг», апрель 2003 г.

Горькое слово от сегодня:

Мы - все-таки странные люди! Видишь нередко, как и вовсе не близкие люди с болью вспоминают ушедшего из жизни человека, говорят о нем, печалются... А совсем ему близкие... как бы не находят слов и чувств, чтобы выразить свое отношение к нему, если о нем разговор заходит.

Так и с дорогой моей Оксанкой.

Первыми, кто прибежали за книжкой с очерком о ней, были учитель средней школы № 17 Нина Алексеевна Тетюхина и учитель русского языка и литературы одного из колледжей Елена Викторовна Селезнева.

В 17-й школе, где Оксана и не работала, мне организовали восемь встреч с юными читателями, и не было такой встречи, чтобы на ней не прозвучали теплые слова в адрес Оксаны Михайловны Дашко или не был прочитан очерк о ней. Но, к сожалению, нет его в трех семьях ближайших родственников ее.

Ноябрь 2004 года

С. Дроздовская:

– Мне каждый год достаются славные ученики!

Книгочеи Дроздовской

Светлана Васильевна Дроздовская и ее архаровцы, то есть сначала 7-й, потом они же – 8-й, через два года – 10-й из первой карагандинской гимназии – это народ, который признал писателя В. И. Литвинова писателем.

К моменту встречи с учителем литературы Дроздовской я выпустил всего одну книгу – «Сердца раскрываются», сборник очерков о героях программы «Земляки» и первых рассказов. Естественно, стеснялся именоваться писателем.

Но речь при первой встрече мы вели не обо мне.

Сердце мое чуть-чуть попрыгивало, а микрофон в руке чуть подрагивал от волнения и восторга, с каким я слушал рассказ Светланы Васильевны о том, как ей работает учителем литературы. «Это же самый потрясающий предмет из всех школьных предметов – столько радости, столько наслаждения получает человек от познания книг!..» «Мне достаются каждый год такие славные ребята! Читают взахлеб! На олимпиады и викторины хоть не пускай – то один, то другой возвращаются с победой! Я не шучу, что вы!..»

Была эта женщина какая-то необыкновенно компактная: красива и умна сверх всяческой меры. А про коммуникабельность, что по-русски называется умением общаться, суди, Читатель, хотя бы по такому факту: мы встретились впервые и, я почти ничего не знал о Светлане Васильевне заранее, беседовали всего минут 30-40, а программа «Земляки» получилась едва ли не лучшей из выпущенных мною трехсот пятидесяти.

А способностям Светланы Васильевны учить детей, то есть *заораживать их самим процессом обучения*, я поразился на встрече семиклашек со мной, автором первой книги, которую она организовала. Процесс учения для нее самой, кажется мне, не столь творческий,

сколь – магический. Не забуду вовек, как она читала ребятам мой «Карандаш». Они пораскрыли ротки так, словно учительница читала им самого Пушкина. В один из моментов от этого ее чтения и я поймал себя на том, что слушаю с открытым ртом...

Наверное, одного ее потрясающего чтения и не хватило бы для создания моего писательского имиджа, но Светлана Васильевна, как, думаю, и в иных случаях знакомства с авторами книг, оказалась на удивление последовательной. Эти ребята звали меня к себе и через год, и еще через год. А десятиклассниками явились всем классом ко мне домой... за отчетом: над чем сегодня работает писатель? В нынешнем мае, теперь уже одиннадцатиклассниками, они пришли на последнюю встречу со мной.

Встреча, как и первые три, оказалась прекрасной, но мне стало грустно: этот славный коллектив, «первый народ», признавший меня, после выпускных экзаменов разбежится «на индивидуальности». И где я встречу его, чтобы поделиться, если создам что-нибудь новое и более значительное?

Ведь без признания народа, известно, ох как бледно себя чувствуешь...

Июнь 2003 года

Сегодняшний комментарий

Светлана Васильевна Дроздовская весной 2003-го отправила в жизнь очередной свой выпуск. Ее любимец, а мой друг и помощник, ставший победителем всех мыслимых олимпиад по русскому языку и литературе, Денис Пипченко успешно учится сегодня в Минском госуниверситете. Сама Светлана Васильевна названа лучшим учителем Республики Казахстан и показала «класс» в Москве, на международной встрече учителей русской литературы и языка.

Ноябрь 2004 г.

А. Степаненко:

«Жить, чтобы побеждать!»

Рожденный для спорта

В конце 60-х началась моя журналистская деятельность в Караганде. Причем молодежная, то есть одна из самых нелегких.

Утром 9 ноября 1969 года – через два часа после того, как поезд привез меня из Барнаула – получил я должность старшего редактора «Телевизионной станции «Юность».

Естественно, еще в поезде раздумывал, с чего начинать. К счастью, «ассреж» редакции Гуля Жакупова, сама не будучи даже физкультурницей, любила и знала карагандинский спорт и уверенно указала мне самое урожайное поле деятельности – спортивное.

– Наши Виктор Абоимов – в плавании, Анатолий Степаненко – в велоспорте – были участниками и призерами мировых и олимпийских турниров – вдохновляла она меня. – Казбек Ашляев и Леонид Тлеубаев – чемпионы СССР по боксу... А от сборной физкультурного техникума по баскетболу... – Гуля фыркнула, – у вас голова кругом пойдет.

И начались встречи.

...Директор физкультурного техникума Галым Жарылгапов сначала поразил меня своей величавостью и гостеприимством (после полуголодного Барнаула, где я питался в основном «Килькой в томате», карагандинские яства – невиданные мной дотоле рыба *сабля*, *сардельки*, *мясо по-казахски* и прочее – укачивали меня не хуже болгарской «Плиски»), а потом смутил и смял мой любвеобильный дух «великолепной шестеркой» баскетболисток.

Господи, какие у них были ноги! Какие талии! Какое... все другое! Но «другое» я живописать не могу, ибо даже до бюста самой «маленькой» из них – всего 186 см – едва доставал лбом.

...Живой в движениях, стремительный в разговоре и сверкающий глазами приходил в редакцию Казбек Ашляев. Они с Тлеубаевым так убедительно поработали на рингах страны, что казахстанский бокс долгие годы звучит предостережением. Мы с Казбеком придумали нестандартную тему для разговора на голубом экране – благородство в боксе, то есть как бить сильно, но... красиво.

...От первой встречи с Анатолием Степаненко, впрочем, как и от многих последующих встреч с ним, у меня остались теплынь и мягкость в душе.

Вошел неброский молодой человек, бесшумно присел на стул и не вперился в тебя пронзающим взором, а тихо огляделся вокруг и потупил глаза, ожидая, когда к нему обратятся с вопросами.

В первую минуту, помню, я оторопел: какой бы ни была у тебя спортивная специальность – боец ты или бегун, футболист или боксер – энергия должна фонтанировать из тебя, полагал я. А тут...

Вошел тихо, сел тихо. И – ничем не стреляет... Но по тому, как Анатолий иной раз реагировал на мои недоумения и наивы, а именно: усмешкой в себя – не тихой, не сонной, а острой, даже вроде едкой, – я понял, что за этой мнимой мешковатостью кроется сокрушительная взрывность. Именно то, что и требуется бегуну, пловцу, велосипедисту. А его взрывность поистине нешуточна: принесла ему пять званий чемпиона СССР, призера чемпионата мира, звание первого в Караганде мастера спорта СССР международного класса. Именно наш Толя был капитаном сборной велосипедистов СССР на Мюнхенской Олимпиаде. А на казахстанском велотреке он не уступал лидерства никому больше двадцати лет!

Тихий характер Степаненко только внешне тихий. Изнутри он – что лом: медленно входит в предмет, но

идет неостановимо, до упора. Это он показывал на треке, показывает и в работе. Особенно в драке за создание и становление олимпийской школы-клуба.

Анатолий Григорьевич три десятка лет все мои беды и перемены принимает к сердцу как свои. В полном соответствии с этим и действует.

Бывает, что и просить не надо – сам чует, что человеку нужна помощь. И уж никогда не ждет повтора просьбы.

Из героев моих передач, в том числе и радиопрограммы «Земляки», именно с Анатолием у меня было больше всего встреч. Практически их и сосчитать невозможно, хотя многие из них имеют, так сказать, свой «портрет». От одной, бывшей лет тридцать назад, так и веет степаненковской добротой.

Представьте, приходит он, председатель комитета по физкультуре и спорту, на радио и говорит: «Вы, Владимир Иванович, так много сделали для нашего спорта, что надо бы вам и выглядеть по-спортивному...» – и разворачивает у меня на столе спортивный костюм. Не «мастерку», а простое трико, но от этого подарка *со значением* так и замирает душа. Если умеет быть благодарной... Я это трико с десятков лет надевал – потому что берег.

Спустя пару лет – опять неожиданный визит лидера областного спорта:

– Я что зашел, Владимир Иванович... Нельзя ли сделать программу «Земляки» о Галыме Жарылгапове?

– Но ведь он умер, а программа «Земляки» – о живых.

– Он так много значит для карагандинского спорта! И родным его, и знакомым будет приятно услышать доброе слово о нем...

Так вот в моем активе и появилась первая «мемориальная» программа «Земляки» – о Галыме. Потом «мемориал» я сделал о Евнее Букетове.

Спортивное мое поле оказалось действительно урожайным. Только «земляками» (большинство, кстати, с подачи Анатолия Григорьевича Степаненко) побывали:

борцы Гафаров и Мусабеков, бадминтонистка Гриценко, боксер Торопов, каратист Лутошкин, шахматисты Баймуратов и Хуснутдинов, тренеры Шварцман, Куценко и Орлов и еще...

Закрывающим в этой «команде» стал организатор спорта Анатолий Степаненко, ныне директор именной олимпийской школы-клуба.

Раньше я не мог подобрать нужных слов о нем. А писать квелю – ну нет!

Август 2003 г.

Сегодняшний комментарий

Анатолий Григорьевич Степаненко в августе отметил свое 55-летие. Заслуги его в развитии спорта, подготовке квалифицированных спортсменов были отмечены Почетной грамотой акима области. Ему присвоено звание Почетного члена Национального олимпийского комитета

Областная спортивная школа-клуб «Олимпийский резерв», директором и хозяином которой он является, успешно работает более семи лет.

Анатолий Григорьевич внес свой вклад и в культурную жизнь Караганды: он взял на себя организацию издания и финансирование книги бывшего зека Колымлага и Карлага Ивана Петровича Капитонова «Колесо судьбы». Рассказы эти бережно сохранила его супруга Наталья Викторовна Степаненко, внучка Капитонова, и спустя годы после смерти деда решила передать их людям.

Весь тираж весьма объемистой книги Анатолий Григорьевич с щедрым сердцем раздарил карагандинцам.

Ноябрь 2004 г.

Василий Уркунов:

«Мы, педагоги, – гордые люди!»

Педагог... на все руки

Василий Михайлович Уркунов среди всех моих знакомых единственный, кто при встрече на его территории, а он чуть ли не коренной житель села Кокпекты, с ходу отмечает все вопросы:

– Нет, нет! Сначала с дороги надо перекусить, чайку хлебнуть, а потом – разговоры!

Он заядлый спортсмен – организатор грозной команды по хоккею с мячом в родном профтехучилище, играющий тренер, капитан и игровой лидер этой команды. Его скоростными пробежками по полю, стремительной реакцией тела, головы, глаз на движения и даже мысли многоногого соперника восхитился бы, на мой взгляд, сам хоккеист-молния Валерий Харламов. Именно это имя я приклеил Василию Михайловичу, когда четверть века назад впервые увидел его в игре.

– Для меня, Михалыч, ты теперь на всю жизнь – «мой Харламов», – сказал я тогда, а может быть, и в следующую встречу.

И в августовской 1996 года программе «Земляки» начало было таким:

«Хочу вам признаться, дорогие земляки, что добрых двадцать пять лет я влюблен в Василия Михайловича Уркунова».

Как-то делал телевизионную передачу, по-моему, году в семидесятом, о спортсменах села Кокпекты, в том числе и о спортсменах СПТУ-40, и присутствовал на острейшем матче по хоккею с мячом. Тогда и узнал, что это село и это СПТУ являются чуть ли не Меккой карагандинского хоккея с мячом, а самыми главными заводилами его являются три брата Уркуновых – Василий, Виктор и Алексей. Василий Михайлович, 35-летний заместитель директора училища по производственному обучению, высокий и гибкий, носился в тот день по полю, как метеор!..»

Когда я в 92-м начал делать радиопрограмму «Землики», сразу определил Василия Михайловича кандидатом в ее герои. Но он тогда метался не столько по площадке хоккейной в пору сезона, сколько по селу, району, городу круглый год – по нуждам училища. Мне понадобилось два года по несколько раз ездить в Кокпекты, чтобы поймать Уркунова, уже директора СПТУ (а ныне – филиала СПТУ-2: разного рода реорганизации у нас, кажется, – единственный признак нашего движения куда-то) и заполучить его к своему микрофону. Но пока я как-то его дождался, просмотрел стоящие в шкафу книги и успокоил себя словами Андрея Белого: «Ну да ничего! Где нет препятствий к свиданиям, там нет аромата».

Появившийся Василий Михайлович в ответ на эту мою декламацию Белого рассмеялся, и в задорном тоне у нас началась беседа:

– Сколько вам сегодня лет, Василий Михайлович?

– Ой, я уже старый-старый! Скоро шестьдесят...

– Под шестьдесят? А что помогло сохранить такую молодецкую прыть и работоспособность?

– Это, конечно... и здоровый образ жизни, и... Да какая прыть?

– Так вам же на видок каких-то сорок с небольшим! Вы по крутой лестнице поднимаетесь быстрее своих учеников!

– Ну-у, вы мне льстите! Просто лестницу эту и каждую ее ступеньку за тридцать лет работы я основательно изучил, поэтому и поднимаюсь быстро.

– А каким видом спорта вы... под шестьдесят занимаетесь?

– Сейчас у нас самый такой прогрессивный вид спорта – это... что-то доставать и что-то искать. Искать, искать и искать! – он заразительно рассмеялся.

Только за один веселый нрав его – не хочешь, да полюбишь!

Эти «доставать и искать» для современного руководителя – прямой путь к инфарктам. Посему видел я Василия Михайловича и озабоченным, и огорченным, и сердитым, и яростным, только вот злым никогда не видел. Да и огорченность с сердитостью у него на лице, ей-богу, «как ми-

молетное виденье!»! Обычное выражение его лица – это за-
дорные искорки в глазах, улыбка. А тон голоса чаще всего
– отеческий, не отцовский, а вот именно – отеческий.

Чтобы закончить с портретом Уркунова, я сошлюсь
на оценку его супруги Веры Митрофановны:

– Он интересный мужчина, – сказала она.

А я скажу: «интересный мужчина» – это интересная
оценка мужа для селянки!

– Да? – естественно, изумился я. – Со многими женами
я, бывало, разговаривал, но что-то не припомню, чтобы они
так характеризовали своих мужей. И сколько же лет, Вера
Митрофановна, вы приходили к такому выводу?

– Мне так показалось больше тридцати лет назад...
Но и сейчас я так считаю. Сколько каши вместе съели!
Двух сыновей и двух дочерей воспитали... А он как был,
так и остался надежным и... неожиданным.

Нет, еще деталь для портрета нужна: родился Васи-
лий Михайлович в *Карлаге*, в спецпоселке № 22. Родит-
ели его... точнее, дедушка в 30-е роковые был сюда пер-
еселен. Здесь он и школу закончил, здесь и по тогдеш-
ней молодежной моде сел за руль автомобиля.

– Василий Михайлович, я помню первый день нашего
знакомства в 70-м году: и как вы в хоккее играли, и как
потом ребят автомобилю обучали. А какими вы вообще
профессиями владеете? Эти могучие руки что умеют и
могут?

– У меня полный набор категорий, – смеется дирек-
тор. – Тракторист-машинист первого класса, водитель ав-
томобиля тоже первого класса... Вообще я могу управлять
всей сельскохозяйственной техникой. И еще... слесарь,
сварщик, строитель широкого профиля, если надо. Я же
педагог, как же иначе!

Тут я для себя отметил, что и директорство можно
смело отнести к профессии Уркунова. Мне кажется, что
умелым и сильным можно считать только того руководи-
теля, у которого *хороши подчиненные*. Василий Михай-
лович для меня, как радиожурналиста, просто кладезь

сюжетов. Только заявляюсь со своим микрофоном, он с горящими глазами:

- Владимир Иванович, ты только послушай, как ведут уроки наша преподаватель эстетики! И обязательно сходи на занятия по токарному делу, там не мастер, а огонь!

А спроси у него про интересных ребят, засыплет фамилиями спортсменов, певцов, мастеров вождения техники. У него, как у Булата Окуджавы, «все они поэты, все они таланты»! Такое отношение к подчиненным – верный признак истинности вожака.

У меня все основания серьезно поговорить о педагогических воззрениях Василия Михайловича Уркунова. Вот был ему такой вопрос:

- В чем трудности нравственного воспитания подростков сегодня?

- Да, изменились в корне история, география, литература изменилась – и в жизни, и в учебных программах. А главное в душах – не стало идеалов... – Василий Михайлович отвечает раздумчиво, без обычной улыбки, Ему, мне кажется, этот вопрос причинил боль. – Были идеалы, были идеи. Была философия... определенная. Сейчас все это дело перечеркнули. Перечеркнули, но забыли о самом «малом» – прежде поискать что-то новое. У нас это привычка: сначала разрушить, а потом придумать, что бы тут построить. И вот на каких сейчас компонентах нам основывать свою деятельность, педагогическую?.. Мы думаем... Думаем и определяемся: на идеях национального объединения – сейчас мне это кажется очень злободневным. На патриотизме – мы это тоже начали было оплевывать, а теперь одумались...

Трудовое воспитание по-прежнему важно. Но с новыми подходами. Мы ведь забыли про рабочего человека! Только и слышишь: «купи-продай», «бизнес», «дилеры». А рабочего человека забыли, мы его перестали показывать, мы перестали им гордиться... Это неверно, неправильно! Потому что основная производительная сила все-таки не торгоши, а творцы, делатели, в первую очередь – рабочий класс.

– Трудно сегодня учителю учить добру, звать к идеалам, когда сам получает зарплату от случая к случаю... – вставил я.

Василий Михайлович встрепенулся, словно ущипнул себя:

– Трудно! Но я сказал своим преподавателям, буквально сказал, вот на последнем совещании: если кто-нибудь из вас придет на занятия без белой рубашки и галстука, без гордой осанки... Лучше сразу уйди!

Мы, педагоги, – гордые люди! Мы способные люди, мы образованные люди, и мы должны выглядеть на сегодняшнем рынке... богообразно! Поэтому, ради Бога, не унижайтесь: зарплаты не дают, того не дают – все прочь! Мы будем учить ребят! Все остальное – на второй план!

Вот так вот круто завернул Василий Михайлович Уркунов.

Но я знал, как он расшибается в поисках путей и способов помочь каждому своему сотруднику в быту, – и принял его ответ с должным уважением.

– А в чем сегодня трудности обучения человека ремеслу?

Василий Михайлович тяжело вздыхает, молчит. Потом отвечает:

– Чтобы изготовить слесарный, например, инструмент, нужны станки. Они у нас есть, они сохранились. Но нет того же резца, той же поковки, нужного мерительного инструмента... Если говорить о других специальностях, мы уже восемь лет не получаем ни одной единицы... ни трактора, ни комбайна, ни какого-то сельскохозяйственного орудия. Эти трудности испытывают все сельские профтехшколы.

– А требования сверху сегодня стали мягче? Ведь везде вроде бы самокупаемость, самостоятельность...

– Так же и осталось! То же давление, те же указания. А больший акцент надо бы сделать на оказание практической помощи нам – директорам и коллективам. Тогда будет толку больше. Так нет, те же наскоки...

Для подкрепления заголовка этого очерка еще раз вернусь к «Землякам-96». Я тогда спросил Василия Михайловича:

– А что такое сегодня – руководитель сельского профтехучилища?

– В какой-то степени я работаю... заведующим учхоза, часто зимой в котельной – кочегаром... Я работаю шофером, экспедитором... Нет бензина – надо ехать доставлять бензин, выбивать его, нет угля – замерзнем через день-два, надо уголь где-то искать... Я работаю и мастером производственного обучения... как в молодые годы... Так что говорить, что я работаю сейчас директором, абсолютно неверно! Мы все, нынешние руководители, вот в таком многоплановом применении!

Минувшей осенью друзья и коллеги поздравили Василия Михайловича с 60-летием. Очень тепло и с выдумкой поздравили. Он мне потом ответил на вопрос, чем живет селянин, куда движется во времени и пространстве:

– Ох, сложно и трудно! С полей собрали только что семена. В муках рождается сельский капитализм, вот у нас уже нет совхоза, есть крестьянские хозяйства. Они же ни днем, ни ночью не спят. Работают, чтобы вырастить и корм, и хлеб, чтоб вырастить и вовремя продать скотину. Это делатели! Но много есть и говорителей-обещателей. И мне, как в «Белом солнце пустыни», за державу обидно. Хотят, могут, но все гребут к себе. А за державу – как?..

Теперь вот и весь В. М. Уркунов: мастер с умелыми и сильными руками, отец с заботливым сердцем, руководитель с головой мудреца.

«Сердца раскрываются», август 1996 – апрель 1998 г.

Жить бы в Кокпектах...

Тридцать пять лет назад я впервые побывал в этом пригородном селе на берегу речушки с одноименным названием, которую народ упорно называет «Попыхтой», и навсегда прикипел душой к добродушному великану Василию Михайловичу Уркунову. Он был тогда старшим мастером сельского профтехучилища, вел занятия по автоделу и... – Бог мой, как красиво, по-харламовски! – гонял, правда, не шайбу, а мяч на хоккейном поле вместе

со своими учениками и двумя братьями. Нужно заметить, что тяга к коллективизму, свежие головы, умелые руки и, наверное, спортивная закалка усадили двух старших Уркуновых в директорские кресла: Василия – СПТУ-40, а Виктора – средней школы.

Брать интервью, просто общаться и, естественно, трапезничать (какая же встреча в деревне без застолья?) мне приходилось с обоими братьями. Оба по всем статьям – мужики что надо!

Но сердцем и душой три с половиной десятка лет я тянусь к Василию Михайловичу. Для меня он «любашка Михалыч», да простят меня шолоховеды за «любашку Давыдова». Я к нему ездил и по журналистскому делу, и за картошечкой, и просто отдохнуть душой от суеты – с ним славно сживается на травке!

Он в моем представлении добрый великан. Не по росту, ширине плеч или мощи обеих дланей, хотя все габариты у него что надо (мастер абсолютно на все руки: от сварщика – до шофера, от слесаря – до комбайнера, от агронома – до педагога): у него *богатырская манера* общаться. Вот главное.

Лет двадцать он директорствует, лет тридцать ежегодно (раза по три в год) я вижу его в работе, но ни разу не застал Михалыча не то что злым – даже разгневанным. Говорит он негромко, обычно с усмешкой, но, что совершенно меня поражает, – с какой-то виноватостью в тоне. Просто ли разговаривает, дает ли задание или порицает – в тоне его слышится словно бы укор себе самому.

Мне говорили преподаватели, что «каждое движение, каждая фраза нашего директора диктуются не его должностью, а истекают из души. Какое бы то ни было задание В. М. невозможно пропустить мимо ушей или сделать не по уму, потому что он, случись такая ситуация... виновато улыбнется и в момент сделает все сам... Ему, ей-богу, отдать распоряжение труднее, чем исполнить собственноручно!

Именно это качество директора и дисциплинирует людей.

Позвольте для выпуклости образа Уркунова «отпрыгнуть» лет на... шесть назад, а именно к одной записи в моем дневнике:

«28 апреля 1997 года. Понедельник.

Вот уж поистине день тяжелый!

Началось с того, что в производственный отдел не купала моя заявка на машину. И планы поездки в совхоз имени Свердлова оказались под угрозой срыва. Но потом повезло – машину все-таки дали. Зато ее задержал инспектор ГАИ, и я, естественно, приехал в совхоз к шапочному разбору – в хорошую погоду сельское начальство долго в кабинетах не сидит.

Сам отправился на поиски интервьюируемых.

Первая встреча. Глава крестьянского хозяйства Владимир Кущенко вышел ко мне под неистовый лай пяти собак, в том числе двух овчарок, расхристанный, потный, и сразу ошарашил: «Я вас знаю давно. Но говорить о крестьянском хозяйстве не буду. Меня уже били... Хватит!»

Вторая встреча. Главы крестьянского хозяйства Рябчихиной не оказалось дома. Сын ее меня вспомнил, и я передал записку Р. Г., чтобы позвонила. Думаю, что не позвонит по той же причине, что и Кущенко.

Третья встреча. Управляющий отделением Николай Жахин обрадовался встрече и «обрадовал» меня: «Что другое – хоть сейчас! А интервью, прости, давать не буду. Не о чем говорить. Приезжай 4-5 мая, когда будем сажать картошку, поговорим...»

Четвертая встреча (с руководством АО «Кокпекты») не состоялась: директор Михаил Шаекин лежит в больнице, а главный агроном Александр Крупский «разбежался» по бригадам.

Пятая встреча. Директор филиала профтехшколы, мой надежный друг В. М. Уркунов накормил куличами, напоил чаем, при этом мучительно ища для меня интервьюируемого. Поехали к его бывшему мастеру Осиновскому, который вместе с супругой – тяжело живущие пенсионеры. Их, к сожалению, не оказалось дома, и Михайлыч решил «закрыть амбразуру» собой.

Только мы «настроились на тему», подобрали тональность – отказал мой магнитофон. Не закрутился, сволочь! Это ж невозможно «войти в образ»! Мы решили, что повинна кассета, и В. М. побежал куда-то за кассетой. А я вертел, крутил, колотил свою «технику». Она, елки-палки, заработала в тот момент, когда... возвратился В. М. с кассетой.

Конечно, интервью вышло каким-то «комковатым».

Жара в машине, дискомфорт в душе, неудачи с намеченными интервью буквально утрачали меня. Вернулся домой выжатым лимоном. Господи, за что, а? Спасибо В. М. – оставил на душе солнечное пятно в тяжкий день!»

Я иногда фантазирую на тему «имиджа». Если собрать два десятка директоров в одну компанию, Уркунов меньше всех будет выглядеть директором. Впрочем, как и знаменитый А.Ф. Христенко, которого Василий Михайлович боготворит. А если упомянутым двум десяткам директоров дать возможность показать себя в каком-нибудь трудо-мозговом многоборье, да чтобы оценили результат их борьбы не вышестоящие начальники, а «ниже трудящиеся» люди, директорами на полном серьезе окажутся именно эти двое. Которые не любят выглядеть...

Уркунов любое дело делает, по-крестьянски просчитав его и обмыслив, и находит самое надежное и привлекательное решение.

Даже вот такой, казалось бы, пустяк. Для библиотеки училища и для тех, кто пожелает познакомиться с литературным творчеством автора радиопрограммы «Земляки», героями которой люди училища были не раз, Василий Михайлович взял у меня по десятку книг «Сердца раскрываются» и «Босоногие». И когда я предложил провести встречу с учащимися-читателями, он аранжировал это по-своему: «Нет, мы проведем встречу писателя с творческой интеллигенцией села».

Встреча прошла. Да как прошла! Меня особенно порадовало, что «пэтэушники» давали оценку моей работе весьма основательно и наравне с учителями, библиотекарем.

Одна из последних программ «Земляки» в 1998 году вышла тоже «в аранжировке» Василия Михайловича.

Сколько раз – в посевную и жатву – я пытался рассказать о ком-нибудь из фермеров Кокпектов (о чем немного говорилось выше). Но затурканные властью и завистниками, они отговаривались: «Ни к чему нам самим нарываться!»

– Есть идея, как вовлечь в беседу Николая Немудро-ина! – воскликнул однажды Василий Михайлович. – Он же и моей хоккейной команде – нападающий. Вот и поговорим с ним, как он... к сезону готовится. А? – и взялся за телефон.

Фермер-хоккеист, не почувствовав подначки, согласился поделиться своими игровыми секретами. А дальше как в песне: «Взяли мы «Жигулевского» и «дубняка»... Во время беседы о хоккейных планах ненароком подкинул вопросец, помогает ли хоккей тяжелой жизни фермера. Николай дал такую раскладку своих мытарств в борьбе с десятками препятствий, которые государственные и сельскохозяйственные бестолочи воздвигают перед фермерами, что... я до потолка прыгал, когда монтировал эти «Земляки». И допрыгался! Передачу в эфир не пропускали почти месяц как... «аполитичную»... Это в эпоху-то демократии!

Кстати, интеллигенция села Кокпекты на встрече азартно благодарила меня именно за то, что в моих книгах все – правда.

Поэт говорил: «Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли – Москва!» А я хотел бы жить в Кокпектах! Чтобы чаще видеться и общаться с «любущей Уркуновым».

«Душа-бумеранг», август 2003 г.

Две новости из Кокпектов образца октября 2004 года:

– Знаменитому когда-то СПТУ-40, опущенному до статуса филиала горной ПТШ-2, вернули былой статус – сельской ПТШ, правда, за № 16. Как долго и упорно бился за этот возврат «имени» известного в области и Республике училища В. М. Уркунов!

– А сам Василий Михайлович из директоров переведен в «замы»... Ходят слухи, что на его место прочат сельского учителя с просторов Жана-Арки, который «не очень» говорит по-русски. Надо, говорят, давать дорогу молодым...

Это, конечно, в духе времени. Но, согласитесь, пэтэушникам, этому живому, свободлюбивому племени, нужен не просто директор, а отец-мастер-педагог-директор – в одном лице! Полагаю, если бы чиновники от образования спросили у кокпектинцев, кто бы таким лидером мог быть, ответ последовал бы, как в сказке:

– Да вот же он! Наш В. М.! Других мы и не заметили!

Ноябрь 2004 г.

ЖИЛА БЫ ДЕРЕВНЯ МОЯ!

Валентина Кутузова:

«Жила бы деревня моя!..»

Самородок

Во всей моей почти 70-летней жизни не встречалось мне более русской бабы, чем Валентина Ивановна Кутузова из села Петровка. Она и появилась-то в Караганде из глубин самой что ни на есть исконной Руси – с ярославщины.

А в Караганде, особенно сельской, по колоритности и значительности сравнить ее можно разве что с Александром Федоровичем Христенко.

У них много общепараллельного. Оба – Земледельцы с большой буквы, разница лишь чисто административная: он директор совхоза (от «Киевского» до совхоза-института), она бригадир комплексной бригады совхоза «Ульяновский». Оба – Заслуженные работники сельского хозяйства Казахстана. Он был депутатом Верховного Совета, она – членом ЦК Компартии Казахстана. Он – Герой Народа Казахстана, она – кавалер высших орденов СССР и Золотых медалей ВДНХ (впрочем, у Христенко тоже имелись эти награды). И еще она дважды занесена в «Золотую Книгу Почета Казахстана».

Но суть не в звонкости званий и блеске их наград!

У обоих были одинаковые *густота и крутость характера*. Всем видные и всем понятные. Люди не говорили, например: «Кутузова приказала»; говорили: «Валентина Ивановна сказала – сделай...» Ее и в селе называли не иначе как Валентина Ивановна...

Они оба не умели хныкать и сюсюкать.

Мы долго возносили так называемых «маяков», хитровато скрывая, что многие из них светят не своим, а чужим светом. Кутузова и Христенко тоже именовались маяками, но ничьим светом, кроме своего, они не сияли! Потому что не было у них обоих деления суток (да и неделя, и месяцев, и лет!) на «мои» и «государственные».

Все их время – и рабочее, и жизненное! – принадлежало Делу. Рабочий день начинался с зарей, а заканчивался... когда заканчивался. Под его руководством выращивались высочайшие для наших мест урожаи хлеба, под ее – картофеля, который мы любовно зовем вторым хлебом.

Они и умерли похоже – в 2003 году, – выработав свой ресурс... Он в январе, на 68-м году от роду, она в августе, на 70-м. Посланцы Украины и России, оба ушли в казахстанскую землю...

Вспомнишь о Кутузовой, и перед глазами встает Вера Марецкая, когда она, председатель колхоза в фильме «Член правительства», с трибуны «высокого собрания» говорит: «Стою я перед вами, простая русская баба... мужем битая, кулаками стреляная...» На долю Валентины Ивановны тоже изрядно повыпало! И голодные военные годы. И работа до дрожи в ногах. И горькие переживания матери трех дочерей. И бессильные слезы жены частенько пьяного мужа. И «стрельба» по таким, как она, глупыми бюрократическими указами. А под конец настигло ее особенно обидное, потому, что не заслуженное, – пренебрежение хозяев жизни.

В июле «демократического» 96-го года приехал я в село Петровку, чтобы сделать вторую радиопрограмму «Земляки» с участием Валентины Ивановны Кутузовой. Нашел ее дом – а в квартиру меня не пускают.

– Она, считай, одной ногой там... – боязливо оглядываются по сторонам бабки на лавочке.

– А позовите дочку, Олю, – прошу женщин. – Оля вышла, взлохмаченная, измученная, и я прошу ее: – Оленька, скажите маме, что приехал Литвинов.

Вернувшись, Оля говорит:

– Мама зовет вас... только, Бога ради, тише.

Валентина Ивановна разметалась по подушке, дышит тяжело, с хрипом, глаза полуприкрыты, блуждают. Я тихо присел на стул у кровати, взял в руки ее горячую руку. Она сдержала прерывистое дыхание, шире приоткрыла замутненные глаза.

– Я знала, что ты... приедешь, – прошелестел шепот. Губы чуточку дернулись, чтоб, наверное, улыбнуться. Но

не смогли улыбнуться. И глаза закрылись. И дыхание по-
гишло. Казалось, больная уснула.

Под это упокоение мелькнула мысль: «а как же с ин-
тервью?», – и вот именно тут всплыл в памяти непрости-
тельный мой промах, вернее, *слабина*, которую дал я под
стечением форс-мажорных обстоятельств.

Как-то в начале октября, не помню, какого года, я
приехал в Петровку за интервью знаменитого бригадира.
А погода стояла мерзейшая! Шквальный ветер срывал
листы шифера с крыш и гонял их по улицам, словно это
пушистое перекасти-поле, мороз прихватывал щеки, слов-
но это не октябрь, а февраль, а небо сеяло колючей кру-
пой. Каково же было мое изумление, когда узнал, что
«Кутузова со своими бабами в поле. Капусту рубят»...

Мы приехали на плантации и увидели жуткую картину.
Горбатые из-за накрученных на головы и плечи шалей,
сельские бабенки (в звене овощеводок Кутузовой почти
сплошь были ее товарки возрастом за сорок-пятьдесят, да
еще и имевшие по 5-7 детей) скрюченными от холода
пальцами захватывают обснеженные кочаны, здоровенны-
ми ножами смахивают их с корней и, мате-рясь на чем свет
стоит, грузят на тракторную тележку.

Валентина Ивановна, увидев меня вылезавшим из ма-
шины, как-то дернулась и пошла... вглубь плантации. Я зако-
вылял было за нею.

– Не приставай к ней – пошлет! – прохрипела одна
из женщин.

...Не только меня, но и других корреспондентов «по-
сылала» Кутузова – в принципе мы действительно меша-
ем занятым людям. Но однажды она сама потребовала
дать ей микрофон. Я знал, что урожайность у нее нынче,
как говорят, «поперла» – за двести центнеров клубней с
гектара! – и думал, что Кутузова похвалится этим... но
она с ходу, без раздумий, ринулась в нападение:

– Я обращаюсь к горнякам самой знаменитой нашей
шахты, – митинговым голосом выкрикнула она, – шахты
имени Костенко! Ваши посланцы... аж сорок человек!..
лучше бы уголь рублили, чем ко мне позориться приехали!..
Приехали чуть не к обеду, выгрузились и... сели опять гру-
зиться – «тормозить», как они весело сообщили. «Потормо-

зили» часок, потом поработали столько же... И вон результат – две-три сотки на сорок здоровых мужиков. Наши петровские детки за два часа вдесятером больше делают... Стыдно нам за вас, шахтеры!..

Валентина Ивановна сердито сунула мне микрофон, сплонула с досады и зашагала мужицким шагом по картофельному полю, к своим бабам. А мне надо было спешить с этим «интервью» на радио.

На шахте, куда мы завернули «по пути», я выловил главное начальство – не помню, директора или парторга, и, прокрутив гремучую пленку, спросил:

– Вы когда хотели бы услышать обращение члена ЦК Компартии Казахстана Кутузовой в эфире – сегодня или завтра?

– Лучше бы... завтра, – последовал осторожный ответ.

А «завтра», ближе к вечеру, позвонили из совхоза, от Кутузовой:

– Спасибо за шахтеров! Приехали два автобуса... чуть не с зарей! Брали клубни, аж пыль стояла, как от комбайна. Четыре га выбрали! Теперь видно, что «картошку все мы уважаем»!

...А на капусте я все-таки настиг Валентину Ивановну, поздоровался, сочувственно улыбаясь. Ее буквально взорвало – то ли само мое появление не вовремя, то ли дурацкая улыбка.

– Какого... хрена ты приперся! Глаза повылезли? Не видишь, что тут творится? Мотай отсюда! – и она рванулась от меня на другой конец плантации.

Тут и поплыла из меня та самая слабина. Забрался в «газик», где было почти безветренно, но шофер наш Анатолий Васильевич все-таки «давал дуба», и стал я... считать-рассчитывать. Опять приставать к бригадиру с просьбой об интервью бесполезно – пошлет еще дальше... Да и записывать... в машине – вроде неприлично, а на воздухе... – ветер по моему микрофону такой «барaban» устроит, что техники-звуковики в эфир эту запись не пропустят – шумы, скажут, забивают слова... Все к тому, что надо уезжать... И я хотел было дать шоферу отмашку. Но тут к нам подошла Валентина Ивановна и, с трудом открыв дверцу, просунулась в машину:

– Ладно, Иваныч, не дуйся за ругню... Мы же заколели тут! Все запасы рукавиц повымочили, и они задубели... пальцы вот-вот отвалятся... сапоги промочили... Бабы мои изматерились вконец, а тут еще ты! В другой раз поговорим.

И мы уехали. Но уже под Карагандой взял меня стыд, сил нет! Можно все-таки было сделать репортаж! Надо было выйти на этот треклятый ветер, сунуть микрофон куда-нибудь за пазуху и прокричать:

– «Я веду репортаж с плантаций совхоза «Ульяновский» в жуткую погоду – вы слышите, как бьет в микрофон шквальный ветер! Плевать на качество записи! Я ору, чтобы вы разобрали мои слова, потому что нам с вами легче, чем женщинам здесь. Они, измотанные холодом и сыростью, с самого утра ведут срезку кочанов капусты... для борща и салатов нам с вами! Я не знаю, кой черт придумал уборку капусты в такую погоду, но бригадир Валентина Ивановна Кутузова категорична: «Иначе сегодня нельзя!»...

И я повернул обратно – в совхоз. Как гончая, с высунутым языком примчался на ту плантацию, но... непромокаемые, непромерзающие бабы уже убрали ее. Я чуть не кусал себя за пальцы!

Потому, спускаясь по лестнице в этот раз, я сказал себе: сегодня программа «Земляки» о Кутузовой будет!

На лавочке возле дома старушек изрядно поприбавилось.

– Если Вы... кутузовские, вы мне и нужны! – сказал я им.

– Как есть, все мы – кутузовские! – загалдели они.

И стали мы сообща рисовать в мой «Репортер» портрет Валентины Ивановны. Рассказали «девочки» (именно так она их называла), как стала Валентина Ивановна сначала звеньевой картофелеводов, потом бригадиром комплексной бригады, потом знатным на всю страну мастером высокой культуры земледелия, как они шли за ней в поле в любую погоду и в любой усталости...

Потом мои собеседницы зашмыгали носами... приняли слезы вытирать уголками платков... – пошел рассказ про минувшую ночь, про то, как они кинулись на помощь своей бригадирше:

– Она у нас давно приболела... Сердце, диабет... А денег на лекарства ни у нее, ни у нас... Пенсии-то не несут! А

лекарства те – дорогушие, да не враз достанешь... А начальство-то, которое все с именем ее носилось, забыло нашу Валентину Ивановну-у... А нынешним хозяевам... земли нашей... никто из нас вовсе не нужен! Вон до чего дожили ульяновцы – кое-кто из одиноких подружек наших... по поймакам хоть что-нибудь съестное выискивает...

«Земляки» в июле 96-го все это рассказали карагандинцам. А Валентина Ивановна, к счастью, выкарабкалась тогда из рук костлявой!

А потом, когда я и сам стал пенсионером, потерял следы В. И. Кутузовой, хотя искал ее всячески. Книгу хотел написать о ней – «Самородок»...

А сегодня... за три часа до того, как полились из меня вот эти строки, сегодня только узнал, что сорок дней назад не стало ее...

Валентина Ивановна еще семь лет боролась с невзгодами и болезнями. Но... Население Петровки, говорят, вдвое увеличилось в день ее похорон – так много отовсюду понаехало народу. У гроба говорили много хорошего о покойнице. А между собой недоумевали:

– Что ж в области-то... не опубликовали даже никакого некролога? Неужто не заслужила этой чести наша Валентина Ивановна?

«Душа – бумеранг», август 2003 г.

Слово – от сегодня

Прошлой зимой привезли меня на встречу с читателями в среднюю школу № 17, что в Майкудуке. Взбираюсь на крыльцо, и вдруг кидается ко мне старый казах, долбивший неподалеку лёд:

– Вы, по-моему, Литвинов! Спасибо вам! Вы один защитили нашу Валентину Ивановну Кутузову! – у меня сдавило горло.

– Спасибо и Вам, что бережете ее память! – пожал руку ветерану и весь день был под впечатлением нашего рукопожатия.

А книга моя с очерком «Самородок» ушла в семью только младшей дочери Валентины Ивановны – Оли. Осильным родичам, видать, не до этого.

Поинтересовался я судьбой родного совхоза Кутузовой – «Ульяновского». Он давно вместе со своим звучным именем потерял и звучную славу одного из лучших хозяйств области. Ветеран «сельскохозяйственного контроля и учета» Юрий Алексеевич Халимонов (практически наш главный спец по картофелю) рассказал: «Совхоз раскололся на несколько крестьянских хозяйств. Они, наперекор всему и по мере сил, стараются ублажить матушку-землю и получить от нее «взятку». ТОО «Кайрат», например, минувшей осенью вырастило неплохие урожаи овощей, картофеля и зерновых культур. Но о высотах Валентины Ивановны Кутузовой и ее подруг-земледелок пока остается только мечтать».

Ноябрь 2004 г.

Александр Христенко:
**«Стыдно за бессилие
в этой «экономике!»»**

«Не считаю себя героем...»

Присутствие на свадьбах и похоронах для меня всю жизнь было мучительным. Свадьбы – поскольку радость там длится недолгие минуты, а потом часами тянется простая пьянка, и многие забывают даже, чего ради тут собрались. Похороны кажутся мне нарочито затянутыми, мало искренними, и ощущаю стыд перед усопшим...

Но на похороны Александра Федоровича Христенко я не мог не пойти. И, благодаря добрейшему А. Г. Степаненко, который привез меня в концертный зал «Шалкыма», смог молча, в душе попрощаться с Великим Земледельцем Сары-Арки.

На этом скорбном ритуале не звучало теплых, сердечных слов в адрес усопшего. Один оратор с каменным лицом сменял другого и... читал очередную анкету – оз-

вучивал перечень его званий-наград. Благо перечень этот у Христенко – уверен! – самый длинный в области, если не в Казахстане.

Мне хотелось сказать Александру Федоровичу свое, душевное. Но это же немыслимо – прорваться сквозь чиновный заслон и втиснуться в список обязательных говорителей!

Пользуюсь правом автора – говорю здесь, что хотелось сказать там:

«– Я старше тебя, Александр Федорович, на полтора месяца...»

Но преклоняюсь перед тобой, потому что всю жизнь ты дышал одним воздухом – Делом... безо всяких оговорок доводил это Дело до конца... Еще потому я преклоняюсь перед тобой, что в твоей жизни нашлось место и для меня. Хотя ты и не знал этого, но, наверное, догадывался. Уходя от нас, ты уносишь и частицу моей жизни...

Помнишь, как я исхитрялся уловить тебя в совхозе имени Кирова, приезжая чуть ли не с утренней зарей или после вечерней зари, потому что в иные часы – попробуй поймай ветра в поле, а директора в кабинете!

А помнишь, как я всякий раз норовил перебраться в твою машину, чтобы потрястись по полям, поглотать пыли в «Уазике» вместе с тобой, потому что иначе не наскребешь в твоём графике и полчаса на интервью.

Ты, бывало, посылал меня «на БАМ», но сам, человек Дела, в конце концов шел мне навстречу, потому что уважал и мое дело... И мне удалось сделать аж четыре толковых радиопрограммы «Земляки» о Христенко – в августе 92-го, марте 93-го и две в октябре 96-го.

Знал бы ты, как я жалею, что не довелось поговорить, когда ты, как и я, стал писателем и... «суверенным пенсионером». Ведь мне по-прежнему, как и в упомянутые годы, иной раз до зарезу необходимо было не столько сделать очередную запись, сколько... поплакаться в запыленную твою жилетку, ибо только с тобой это и было можно! Но спасибо тебе, Федорович, что, если и не попадал я к тебе, мог мысленно делиться с тобою своим насущным и болючим... Смертью своей ты обездолил меня».

Прокручиваю кассеты с программами «Земляки» об Александре Федоровиче Христенко – Земледельце, Ученем, Депутате.

Слушаю его захлебывающийся голос и не успеваю прихватить все мысли – так их много. Его Самого – невероятно много! Первый целинный директор... Первый организатор научно-исследовательского совхоза-института... Один из первых Народных Героев Казахстана... Родился на Украине. Работал на заводе и служил водолазом на Балтике... Сделал целую эпоху на селе в Казахстане... Шутка ли – многие годы руководимые им хозяйства давали самый большой хлеб, самое большое молоко, самые большие доходы.

А мечтал он еще о большем. Построить деревню XXI века... Использовать кружащуюся вокруг Земли атмосферную влагу в растениеводстве...

Поистине неизмерим сей Человек!

Но в последние годы сильные мира сего так повернули штурвалы жизни, что почти все вокруг рухнуло. Даже то, что, казалось, на веки сколочено твердой рукой Христенко. И помню, с каким неизбывным горем произнес Александр Федорович фразу, взятую мной в заголовок:

– В этих условиях я не считаю себя Героем... Стыдно – за бессилие такой «экономике»!

Болью резануло по душе от этих его слов. Потому что горьки они правдой своей.

«Душа – бумеранг», май 2003 г.

Сегодняшний комментарий

Экономика, от которой было стыдно Народному Герою Казахстана Александру Христенко, так и погубила его детище – КНИСИ (Карагандинский научно-исследовательский совхоз-институт). Он был подвергнут процедуре банкротства и реорганизован в предприятие с мудреным «революционным» названием-аббревиатурой (раз-два взяли... запоминать!) – РГКП КНИРС, что в переводе на произносимый

язык означает: республиканское государственное казенное предприятие «Карагандинский научно-исследовательский институт растениеводства и селекции». Предприятие потихоньку становится на ноги: начало продавать крестьянским хозяйствам элитные семена зерновых и картофеля. По урожайности сельхозкультур ему, конечно, еще далеко до Христенковских, но движение идет все-таки вверх.

И вот печальная весть: вчера похоронили сына Александра Федоровича – А.А. Христенко, бывшего комсомольского лидера, директора совхоза, предпринимателя.

Декабрь 2004 г.

СТРОИТЕЛЯМИ ДЕРЖИТСЯ ЗЕМЛЯ

Аркадий Фридлянд:

**«Когда породы были крепкими,
мы бывали крепче их!»**

Шахтостроитель – сам!

Радиопрограмма «Земляки» об Аркадии Матвеевиче Фридлянде, ветеране-шахтостроителе, поэте, художнике и совершенно непоседливом мужике, прозвучала 24 мая 1994 года – за три дня до его 70-летия. И начиналась она под стать сути героя:

– Этот человек построил в Караганде 22 шахты, три угольных разреза, получил при этом четыре солидных ордена страны и... пять инфарктов!..

А 27 мая, именно в день его юбилея, не нарочно, но так получилось, 55 «земляков», то есть героев одноименной программы, собрались на свою первую встречу в арт-салоне Светланы Петерс, что официально именовался арт-салонем «У архитекторов». Знакомились воочию, итожили работу редакции, обменивались теплыми комплиментами и сожалели, что не пришел к нам Аркадий Матвеевич, поскольку коллектив комбината «Караганда-шахтострой» сказал: «Не отдадим своего юбиляра! Мы ему 70 раз спасибо должны сказать!..»

Но к общему восторгу часов около одиннадцати бодрый и веселый Фридлянд примчался все-таки на нашу тусовку, да не один, а с супругой Людмилой Николаевной и двумя посланницами горняков Экибастуза, специально делегированными поздравить своего бывшего шефа с 70-летием. Как, говоря по-восточному, река счастья рождается из ручейков радости, так и та наша яркая и незабываемая встреча пополнилась тремя «ручейками». Сначала мы отбили ладони, приветствуя десант Фридлянда, потом всех поразила невообразимая блондинка, которая буквально

завалила стол автора «Земляков» громадной охапкой пьянящей сирени и сказала, сверкая улыбкой и очами:

– Как жаль, что у нас в Экибастузе нет такой радиопередачи и не было таких встреч ее героев!

И, наконец, поднявший бокал за первую встречу «земляков» Аркадий Матвеевич объявил:

– Чтобы встреча эта никогда не забывалась, мы с Димой Кондраниным дарим всем землякам нашу песню.

И зазвучали струны, и мягкий, певучий голос Димы повел:

Мчатся годы неистово вскачь,
Или быстрым теченьем реки.
Познавали мы радость удач,
Познавали печаль, земляки.
Пусть немало мы вынесли бед,
Не подвластны мы зову тоски,
Нам пути к отступлению нет,
Будем жить и творить, земляки.

А победою нашей большой
Стало то, что и в горестный час
Мы творили с открытой душой,
И она сохранилась у нас.
Наш земляк всех нашел и собрал,
Было трудно, порой не с руки,
И о нас передачу создал,
И назвал он ее «Земляки»...

Мы бешено заплодировали.

Число героев радиопрограммы давно перевалило за три сотни, встречались «земляки» уже четырежды, и стала эта песня Аркадия Матвеевича Фридлянда гимном земляческого братства. И – спасибо ему!

Восторгаться этим потрясающе молодым ветераном, поверьте, я мог бы еще и еще. Но прочитал его ответы на мою анкету для этой книги и решил: а пусть эти ответы и говорят о нем.

Итак, Аркадий Фридлянд – сам!

«РОДИЛСЯ 27 мая 1924 года в Днепропетровске.

Помню все примерно с трех лет, а в четыре уже сам научился читать по кубикам с картинками.

Застал конец НЭПа, голод 30-х годов (запомнил навсегда опухшие ноги отца), помню появление в доме «лампочки Ильича», радиоточки, подъем благосостояния и... репрессии. Но навсегда остался патриотом той страны, которая была для меня Родиной.

РОДИТЕЛИ. Матвей Израилевич, отец, начиная с 1915 года, семнадцатилетним, служил пулеметчиком в автобронечастях царской, белой и Красной армий. Ольга Абрамовна, мама, была любящей женой и хозяйкой, доброй, приветливой, из последнего помогавшей нуждавшимся соседям.

ЗАКОНЧИЛ среднюю школу в 41-м... Учился отлично, но вот поведение было «дуже погане»: исключали меня из школы, поскольку убежал из дома (в Ленинград!). Но, став комсомольцем, вел себя достойно, закончил школу с одними пятерками.

Наш выпускной был в ночь на 22-е июня... Почетным гостем к нам пришел Исаак Дунаевский. С того вечера помнится огромный танцевальный зал, вальсирующие выпускники и выпускницы... И вдруг под утро вбежал взволнованный парень: «Война!»

Без крика, шума мы разошлись, чтобы через пару часов встретиться у военкоматов: кто проводить отцов, кто проситься в добровольцы. А 14 августа:

Я стал в семнадцать добровольцем,
Красноармейцем, не солдатом.
Сквозь дым не пробивалось солнце.
Оно пробилось в сорок пятом...

КАРАГАНДУ для работы и жизни выбрал сам, хотя имел и право, и возможности выбора – Подмоскowie, Донбасс... Приехал в августе 49-го и стал... аж третьим дипломированным инженером в Майкудукском управлении новостроящихся шахт. Кстати, несмотря на всякие трудности, там я занялся и научной работой, закончил аспирантуру

Ленинградского горного института под руководством корифея горной науки Б. Бокия.

ХАРАКТЕРОМ своим, несмотря на тяжкие иной раз последствия его, я доволен. Недаром говорят на Кавказе: «Правду скажешь – друга потеряешь». Но умные, достойные из моих начальников помнили правило: «Руководитель не обижается – он анализирует». А поскольку у нас умных было немало, моя прямолинейность сходила мне с рук. Становлением характера я обязан не только родителям, но и многим учителям, преподавателям, армейским и производственным командирам. Влияние их было в том, что хотелось подражать их поступкам, манерам, и думаю, что многое характерное для меня сейчас спонтанно появилось под влиянием моего восприятия их поведения и поступков.

Кстати, оказывали влияние не только «вышестоящие», но, бывало, и подчиненные. Я до сих пор восторгаюсь невероятным трудолюбием, порядочностью, профессионализмом главного механика Кировского ШСУ Ильи Павловича Попандопуло. Многому я научился у него.

СЕМЬЯ? Людмила Николаевна Куриннова, жена, – врач-терапевт. Я возношу благодарность Всевышнему за подарок судьбы. Могу с уверенностью сказать, что не будь у меня такой жены, не писал бы я этих строк. Из пяти инфарктов не столько врачи, сколько она меня вытаскивала. Да и вообще – сколько раз она спасала меня!

Есть дети, есть внуки – все взрослые. Есть два правнука-близнеца. Один сын журналист, другой, как и я, шахтостроитель.

СУДЬБОЙ своей я доволен, несмотря на всевозможные «изломы». Всякий раз потом шло к лучшему. Так было в учебе, на войне, в институте и за время работы. Меня, например, «сослали» в «Долинскшахтострой», а я там стал главным инженером, управляющим одним из лучших в стране трестов!

УВЛЕЧЕНИЯ? Рисование – маслом, акварелью, писание стихов. И то, и другое всю жизнь. Это даже не увлечения, а элемент образа жизни. Пишу и рисую потому, что иначе не могу. Есть еще одно «хобби» – соглашаться на самые трудные, порой безнадежные участки работы, особенно пусковые объекты, и успешно в срок их завершать. Тут одного ощущения чувства исполненного долга достаточно, чтобы компенсировать моральные и физические затраты!

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ? Работаю директором инженерного центра НИИ горной геомеханики и маркшейдерии. Занимаюсь исследовательской работой, проектированием и выполнением строительных работ, связанных с влиянием на здания и сооружения подземных разработок. В Гостехуниверситете (КПТИ) работаю на полставки профессора кафедры шахтного и подземного строительства.

Дополнительная, не регламентированная деятельность – консультации и занятия по организации производства в Институте предпринимательства и культуры менеджмента.

ЧТО СДЕЛАЛ, ЧЕМ ГОРЖУСЬ? Прежде всего тем, что вместе с другими карагандинскими и павлодарскими шахтостроителями:

Жили мы годами, пятилетками,
не жалея юных сил своих.
А когда породы были крепкими,
мы бывали крепче их.

Построил «со товарищи» 22 шахты, причем на 17 из них был начальником пусковых комплексов. Частица моего труда – во множестве промышленных объектов, десятках школ, детсадов, больниц, Дворцов культуры (что сейчас с «энтузиазмом» разрушают!). Есть несомненный вклад в горную науку.

ЗВАНИЯ И НАГРАДЫ? Имеются у меня кое-какие... Орден Отечественной войны, два ордена Трудового Красного Знамени, «Знак Почета»... Знаки «Почетный работник угольной промышленности СССР» и «Заслуженный горняк Казахской ССР»... Грамоты и Почетные грамоты Верховного

Совета КазССР, ВЦСПС, Минуглемаша СССР... Знаки «Шахтерская слава» трех степеней.

НЕИСПОЛНЕННЫЕ МЕЧТЫ? Хотел быть свободным, путешествовать. Полагал, что, выйдя на пенсию, восполню пробелы в познании мира. Но!..

А ведь заслужил. Того, что сделано и продолжаю делать, хватило бы на многих. Помнится, когда по воле тогдашнего министра Б. Братченко меня, 53-летнего, назначили начальником комбината «Экибастузшахтострой», а вокруг там было немало молодых претендентов, мне сказали: «Там надо сделать наверняка!». И вот тогда,

Тряхнув изрядно стариною,
Взвалив на плечи тяжкий груз
(Мой опыт был тому виною),
Я уезжал в Экибастуз.
Ну что поделать мне с собою,
Ведь я всю жизнь сполна плачу
За то, что жизнь прожить без боя
И не могу и не хочу!

МЕЧТАЮ СЕГОДНЯ о каком-нибудь просвете в нынешней мрачной жизни, чтобы уйти из этого мира, сказав: «Слава Богу, есть надежда, что дети и внуки будут жить достойной жизнью!»

...Скоро одному из любимейших моих «земляков» Аркадию Матвеевичу Фридлянду стукнет 75. И, кроме обычных «доброго здоровья», «счастья в жизни», мне хочется крикнуть неутомимому ветерану: «Так держать! Счастливого пути в добрых делах!»

Май 1994 – март 1998 года.

Сегодня, спустя шесть лет после этой публикации в книге «Сердца раскрываются», мне грустно.

Часто вспоминается неуемный Аркадий Матвеевич, которому в мае исполнилось бы 80 лет, хочется вновь услышать нечто оригинальное, с чем он всегда появлялся: то стихи на смерть Влада Листьева, то текст песни о «Земляках».

Но Аркадий Матвеевич умер летом 2000 года, когда я был в Барнауле. Попрощаться с ним пришлось на сороковинах. Там я почитал собравшимся его друзьям то, что вы сейчас читали. Люди слушали с благодарностью.

Супруга его, Людмила Николаевна, отметив годовщину смерти Аркадия Матвеевича, уехала за пределы области к кому-то из сыновей.

Память о шахтостроителе у нас, кажется, никак не увековечена, ведь шахты и разрезы, возведенные им, сами не говорят.

Ноябрь 2004 г.

Василий Язев:

**«Вспомнишь –
тело от той еще устали ноет!»**

Не простится нам!..

Василий Язев, на мой взгляд, – чистейший продукт советской эпохи.

Получая специальность в индустриально-строительном техникуме, Вася Язев получил и направляющую Идею, ибо техникум назывался Ленинским...

На далекий Балхаш выпускник в мае 1934 года ехал не только с дипломом техникума, но и с путевкой ЦК ВЛКСМ и напутствием верного ленинца – Серго Орджоникидзе, наркомтяжа, как тогда называли министра.

– Прибыли на ноль, – рассказывал Василий Иванович во время записи программы «Земляки». – *Поселили нас, сотню юных специалистов, в юрты. Только к осени переселились «в комфорт» – построили бараки из камыша.*

...Мы сегодня скептически смотрим кадры фильма «Как закалялась сталь», где комсомольцы, босые, голодные, строили узкоколейку. Мы почти не верим этому! Даже я, не новичок в комсомольском энтузиазме (целинный хлеб 50-х годов, бывало, веял-грузил), но с неким сомнением слушал воспоминания Язева:

– Работали по 12 часов... Дикая жара... невыносимая жажда, поскольку почти нет питьевой воды. От соленой балхашской выворачивает... Были, конечно, и нытики, и дезертиры... Даже из нас, ста посланцев комсомола, в первый год 45 убежали... Пешком по льду Балхаша – сотни км одолели... Я тоже было... Но тут меня бросили на строительство Коунрада, я с головой включился, и стало не до убегания... Мы, между прочим, в одной 12-метровке с Д. А. Кунаевым жили... Он годом позже меня приехал и работал горным инженером. Он потом обо мне хорошо в своей книге написал...

Вот они, черты питомца советской власти: сын набойщика ткацкой фабрики и ткачихи деревни Курово вместе с будущим Государственным Деятелем возводит промышленные форпосты страны и становится Героем ее!

Кажется, что в 50-80-е годы карагандинцам было не в пример легче, чем первостроителям. Но... После бунта рабочих в Темиртау ЦК партии обновляет власти Караганды, и Василий Язев становится заместителем председателя облисполкома.

– Самое тяжкое из того времени – это нехватка воды! – напрягся во вздохе Василий Иванович. – Построили Сокурский водовод, Катурский, Жартасский водоводы. Снабдили питьевой водой все города области. А тут стала разворачиваться Казахстанская Магнитка. И снова: «Не хватает воды!» Начали возводить канал «Иртыш-Караганда»: трасса 400 километров, 20 станций, 20 водохранилищ... Вспомнишь – тело от той еще устало ноет!.. А еще было строительство жилья – до 800000 квадратных метров в год, десятки школ, больниц, перенос центра города из зоны подработки...

И во всем этом были рука Язева, воля Язева, ум Язева. Двадцать лет он пробыл главнейшим строителем Караганды. Работали наши предшественники от зари до зари. Задыхались от пыли и жажды. И выстроили десятки шахт и заводов. Для нас – потомков!

И от имени своих соратников Василий Иванович говорил: – Я предвижу улучшение нашей жизни. Все наладится! Все будет хорошо!

А мы, потомки, лихо забросали хламом построенные ими шахты, разобрали заводы, растащили по кирпичику дома и бытовые здания... Да еще смеемся над самоотвер-

женными первостроителями, клеймим их званиями «партократ», «комсомольский карьерист».

Как назовут потомки нас?

Сами можем смело назвать себя Иванами, не помнящими родства!

Еще при жизни Язева (к 85-летию) было принято решение назвать его именем улицу в Караганде, параллельную Спасскому шоссе. Пять лет пролежало под сукном умное и доброе решение! Наконец к 90-летию взялись за дело и... устроили «комедь» – переименовали в честь Героя половинку проспекта Шахтеров. Шахтерам вроде намекнули: вы теперь не гегемоны, а всего лишь ге... И тех, кто чтит Василия Ивановича, предупредили: и Герой ныне – ге...

Рассказывая о Василии Ивановиче Язеве, наполняюсь гордостью, что хоть немного, хоть чуточку соучаствовал в его делах, ведя теле- и радиорепортажи со строительных площадок, записывая интервью Героя-строителя, но еще более – наполняюсь болью от неблагодарности бодро здравствующих нас. Не отдано нами должное памяти лидера горняков Анны Меркуловой, шахтера Александра Романюты, поэтов Михаила Балыкина и Абдуллы Салехова, шахтостроителя Аркадия Фридлянда, овощевода Валентины Кутузовой и других заслуженных земляков...

Не простится нам это!

Июнь 2003 г.

Айбек Бегалин:

«Мы повторимся, как вечное Слово!»

«Ликуя, веруя, любя!»

Рассказывать об Айбеке Бегалине, на мой вкус, приятно и трудно. Непредсказуем и разнообразен! Большой художник, хотя едва перевалил возраст Христа, малоплодовый, весьма и весьма своеобразный поэт, широко эрудированный и нестандартно мыслящий собеседник, а еще - невероятный выдумщик и озорник. Чего стоит одна только его выдумка с символичным «Государством Великий Монсальват» для единения человечества, где бы оно ни проживало - на Земле или вне Земли, а ему в этом «государстве» принадлежит титул «Герцог Великого Монсальвата Айбек Бегалин-Аргентумский» (кстати, встретив монсальватовцев, я возжелал слиться с ними в одной компании и назвался седьмым гражданином Монсальвата и взял себе звание «Рыцаря Нравнодушного Слова»).

Словом, в этом тихом и скромном до стеснительности, слегка заикающемся, молодом и стройном казахе уживаются Философ (можно и с большой буквы!) и Мальчишка (а уж это точно - с большой буквы!). Перефразируя великого математика и гениального шахматиста Эммануила Ласкера, который, правда, имел в виду шахматы, лично я смело сказал бы об Айбеке так: «Слишком уж мальчишка, чтобы быть философом, слишком уж философ, чтобы быть мальчишкой!»

Вот, к примеру, образчик его философской лирики:

Слово, которое было вначале,
все повторяется снова и снова.
Жизнь утверждается жизнью новой,
мы повторимся как Вечное Слово,
Слово Надежды и Слово Печали,
в Слове, которое было вначале.

Если говорить о нем *солидно*, стоит сослаться на характеристику карагандинского искусствоведа Л. Золотаревой в журнале «Простор» (1995 г.):

«...Привлекает в молодом художнике и его эрудиция, литературная образованность, философско-гуманитарная культура, его нравственная позиция. По его мнению, художнику необходимо преодолеть в себе стереотипы восприятия истории художественной культуры. В историю искусств можно и нужно «ходить на этюды», впитывать в себя дух той или иной эпохи, убрав все временные рамки».

Ну и еще немного оттуда же: «...ему близки в качестве примеров для подражания такие индивидуальности, как Босх, Брейгель, великие Дюрер, Микеланджело, Рембрандт... И в сфере философии у Айбека свои взгляды. В своем мировосприятии он находится под несомненным воздействием Гегеля...»

Хорошо и четко расписано! А потому еще чуть-чуть: «Свои пристрастия есть у Айбека и в литературе: Достоевский, Толстой, Д. Андреев, Р. Толкиен...»

Если же заговорить о нем поэтично, то вот «Кредо» самого Айбека:

Я – человек.
Я жизнь принимаю
ликуя, веруя, любя.
Пылинкой света воспаря
над бездною миров просторной,
лечу, ветрам времен покорный,
в мятежный огонь бытия.

И, наконец, скажем по простому. При первом же знакомстве, а это было, как сейчас помню, 13 августа 1994 года, как только мы протянули руки друг другу и поздоровались, я понял, что встретил человека, к которому буду относиться именно – «ликуя, веруя, любя»!

Быстрый, стремительный, он взлетел на мой «повышенный» третий этаж, озарил мою квартиру и меня самого

своей неповторимой улыбкой и проник в душу совершенно простецкой фразой:

– Я пришел помочь вам добраться до выставочного зала.

Кто-то из героев программы «Земляки», кажется, христианский проповедник Павел Куликов, года за полтора до этой встречи рекомендовал мне в «земляки» художника Бегалина, но у меня или руки не доходили, или ноги не добежали, а теперь я, нещадно ругая себя за невнимательность к умным советам, поспешал за Айбеком к выставочному залу, где четверть века назад нашел и новых для себя друзей, и немало тем для своих передач, а сегодня ждало что-то новое. Сердце мое забилося учащенно, поскольку, видимо, учуяло истинную журналистскую находку.

Уже первых впечатлений от знакомства с этим парнем было достаточно, чтобы «сесть рядком да поговорить ладком», предварительно включивши микрофон, но когда мы переступили порог тогда единственного в Караганде храма живописи, я был сражен! Помню только, что вспыхнули щеки от стыда, что я до сих пор об этом ничего не знал и так глупо тянул со знакомством с ним.

Стоило Айбеку познакомить меня с искусствоведом Натальей Ивановной Ивановой, как я немедленно включил свой «Репортер-7» и записал интервью-репортаж, ставший основой моей 150-й программы «Земляки», которая, на мой сегодняшний взгляд, остается одной из лучших среди трехсот пятидесяти программ, вышедших за семь лет! Кстати, деталь: было-то это три с половиной года назад, но «Земляки» об Айбеке повторялись год назад и звучали, как сделанные только что... Человеческое обаяние плюс невероятные картины Айбека – это, конечно, основные слагаемые успеха программы, но колоритный голос и отточенные характеристики экскурсовода Натальи Ивановны – это как заключительный аккорд:

– Две главные работы в самостоятельном творчестве Айбека Бегалина уже после окончания Суриковского института – это «Апокалипсис» и «Семь светильников», – начала она свой экскурс. – Учился он на графика, приехал в Кара-

ганду - стал живописцем. В общем-то весьма сложно перейти из одного жанра искусства в другой, но график в его работах все равно чувствуется.

- Когдаходишь вот к этим его огромным картинам...- вдохновенно продолжала Иванина, - картинам, которым тесен наш выставочный зал, им бы висеть в каком-то дворцовом интерьере!.. - удивляет огромное количество деталей! Это даже не детали - огромное количество героев, персонажей, которые участвуют в изображенных сценах.

- Наталья Ивановна, - вырвалось у меня, - когда я подошел с Айбеком к этим полотнам, невольно воскликнул: да это же как «XX век» Ильи Глазунова!

- Вы меня простите, но мне кажется, что вы не сделали комплимента Бегалину! - отпарировала Наталья Ивановна.

- Вы сделали, скорее, комплимент Глазунову.

- Вот так даже!

- Глазунов, во-первых, не смог бы так масштабно осмыслить событие, во-вторых, он не такой мастер-рисовальщик, как Бегалин...

- Ну вы!.. Это вы так смело заявляете о художнике мирового масштаба? - не помню уж чего это я осмелел «со своим свинячьим рылом» - то ли от изумления, то ли чтобы подначить искусствоведа и вывести ее на еще более эмоциональный тон.

- Я вам абсолютно смело заявляю это... Как специалист, как профессионал-искусствовед.

- Спасибо! Как карагандинцу мне это оч-чень приятно!

- Глазунов так рисовать, как Айбек Бегалин, все-таки не научился... хотя и кончил институт имени Репина.

- И хотя он раза в два старше? - тянул я свое.

- А может быть, и - в три! - усмехнулась Наталья Ивановна и как ни в чем не бывало продолжила: - Здесь масса героев, и каждый из них, вот вы знаете, в миллиметр, ну в несколько миллиметров размером, он детально вырисован, любовно выписан! И они настолько выразительны в своих жестах, в своих движениях, в своих стремлениях, что это поражает... Сначала, когдаходишь к этим картинам, кажется, что там что-то произошло страшное, какая-то все-

ленская катастрофа, и персонажи в панике гибнут... Для Айбека эта тема – борьба светлых и темных сил – достаточно важна, она проходит во многих его работах. И в живописи, и в графике... может быть, и в душе. Огромные какие-то катаклизмы, страшные катаклизмы... апокалипсис... недостроенная, но уже разрушающаяся Вавилонская башня... – продолжается разъединение человечества! Это очень хорошо вписывается в мировое искусство – сами технические приемы и эти всадники, черные, которые приносят нам с вами боль, но эта боль нами заработана... это страх, привнесенный нами в нашу жизнь... это расплата за наше предательство, за наш обман, за все то черное, что есть в нас.

Но вы знаете, что мне здесь нравится? То, что вот эти маленькие людишки, герои сюжета, не сломлены, они борются!

– А мне, знаете, что нравится? – зараженный ее состоянием, опять вмешался я. – То, что вот этот диптих Бегалина можно читать как большую мудрую книгу... как «Войну и мир», скажем. Но чтобы ее читать, надо и времени много, и ума много!

– Да, здесь нужна определенная подготовка! И подготовка вовсе не профессиональная или там искусствоведческая, а – интеллектуальная и даже духовная... Здесь можно стоять часами. Вот и приходят люди по несколько раз, и стоят, и стоят подолгу... читают, как вы говорите. И каждый раз, это нам видно, находят для себя что-то новое.

– Я это «подолгу читать» к тому говорю, что мучает меня... этикетка, прикрепленная внизу, – «Продана»... И я знаю, что продано это в частные руки, да еще далеко за пределы нашего края. Значит, карагандинцам вскоре нечего будет читать! Не каждый ведь может съездить для этого в далекий Воронеж... Жутко обидно. Страшно даже от нашей потери!

– А мне за всех наших художников страшно! За всякое истинное творчество страшно: что-то заброшено будет, смято... что-то по дешевке разлетится неведомо куда.

– Мы об этом «продано» еще поговорим все вместе, а сейчас вот... это же Достоевский?

– Да, мне помнится, на первом показе в нашем зале это полотно так и называлось – «Достоевский», хотя здесь еще два персонажа во весь рост. Сейчас это «Три апостола». Картина была доработана и приобрела новое звучание. Мы же с тобой, Айбек, как раз перед открытием этой выставки говорили, почему три апостола. В принципе, Достоевский явно читается, потому что полное портретное сходство, а рядом – Алеша и Иван Карамазовы. То, как мы их воспринимаем, это похоже...

– Достоевский – это же учитель, – сказал молчавший всю «экскурсию» автор, – учитель как бы всего человечества.

– Да, и в этом смысле, конечно, он может претендовать на звание апостола. И тогда двое его героев могут быть расшифрованы как Иоанн и Петр. Недаром здесь Голгофа, и недаром в руках у Достоевского чаша. От чаши даже какое-то свечение идет. Я расшифровала ее как чашу Грааля, Айбек со мною согласился. Да, Айбек?.. Чаша святой крови, Чаша жертвы. Собственно, и сам Достоевский... ведь, его творчество – это жертва... Мне кажется, с этой картины и началось у Айбека становление и живописное, и творческое вообще, когда он стал думать не о том, как писать, как изображать, а что писать. Он стал писать больше душой, чем умом.

– Я не боюсь перехвалить Айбека, – подал я реплику, – но, думается мне, тремя этими картинами он заявил о себе как о выдающемся художнике. А?

– Да, вы знаете, когда приходили сюда американские миссионеры, они цокали языками и приговаривали в восхищении: «Шедевр! Супер!», показывая именно на эту работу! – воскликнула Наталья Ивановна. – Я с ними совершенно согласна.

...Меня вообще-то можно упрекнуть: чего ради так подробно расписывать выставку ста работ Бегалина, развернутую почти четыре года назад, если художник после этого сделал еще столько всего! Поясняю торопливым: вот этими строками я даю *штрихи к портретам «земляков»*, то бишь героев моей авторской радиопрограммы. А программа об

Айбеке делалась именно тогда, у той экспозиции. Посему продолжим!

– Я считаю вторым пиком в творчестве Айбека графические работы в им самим придуманной, изобретенной технике «бегалиграфия». Работы очень философские, очень сложные, и, когда они выставлялись, я думала, что люди будут неинтересны, их просто не поймут...

– На ваш взгляд, а я ему доверяю, поскольку этот взгляд специалиста, выпущенного вузом мирового звучания – институтом имени Репина, это действительно ноу-хау далеким будущим?

– Да! И Айбек, наверное, правильно делает, что не открывает секрета своей творческой находки. Здесь особые свойства выразительности, здесь сочетание графичности, точности графики, и живописности. Это листы, которые не тиражируются. Сделать с них копию невозможно...

– Как же воспринимается это нашим неискушенным обывателем? Я, к стыду своему, как ни вглядываюсь, все равно, как... перед новыми воротами.

– И я думала, что народ будет пробегать, лишь мельком бросив взгляд. Нет! У нас очень много духовно развитых людей. Практически каждый посетитель подходит к этим листам и подолгу всматривается. Причем многие задают такие вопросы, что просто радуешься – понимают суть и принимают и этого Бегалина! Другой раз у них трактовки даже и не такие, как у нас, специалистов, но тоже верные. Чувствуешь, что человек обратился к первоисточкам духовности и сознания...

– Когда мы перешли к следующему разделу – иллюстрациям с обилием портретов, они поразили меня еще больше, чем гиганты-полотна на библейские сюжеты и загадочная бегалиграфия. Портреты меня просто сразили! Я тогда – бестолочь несусветная! – не знал еще, что это не реальные люди, а запечатленные Айбеком на ватмане герои романа Чингиза Айтматова «И долгие века длится день».

– Да, это Едигей. Вот молодой, вот старый... – показал Айбек. – Это Абуталип, репрессированный. Это его жена

Зарипа... – тут я, признаться, даже охнул. Мне подумалось, что так вот изобразить лица Едигея или Зарипы, освещенные невероятным внутренним и внешним светом, который даже не освещает, а озаряет – и с каждой секундой все больше! – можно только при условии, что это либо твои самые близкие, любимые люди, а не книжные герои, либо ты слм так талантливо их выписал *в собственном* романе. Это же не иллюстрирование, это – само созидание!

– За цикл этих иллюстраций юный студент Суриковского института Айбек Бегалин получил Диплом Российской Академии художеств! – последовала реплика нашего экскурсовода.

– Наталья Ивановна, Айбек! – вскричал я. – А вот этот рисунок, если вдруг исчезнет из экспозиции... ищите у меня дома. Не вытерплю! Он же всеми молекулами – в движении! Верблюд, спасающийся от грозы...

– Вы знаете, – улыбнулась Наталья Ивановна, – в этой серии вы обратили внимание, на мой взгляд, на самый лучший лист. Именно верблюд, Каранар. Но мне кажется, он не спасающийся от грозы. С такой же энергией и экспрессией можно идти и наперекор стихии. Он не покоровившийся!

– Да, да! – подтвердил Айбек, и я невольно еще раз взгляделся в какой-то змеиный полет с детства знакомого мне животного, но никогда не виденного мной в таком полете.

– Сколько динамики, сколько силы! – воскликнула Наталья Ивановна. – Он борец, этот Каранар. И мне кажется, в нем квинтэссенция всей серии иллюстраций... и, наверное, всего романа. Так уж получилось здесь у Айбека. Недаром Айтматов подарил ему книгу с теплой надписью.

...Я поблагодарил тогда Наталью Ивановну Ивановну и спросил, как ей видится будущее живописца Бегалина.

– Я надеюсь, что у него все будет хорошо, потому что в нем заложено очень многое. В нем заложено главное – он не заболел «звездной болезнью», что часто случается с людьми, занимающимися чем-то общепотребным – живописью, литературой, спортом... Талант у него большой, не меньше и трудолюбие. Профессиональная подготовка очень высокая. Вы знаете, что он *все* заканчивал с отличием. Среднюю школу – отлично, детскую художественную школу в Караганде – от-

лично, Алма-Атинское художественное училище – с отличием, Московский государственный художественный институт имени В. Сурикова – с красным дипломом...

Но мне сегодня просто, я говорила, страшно за всех художников. Что их ждет? Вот вы задали вопрос, почему «продано» куда-то. Потому что Айбек со своими мольбертами ютится в той комнатке, где спит его мама.

– А три месяца работал в мастерской художника Марата Жунусова, мужа Натальи Ивановны, когда он уезжал в долгую командировку, – улыбаясь своей неподражаемой улыбкой, добавил Айбек.

– Да-а, – оставалось констатировать мне. – Шедевры не нужны ни городу, ни области, ни стране... И улетают они самолетами, уезжают поездами к другим народам и в другие государства.

Прошло почти четыре года. За отправленные в Воронеж пять мощных по исполнению и крупных по формату полотен Айбек купил квартиру. За совершенно потрясающую «Тайную вечерю», написанную в последующие месяцы, возможно, в порядке своеобразного творческого соперничества с художниками эпохи Возрождения, последующими живописцами... приобрел помещение для мастерской.

«Итого», как говорят счетоводы, карагандинским художником Айбеком Бегалиным создано пятнадцать живописных полотен крупного формата, три десятка выразительнейших портретов, среди них богоподобная «Жанна де Арк» и магнетический «Се человек», которого, несмотря на венец не из доисторического терна, а из творения более близких нам столетий – колючей проволоки, карагандинцы сразу соотнесли с портретом Иисуса Христа, множество пейзажей и графических листов. Айбека сегодня читает Москва: выставки в Агентстве Печати Новости, в Государственной Думе, пять крупных его работ – в одном из популярнейших музеев...

А жизнь у него, как у всех нас, карагандинцев, прежняя, рутинная: то без света в квартире, то без тепла, то... «стукнешь по карману – не звенит, стукнешь по другому – не слышать». Ибо высокое искусство будет цениться по

должной цене, когда у нас у всех будет высокий «душевой доход». Слава Богу, хоть живем пока без апокалипсисов!

«Сердца раскрываются», сентябрь 1994 – март 1998 года.

«Бегалинские булочки»

Художник Айбек Бегалин, в моем понимании, «бронзовеет на ходу». В кавычках даю эти слова потому, что они не мои, а, кажется, Е. Евтушенко. А утверждаю этот тезис в том смысле, что как *творец* и как *человек* Айбек все ближе к тому моменту, когда эти два слова рядом с его именем надо будет писать с большой буквы.

Мне враз не вспомнить те города мира, где имеются произведения Бегалина, еще труднее, если это теперь вообще возможно, припомнить хотя бы названия его работ. Лет шесть назад я впервые увидел «Семь светильников», «Три апостола» («Портрет Достоевского»), «Апокалипсис» и не забыл потрясения, которое они тогда вызвали. Я еще в своем радиорепортаже сравнил картины Бегалина с многолюдными эпопеями Ильи Глазунова, на что искусствовед Н. И. Иванина возразила: «Нет, Айбек – выше!» А позже я не мог отойти – буквально ноги не несли! – от художественного портрета «Се человек», в котором мне увиделся образ Христа, хотя я не знал, имел ли такой замысел художник. Годы спустя я, в общем-то не искушенный в живописи, до слез взволновался от свечения, идущего мне в душу с портретов «Папы Римского...» и «Владислава Буковинского».

Но простите: я вскопчил не на своего скакуна. Мне Айбек Бегалин раскрылся с другой стороны!

Вот он, огорченный, приходит на областное радио и просит дать в эфир сочиненную им песню в ответ на убийство Владислава Листьева... Вот он у меня дома вдруг отказывается от традиционной для нас рюмки. Я теперь со злостью реагирую на скулеж тех мужиков, которые не могут бросить курить, не могут не пить и т. д. и проч. Айбек-то с тех пор ни разу не взял в рот спиртного!..

А вот он тащит ко мне домой десяток лазерных дисков и толкает мне в компьютер музыку десятка классиков и чуть не пять сотен самых популярных песен Советского Союза...

Вот чуть не со скандалом заполняет винчестер моего компьютера двадцатью тысячами книг зарубежных, русских и советских писателей. Да потом еще звонит: «А вы Виктора Суворова прочитали? А Бориса Акунина?»

У Айбека немалая семья, у него громадный объем работы над полотнами (и для души, и для хлеба насущного!), да еще разные дела то в выставочном зале, то в художественном фонде, то встречи с заказчиками. Но он находит время, чтобы иллюстрировать четыре книги Э. Белицкой-Пичугиной и три – моих, причем не иначе как *в порядке дружеской помощи*.

Айбек, кажется, самый частый гость в моей семье. Приходит по зову и потому, что «мы тут случайно рядом оказались...»

И, поверьте, появление Бегалина, непременно с супругой Светой и любимцем-пекинесом Лео, – в моей семье праздник, без лукавства, равный любому из весенних праздников. За чаем с бесконечными разговорами о новостях кино, литературы, живописи и «рынка» со скоростью секунд пролетают часы.

С легкой руки неразлучной семейки эти визиты стали традицией с собственным названием – «бегалинские булочки», потому как чета непременно притаскивает с собой разные печености. Мы так, бывает, и звоним:

– А когда у нас «бегалинские булочки»?

Из полувековой истории моих *винопитий* я вряд ли припомню хоть одно, сопоставимое по теплоте, уму, радости и чистоте общения – с *чаепитиями* под эти «булочки».

Да, наверное, я не один в Караганде, кто испытывает то же самое.

«Душа – бумеранг», сентябрь 2003 г.

– А чем ознаменована эстафета «бега» 2004 и 2005 годов, Айбек?

– Работаю по-прежнему по 7–8 часов в «смену». Прошли две крупные выставки – в Караганде и Астане. Показано более 40 новых полотен. В московском издательстве «Детлит» вышла книга с моими иллюстрациями. Выпущены диски группы «Воскресение» с обложками из моих картин цикла «Апокалипсис». Вошел с 34 репродукциями картин в российскую Энциклопедию «Аванта» и Антологию изобразительного искусства Казахстана, в которую включены наши П. Кишкис, Ф. Исламова, П. Антоненко, П. Реченский, С. Саноян. Правительством Казахстана вместе с карагандинскими живописцами – Владимиром Проценко, Муратом Калкабаевым и другими награжден Почетным Знаком «Мединиет қайраткері», что приравнивается к званию Заслуженный деятель искусств.

Ноябрь 2004 г.

Владимир Проценко:
«Надеюсь на свет после мрака!»

В поисках себя

– От души приветствую вас, дорогие земляки! Сегодня я перед вами не как комментатор областного радио, а как Рыцарь Неравнодушного Слова.

Может быть помните, как одна из моих программ рассказывала года два назад о том, что шестерка молодых художников Караганды придумала символическое «Государство Великий Монсальват» – во имя единения людей Земли. И не только Земли, но и всех, если таковые существуют во Вселенной или дальше! Каждый год граждане Монсальвата, Рыцари и Дамы, слетаются со всех концов Пространства в столицу – Караганду – на Карна-

валы... Моя романтическая душа тоже потянулась к единению, и я объявил себя седьмым Гражданином нового Государства под именем Рыцаря Неравнодушного Слова.

И сегодня я веду свой репортаж с выставки работ художников-монсальватовцев, а главным героем будет Рыцарь Красной Луны...

Такими словами я начал свою программу «Земляки» 25 ноября 1996 года, собираясь рассказать о живописце Владимире Проценко и его учениках. (К слову сказать, романтический порыв монсальватовцев городскими снобами был встречен в штыки: карнавальное шествие не разрешили провести по центральной улице, отправили «ряженных» на аллеи парка; программа «Земляки» о Монсальвате больше трех месяцев пролежала «под сукном», а ранее день подготовки программы о Рыцаре Айбеке Бегалине-Аргентумском был засчитан мне как прогул).

Репортаж с вернисажа Проценко начала самый тонкий, на мой взгляд, и самый эмоциональный экскурсовод Караганды – искусствовед Наталья Иванина:

– Владимир Проценко, как и все монсальватовцы, прежде всего мечтатель. И второе – он исследователь. Он исследует те пути истины, пути познания, по которым или ходило уже человечество и где-то зашло, может быть, в тупик, или пойдет. И еще Владимир Проценко – оптимист, как ни странно, и как ни тяжела жизнь сейчас наша и его жизнь в том числе. Наиболее значимые его работы на этой выставке очень оптимистичны. Светлые, радостные и, знаете, какие-то спокойные...

Кроме того Владимир Проценко еще и мастер. Он очень требователен к себе. Он всегда очень точно рисует, всегда очень точно компоует. И у него в холстах нет ни одного незначимого куска. Иногда эти его метафоры можно сразу расшифровать, а иногда требуется серьезная работа ума посетителя выставки, надо ему помучиться, помаяться, чтобы понять Художника.

– Владимир Александрович еще и Учитель... – подаю я реплику.

– Да, это мастер и это Учитель, вы совершенно правы, потому что школа его учеников достаточно большая и серьезная. Я оказалась с его учениками в совместной работе на археологических раскопках в Лисаковске (нас туда пригласила ваша «землячка» Эмма Усманова). Десять дней мы с тремя из них работали рядом, я посмотрела, до какой степени они ответственны. Когда все еще спят, они уже бегут «на этюды». Прервать их работу невозможно. Даже... на завтрак, обед и ужин! Видите, как Владимир Александрович Проценко передает ученикам опыт отношения не только к искусству, но и к жизни...

– Наталья Ивановна, можете ли вы какие-то работы художника назвать, скажем, событием года?

– Для меня стало событием его «Утро». Это одна из самых простых здесь картин, в ней нет никаких ребусов, но есть ощущение красоты Жизни. Для меня это событие, и, я думаю, это то новое, что может в дальнейшем воплотиться в творчестве Проценко. Пройденное им звучит здесь уже как отголоски, он отдает ему последнюю дань в «Древе желаний», в «Африканских страстях», а вот «Утро» и еще «Видение на острове Патмос» – это уже новое. Новая мелодия в его симфонии!

– У Владимира, – завершила свою экскурсию Наталья Ивановна Иванина, – есть луч, есть свет, который освещает его душу. Как мне кажется, этот свет дает ему его семья, потому что самые оптимистичные работы посвящены его ребенку, его жене.

– Я посмотрел на эти работы, портреты жены Людмилы и дочки Настеньки, и я их полюбил, хотя еще ни разу в жизни не видел! – не удержался от эмоций и автор «Земляков»...

Творческая тропа художника Проценко начиналась, как у многих карагандинских живописцев и графиков, в городской художественной школе. А к вершинам искусства шесть лет карабкался он в Красноярском государственном художественном институте. По программе студен-

ческой практики набрасывал эскизы будущих работ в поездках на Дальний Восток, Курилы, Байкал, копировал шедевры в Эрмитаже...

– А в 92-м году, – вспоминает сам Владимир, – приезд в Караганду, обживание своей мастерской и начало... Не борения, а, скажем так, поиск своего «я», поиск себя. Однажды мой Педагог Анатолий Маркович Знак, кстати, единственный в Советском Союзе глухонемой профессор, вымолвил такую фразу: «Пусть плохонькое, но твое!» И я этот путь, указанный им, показываю своим ученикам.

...Три года Владимир Александрович учил ребятешек, тянущихся к кисти, в городской художественной школе, а потом ушел «в себя» – пригласил учеников в свою мастерскую, как бы открыл «школу живописи Владимира Проценко». Причем, как раньше говорилось, на общественных началах...

Вспоминаю, как осенью 69-го года я впервые посетил Карагандинский выставочный зал и увидел там экспозицию рано умершей, но ставшей, кажется, бессмертной Нади Рушевой. Ей было всего семнадцать... И вот передо мной пятнадцати-, семнадцатилетние в большинстве своем ученики живописца Проценко «образца 96-го»: Женя Ким, Антон Беккер, Костя Безымянов, Паша Боженков, Саша Хомяков. Они, неуклюжие, неговорливые, еще краснеющие, говорят о нем, об Учителе:

– Главное, что Владимир Александрович учит нас серьезному отношению к работе...

– Чтобы не было поверхностного, мимолетного...

– Чтобы в каждой мазке было что-то мое...

...Потом, показывая на парней, задаю лобовой вопрос Проценко-учителю:

– А из этих пацанов... изо всех выйдут художники?

– Вот этого я не знаю! – следует моментальный ответ. Потом после раздумья: – Скажу, что все они имеют хорошую основу для этого. А вот найти себя в искусстве – это уже их задача.

...Меня радует скромность и педагогическая осторожность Учителя. Наталья Ивановна Иванина, признанный у

нас профессионал-искусствовед, только что подчеркнула важную особенность «проценковцев»: их работы в з р о с л е е них самих.

Спустя два года после репортажа с вернисажа «Владимир Проценко и ученики» я интересуюсь у Владимира Александровича творческим ростом «птенцов гнезда его». С характерным для него блеском в глазах он говорит:

– Имею основания гордиться! Паша и Антон, вы даже сами, Владимир Иванович, забыли сказать, что они оба тоже были героями программы «Земляки», так вот Паша и Антон учатся на художественно-графическом факультете Карагандинского государственного университета. Оба много пишут. Если сказать, что Антон Беккер – мой ученик, это еще ничего не сказать. Могу смело говорить, что он – это я в детстве! В нем, внешне робком, неразговорчивом, живет романтик и фантазер. Моя задача дать ему ремесло художника, но уже сейчас у меня с ним отношения равного с равным. Он подбирается к вершинам искусства, а для своего возраста у него очень высокий уровень, и берет эти вершины *трудом*. У него есть все, чтобы стать мастером! – взгляните хотя бы на его картины «Мальчик и город», «Мальчишки»... Паше Боженкову, как и Антону, сейчас 18, он тоже студент КарГУ, тоже застенчив и малоразговорчив... Паша невероятно одарен как живописец-пейзажист, хотя раскрылся не сразу, был какой-то сухой, скованный. Но за время нашей работы вырос так, что я иной раз смотрю его этюды и только руками развожу: так и хочется воскликнуть «Браво!», но это, наверное, не в моем характере – ребята редко слышат мои похвалы. Мы больше заняты делом. С Пашей легко работать, он все схватывает на лету... Мне особенно нравятся его работы из серии «Степные пейзажи» и композиция «Вид на мегаполис из окна абстракциониста»...

Радуюсь успехам шестнадцатилетних Жени Кима и Саши Хомякова. Женя для меня всегда загадка, но иногда он может такое, что диву даешься. Побольше бы только трудолюбия. А Саша блестяще мыслит в композиции. Но рисунок и живопись к нему, конечно, придут.

«Моя старшенькая» Оля Басаева, ей 21 год, уехала в Германию, поступила там в институт моды и дизайна. Кстати, прошла в него по конкурсу под № 1. Но связи не теряем, «отчитывается» о проделанной работе и получает советы – почтой. У нее сильны «Праздничный натюр-морт», «Натюрморт с зеркалом».

Мечтаю, чтобы моя «школа» в полном составе поехала учиться в мой родной Красноярский институт...

– А сколько работ написано самим и где они радуют глаз любителей? – опять «экзаменую» Владимира Александровича. (Называю Учителя, как положено, по имени-отчеству, а так хочется назвать просто Володей! Молод, задорен и – никакой тебе педагогической солидности!)

– Сколько работ написано, ей-богу, не знаю. Как-то не считаю уже... А живут они во многих частных собраниях в России и Германии, Англии и США, Италии... Очень много стран можно перечислить. Радует, что и в Караганде появились истинные любители живописи, которые приобретают наши работы. Появляются первые адреса домашних галерей...

– Да, а почему «Рыцарь Красной Луны»? – спохватываюсь.

– Во-первых, у меня есть одна из значимых для меня работ – «Ночь красной Луны». Во-вторых, по условиям игры в Великом Монсальвате, у меня есть поместье с таким названием. Ниша для души, так сказать. И девиз у меня рыцарский есть: «Надеюсь на свет после мрака!»

Честное слово, этот девиз художника-учителя Владимира Александровича Проценко не помешало бы подхватить для руководства себе – и мне, и каждому из нас!

Ноябрь 1996 – апрель 1998 г.

Комментарий сегодняшнего дня

Самая приятная новость – В. А. Проценко, как и еще несколькими карагандинским живописцам, в преддверии 2005 года присвоено звание «Заслуженный деятель ис-

кусств Республики Казахстан». И еще многозначительная «фишка» – многие десятки его полотен востребованы в государственном, так сказать, масштабе: их ежедневно, спеша на рауты и заседания, лицезреют на державных стенах депутаты Парламента. Представлена кисть карагандинца Проценко в резиденции и гостевой доме и Президента страны...

Картины «земляка» пользуются спросом и пониже. «Реклама мне в общем-то и не нужна. Все практически работы уходят к заказчикам буквально с мольберта», – не то жалуясь, не то гордясь, говорит он.

«Да, так у нас ныне и деется, – думаю я в эти минуты, – работаем не от вдохновения, а от спроса. Не от того ли часто слышишь от любителей литературы и искусства не оценку: «ха-арошая вещь!», а сожаление: «ох, дороговата-ая вещица-а!»

Так случилось, что я несколько лет не был на вернисажах Проценко. Потому с великой радостью принял его подарок – лазерный диск со слайдами его работ. Прокрутил на экране компьютера и два, и три, и пять раз. Конечно, это не живая картина перед глазами... Но зато (поскольку «мартышка к старости слаба глазами стала»!) компьютер позволяет мне увеличить и приблизить к себе то всю картину, то какие-то ее фрагменты, повернуть их так, эдак... И я всласть налюбовался конями Проценко! Как хороши, как свежи его кони! – да простят мне любители поэзии переадресовку знаменитой строчки Тургенева.

Да, как свежи и полны радости кони Проценко!

Думаю, простится мне и то, что не начинаю с людей, с портретов. Но я об этом писал в приведенном выше очерке. Они так колоритны, эти портреты (особенно «Валерия», «Наташа»), что добавлять просто ничего и не надо.

И от пейзажей скупой нашей Сары-Арки не хочется отводить глаза. Притершаяся к этой скупости наша психология даже и намек мысли не допускает, чтобы наша

красота была поставлена ниже, скажем, красот Крыма. И спасибо за это щедрой кисти Владимира Проценко!

Но темой моих «исследований» 94-го года была не собственно живопись художника, а его ученики, «Школа живописи Проценко». Естественно, и сегодня меня это опять интересует в первую очередь.

– В учениках своих... я почти счастлив! – отвечает Учитель. – Павел Боженков стал настоящим мастером, лауреат двух международных конкурсов творчества молодых «Шабыт». Регулярно карагандинцы видят его работы на вернисажах в Выставочном зале. Демонстрирует там свои работы и Женя Ким. Радостные работы... Мастером стал и Антон Беккер. Я нынче ездил к нему в Германию. Отлично пишет. Умно. Душевно. Жаль только, что в Германии отношение к живописи иное, чем у нас. Там в спросе «попса»...

А Костя Безымянов, к великому сожалению, рано ушел из жизни... «Школа» моя и сегодня работает. Учатся живописать Вячеслав Булгаров и Сережа Серин.

Встреч с тезкой-художником у нас давненько не было. Но изменений в его облике и характере – буквально никаких. Так же безудержно увлечен своим делом, так же «полоскает» (озорной блеск так и играет в его глазах!), что я не могу определиться окончательно – «злопыхает» он или, лучше сказать, «строжится» по поводу «мрака советских времен»: ругает то «кровожадную» власть, то «тупого» Ленина, а уж от агитатора-горлана Маяковского за то, что призывал «сжечь Рафаэля», пух и перья полетели бы, если бы я дал в обиду любимого поэта. Я слушал его запальчивые эскапады (запальчивые – от понесенных когда-то обид? или – от недостаточной компетентности в вопросах истории и политики?) и думал: «Как бы художник ни сотрясал воздух словами и звоном голоса, зри в корень – на следы его кисти. Там и увидишь, кто он есть и о чем на самом деле думает.

...Через день после прочтения-одобрения этого текста Мастер-Учитель вдруг позвонил мне сердито:

– Это как же понимать?! А?! – и пошел махать надо мной «чапаевской нагайкой» за то, что я... посмел в портрете одного моего героя (его, оказывается, друга!) украсить такими мазками: «он щеголяет в дырявых носках», «изъясняется, как Эллочка-людоедка», «глаза его странно косят...».

Затем и я получил (влед за «тупым Лениным» и «кровожадным Маяковским») свои «мазки»: «злой, зазвездившийся», «не буду читать ваши книги...»

Я о нем: «как свежи его кони!» Он обо мне: «злой» и проч.

Гамма, однако! Но как сказано выше: «Зри в корень!»

Ноябрь 2004 г.

Карипбек Куюков:

«Безрукие могут идти вперед!»

Протезы – на память ядерщикам

Лет семь назад я узнал об этом удивительном парне и провел собственное социологическое исследование: к нескольким, на мой взгляд, осведомленным людям обратился с просьбой назвать имена известных им карагандинцев, которые не только живут, но и работают на одном мужестве, не спились, не опустились, словом, назвать как бы наших местных Маресьевых. Прозвучали имена художника Анатолия Никоненко (теперь уже умер), швеи Лилии Галкиной, лаборанта из «Казгеологии» Валерия Пылева, композитора Эдуарда Шмидта (недавно уехал в Германию), автомеханика Петра Сердюка, часового мастера Владимира Деркача. Называли и других людей, схожих судьбой-судьбинушкой.

В этом перечне имени Карипбека Куюкова не было!

Может быть, потому, что живет он не в Караганде, а в Егиндыбулаке? А может, не проник со своей бедой в наши сердца? Я не нашел тогда ответа на эти вопросы и стал искать встречи с Карипбеком. И вскоре она состоя-

лась. Но как я ни готовился к ней психологически – спрашивал о нем всех, видел его крупную фотографию с краткой аннотацией в «Комсомолке» – безрукий художник распластался на полу и рисует этюд, держа кисть в пальцах ног... – все-таки при его появлении в редакции областного радио я пережил потрясение. Тщедушная фигурка паренька, заправленные в карманы пустые рукава куртки, крупная пухлощекая голова, не по-казахски большие, но именно по-казахски зоркие и быстрые глаза. Он вошел стремительно и, не обращая ни малейшего внимания на наше замешательство, звонко воскликнул:

– Здравствуйте! Я – Карипбек Куюков. А вы – Владимир Иванович? Вы меня приглашали – я приехал. Разрешите присесть?

Коллеги, заглянувшие еще до встречи в мой кабинет, даже не оправившись от неожиданности, сочли, наверное, неловким присутствие при беседе и потихоньку вышли. Я тоже еще «не вошел в свою тарелку» и, соображая, как поделикатнее начать и вести нелегкий диалог, перекидывал на столе какие-то бумажки, потом принялся готовить к записи свой «Репортер». А гость в это время как ни в чем не бывало сидел возле моего стола на стуле и с любопытством разглядывал сначала меня, потом, вскочив, карту Алтайского края, что постоянно висит за моей спиной, и вдруг спросил все тем же звонким голосом, кстати, без малейшего акцента:

– А почему у вас здесь карта Алтая, а не Казахстана или Карагандинской области?

«Ну, отчаюга парень!» – подумал я и, кажется, обретя свое обычное спокойствие, ответил:

– Ну, во-первых, потому что Алтай – это моя родина. Во-вторых, потому, что эта карта как-то раздвигает видимый мной сегодня горизонт... – я собрался было сказать и про «в-третьих», но Карипбек так и вперил в меня свой зоркий взор:

– А что это за флажки рассыпаны по всей карте?

– А флажки – это «в-третьих», – со смешком ответил я, – они показывают места, где, как выразился один остряк, «ступала хромая нога комсомольского инструктора

Вовки Литвинова»... Но не спеши, Карипбек, брать у меня интервью. Мы же встретились, чтобы ты дал его мне.

– Да-а, – протянул гость восхищенно, не отрывая взгляда от карты, – много, я вижу, у вас этих мест... – и снова устроился на стуле: – Ну давайте говорить.

– Прежде всего, – замялся я, – могу ли задавать... любые вопросы, не тушуясь и не боясь тебя обидеть?

– Конечно, можете, – моментально ответил он, а после паузы добавил: – Мне кажется, вам тоже приходилось получать неудобные вопросы.

«Умница!» – восхитился я. И разговор у нас не пошел, а прямо полился. Но если Карипбек говорил легко, быстро, и, что меня поразило, лишь приостанавливаясь и усмехаясь, где надо бы, казалось, притихнуть тоном и темпом рассказа из-за трагичности эпизодов, то я в это время ощущал раздражающие мурашки меж лопаток...

– Родители мои раньше жили в совхозе, неподалеку от этого проклятого полигона... всего в шестидесяти километрах... Семья простая, пасли скот. Они даже не понимали, что там происходит, когда земля начинала страшно трястись, а из-за сопok выростали черные грибы... до неба. И весь мир содрогался от грохота, словно раскалывался. Они выбегали из домов, смотрели на эти грибы, падали на колени – и молились... Потом у моей матери и у сестры моего отца – у тети, да? – стали часто появляться головные боли, и в шестьдесят первом году они переехали подальше от этого места. Да, видно, поздно переехали... Родился у них первый сын – погиб в автокатастрофе. Родился еще один мальчик – не прожил и трех месяцев. После девочка была – не дожила и до года. А в шестьдесят восьмом родился я. Мама, говорили люди, чуть не умерла с горя, когда ей сказали, что я родился совсем без рук...

Карипбек остановился, задумчиво уставился в окно. Я уже хотел выключить магнитофон, но он повернул лицо ко мне и продолжил:

– Да, до меня еще две сестры были, они сейчас замужем. Их тоже настигли эти «грибы»: у одной три дочки страдают анемией, на учете в больнице, у другой сын и

дочка – с врожденными пороками сердца... Родители не надеялись, что я выживу, но, когда мне исполнилось три года, отец решил как-то приспособить протезы, чтобы я хоть поест мог сам...

Тут я сделаю вставку в рассказ Карипбека Куюкова, потому что одно наблюдение мне даже мешало в тот момент слушать его. Хотя он говорит довольно быстро, весьма колоритно и не перескакивая с одного на другое, тем не менее не увлекается своей речью, ведет себя, словно чуткая птица. Чуть скрипнет кто-нибудь дверь, он немедленно оборачивается в ту сторону и, если, скажем, вошла женщина, тут же вскакивает и кивает ей на стул: «Садитесь, пожалуйста!» А как-то Карипбек с отцом были у меня дома, я брал еще одно интервью, на сей раз у отца. Не перебивая его и не останавливая магнитофона, я стал искать на столе авторучку или карандаш. Карипбек вдруг вскочил со стула и принес мне ручку, оказавшуюся на диване. Принес доступным ему способом – в зубах. Можно представить себе мое смятение в этот момент, а Карипбек разувлябался:

– Вы не переживайте, Владимир Иванович! Я ведь дома почти все сам делаю. И еду приготовить могу, и ем все сам. Могу и ведро воды принести. Конечно, зубами... Они у меня крепкие!

Но вернемся к его рассказу в редакции.

– Помотался отец со мной много. Ездили в Чимкент, в Алма-Ату... туда как раз комиссия из Ленинграда приезжала, чтобы отобрать детей без рук для испытаний новых образцов протезов. Тогда и начались мои семнадцатилетние скитания – Ленинград, Вологда, Орел – то госпитали, то дома инвалидов. Семнадцать лет я не был дома, родной язык совсем забыл. Родители иногда приезжали ко мне, но домой не забирали... отец хотел, чтобы я выучился, получил какую-нибудь специальность. Вот я и жил, и учился в спецдетдомах. Получил специальность бухгалтера... Тогда у меня и любовь к искусству зародилась. Почему-то мне понравилось рисовать. И сейчас все удивляются, как это можно рисовать зубами или ногами – ру-

ками-то не каждый что-нибудь намалует! А для таких, как я, другого способа и не существует...

Из книги отзывов в карагандинском выставочном зале:

«...Уважаемый Карипбек! Большое спасибо тебе, что заставил нас переживать и, наконец, понять, что такое Семипалатинский полигон...»

«...Спасибо, Карипбек! Ты очень хорошо понял душу своего народа, красоту нашей природы. Мне очень понравились твои картины...»

«...Дорогой Карипбек! Есть люди, которые имеют и руки, и ноги, но грош им цена – они не ценят жизнь. Спасибо тебе за мужество...»

– Когда открылось это движение, антиядерное движение «Невада–Семипалатинск», инициатором которого был поэт Олжас Сулейменов, я написал письмо Олжасу Омаровичу, и он предложил мне стать участником телемоста Хиросима–Алма-Ата. С этого и началась моя борьба с бомбой...

А все же я больше люблю рисовать наши пейзажи, казахстанские степи... Но у нас в Егиндыбулаке так много семей пострадавших! Я знаю много женщин, у которых рождались мертвые дети, рождаются вот такие инвалиды. И мне хочется как-то помочь им всем.

Из книги отзывов выставочного зала Караганды:

«...Дорогой Карипбек! Благодарим тебя за огромный труд, вложенный в создание картин, в борьбу против ядерных взрывов...»

«...Уважаемый Карипбек! Сердце разрывается, сколько горя на земле. И я преклоняюсь, милый мальчик, перед твоим мужеством, ведь многим из нас, с руками и ногами, не всегда удается выстоять на этой грешной земле...»

– Протезы у меня были... Ленинградский научно-исследовательский институт протезирования испытывал на

мне многие свои протезы. Сначала были простые механические, потом электронные, потом газовые протезы были, очень дорогие... Но институт – как? Придумали протезы, на мне их испытали, демонстрировали-рекламировали перед иностранцами или перед разным начальством, а меня отправляли в детдом с теми, с которыми я к ним приехал... А они были, считайте, для вида больше, для «красоты»!

И кончилось тем, что когда у нас, помните, был советско-американский марш мира и состоялась демонстрация в городе Курчатове, я оставил свои протезы этим военным, ядерщикам. Повесили мои протезы на колючую проволоку над забором. Может, и сейчас там висят?

Этот рассказ Карипбека Куюкова оказался настолько трудным для осмысления, что я, кажется, с полгода чуть не каждый день брал в руки огромный диск магнитофонной записи, думал над ним, но никак не находил для него журналистского решения. И только когда председатель телерадиокомпании Бахытжан Мукушев вдруг предложил мне выходить в эфир с авторской радиопрограммой, у меня как-то сразу родилось название «Земляки», и «высветился» первый материал для нее – очерк о безруком художнике из далекого Егиндыбулака. Помню, что и эпиграф к очерку нашелся как-то сразу, внезапно даже – вспомнились стихи не профессионального поэта, а простого читателя, опубликованные лет двадцать назад в «Комсомолке»:

Слепые не могут видеть.
Глухие не могут слышать.
Безрукие не могут держать оружие.
Безногие не могут идти вперед...
Но слепые могут слышать.
Но глухие могут видеть.
Но безногие могут держать оружие.
Но безрукие могут идти вперед!

Карипбек Куюков своим оружием сделал кисть и карандаш. И борется ими против злого – злой ядерной бомбы и злой воли.

Я хорошо помню ту выставку его рисунков, что была первой в Караганде. Когда вглядывался в эти рисунки, как-то не думалось о глубине замысла, оригинальности линий, других художественных вещах. Помню только свои горящие щеки, словно стыдно было и за себя, и за всех нас перед этим автором. Я – сам и мы – сами так ли используем свои человеческие возможности, чтобы противостоять всякому злу? Не атрофировались ли по нашему собственному безволию все наши конечности? и наши мыслительные способности? и наши души?

Потом были новые выставки Куюкова в разных концах Караганды. Были и первые сотни тысяч тогда еще рублей, заработанные этими выставками и переданные Карипбеком для поддержки больных детей Егиндыбулака.

Вот он парадокс нашей жизни: целая держава всей своей научной и технической мощью обрушилась на детей сначала взрывами Семипалатинского полигона, потом ужасом Чернобыля, а сегодня – бардаком в хозяйственной и политической жизни... А на защиту детей встал юный художник, лишенный убийцей-атомом так необходимых человеку рук. Вот уж поистине, «безрукие могут идти вперед!»

Первый очерк о Карипбеке Куюкове (в первой программе «Земляки»!) не стал последним. Была еще одна программа целиком – о его поездке в Германию, потом еще одна – о поездке в США, куда брал с собой нашего земляка неугомонный Олжас Сулейменов. Помню, как Карипбек не то с удивлением, не то с восхищением говорил об отношении к инвалидам в этих странах.

– Представляете? – вопрошал он. – Там инвалидам оказывают помощь не в День инвалидов, который кто-то придумал у нас, а ежеминутно. Ежесекундно! Помогут – и тут же болтают с тобой, как ни в чем не бывало. А здесь... у меня в автобусе, пока к вам ехал, половину пуговиц оборвали, толкали в разные стороны. И никто не догадался поддержать.

Помнится, именно тогда я нашел ответы на те вопросы, которые задавал в начале этого очерка, почему в Караганде мало знают о Карипбеке. Такая у нас натура: «стесняемся» инвалидов, боимся оскорбить «чувства-с» друг друга, некое «благоухание» общества!

Память в связи с этим подсказывает два эпизода.

На Алтае как-то довелось слышать брезгливую реплику крупного комсомольского начальника, увидевшего на сцене во время первой репетиции концерта для делегатов и гостей краевой конференции прихрамывающего конференсье:

– Что, здорового не могли найти? – резко выговорил он ответственному за концерт.

– Да он, знаете, какой мастер этого жанра! – возразил тот.

– Делегаты будут видеть не его мастерство, а то, как он хромает. Заменить! – отрезал начальник. Покоробило это, по-моему, не только меня.

Здесь, в Караганде, в мою журналистскую голову втемяшилась идея сделать цикл репортажей или зарисовок об инвалидах, которые, вопреки судьбе, работают, творят, ищут новое – и находят, а не валяются под заборами! Мой тогдашний главный редактор (еще и в некотором роде писатель!) «зарубил» идею, как только я заикнулся о ней:

– Нас не поймут! И потом... это выпячивать...

А могучий Олжас не постеснялся поставить рядом с собой маленького безрукого художника из Егиндыбулака, открыл ему пути к гражданам Токио, Берлина, Нью-Йорка – жителям трех континентов!

Я думал этим восклицанием поставить точку в очерке. Но вдруг спохватился: забыл же, забыл рассказать о том, как и в первую встречу, и потом, в следующую просил меня Карипбек обязательно сделать передачу о его «русской маме» – Татьяне Васильевне Ступниковой. И все нам как-то не хватало времени, чтобы съездить к ней. Но однажды, когда у Карипбека появилась новая машина, он заехал за мной:

– Едем к Татьяне Васильевне?

По дороге он напомнил «сюжет»: когда совсем малолеткой Карипбек был заброшен из Казахстана в Ленинград, в институт протезирования, и то плакал от тоски по маме с папой, то бродил по коридорам института, осторожно заглядывая в разные двери, его увидела безрукая, как и он, женщина.

– Ты казах? – спросила она. – Откуда тебя привезли? Карипбек объяснил, что из Егиндыбулака.

– Значит ты, как и я, из Караганды? – обрадовалась она.

И стала приходиться к нему в палату, к себе зазывать. Терлась щекой о его голову, лаская его, если он всхлипывал по маме. Каждый раз угощала чем-нибудь вкусеньким, рассказывала что-нибудь интересное. Так и пролетели для него несколько месяцев. А потом Карипбека отправили из института в детдом, и больше он свою «маму» не видел. А спустя многие годы она пришла на его первую карагандинскую выставку, и они не могли нарадоваться встрече.

– С тех пор я обязательно заезжаю к Татьяне Васильевне, иногда и останавливаюсь у нее, – закончил он свой рассказ, когда мы подъехали к одному из домов по улице Кривогуза.

Дверь нам открыла сама Татьяна Васильевна, и я удивленно посмотрел на ее руки – вроде бы руки как руки, а Карипбек говорил, что их вовсе нет. Но вскоре убедился: да, совсем нет. Это протезы в перчатках...

Воспоминаниями они меня не нагружали, но все-таки узнал я, что руки ей отхватило на работе, в цехе одного из строительных заводов. Затянуло рукав в машину, а дальше... все потемнело в глазах от боли. Очнулась в больнице и с ужасом увидела, что нет обеих рук. И снова потемнело в глазах... чуть с ума не сошла, когда пришла в сознание.

Карипбек не мешал нашей беседе, слушал внимательно, хотя, я уверен, знал эту историю как свою собственную. У меня, помню, билось в голове: «Господи, могу представить себе, как существуют люди без ног, слепые, глухие... вижу мужчину без рук... но женщина – без рук! Это уму непостижимо! Хотя – вот она...»

Татьяна Васильевна не жаловалась ни на судьбу, ни на трудности текущей жизни. Только горестно подала мне кипу своих обращений в разные конторы областного и городского ранга с просьбой запросить из Ленинграда вязальную машину «Нева-5», чтобы она могла купить ее и тем самым зарабатывать себе на кусок хлеба.

– Юра работает, – кивнула она на сына, – но зарплата то есть, то ее нету. А пенсия... что о ней говорить.

Я забрал с собой эту кипу бумаг о «Неве-5», в которых чиновники от начальника управления торговли до заместителя председателя тогдашнего облисполкома расписывались в собственном бессилии или «отфутболивали» просительницу к кому-нибудь из других «чинов», пообещал, что от имени радиопрограммы «Земляки» обращусь к хозяйственникам.

– Думаете, сумеете помочь? – не то спросил меня, не то выразил сомнение Карипбек в машине.

Не просто с болью в сердце, с криком буквально я сделал программу «Земляки» о «русской маме» Карипбека. А потом почти год стучался в разные высокие двери: к генералу «Интеркараганды», к директорам знаменитых тогда, мощных КЗОО, «Каргормаша», ну и, конечно, в главснабы и главсбыты. Сколько было обращений, столько и обещаний. Но помощь героине моих «Земляков» Т. В. Ступниковой неожиданно и вовремя пришла от другой «землячки» – предпринимательницы Светланы Константиновны Петерс (она теперь входит в состав моей весьма многочисленной «земляческой команды».... в Германии!):

– Вы еще не нашли «Неву-5» для той женщины? – спросила она меня как-то.

– Все обещают...

– Я, кажется, могу помочь вам... и ей, – от этих слов я чуть со стула не свергся. – Вы сумеете найти автомашину? – улынулась она вслед моей реакции: – Завтра и отвезем...

Прошло лет пять, а я помню, как позвонили мы Татьяне Васильевне и попросили разрешения приехать, чтобы поздравить ее с Наурызом. И, помню, как совершенно растерялась эта женщина, когда Светлана Константиновна, поздравляя ее с праздником весны, положила перед нею упаковку с желанной «Невой-5».

Карипбек, узнав о подарке, радовался больше, чем сама его «русская мама».

И еще от того дня осталось воспоминание: Татьяна Васильевна как радушная хозяйка сама решила распахнуть перед нами двери на выход и... зубами отодвинула защелку. Металлический скрежет этой защелки до сих пор леденит мне зубы и ознобом сводит плечи. А для них – Карипбека и Татьяны Васильевны – это всего лишь повседневная мелочь...

После почти полугодовой разлуки, в апреле, мы встретились с Карипбеком. Он приехал ко мне и привез потрясающую книгу, настоящий фолиант в суперсовременном исполнении – «Ядерная трагедия Казахстана», изданную в Алматы на деньги голландских спонсоров. Со 130-й по 135-ю – страницу в ней ярко иллюстрированный рассказ о егиндыбулакском безруком художнике: во всю огромную страницу – его портрет, полный разворот – его картина «Закат», затем две страницы – репродукции его работ и фотографии... он рисует, держа кисть пальцами ног, затем держит кисть в зубах. На обложке – прекрасная дарственная надпись авторов мужественному парню – Карипбеку Куюкову.

Спасибо и авторам, и спонсорам!

«Сердца раскрываются», январь 1992 – апрель 1998 г.

Сегодняшний комментарий

Карипбек Куюков живет сегодня в Караганде – в Доме ветеранов по ул. Букпинской, 65.

Живет практически один. Общается с людьми, но почти не пишет картин. «Устал, говорит, да и условия совсем не подходящие».

А у меня сердце кровью обливается, когда представляю, как он себя умудряется обслужить. Но на лице Карипбека – все та же заразительная улыбка.

Господи, сколько знаешь людей, что хнычут куда в более комфортной жизненной ситуации!

Ноябрь 2004 г.

Татьяна Еремина:
«Песня души моей неиссякаема!»

Татьянин день

У Тани Ереминой тихий ласковый голос, тихая лучистая улыбка и тихая поэтичная душа.

Когда Таня говорит по телефону, ее не слышит даже стоящий рядом человек. Если в любой жизненной ситуации, пусть там даже наикрутейше кипят страсти, так вот если Таня улыбнется людям, даже до крайности разгоряченным, – ситуация меняется сразу. А душа?.. Однажды Таня позвонила мне и печально спросила:

– А почему в сегодняшней программе «Земляки» не было Вас, Владимир Иванович?

Я опешил:

– Как не было? Я же вел программу, Танечка!

– Да, вели вы. Но Вас в программе не было, – от ее тихого нажима на это «вас» я даже похолодел: как же чутко может слышать она и мое настроение, и мою боль. А ведь, выходя в эфир, я почти как артист на сцене и сегодня старался подавить в себе не нужные в этот момент эмоции. И полагал, что успешно, поскольку еще человек пять звонили по поводу передачи, но никто не заметил в ней моего «отсутствия». Таня заметила и сразу заволновалась.

– Что-нибудь случилось, да? – последовал тихий вопрос.

– Или опять цензоры?.. Так вроде бы их у нас отменили...

– Каких отменили, а какие-то сами любят быть цензорами... да еще похлеще отмененных! – признался я в своей «слабине»: – А тебе спасибо, Танечка, за тонкость слуха... и души. Ты прямо мой камертон!

– Спасибо и вам за эту метафору, – засмеялась Татьяна.

«Татьянин день» отмечается, кажется, 25 января. А у меня день Тани Ереминой был трижды, и все время в разные дни и месяцы: в сентябре 1993 года и марте 1994 года она была героиней программы «Земляки» в паре с художником Сергеем Куановым и экономистом «Каргор-

маша» Тamarой Циммерман, а в ноябре 1997-го я целиком посвятил программу ей.

Впрочем, это только для близких друзей она Таня, Танечка. А так Татьяна Борисовна Еремина. Многие годы инженер-конструктор Ново-карагандинского машиностроительного завода, а ныне – инженер РГТО. На мой взгляд, она очень тонкий и точный поэт, которого совершенно напрасно не печатают, и – Мать. С очень большой буквы – Мать.

«Основной мой метод воспитания – не заниматься воспитанием. А просто жить вместе», – ответила она на мой вопрос, как холила и лелеяла дочку Наташу.

Таня никогда ничего не делает без «особинки»: хотя оба родителя ее – геологи, мама Евдокия Егоровна очень любила почитать и умудрялась подписаться на литературных «столпов»: Шекспира, Сервантеса, Голсуорси, Куприна, но прочитывать все не успевала, так вот за нее все перечитала Таня – задолго до «научных» рекомендаций школьной программы. Закончила она Карагандинский политехнический по специальности «конструирование горных машин», но – с красным дипломом и практикой... совковой лопатой в карьере Куу-Чекинского угольного разреза. На Доске почета рационализаторов и изобретателей НКМЗ не один год красовался ее портрет, но на вопрос: «Что есть – твое детище?» – Татьяна Борисовна Еремина на полном серьезе отвечает:

– Есть маленькая статья о методе выбора передаточного числа привода с асинхронным электродвигателем... Этот метод мог быть положен в основу точного выбора передаточного числа привода в курсе «Детали машин». Но это так... маленький, никому не нужный изыск.

И про свои увлечения, хобби она говорит вроде твердо:

– Нет такого.

А потом с милыми выкрутасами добавляет-размышляет:

– Дача – как вторая работа. Вязание, вышивание, шитье – как необходимость. Вождение машины – непонятно зачем. А непрофессиональное рисование, наверное, как

попытка достичь невозможного, а? Вот участие в литературно-музыкальном клубе машиностроителей «Свеча» – это выше увлечения! Это погружение в прекрасное.

– Что сегодня является вашей дополнительной деятельностью? – интересуюсь я несколько стандартно и выпендренно. Таня же отвечает задумчиво, грустно:

– Вы-жи-ва-ни-е... Давно и много пишу стихов, но это не деятельность. Это – душой.

В творчестве, мне кажется, она тоже отличается «особинкой»: в сентябрьской 93-го года программе «Земляки» она сначала показала мне и радиослушателям портрет просто женщины из конструкторского бюро.

С утра до вечера – размеры и размеры,
И время превращается в пустяк.
Чуть-чуть зарплаты, а все больше – веры,
Что это надо,
что без нас – никак!
По капле, капле
вложены минуты
В дела. И держит крепь пласты.
И снова день, обыденный как будто,
И оживают белые листы.
Ах, как же это все надоедает!
Так редко праздник,
музыка, цветы.
А время замедляет и теряет
И женские надежды, и мечты.
А женская душа – неистребима.
Да, мы – сотрудницы,
но это все не то.
А праздник жизни
проплывает мимо.
И не подаст ни руку,
ни пальто.
Кто видит наши сумки, тот не знает,
Что, с тяжестью плетясь по полверсты,
Живет в нас женщина. Она –

совсем другая,
Как та,
что гений чистой красоты...

И дальше в разговоре она буквально сыпала именами своих подруг по конструкторскому бюро. Именами и стихами, посвященными им.

«Песня души моей неиссякаема!» – закончила Таня одно из своих стихотворений. А мне показалось, что у нее талант не только стихи писать, но и талант приближаться к людям и приближать к себе людей. Песня души ее, и сама душа – о них, о нас, для них, для нас...

Даже такая деталь: сколько раз Таня бывала у меня в доме – и никогда она не приходила с пустыми руками, что-нибудь да и всучивает нам со смущенной улыбкой. Почти по Маяковскому: «Не домой, не на суп, а к любимым в гости – две морковинки несусь за зеленый хвостик...». Иной раз мы знали, что эти морковинки, помидорки или что-то в этом роде принес человек, что, говоря строчками другого поэта, «стукнул по карману – ни гроша, стукнул по другому – не звенит!», но не взять – было стыдно и грешно.

Из моих знакомых немало людей подались в «коробейники». Как не пойдешь, если или зарплата мала, или малую-то ее месяцами не дают (может, по молве народной, крутят ее на депозитах, сволочи?). Но меня чуть не убило, когда за прилавком одного из магазинов я увидел свою героиню – даровитого поэта и одаренного инженера!

– Господи! – невольно воскликнул я. – В 20-е годы инженер-энергетик Забелин из погодинской пьесы торговал на рынке спичками. Но почему в 90-е инженер-конструктор должен торговать батарейками?

– А у меня не только батарейки! – с улыбкой и гордо! – отшутилась Таня. – Вот куртку можете купить. Фирма-а!

Потом, в паузах между вопросами покупателей и ответами на эти вопросы, Таня поделилась новостями со мной:

– Завод, считайте, стоит. Зарплату не давали несколько месяцев. Мужу тоже не платят... А Наташка выиграла конкурс на учебу в Америке. Хоть и тяжело легло это

на семейный бюджет, но не закрывать же девчонке дорогу! Вот и встала за прилавок... в дополнение к неоплачиваемой работе.

...В последней радиопрограмме «Земляки» о Татьяне Ереминой (ноябрьской 97-го года, точно в день круглого юбилея Татьяны Борисовны!) мне показалось логичным больше внимания уделить теме «дочки-матери». Уж больно восхитила меня Наташа Еремина – студентка университета «за бугром». В письме к маме она незатейливо, но очень метко – шестью строчками! – раскрыла самое себя: «...Вчера играла в пинг-понг с китайцем – выиграла. Позавчера играла в бильярд со всеми, кого только представить можно, – выиграла. С Грейс играла в шахматы – тоже выиграла. Да ладно, мне играть нравится!»

Портретик озорницы – да и только!

Пока я смаковал эти строчки, читая-перечитывая их то от удовольствия, то потом на микрофон, мама Таня улыбалась, как мне показалось, с аппетитом слушая дочкины строчки в моем исполнении. Но веселая улыбка сменилась усмешкой с оттенком тревоги, когда я как с ножом к горлу пристал к ней с прямым вопросом:

– Что послать детей учиться за бугор сейчас могут новые русские, новые казахи и какие-то еще новые, этим сейчас никого не удивишь. Но как сумела послать в США свою дочь семья простых «советских» инженеров (поскольку статус и экономические возможности инженеров пока не изменили ни демократия, ни суверенитет)?

Таня принялась описывать Наташкины «одиссеи»:

– Это как раз «очевидное невероятное»! Два года назад сюда приезжали американцы и устраивали школьный отбор. Полторы тысячи детей прошли этот отбор. В конечном итоге осталось сорок, и они послали свои анкеты в Нью-Йорк, а там психологи по каким-то нестандартным программам отбирали достойных. И позже к своему огромному удивлению, неописуемому просто, мы узнаем, что наша Наташа в числе пяти конкурсанток (помните – из полутора тысяч!) поедет учиться последний школьный год туда, будет жить в американской семье... И все это оплачивало правительство США! И дорогу отсюда до Америки и назад, и проживание... Даже была сти-

пендия в 100 долларов, которые ребенок получал на тетрадки, книжки, полотенца... И она год проучилась там. Но с Наташкой произошло то, что с ней всегда происходило и тут: со второй четверти она активно включилась в школьную жизнь... она всегда сначала вроде спит, а потом крутится, как юла, и остановить ее невозможно! Она везде! Так случилось и там. В результате она наработала там такой авторитет, заработала такие характеристики школьных учителей, что ее приняли в Локхейвинский университет на специальность «менеджмент», оплатили ей учебу – четыре года учебы в университете! Проживание и питание она вынуждена оплачивать сама, там она работает в университете... есть такая возможность работать, когда она учится. Конечно, ей этого еле-еле хватает на общежитие и питание в университетской столовой...

– А ехала она в Америку на какие денежки? – я был поражен этим разворотом событий.

– Вот это самый интересный вопрос! – воскликнула Таня, и я подумал, что усмешка вперемешку с тревогой в ее рассказе от того, что она боится... сглазить и благосклонность судьбы, и «деяния дочери своей». – Знаете, она даже чуть не собралась обратно домой, но ей нашли такой университет и с такой программой, что она оказалась там единственным кандидатом на все эти блага! И учителя школы, где она училась, создали некий «фонд Наташи»: кто сколько мог, столько и вносил, чтобы оплатить ей дорогу. Представляете: кто 10 долларов, кто 20, кто сколько... сдавали в этот фонд только для того, чтобы мой ребенок мог добраться из Караганды в Америку! Более того, есть факты, о которых я без волнения не могу говорить. В университетском общежитии нужны свои одеяла и простыни, и нашлась женщина-учительница, которая Наташу не учила, но дала ей эти одеяла и простыни. Когда она приехала, ей помогли даже одеждой и обувью американских стандартов, которых мы не смогли обеспечить ей здесь. И внимание и помощь этой девочке не ослабевают, что удивительно, со стороны ставших ей как родные американских людей... Это настолько не сообразуется с нашим представлением об Америке и практичных американцах! Но ведь мы точно так же поступали

бы по отношению к любому ребенку, который бы приехал оттуда... Не так ли?

Я прервал взволнованный рассказ Татьяны Борисовны:

– У нас же так и случилось с американской школьницей, которая приехала в третью среднюю школу практиковаться в русском языке, но случился у нее приступ аппендицита. Ей сделали операцию в областной больнице, а после карагандинские учителя и врачи буквально дневали и ночевали возле нее... А вам наши-то помогали?

– Чем могли помочь наши? Помогли билеты купить... Но все мои подруги – те самые инженеры, та самая интеллигенция, что и я, без работы, без денег. И почти без веры... Это самое страшное. Мой муж тоже был без работы. Мне пришлось стоять и продавать малину, чтобы купить хлеба и накормить приехавшего ребенка... И в этом вся очевидность и невероятность всего, что произошло с нашей Наташкой.

Из трехсот с лишним радиопрограмм «Земляки» я храню, наверное, больше половины. И из них, мне кажется, самая душевная вот эта, которую я сейчас цитирую. А наиболее душевен тот эпизод, когда Татьяна Борисовна по моей просьбе прочитала еще один фрагмент письма дочери:

«Целую неделю я бегала из класса в класс. С работы – на собрание, с собрания – домой. Дома – уроки, книжки. Библиотека. Дождь. Единственное воспоминание, что успевает зацепиться в памяти среди этой беготни, – это горы, покрытые вечерними лучами солнца или сползающим утренним туманом, постоянно украшающие мой вид из окна. Реки не видно, но ее присутствие ощутимо – только бросишь взгляд на горы.

А еще из окна я вижу старый дом. Старый дом на старой горе, вжившийся в залысину среди деревьев на вершине. Горы не горы, сопки не сопки, старые камни, истертые временем, покрытые деревьями и редкой хвоей, и листвой на зеленых склонах. Красиво, спокойно. И вечернее оранжевое солнце на верхушках деревьев, а потом на углах общежитий и в окнах этажей... Вот такой у меня вид из окна».

– Вам, Таня, не кажется, что растет еще одна поэтесса Еремина?

Таня, чуточку взволнованная этим эпизодом нашей беседы, живо откликнулась:

– Была история не то в восьмом, не то в девятом классе... Она написала сочинение про Евгения Онегина, и что-то там было, что он – это... куб в квадрате или квадрат в круге, что-то такое, я даже внутренне плакала, потому что я очень боялась за нее, что так сложно организованный ребенок входит в тяжелую и требующую простых и крепких решений жизнь. А сейчас... В одном из писем она написала, что они там делают литературные презентации. Она что-то написала об Анне Ахматовой. «Таких презентаций, пишет Наташа, было много, но моя оказалась первой, которой... все аплодировали». Я над этим письмом расплакалась...

– Я очень горжусь, – не выдержал я тона, – что наши земляки, даже юные земляки, потрясают американцев.

Таня улыбнулась.

Мне бы хотелось еще и еще рассказывать о Татьяне Борисовне Ереминой. Но я, говоря ее словами, «шагаю с опаской – боюсь наступить»...

«Сердца раскрываются», сентябрь 1993 – февраль 1998 года.

Таня вся в сомнениях...

Говорят, нет ничего неприятнее, чем осознание только что совершенной глупости. Нет, угрызения от неисполненного обещания (замысла), по-моему, еще неприятнее!

Весной 2004 года будет десять лет... как сорвалось затеянное мной издание первой книжки стихов самой, на мой взгляд, лиричной и певучей поэтессы города, которая легко так, запросто может выплеснуть из души такой вот образ предновогодней ночи:

Сплетаются руки,
сплетаются души,
горят сердца.
И снежная сказка
над миром кружится –
ме-те-ли-ца.

Господи, вот уж чего жаль – до сих пор не осуществленного замысла!

Делал я тогда программу «Земляки» о Женщинах «Каргормаша» – Тамаре Циммерман и Татьяне Ереминой. Одна (вся из Любви!) ох и задушевно пела, другая (вся из Вдохновения!) брала твою душу в мягкие теплые руки и делала из нее что хотела... Прочтешь ее стихи – и они переселяются в тебя. Ходят с тобой повсюду. Помогают тебе думать, говорить.

Таня заразилась идеей издать сборник: подобрала стихи, выстроила их. Я написал теплое напутственное слово. Президент фирмы «Алгабас» Виталий Розе, сам в душе поэт, согласился заключить с типографией договор и оплатить издание (тогда на это надо было две с половиной тысячи рублей). И все (представьте себе, абсолютно все!) было сделано, но... вдруг звонок из типографии:

– Извините, у нас повысились цены на издание книг.

– На сколько? – пролепетал «инициатор», как сказали бы теперь, проекта.

– В шесть раз, – последовал оглушительный ответ.

Эх, Таня, Таня! Как же твой оптимизм:

Наши будни – сплошной мираж.

Наши души не тонут в них -

«Инвестор», к сожалению, не смог потянуть такой цены. Да что там книжка поэтессы с «Каргормаша», когда уже отпечатанный в той же типографии песенник Л. Мельниковой на слова самого В. Розе «Алгабас» не мог выкупить... полгода!

Я сделал все, что мог для очистки своей совести и удовлетворения законного права земляков увидеть Танины

стихи: в своей первой книге «Сердца раскрываются» поместил «Книгу в книге» – десять стихотворений Татьяны Ереминой. И размышлял о том времени, когда ее книжка выйдет в полном объеме. Мечтать и... подпихивать саму Татьяну к решительному шагу по накоплению необходимой суммы. И вот в середине 2002-го Таня сказала заветное: «Да!»

Мне осталось только ждать счастливого момента обладания долгожданной книгой. Каждый месяц звонил: «Ну? Как?»

– Перебрала все старые стихи, – отчитывалась Таня. – Оставила из них совсем немногие. Вставила кое-что новенькое... Может быть, летом...

Звоню по осени – тревожно, с нетерпением: как со сборником?

– Знаете, Владимир Иванович, я тут снова все пересмотрела, кое-что убрала, кое-что добавила... Надо еще поработать.

Прошла зима, весна переплавилась в лето... Татьяна вдруг обнаружила, что сборник «еще очень сырой».

Знайте: если я схвачу инфаркт – он будет от невозможного трудного ожидания выхода в свет сборника стихов Татьяны Ереминой!

«Душа – бумеранг», сентябрь 2003 г.

– Татьяна Борисовна, а что изменилось у вас за время публикации моих очерков?

– Наташа моя закончила университет в США и уже три года работает менеджером в одной из фирм города Стейд-колледж. Мы с супругом Сашей работаем на прежних местах – он на ТЭЦ-3, я – на РГТО. И главное – нам обоим регулярно дают зарплату!

В июле этого года вышла в свет моя книга «Луна на Нуркена», о которой Вы, Владимир Иванович, так долго и так неистово радели! К слову сказать, в книге есть два

посвящения – лично Вам, Владимир Иванович, и радиопрограмме «Земляки».

От себя добавлю: в конце ноября скромняга Таня провела в «красном зале» Карагандинского академического театра музыкальной комедии презентацию своей первой поэтической книжки. Людей собралось множество! Они так бурно аплодировали смущающейся поэтессе, что я подумал: «Это будет вопиющей несправедливостью, если мы не увидим хотя бы еще одного сборника стихов Татьяны Ереминой!»

Декабрь 2004 г.

Давний документ
с двумя сегодняшними
комментариями

КАК БЫ ПРОЛОГ

Первым числом декабря 1998 года завершала свой семилетний триумфальный марафон первая авторская программа «Земляки» Карагандинского областного радио, лауреат двух республиканских журналистских премий, которую и сегодня, по истечении пяти лет, прекрасно помнят карагандинцы, сожалеют, что ее больше нет в эфире. По этому случаю в кафе «Весна» собрались около шестидесяти героев программы – вместе отдохнуть, вместе поговорить о конце встреч у микрофона Владимира Литвинова, а кое с кем и попрощаться. За два часа до начала вечера умер на служебном посту один из более чем трехсот героев программы А. Г. Кизуб, а в ближайшие месяцы покидал пределы Казахстана, уезжая в дальнее зарубежье, один из «земляков» – Абрам Иосифович Мендельштам.

Вечер выдался явно «провинившимся» перед кем-то – по тогдашним «обычаям» случилось ЧП на электролинии, и кафе «Весна» погрузилось во тьму. Просвета в отключении электроэнергии не предвиделось, поскольку в борьбе с монополистом оказался бессилён даже самый полномочный «земляк» – мэр города Н. В. Филатов. Какие только рычаги он не двигал! Какие только резервы не бросал в бой...

Встреча, казалось, обречена... Но «земляков» осенило:

– А давайте... – раздались восклицания, – давайте... зажжем миллион свечей! Ведь с нами – Мендельштам!

Так и шел вечер – в душевных разговорах при колеблющихся тенях и под пронзительные мелодии скрипки Мендельштама.

Как он играл в тот вечер! То смеялась его скрипка, то звала куда-то, то обиженно плакала... Собственно, она, эта скрипка, и создала до сих пор хранимый Образ земляческого братства. И закрепила в сердцах земляков память об ее владельце.

Абрам Мендельштам:

«Для меня главное – это трепет!»

«Скрипка меня ревнует!..»

Знаете, к стыду своему, впервые я увидел Абрама Иосифовича Мендельштама всего года три назад – на выставке работ молодых карагандинских художников, которые придумали доброе символическое государство «Великий Монсальват», сутью жизни коего должны были стать всемирные карнавалы, и на них в столицу государства – Караганду – будут съезжаться писатели и артисты, художники и музыканты не только матушки-земли, но и всех других населенных планет, если таковые имеются. И в виде презентации «Великого Монсальвата» его «родители» организовали карнавальное шествие по аллеям парка имени 30-летия ВЛКСМ (шествовать по улицам города «гражданам Монсальвата» *благоразумные власти* не позволили!) и вернисаж картин в Выставочном зале с жаркими речами... Вернисаж и речи шли на фоне мелодий скрипки невысокого такого толстячка с лысиной и пронзительными глазами. Прелесть его игры восчувствовать не позволял шум и гам множества присутствующих, а вот эти глаза – стрельнут молнией и загадочно замрут, проникая во все твои «три измерения», – эти глаза я запомнил, хотя и не знал, что они мне вскоре понадобятся...

Темиртауский бард Леонид Маракон, кстати, тоже герой моей программы «Земляки», посвятил Абраму Иосифовичу Мендельштаму песню «Скрипач». Не знаю, имел ли в виду Ленья портретно-характерное сходство или только дух этого неприятя-

зательного человека, но я с удовольствием то и дело прогоняю на своем «маге» эту песню:

...А ему нипочем, если в спину ворчат,
«Доходягой», «бичом» назовут скрипача...
Хоть и ноги босы, и в одежде изъян,
Хлеба корочкой сыт и от воздуха пьян,
А рубли ни к чему, если есть голова,
Поле – домом ему, а постелью – трава.
...Что поделаешь с ним, если он уж такой,
Свежим ветром гоним, словно щепка рекой,
Коли воля мила, и не нужен покой,
Когда скрипка цела и всегда – под рукой.

Так и видится мне Абрам Иосифович за героем песни! Но ведь не чувства излить в восклицаниях я собрался тут, а рассказать о нем читателю. Потому начинаю переводить радиоязык «Земляков» на язык печатных знаков. Уже сама наша встреча оказалась характерной – интервьюируемый принял меня в дирижерском кабинете Театра музыкальной комедии.

– Вообще-то, «Земляки» чаще всего записываются в домашних условиях, – начал я осторожно.

– Так дома-то у меня ничего нужного вам нет, – мило улыбнулся Абрам Иосифович, – я, как улитка, все ношу с собой. И скрипка здесь, и живопись моя, и фотографии...

Тогда и родилась у меня форма программы – «экскурсия по Мендельштаму»: пусть комментирует, демонстрирует и музицирует.

Начали с фотографий.

– Что это за вдохновенные «вьюноши» со скрипками?

– Это, кажется, 4-5 класс школы, когда я только-только начинал понимать, что такое музыка. Это – на моей родине, в Латвии, в чудном городе Лиенае... Год, наверное, 58-й... А это я в Вильнюсе, когда впервые уехал из Латвии, год 68-й... С друзьями я обычно шучу, что ничем там не занимался. Бродяжничал... На самом деле играл в еврейском ансамбле, иногда в ресторане... иногда в

симфоническом оркестре. Я с детства люблю играть в симфоническом оркестре! И впервые играл, когда мне было тринадцать лет, помню, это была Пятая симфония Бетховена...

– А вот интересная фотография: молодой бородач левую руку прижал к сердцу, а правой обнимает статную древесную скульптуру женщины с великолепным бюстом, причем рука – именно на бюсте... Это что, игра на фотографа или ваша суть в отношениях к женскому полу? – ехидничаю я.

– И то и другое! – восклицает Мендельштам.

– Любите вы их, да?

– Безумно!

– Тогда, пожалуйста, – о первой любви и...

– Я могу рассказать о матери своей дочери. Ольга Андреевна Ротанова-Мендельштам, актриса, певица, хорошая певица... к сожалению, сейчас не работает. Мы поженились в далеком 72-м году, а через год родилась наша любимая доченька – Виточка... она сейчас заканчивает музыкальную академию в Тель-Авиве. Скрипачка. Композитор.

– Она теперь навсегда израильтянка или временно?

– Она сама будет строить свою жизнь... Я думаю, постоянно.

– А вас манит... земля обетованная? – спрашиваю я, не чтя такта (это моя обычная «наживка»).

– Конечно! – «не клюет» собеседник, и я радуюсь: подтверждается мое предположение, что он не из тех, кто финтит и крутит в разговоре. – Конечно... Но «манит» – это одно, жизнь диктует свои условия. Привычка... Театр... – как же я буду без него? Земляки... Друзья...

– Вот фотография мужчины с лицом, будто вырубленным из ствола древнего дуба, – продолжаю я «экскурсию», – глядя на него, благоговеешь и перед тем, у кого она хранится...

– Это Людвиг Бертовский, замечательный музыкант, скрипач. Это мой учитель. У него очень тяжелая судьба... перед войной он работал концертмейстером лиепайской оперы. А на второй день после Победы его препроводили

в Карлаг. В начале 50-х освободился и работал в Карагандинской филармонии. Когда вернулся в Латвию, я попал к нему и не думал, не гадал, что вскоре добровольно повторю его маршрут... Мне довелось быть знакомым со многими выдающимися музыкантами, музицировать с ними. Балис Дварионас, Отар Тактакишвили, это Арвид Янсон, это Натан Рахлин... с удивительными дирижерами, композиторами встречался. Общался с прекрасными скрипачами Виктором Пикайзенем, Игорем Безродным.

Мы решили отдохнуть от разговора – и запела скрипка. Запела мелодии из оперетты Легара «Цыганская любовь». Абрам Иосифович пояснил, что этот спектакль был в репертуаре карагандинцев лет 15-16 назад, но мелодиями этими он часто балует друзей.

– Вы, смотрю, скрипку держите в руках... как самое дорогое существо... Как ребенка, как любимую женщину! – раздумчиво заговорил я после его игры и – к счастью для себя! – угодил в самую золотonosную жилу.

– Для меня это действительно удивительное существо... Живое! – откликнулся он немедленно и пронизал меня взглядом, словно лазером, в котором я прочитал его вопрос к самому себе, но обо мне: «А стоит ли говорить ему об этом? Поймет ли?...» – и, видимо, утвердившись в положительном ответе, продолжал тихо, проникновенно: – Я приобрел ее двадцать пять лет тому назад. И очень счастлив... Это фантастическая скрипочка, все понимающая... абсолютно. Как женщина, очень обидчивая... очень ревнивая... У меня был случай, когда я при ней похвалил другую скрипку, и она два года не играла! Совершенно не играла! – с усмешкой подчеркнул он, но при этом нежно погладил скрипку по ее блестящему телу. – Это поразительно, но... мне пришлось чуть не на коленях ползать, упрашивать, уговаривать ее: «Нет, я ошибся! Ты самая хорошая! Ты у меня самая... замечательная!» У нее есть какие-то свои пристрастия. Очень любит воду, влагу... Не любит, когда я закрываю ее в футляре. Она любит лежать вынудой из футляра. Мастер Иоган Баптист Швайцер... сделал эту копию скрипки Амати в 1813 году. Мы уже двадцать пять лет вме-

сте... Но до меня она была в очень хороших руках, это я чувствую... Хорошая скрипка! Мы с нею не только чужое играем, но и кое-что свое сочиняем... Музыка к водевилю «Пыль в глаза» была написана мною года три назад...

По ходу рассказа музыканта я все больше ощущал, что нас в кабинете не двое – трое! И мне стало казаться, что скрипка вот-вот не своим певучим, а нашим, вернее, его проникновенным голосом произнесет: «Да, хозяин истину говорит...»

Несколько ошарашенный этим его неожиданным монологом – откровением Мендельштама, я решил продолжить экскурсию... в его душу:

– Меня, Абрам Иосифович, отнести к знатокам искусства, честно сознаюсь, нельзя. Поэтому раскройте следующую вашу грань...

– Вот живописью начал заниматься... совсем недавно... Буквально года три-четыре назад. И совершенно случайно. Так – для себя. И сейчас занимаюсь только для себя, и в этом прелесть моих упражнений с кистью. Никому ничего не должен, сам для себя... Хочу пишу, хочу не пишу. Что хочу, то и пишу. Совершенно замечательное состояние, ни с чем не сравнимое!

– В основном с натуры или... умозрительно?

– Умозрительно! Или какие-то фантазмагии мои, или ощущения... Для меня главное – это трепет. Трепет души – что в музыке, что не в музыке, в литературе, например, тоже.

– Из того, что я вижу, что наиболее вам дорого?

– Вот, скажем, далекая Латвия моя...

– Степь, лес, много солнца, много неба, – перевел я написанное кистью на словесные краски. – А солнца очень много! И такое кровавое солнце...

– Да, – согласился он. – А вот одна из последних работ.

– Мужчина на фоне... бури какой-то или туманности своеобразной?

– У меня это великий еврейский пророк Моисей, смотрящий в будущее своего народа – с верой и надеждой... А это триптих «Бытие», который, кстати, был в экс-

позиции выставочного зала во время карнавала «Великого Монсальвата».

– Вы этому учились или...

– Абсолютно нет, но я должен сказать, что мне очень помогают критикой и советами друзья-художники: и Айбек Бегалин, и Владимир Грсценко, и Фаина Исламова. Они очень серьезно ко мне относятся, и это вдохновляет...

Долго я перебирал его эскизы, рисунки – туманно-загадочные, без яркости, без подчеркнутой четкости, но чем-то притягивающие. Потом вернулся «на грешную землю»:

– Наверное, пора нам поговорить с, так сказать, производственных делах? Вы – главный дирижер театра музкомедии...

– Нет-нет! – запротестовал Абрам Иосифович. – Я лишь иногда исполняю обязанности главного дирижера. Я просто музыкант! Скрипач!

– Да, я видел вас в симфоническом оркестре, когда Петр Грибанов дирижировал в заключительном своем концерте. Вы часто работали с ним?

– К сожалению, нет. Хотя я с детства люблю симфонический оркестр. В концертный зал «Шалкыма» с удовольствием хожу, там меня принимают как своего, и, когда я хочу и имею время поиграть, выхожу на сцену.

– Что, на ваш взгляд, представляет из себя наша музкомедия?

– Мне даже самому не верится, что приехал я сюда, тогда еще в Темиртау, по зову Евгения Лукича Пелешука больше четверти века назад. И тогда, и сейчас наш театр – единственный в Казахстане театр музыкальной комедии. Караганда, да и Республика, как-то не очень озабочены сохранением высоких профессионалов – вот и уехал от нас, как и Петр Грибанов, прекрасный организатор искусства, наш директор и художественный руководитель Виталий Матросов. Это при нем коллектив сумел осуществить впервые в истории карагандинского искусства постановку такой выдающейся оперы, как «Травиата» бессмертного Дж. Верди. Музыкальную постановку осуществ-

вил Вольф Горелик, дирижер из Москвы, при общей постановке Виталия Матросова. А после его отъезда театр буквально затрясло и в творческом, и в организационном плане. Долго надо рассказывать, что было, когда мы остались без руководителя... Тем не менее работали и надеемся, что театр выживет, хотя в настоящее время это очень сложно уже по другим причинам.

...Беседуя с человеком, имеющим такую звучную фамилию, я, естественно, не мог не утолить «жажды познания» и банального (не только моего!) любопытства: нет ли чего-нибудь общего между Абрамом М-е-ндельштамом и Осипом М-а-ндельштамом.

– Вообще-то, это одна фамилия, – снизошел до ответа собеседник, – по семейному преданию, мой дед и отец Осипа Эмильевича – двоюродные братья. Но, – он хитро улыбнулся... – Гумилева я больше люблю.

Когда беседа теплая, а собеседник открытый, не капризный, так не хочется закруглять разговор, появляются все новые и новые вопросы. И я «под завязку» решился на такой вопрос:

– Какие изломы были в судьбе, поскольку я уверен... они были?

Абрам Иосифович Мендельштам, собеседник не только открытый и откровенный, но и не лишенный приятной манеры подтрунить в ходе беседы над собой и партнером, на сей раз ответил с горечью:

– Было их немало, в одной беседе не расскажешь...

– Хотя бы пунктиром...

– Самый черный день в моей жизни 30 марта 1969 года – смерть отца. Все зашаталось подо мной. Наша семья потеряла стержень, на котором держалась. Словно без сердца осталась наша замечательная ячейка... Простой закройщик и модельер обуви, он был настоящим мудрецом, к которому чуть не весь город приходил за советами по любому поводу, а уж про нас и говорить нечего. Поразительно светлый, чистый человек, поистине Отец – и все вдруг закончилось...

В прошлом году наша местная богема широко и очень тепло отметила 50-летие скрипача и дирижера Мендельштама, как спела бы: сказочная Золушка, «композитор пел тут песни, и стихи читал поэт». Абрам Иосифович был очень тронут, но комментировал событие так:

– Я не вижу нужды считать пятидесятилетие каким-то итогом. Я ощущаю себя мальчишкой, восемнадцатилетним. И надеюсь именно так ощущать себя еще лет двадцать, двадцать пять. А вообще – проработать в одном театре четверть века и, будучи в основном концертмейстером оркестра, дирижировать такими вещами, как «Летучая мышь», «Баядера», «Цыганский барон», «Веселая вдова» и даже «Травиата» – об этом может мечтать дирижер даже очень большого уровня! Так что... я – счастлив!

«Сердца раскрываются», 1997 г.

Заключительный комментарий

Караганда много потеряла в связи с отъездом сотен и тысяч своих граждан, в том числе семьи Абрама Иосифовича Мендельштама: уехал отличный скрипач и дирижер, вместе с ним уехала популярная певица Ольга Ротанова, его супруга. Да что там звания и заслуги – вслед за другими замечательными людьми уехали просто еще двое замечательных людей. Мы тогда, словно бестолковые и бесхозяйственные богатеи, роняли и роняли себе под ноги истинное золото – своих друзей, соседей, земляков. То, что сейчас горестно называем *бесценным генофондом*, и о чем затосковал даже наш Лидер, призвавший недавно «сделать все, чтобы вернуть тех, кто уехал».

А Абрам Иосифович хорошим таким, домашним тоном позвонил мне вскоре после отъезда из страны обетованной:

– Мы доехали и устроились. Все хорошо... Привет землякам! Тоскуем!!

Больше я о нем, к сожалению, ничего не знаю. А вы?

P. S. :

12 ноября 2003 г. этот очерк появился на страницах карагандинской газеты «Взгляд» с такими ремарками:

«В преддверии юбилея Карагандинского академического театра музыкальной комедии мы публикуем очерк Владимира Литвинова о первой скрипке театра, его дирижере А. И. Мендельштаме, написанный незадолго до его отъезда.

...Среди приглашенных на юбилей театра гостей Абрама Иосифовича не будет. Он умер в Израиле через полгода после того, как уехал из Казахстана».

Ноябрь 2004 г.

КНИГА ВТОРАЯ

***У ВАС ЕСТЬ
КАМЕРТОН?***

Душно мне от ваших скудных повестей.

Николай Шатров

Молчаливый Хомяк

Басня к случаю

Прошение Историк Крот
Отправил Олигарху Хомяку:
– Задумал я трудягам обелиск...
Чем можешь, на постройку поделись.

Который день молчит Хомяк:
Какое ему дело до трудяг!
Ведь если он откроет рот,
Повысыплется из-за щёк добро.

В одной земле копаются зверьё.
Не знаешь, чья работа краше.
Хомяк гребёт к себе: «М о ё !»
А Крот отыскивает н а ш е.

Январь 2005 г.

СОБРАТЬЯ ПО МАГИИ СЛОВА

Симон Соловейчик:

«Школа должна трудиться с вдохновением!»

Недосягаемый Сима

Если и есть словотворец – журналист или писатель, – которого я безумно хотел бы догнать в творчестве, походить на него, видеть окружающее, как он, так это блестящий Сима Соловейчик, журналист «Комсомольской правды» и певец советских педагогов. Безумно я этого хотел, однако...

(Эк, вклеил словцо – «безумно»! Ныне в речах болтающих по ТВ и радио почти и не стало других определений, кроме «безумно»: «я безумно влюбилась в парня», «мне безумно нравится Бодлер», «я безумно предана теннису», «мы безумно отдыхали на Канарах», и даже: «я безумно безграмотна в этих вопросах». А вот еще словечки, которые почти всегда не к месту выскакивают у нынешних краснобаев: «типа», «как бы», «на самом деле».

Но меня не осуждайте: я в самом деле *безумно* стремлюсь выискивать *типа* людей и писать *как бы*... как Сима Соловейчик! (Тьфу ты, наваждение!)

У нас было всего две личных встречи: одна у меня на кухне в Барнауле, году, кажется, в 65-м, и вторая – по телефону в Караганде, году в 88-м.

Трудился я в Барнауле *замзавотделом* школ и пионерских организаций Алтайского крайкома комсомола, проще говоря, верховодил пионервожатыми. Была такая замечательная должность – пионервожатый, точнее пионервожатая, поскольку в основном ее занимали красивые девчата. Взрослый народ еще помнит и звуки пионерского горна с барабаном, и песню «Взвейтесь кострами...», и, случалось, походы – в общем, разную возню с ребятишками. Сейчас-то это просто невозможно: где найдешь та-

кой зеленый пионерский лагерь, который бы вместил две сотни ребят и столько же... охранников для них? А где возьмешь столько бизнес-времени, чтобы не только в походы, но и в столовую возить свои чада на автомобилях?

Так вот этой самой возней с ребяташками очень любил заниматься Сима Соловейчик. Он и книжку свою первую назвал «Книга про пионеров», и самая знаменитая его журналистская работа – сотни тематических полос в «Комсомолке» под магическим названием «Алый парус» – была посвящена пионерии. Я по своей пионерско-комсомольской сути знал об этом, а тем более интересовался, когда в тот самый отдел попал.

А встреча случилась так. Звонит мне вечером первый секретарь Михайловского райкома комсомола Петя Михеенко (я у него в районе в командировке был, и мы с первого взгляда... подружились) так вот он звонит и ошарашивает:

– Жди дома! Я к тебе везу самого Соловейчика!

– Какого Соловейчика? – спрашиваю.

– Ну, того, что «Алый парус» – в «Комсомолке»! Он в Барнауле с творческой командировкой. Меня для него даже из района выдернули! Он, понимаешь, про интересных людей спрашивает. Я ему и сказал, что у нас тут есть один одноногий, что весь Алтай из края в край обскакал и много кого видел, он и говорит: «Познакомь!» Между прочим, он рядом и хочет чего-то сказать...

Голос в трубке, глуховато-бархатный, проникновенно сказал:

– Здравствуйте, Володя. Мы вам не помешали своим вторжением? Нет? Спасибо. Мне бы хотелось просто посидеть с алтайскими комсомолятами. Как вы, не против? Чертовски устаешь от официальных встреч... в командировках.

– Приезжайте, приезжайте! – вскричал я. – Жена уже чай на стол ставит.

– А можно, чтобы чай... не в гостиной, а, скажем, на кухне?

– Да ради Бога!

Вообще-то я ожидал встретить эдакого породистого еврея в золотом пенсне (из Москвы же!). А вместе с Петей Михеенко появился невысокий, щуплый мужчина лет тридцати, может, поболее: с посеребрившейся сединой гривой, при усах равнобедренным треугольником, с чисто еврейским носом-клювом и в больших стандартных очках под ершистыми бровями. Сегодня бы я сказал: чуть ли не Влад Листьев, только улыбается редко.

– А вы не пошутили... насчет кухни? – спросила гостей моя жена, улыбаясь им всеми своими веснушками.

– Да время-то позднее, чего же мешать вам с сыном, – застенчиво улыбнулся московский гость. – Мужики, известно, за бутылкой не могут тихо. Так что – лучше на кухне...

И вот мы втроем на четырехметровой кухне-хрущевке. Позади мимолетные представления, банальные, как у префрансистов, шутки, и, конечно, первый тост – «за знакомство».

– Сима озадачил меня, Володя! – говорит мой михайловский друг. – Он хочет найти интересных людей там... где их другие не видят. Представляешь?

– Да, Володя, тут такое дело... – вмешивается Соловейчик, – есть две категории интересных людей: те, которых все знают, или, по крайней мере, знают многие, и те, которые как свеженькие-свеженькие грибы никому не видны – еще из-под листвы не показались. Но меня интересуют, в общем-то, и те и другие, – он коротко рассмеялся и хитро добавил: – Но те, что никому не видны, – мне бы нужны больше.

– О тех, кто не виден, пока сидим, подумаю, – сказал я. – А вот о той, кто виден, но недостаточно... В Усть-Калманке есть пионервожатая, Нина Андреевна Ползунова, которой от роду пятьдесят лет, и она вовсе не красавица, как полагается пионерским богиням... Но, поверьте, Сима, она никем и никогда не работала кроме как пионервожатой. Зато как работает! Петя не даст соврать, нам на весь Алтай ЦК комсомола выделил нынче всего полсотни путевок в «Артек». И представьте, десять из них завоевала дружина имени Зои Космодемьянской, где

вожатой Ползунова! Они макулатуры и металлолома одной своей дружиной собрали столько, сколько целыми районными организациями в наших восьмидесяти районах не собирают!..

По прошествии многих-многих лет я не помню, написал ли что-нибудь Соловейчик о Ползуновой. Но его «Письма из одной деревушки», что в районе Пети Михенко, я в «Комсомолке» читал. В одном он рассказал о девушке, которая, живя в тридцатидворовой деревушке, умудрилась изучить два десятка языков. Зачем они только и нужны были ей?.. А во втором «Письме» Соловейчик поведал читателям страны, как сельский механизатор внес поправку... в законы физики. И это в той же деревушке – за две сотни километров от города.

Кроме михайловских писем Соловейчик выдал в «Комсомольской правде» великолепный очерк «Пианистка» о неведомой нам дотоле весьма пожилой даме Вере Августиновне Лотар-Шевченко, незаметно проживающей в Барнауле (имени ее, к сожалению, не припомню). Оказывается, музыкальное образование она получила в неподражаемых Венах и Парижах, а концертировала чуть ли не в салонах Кшесинской! После этого очерка Барнаул ломанулся в зал заседаний Дома политпросвещения и рвал на себе волосы: как это мы до сих пор не ведали, что у нас живет музыкальное диво! Ленинград, восхищенный открытием Соловейчика, немедленно выписал к себе *нашу* Лотар-Шевченко, и она еще несколько лет восхищала любителей музыки своей виртуозной игрой...

Часа два мы «усиживали» одну единственную «Столичную». Зато пробежались по моим и Петиним знакомым, ища кандидатов в герои для Симы. Но «гвоздем» беседы оказалась другая тема:

– А знаешь, Володя, чего мне не хватает для полного счастья? – уже перед самым уходом взял меня за пуговицу рубашки Соловейчик: – Если ты увидишь где-нибудь в повестке комсомольского собрания «Персональное дело о подлости», дай знать мне в Москву. Примчусь с любого конца земного шара!

За последующие годы работы в комсомоле и на телевидении Алтая мне такой феномен не встретился. А вот когда работал старшим редактором телевизионной станции «Юнсть» в Караганде, огорошил меня новостью Миша Сигал, член комитета ВЛКСМ мединститута. Комсомольцы одной из групп «уличили» в воровстве и обвинили в подлости одну из обаятельнейших девчонок – мало того что она была постоянным участником телепередач «Юности», так она, еще будучи десятиклассницей, оказалась единственным посланцем школьников Караганды на очередной съезд комсомола Казахстана.

Помню, прибежала ко мне Таня (назову ее так), жутко озабоченная, и, краснея от смущения, попросила дать ей в долг двадцать пять рублей: ей нужно внести в «фонд представительства», а у родителей просить деньги на это ей неудобно.

– Какой еще «фонд»? – изумился я.

– Наша делегация должна будет устроить ужин после окончания съезда... – запинаясь, пояснила Таня.

– С ума сошли! Деньги на пьянку берут со школьницы!

– Но я же не могу... возмутиться! – Таня готова была разрыдаться.

Мне, совершенному новичку в Караганде, все еще занятному семейным обустройством, нелегко было найти такие деньги, но пришлось постараться для юной делегатки.

В душе от этой встречи тем не менее осталось тепло и восхищение душевной чистотой девчонки. И вдруг – на тебе! – Таня обворовала подругу! Мы с Мишей Сигалом (ставшему впоследствии отличным гинекологом, «нашей первой повитухой», как-то живется ныне в Израиле?) положили немало сил, чтобы доказать комсомольцам группы, что Таня ни при каких условиях не могла взять чужое, не из того она теста, но – увы! – разгоряченные однокурсники исключили Таню из комсомола. С большим трудом удалось сохранить ее в списке студентов... Деньги, к слову, потом обнаружили у самой хозяйки.

Так случилась метаморфоза: обсуждая предполагаемую подлость товарища, комсомольская группа сама, как «в штопор», свалилась в подлость!

Я тут же ринулся искать Симу Соловейчика: звонил в редакцию «Комсомольской правды», звонил по его домашнему телефону, но неугомонный Сима оказался где-то за океаном, в Аргентине, что ли...

Вторая встреча с Симой Соловейчиком случилась зимой 88-го года, когда я работал комментатором Карагандинского областного радио. Случайно узнал, что в поселке Топар «рыщет» спецкор журнала «Новое время» Симон Соловейчик. И предмет его интереса – средняя школы № 2, та самая школа, откуда я по осени делал интереснейшие репортажи. И теплицу при школе ребята и учителя сделали, и кролиководческую ферму содержат, и на совхозных полях отличный урожай кукурузы выращивают, и получая при этом на уроках первостатейные оценки не только по прикладным предметам, но и по тем, где надо мысли излагать.

Мне удалось выловить Симу по телефону в карагандинской «Гостинице СЭВ» (ныне обновленная гостиница «Чайка») буквально в полночь. Напомнил ему давнюю «встречу на барнаульской кухне», посетовал, что лет восемнадцать назад не нашел его в Москве, чтобы позвать на обсуждение «персонального дела о подлости».

– Да-а, – протянул Сима, – давненько мы не виделись. Так заскакивай ко мне в гостиницу! Только, знаешь, меня отсюда увозят в семь часов утра, к началу уроков в школе № 2, а привозят в 8-9.

– Не могу я прийти к тебе, Сима, приди лучше ты ко мне!

– Почему не можешь?

– Да, понимаешь, сермяжная натура моя не позволяет посещать богатенькие квартиры и «чересчурные» гостиницы. Тошнит меня, детдомовца, от роскоши! Или – «убожества в роскошном одеянии», как говорил Маршак. Пойми и прости! – Сима понял, простил и обещал как-нибудь вырваться.

Пару дней я ждал высокого гостя, допоздна звонил в гостиницу, и, в конце концов, услышал усталый голос Сима:

– Видишь, старик, как складываются дела! Завтра я улетаю, хотя не все, что хотелось, вызнал. Журнал куда-то опять меня нацелил... А у тебя наболело что-то?

Я рассказал Симе, что написал повесть «Босоногие», что вся она, конечно, о пионериках и комсомолятах. Но мучает меня вопрос, нужна ли эта книга сейчас, когда «демократы», как оголтелая толпа в революцию, так «покатили бочку» на тех, кто носит пионерский галстук или комсомольский значок, что... А правы ли эти «демократы»? И чем все это кончится?

Сима не сразу ответил на вопросы, дышал в трубку, медленно и негромко. Потом с горечью сказал:

– Меня, Володя, мучают те же вопросы, что и тебя. Но... то ли еще будет? – он вздохнул, а у меня сердце оборвалось: встреча наша не состоится. А Сима, взбодрив голос, добавил: – Жаль, что не встретились! Однако журналистские пути наши неисповедимы! Может, меня еще раз занесет в Караганду. А?

В феврале и марте 89-го года журнал «Новое время» опубликовал два очерка Симона Соловейчика «Я учусь в Караганде».

Две вещи особенно поразили меня: публикации в обоих номерах иллюстрировали два ряда фотографий, заверстанных по краю страницы: один ряд – выдающиеся советские педагоги от Надежды Крупской до Евгения Ильина и как бы параллельно – другой ряд: педагоги топарской средней школы № 2 от директора школы Виктора Панова до «немки» Иды Беккер (обоих Казахстан «выпустил за бугор»). Соловейчик этой «параллелью» без слов определил место и значение моих земляков, топарских учителей, в великой науке Педагогике. И второе – милым авторским приемом, а именно заголовком «Я учусь в Караганде», автор поднял планку в целом нашей области, ибо до этого в рубрике «Я учусь...» он рассказывал сначала об аргентинской, а

затем о чешской школах. Под государства подровнял он наших земляков!

Эти оценки Симона Соловейчика, на мой взгляд, весьма авторитетны и безукоризненны. Ведь именно Соловейчик создал целую отрасль журналистики – *журналистику педагогики*. Помню его книгу «Вечная радость» о неподражаемом украинском учителе Владимире Александровиче Сухомлинском, ленинградском математике Викторе Федоровиче Шаталове, потом собрание сочинений Сухомлинского со вступительной статьей Соловейчика, потом очерки в «Комсомолке», где звучали имена Лысенковой, Амонашвили, Ильина, которых вознес – и по заслугам! – все тот же, кажется, неутомимый Соловейчик. А если и не он, то волна внимания к педагогам-новаторам, поднятая им. Потом был спектакль в карагандинском театре имени Станиславского «Печальный однолюб» по пьесе Соловейчика.

Когда перечисляешь все это, думается о том, как он собирал обилие материалов, осмысливал, обобщал, и невольно напрашивается дополнение к его послужному списку – Симон Соловейчик не только журналист и писатель, он – Теоретик Педагогики.

Я бы мог украсить свой текст многими яркими цитатами из тех Соловейчиковых очерков. Но не буду, это не мой стиль. Однако суть его топарской (а он брал шире – карагандинской!) наступательной публицистики четко и емко может выразить только Соловейчик: «Детское воровство не страшно, – говорил он, – обычно с возрастом оно проходит, и ложь не так опасна детская, и тугодумие не великий грех – не всем в доктора наук идти. *Страшна жестокость*. Как с ней управиться, не знает никто. Вот самая трудная педагогическая проблема наших дней, и притом всемирного масштаба».

Неделю ходил спецкор «Нового времени» по самым рядовым урокам топарских учителей, чтобы найти ответ на вопрос о главном оружии педагогики и понять еще, почему старенькая, измызганная школа в далеком от областного центра поселке живет содержательной, умной

жизнью, и сформулировал найденный ответ, так: эта школа трудится *с воодушевлением, с вдохновением*. Эта школа знает наверняка: «Если ребенку и подростку за десять лет школы не дали воодушевления – его искалечили. У него нет иммунитета против болезнетворной будничности жизни».

Читаю это спустя пятнадцать лет и поражаюсь, насколько актуальны мысли Симона Львовича Соловейчика сегодня.

Сообщение о его смерти несколько лет назад я прочитал все-таки в «Комсомолке». Он остался для нее мэтром, ориентиром для ее новых молодых сотрудников на пути к совершенству. А я горестно, почти в одиночестве, справил поминки по нему как по самому дорогому другу уже на карагандинской кухне.

Да, мне мучительно хотелось догнать Симу в умении писать о людях, в невероятной его способности находить интересных людей среди тысяч встречных-поперечных. Но...

Разве достигнешь, догонишь его?
Вон какие широты, вон какие высоты!

Сентябрь 2004 г.

Михаил Балыкин:
«Не продавайте отчего угла!»

«СКОЛЬКО СТОИТ ДЕТСТВО?»*

Года полтора назад телеканал ТВК «Караганда» рассказал, как прибывали таблички на домах ополовиненного проспекта Шахтеров, чтобы обозначить новую пол-улицу... «улицей В. И. Язева». В репортаже прозвучали мои гневные реплики о том, что мы, карагандинцы, не чтим историю города, ее славных граждан: «У нас нет не только улиц со многими славными именами, нет даже мемориальных досок на домах, где жили такие люди, как поэт Михаил Балыкин, шахтер Александр Романюта, шахтостроитель Аркадий Фридлянд, земледельцы Александр Христенко и Валентина Кутузова!.. А мирового уровня репрессированные поэты Николай Заболоцкий, Наум Коржавин, сосланные в Караганду?»

В тот же день мне позвонила Анна Алексеевна Балыкина, «Аннушка» – однополчанка, подруга всей жизни и вдова М. Д. Балыкина: «Спасибо Вам! Может, все-таки сделают власти... что-нибудь».

Годы летят, с момента смерти Михаила Даниловича Балыкина ми-нуло больше четырех лет, а улицы его имени нет, и мемориальной доски на многоэтажке по проспекту Н. Абдирова тоже нет. Зато сколько улиц Караганды в последние годы украсились портретами и табличками с именами людей, о которых горожане и слыхом не слыхивали! Роль играют не заслуги перед городом, а деньги и родственные чувства...

Между прочим, 19 ноября 2004 года исполняется 80 лет со дня рождения поэта, баснописца, переводчика и журналиста, ветерана войны. Интересно, как область отметит этот юбилей?

Михаил Данилович Балыкин мне лично не доводился ни родственником, ни другом, ни даже сослуживцем. И выпивали-то мы вместе с ним всего, кажется, пару раз. Но

он был героем моей радиопрограммы «Земляки», а значит – Земляком, популярным горожанином.

Говорит сам Михаил Данилович (с пленки «Земляков»):

– Меня взяли в армию – мне было 17 лет и 9 месяцев. Я был несовершеннолетний! Винтовка меня на правый бок тащила, в сторону, когда я бежал! Вот так... Попал я служить в 85-й полк 74-й дивизии. И мы сопровождали танки. Подвигов я не совершил... Я был связистом, катушку таскал...

Я бы рассказал, как я уезжал на войну. 5 сентября нас привезли в Барнаул. А все девушки страны во всех городах выходили на вокзалы провожать мальчиков на войну. Где я ни был – толпы девчонок! И среди них вижу, в Барнауле на вокзале, стоит... одна такая... такая, которую я придумал в своем воображении. Моя! Я ее давно ношу в своем воображении, а она стоит на вокзале в Барнауле! Я подошел к ней и говорю: «Девушка, извините! Я маму целовал. Сестренку свою, Настеньку, целовал. А девушек я еще не целовал... Ни разу, потому что... А мы едем на войну! Я вас поцелую...» Она молчит. Я взял ее... за плечи и поцеловал в щеки, губы, глаза, мочки. Так что...

С эшелона ребята смотрели, некоторые затаили дыхание, некоторые улюлюкали. Старшина крикнул: «Кончай целоваться! Воевать пора!» Х-хе... И я поехал. Так она бежала за нами по перрону: «Мальчики! Не погибайте! Мы вас будем ждать!.. Ты только не погибай! – крикнула и мне. – Я буду тебя ждать на этом месте!»

И я два года подряд 5 сентября ездил в Барнаул, на то место, где тогда стояли, думал: она там... Если бы я ее встретил, я бы повел ее в загс!

– Книг множество, и творческий путь, в общем-то, очень долгий, 40 с чем-то лет... – звучит мой вопрос, – а вот любимые темы, любимые жанры, так сказать, извивы в творчестве?

И опять – его голос, немного скрипучий, с частыми паузами, со смешками:

– Последний год, 46-й год, наша часть стояла в Свердловске. Война закончилась... Я писал басни. И стихи писал. Я таскал их в газету «Красный боец»... это окружная, Уральского военного округа газета... и мне там сказали: «Пойди к нашему литературному консультанту Исааку Ефимовичу Троппу. Он больной, у него ноги не действуют, он принимает дома». Я пришел к нему... по адресу... и доложил по всей форме:

– Товарищ Тропп! Младший сержант Балыкин... в советскую литературу явился!

Он говорит:

– Так, так, так... Явился, говоришь?

Я говорю:

– Так точно!

– Ну, раздевайся... если уж явился.

Вместе смеемся. А поэт продолжает:

– Я, значит, разделся. Он говорит: «Меня интересует одно: где вы взяли эти басни?» – Я говорю: «Я рад, что вы мне задали этот вопрос. Я даже счастлив!» – «Почему вы счастливы?» – Я говорю: «Потому что... если вы не верите, что я их написал сам, значит, я их написал хорошо!» – «Мне нравится начало нашей беседы!» – сказал Исаак Ефимович. Я говорю: «А продолжение будет еще интересней!» Х-хе... И когда он мне порекомендовал печатать, он дал мне задание написать басню о любви к оружию. Я написал басню «Лесник и ружье». Он ее забраковал, но...

И однажды я пошел к начпроду полка и сказал: «Видите, это наша газета, а это вот мой портрет... Мне помогает вот этот человек. А он инвалид... Дайте мне для него банку американской тушенки!» Мы называли «второй фронт»... И он дал мне. Да... И я принес это Троппу... американскую тушенку... И с какой гордостью он посмотрел на жену! Что вот он, больной, почти без ног... он на коляске ездил... а вот ему принесли домой американскую тушенку!

– И все-таки... басню! Басню...

- Ну-у... «Пустой ветряк». Она была напечатана в «Крокодиле», потом в «Библиотечке «Крокодила»...

- По чести говоря, и я герой труда,
ведь я в движении всегда! –
Так в день довольно непогожий,
махая крыльями, скрипел пустой Ветряк...

...Иной хвостун не отличим от ветряка.
Как будто занят важными делами,
себя другим он любит показать:
начнет размахивать руками
и мелет языком, а дела... не видать.

- Любимые темы, любимые жанры...

- Собственно, кормился я всегда журналистикой. Я 25 лет отдал местной газете «Индустриальная Караганда». Вот... Фельетоны писал. «Обушок» – это мое изобретение. Сейчас он, правда, как бы ушел в историю... Я даже не имею высшего образования, а читал в КазГУ лекции о сатире. Да, на факультете журналистики. Я вообще был хохотун в детстве. Может, этим я и свое сердце сохранил?

- Михал Данилыч, вы – аксакал нашей литературы. И как оцениваете сейчас состояние литературы казахстанской, областной?..

- Сегодня идет смена социальных систем. Это фактически революция. Да... Писатели наши даже как-то растерялись. Ну, сатирики еще как-то могут жить. Я тоже... когда эпоха была сталинских репрессий... я как-то спрятался в басню...

(Это он говорил десять лет назад, а словно о сегодняшнем дне!)

- А сегодня у нас много есть хороших писателей. Нурпеисов... Сакпакбаев... Я перевел его повесть «Путешествие в детство», которая издавалась в Алма-Ате три раза... и в Москве, в издательстве «Детская литература», была издана.

- Я помню, Михаил Данилович, эту повесть вашу. Когда приехал в Караганду в конце 60-х годов, мне пришлось на АНТ-2 лететь в Каркаралинск. Так за этот полет

буквально проглотил книжку. Жутко понравилась! Через эту повесть мне как-то виднее стала и казахстанская земля, и карагандинская!

– В Караганде есть талантливые ребята. Володя Шемшученко. Вот недавно я его рекомендовал в члены Союза писателей Казахстана. Он уже получил новый билет. Я еще не получил, а он получил. Я-то получал в 60-м году... Это 34 года назад!..

У нас в Темиртау есть талантливые поэты: Виктор Фетько, Дмитрий Оськин. Люда Лунина, поэтесса, в Караганде. Мне пора издать юбилейную книгу, я уже собрал ее... Я в книге заново переживаю жизнь свою!

Горько думаю: всего-то десять лет прошло со дня этой записи для «Земляков», а, как говорил Твардовский, «иных уж нет, а те далече». Владимир Шемшученко работает в Санкт-Петербурге заместителем редактора солидного журнала «Общерусский собор», Людмила Лунина живет в Израиле. О темиртауских литераторах почти не слышать...

Между прочим, у соседей, в Барнауле, изданы много-томная «Антология алтайской литературы» и «Литературная энциклопедия Алтая». На средства краевой администрации! А нашим вождям что, «слабо»?

Из произведений М. Д. Балыкина:

*– Внук караульщика бахчи,
Я рос в сосновой глухомани,
Ютился в ветхом балагане
И ел крестьянские харчи...*

*– Не продавайте отчего угла!
Ведь он для нас
Не только как наследство,
Не как причал далекой старины.
Он наше детство.
Сколько стоит детство?
На свете нет еще такой цены!*

*– Где зимуют бездомные раки,
Мне хотел показать прохиндей.
Насмешил он угрозой своей!
Видел в жизни я многие драки...
Человечьи глаза – у собаки...
И собачьи глаза – у людей!*

Повседневная речь его была очень афористична и часто ритмична. За ним, бывало, записывали высказывания. А многие из как будто случайных фраз вошли потом, как блёстки, в его стихи:

- И кот пушистый, как мудрец-надомник.*
- У каждого Снегурочка своя.*
- Пичуга помышляла стать орлом...*
- Собаки лают даже на царей.*
- Поэтам мало в жизни хлеба.
Им, кроме солнца, ветра, неба,
Еще верблюда подавай.*

Из памяти Э. З. Пичугиной-Белицкой:

- Гуляли мы по улице. Навстречу две красавицы-девчушки. Михаил Данилович говорит:*
- Это мне напоминает Вертинского: «две ласточки, как гимназисточки». Точно: «две девочки, как ласточки!»*
- Вот еще из его метких высказываний:*
- «У Балыкина нет никакого характера!» – говорят обо мне. И правильно говорят!*
- Раньше я был молодым и красивым. А теперь только красивый...*
- Звоню ему как-то, спрашиваю: как там Аннушка?*
- Аннушка на кухне. Борется со своей судьбой!*

Покойный мой супруг, известный в Союзе и Казахстане писатель Николай Алексеевич Пичугин говорил о Балыкине: «Это самородок из народа».

Из моей памяти, точнее, из моего Дневника:

«11 февраля 2000 г.:

В культурной жизни Караганды произошло печальное событие: 10 февраля умер Михаил Балыкин – поэт, писатель, переводчик. Хороший поэт и хороший переводчик. Настоящий... Именно с чтения перевода одной детской книжки я начал знакомство в 1969 году и с Карагандой, и с ним. Потом отношения были в основном вскользь. Встречались, разговаривали немного. Я пытался воздать ему должное, поскольку в Караганде не очень-то пропагандируют литераторов: организовал ему как-то продолжительную встречу с учениками СШ-54, а потом он, несколько перебрав в ресторане, фривольно повел себя с двумя учительницами; (говорили мне, что он – известный сердцеед); потом я выхлопотал у начальства полчаса для выступления его по областному радио, а он... не явился на запись; я сделал о нем программу «Земляки», которую он... даже и не слышал; собрался было подарить ему первую свою книгу «Сердца раскрываются», но он не пришел за нею, а через несколько дней позвонил и попросил принести... Но я к тому времени уже весьма мало и плохо передвигался по городу. В ноябре он отмечал 75-летие, но своего «биографа» не пригласил. Так вот и общались... Возраст, да и обычная его манера поведения: лицо ушедшего в себя человека, только глаза нет-нет да и простреливают окружающее.

Для меня лично смерть Балыкина – это все-таки огромная потеря: важно было, что он, хоть и не близкий, но е с т ь не только в Караганде, но и у меня».

Говорит сам Михаил Данилович (с пленки «Земляков»):

– У меня хорошая квартира. Мне ее дал к 60-летию... своей личной властью Александр Гаврилович Коркин, то-

гдашний первый секретарь обкома партии. Так и сказал: «Какую квартиру выберет в городе ваша жена, ту и берите!» Сейчас мы в ней и живем. Ну... как живем? Анна Алексеевна, моя жена, фронтовичка, до Варшавы дошла... Пенсия как у фронтовички. У меня тоже хорошая пенсия. В крайнем случае... не хуже, чем у людей.

Вспоминается приписываемое Балыкину горькое изречение: «Ра-ньше писатель, издав книгу, мог купить машину. А теперь, чтобы издать книгу, надо продать машину. Только вот машины нет у меня...»

Мое эссе все-таки не о поэте, а о журналисте Балыкине. Но...

Сегодня не так просто найти образцы труда ветеранов карагандинской журналистики. Даже те, кто с ними работал и еще жив, не помнят даже дат рождения и смерти, не говоря уже о том, чтобы сохранить статьи, очерки, фельетоны коллег. Шутка в деле, Михаил Балыкин ушел на пенсию из «Индустриальной Караганды» 20 лет назад, и – 4 года как умер.

Только вездесущий Рушан Бараев, мэтр 5 телеканала и певец карагандинской старины, принес отсканированные странички «Индустриалки» с воскресными фельетонами Михаила Даниловича «Экспериментальная дрёма», «Женская грация, оленья шкура и прочее...», «О счастливой сорочке и торговой точке», «Амур – похититель дубленки».

В «Экспериментальной дрёме» автор протирает с песочком стиль работы сельских строителей, где рабочие больше дремлют, чем работают, а руководство не успеет согреть своей «пятой точкой» доверенные кресла, его уже меняют:

*В ПМК начальства нет.
Впрочем, и понятно:
Только входит в кабинет
И уже – обратно.*

В «Женской грации...» развенчиваются «рыцари» вещевого рынка. «Какое это душное слово – спекулянт!» – восклицает фельетонист.

Но особенно впечатляет концовка фельетона о том, как продавали шкуру оленя, убитого браконьерами: «Это еще полбеды, что здесь продают оленью шкуру. Хуже, когда браконьеры от *вещевого рынка* сдирают три шкуры с покупателя».

В фельетоне «О счастливой сорочке...» идет немудрящий рассказ о том, как молодая карагандинка *применялась* к торговле. С устройством на работу ей сказочно повезло:

*Все же, видимо в сорочке
Родила Марию мать:
– Вот вам бочка!
Вот вам точка! –
Начинайте торговать.*

Но бедной Марии пришлось самой и пивную бочку ремонтировать, и рабочее место обустраивать, и не хотелось ей принимать философию торгашей: «Пена – это божий дар». Автор заканчивает фельетон философски: «Очень грустно, если пена для кого-то – капитал», но потом едко оговаривается:

*...Извинить бы попросил,
Если в этом фельетоне
Я кому-то... не долил.*

«Амур–похититель...» – это образ ловеласа, весьма популярный в литературе советских *воспитательных* лет. Михаил Балыкин великолепными красками рисует его образ:

«Это был Амур-снайпер. За свою многолетнюю практику он ни разу не послал стрелу за «молоком»... и чрезвычайно этим гордился». И далее: «Это был мужчина, как шаровая молния – достаточно ему было вкатиться в

женское общество, как он тут испепелял своим орлиным взглядом и манерами все вокруг».

Таковы были темы и герои Балыкина-фельетониста.

Даже кинжальная сатира В. Маяковского, где он яростно нанизывал на строчки (словно бабочек на булавки) «всех радеющих подлизам, всех радетельных подлиз», а заодно с ними – подхалимов и рвачей, сейчас как бы оржавела и притупилась!

Но кого это сейчас волнует? Подлизы ныне востребованы. Невероятно нужны и подхалимы. Так пусть живут-процветают! Ведь ныне – рыночная экономика: каждый крутится, как может!

Зато не актуальны сегодня балыкинские типажи – спекулянты, «несуны», прогульщики.

Так что вернемся к лирике Михаила Даниловича. Он так поэтично воспевал любовь...

*– В мирозданье Земля, как песчинка,
А на этой песчинке – тропинка.
По тропинке ко мне на свиданье
Ты идешь. Вот и все мирозданье.*

БАЛЫКИН Михаил Данилович (19.11.1924 – 10.02.2000), поэт, член Союза писателей СССР (1960). Участник Великой отечественной.

Десять лет после войны работал в одном из колхозов Семипалатинской области, где родился, в редакциях областного радио, областной газеты «Прииртышская правда». Затем в Алма-Ате – в журнале «Советский Казахстан» (ныне «Простор»), в редакции издательства «Кайнар». С 1966 года четырнадцать лет возглавлял отдел культуры газеты «Индустриальная Караганда».

Первая книга М. Балыкина «Басни» вышла в 1951 году. Затем последовали сборники стихов «Утро надежд» (1971), «Свидание в Боровом» (1976), «Мой белый свет» (1984). Создал поэт и крупные вещи: поэму «Начало пути»

ды-Курган. Туда эвакуировали из Киева учебную эскадрилью, 17-ю... Трехлетнюю программу мы закончили за... тринадцать месяцев! Учеба такая изнурительная была, что мы по три-четыре часа спали и друг друга – мы с земляком в разных отрядах учились...– при встрече друг друга не всегда узнавали!

– После училища вместе с тем же земляком, Нилом Слесаревым, я попал в 172-й авиационный полк. Часть полка состояла из истребителей, часть из У-2, «кукурузников». Мы с другом оказались самыми молодыми в части, да еще и не военными – мы же окончили гражданское авиаучилище. На нас, конечно, свысока смотрели летчики, уже повоевавшие по году и два. И нам поначалу, конечно, не доверяли, летать... Я на первом комсомольском собрании выступил: «Почему нас не пускают в бой? Что, мы приехали ходить-гулять, что ли?» Зеленый, я мало понимал тогда, что в армии критиковать командира не положено. Но командир полка мудрый оказался, не крикнул: «Разговорчики! Отставить!», а улыбнулся: «Все будет у вас! Тренируйтесь пока!» И месяца через полтора мы начали летать... В районе Вязьмы, помню, мы станции бомбили... Бомбили штабы каких-то частей.

– Мне говорили, вас однажды сбили.

– Сбили. В октябре месяце... и упал я на нейтральной полосе, в глубокую воронку, заполненную ледяной водой... А плавать я не умею! Вынырнул, ухватился за какую-то ветку и так провисел до вечера, пока не пришла помощь. Правда, после войны эта ледяная купель сказала, я долго пролежал в госпитале... Вообще меня в части «счастливчиком» прозвали. Попадало мне не раз... То в ногу, то в руку... А в опасные места ни разу не попало... Два боевых ордена у меня. А больше было нельзя! (Смеется). Я и тогда, как сейчас, задиристый был, горячий. За словом в карман не лез, хоть ровня передо мной, хоть командир. Самоуверенности через край! Так что...

Итак, Малик Имашевич Имашев.

К ступеням его гражданской деятельности мы еще придем. Они высоки и весьма ответственные. Если принимать их

во внимание, к Маке надо относиться с почтением, даже трепетом. Но характер у человека такой, что трепет и почтение при встрече с ним вам и в голову не придут! Взгляд умный, пронизательный, но источает сплошную доброту. Голос мягкий, но с широчайшей амплитудой – от командирских ноток до отцовской ласки. И вам хочется говорить с ним без оглядки, от души.

– Вы начинали семейную жизнь с Антониной Александровной Травиной уже как «партократы». Оба с отличием закончили высшие партшколы – в Алма-Ате, а потом и в Москве. Еще учась, стали «кратами»: она секретарем Тельманского райкома партии, вы – лектором горкома партии в Караганде. А как жили? С партийным шиком?

– Приехали в Караганду с одним чемоданом. Полчемодана – тетради с конспектами, половина – ее платья там... всякий шурум-бурум... Потом начали получать зарплату, что-то купили. На барахолке, помню, в Старом городе, я купил какую-то самодельную койку, камышовым пухом набитый матрас, одеяло. Квартиры у нас не было. Перегородили нам простыней коридор в бараке и сказали: «Вот вам комната!» Печки не было, печка топилась в одной из комнат барака... Между койкой и стенкой не пройдешь, там надо было через спинку койки шагать... Тут и родился старший сын, Валерий... Я из Алма-Аты привез ванночку, жестяную такую, чтоб купать. Здесь и ванночки тогда купить нельзя было. А ребенка положить некуда. Так мы его клали в эту жестяную ванночку и запихивали под кровать... Там было его первое жилье! (Смеется). Сейчас он кто? Закончил в Москве институт международных отношений (МГИМО), знает девять иностранных языков. Работает...

Поначалу я избрал к этому эссе подзаголовок – «Партократ» ушел... в коммунисты!», но против него резко возразил мой герой. Пришлось потрафить аксакалу. Однако об уступке своей жалею. Почему, спросите.

«Партократы», как стали называть всех поголовно партработников (не разбирая, говно он или стоящий че-

ловек) после разгона КПСС уходили кто куда: кто в социалисты... простите, в демократы (чтобы опять вылезти в бастыки!), кто в бизнесмены, а кто и на «стәрүшечью» скамейку во дворе, забивать отупляющего «козла». Бывший секретарь Карагандинского обкома по идеологии, а в то лихое время генеральный директор ПО «Полиграфия» Малик Имашев, наперекор политическим ветрам, ушел... в коммунисты. То есть, конечно, не ушел, а *вышел из тени*. И твердо, во всеуслышанье, заявил: «Я остаюсь коммунистом! И намерен действовать: поднять коммунистов с колен, возродить областную парторганизацию!»

Тут же, как бы подчеркивая преемственность ленинских идей и методов работы, неумный Имашев наладил выпуск партийной газеты «Товарищ» («Жолдас»), принялся звать на перерегистрацию не запуганных ситуацией коммунистов

В одном из номеров этой газеты Имашев писал, не боясь улюлюканья возвысившихся антикоммунистов:

«Слово Коммунист для меня так же свято, как слова Отец, Мать, Родина. Как не изменяют Отцу и Матери, так же я не изменю идеалам коммуниста. Мы, коммунисты, хотим социальной справедливости, социального равенства, благоденствия всего народа, а не жульнической части его».

В конце концов, он воссоздал-таки организацию коммунистов области. Правда, сегодня жалеет, что две нынешние организации коммунистов мало похожи на ту, которую он воссоздавал.

Сейчас модно судачить о преследованиях коммунистами свободы слова. А мне вспоминается первое мое знакомство с М. И. Имашевым, тогда секретарем обкома партии по идеологии.

Мы с ветераном культуры области Ф. Ф. Дориновским подготовили зубодробительную телепередачу о том, как комсомолия одного из районов, кажется, Тельманского, завалила культпросветработу на селе. Клуб села Крестовка, к примеру, неделями закрыт на пудовый амбар-

ный замок. Приглашенная в эту передачу заведомо культуры обкома комсомола Фаина Б-я. аж взвилась от возмущения:

– Мы не позволим пропустить эту передачу в эфир!

Подключила себе в поддержку секретаря обкома комсомола Булата Б., и они совместными усилиями склонили на свою сторону даже мое телевизионное начальство.

– Ну-у, нет! – взорвался Дориновский. – Мы пойдем к Малику Имашевичу.

В кабинете партийного секретаря оба «комсомольца» бушевали, не стесняясь старших:

– Не валите все на комсомол? Пусть культура отдувается!

Малик Имашевич все это вытерпел и спокойно так говорит комсомольскому лидеру:

– Булат, вы занимайтесь-таки культурой на селе. А руководить телевидением мы попробуем сами. А передачу по клубу в Крестовке надо сегодня же дать в эфир. Да покрепче, Федор Федорович и Владимир Иванович, ставьте вопрос!

«Комсомольская богиня» Фаина потом целый год не здоровалась со мной, редактором телевизионной станции «Юность»...

Меня одолевали сомнения, относить ли Малика Имашевича к категории ветеранов журналистики области, ведь он в штате СМИ не состоял. Но вдруг в «Индустриалке» обнаружили некролог ветерану-строителю И. Е. Грунскому и «Слово прощания», подписанное М. Имашевым. И сомнения мои отлетели прочь. А последние строчки «Слова...» вызвали озноб во всем моем теле:

«Прощай, дорогой друг! – написал Малик Имашевич. – Скоро увидимся. Не долго осталось нам, фронтовикам, топтать эту грешную землю».

Столь пронзительно мог написать только этот человек. Прямой, твердый, мудрый. Всегда прямой и всегда твердый.

Я лихорадочно набрал его номер:

– Ну можно ли так писать, Малик Имашевич!

– Можно, Володя. Я ведь уже и носки... без помощи не могу надеть.

В памяти моей, как на киноплёнке, промелькнули десятки его статей, написанных с такой же душераздирающей прямоотой и твердостью, причем со всеми журналистскими тонкостями: сердечностью или призывностью тона, точностью слова, увлекательностью сюжета и пр.

Давайте вместе вслушаемся в его Голос, проникнем в его Мысли:

«Закон не должен быть дышлом в руках отдельных его вольнотолкователей!»

«Если мы хотим стать Барсом, нам нужен чистый воздух, прозрачность среды, гласность деяний, чтобы народ все видел, все знал, обо всем мог судить».

Это из интервью карагандинскому телевидению в октябре 1997 г.

А вот «Индустриалки» в феврале 1999 г.:

«Город мой! Дорогая Караганда! Хотя я родился и вырос под сенью Алтайских гор, за те полвека, которые я здесь живу, ты мне, город мой, стал бесконечно дорогим, близким и любимым. Здесь, под твоим ярким солнцем, я рос, мужал, набирался опыта, трудился, как мог, на благо твоих граждан. Здесь родились и выросли мои дети, растут внуки, здесь мои бесценные друзья, родные. Здесь мои корни».

Недавно мы отметили 70-летие Караганды. И мне довелось быть причастным к ее славословию. Теперь отчаянно жалею об этом: если бы знал о существовании цитируемого «Слова признания» М. Имашева к 65-летию города, посоветовал бы воспользоваться им и к 70-летию. Смотрите, как оно сердечно и умно звучало:

«Город мой дорогой! Едва ли я доживу до твоего нового расцвета. Но я верю, что он придет, он наступит. Верю, придет благословенное время, когда зажгутся огни звездочек шахтных копров, когда закрутятся колеса шахтных подъемников, извещая о том, что шахты – основа промышленности города – снова ожили, снова в строю, снова служат людям. Я верю, что пустующие ныне огромные корпуса заводов и фабрик снова наполнятся гулом работающих станков, скрежетом металла, что десятки тысяч истосковавшихся по любимому делу рабочих снова найдут себе работу, что деклассированный, превратившийся в «бизнесменов», торгующих на базарах ржавыми гвоздями, рабочий класс найдет в себе силу и решимость изменить свою судьбу, развернет свои богатые плечи, засучив рукава, возьмется за восстановление разрушенного».

Газетных и журнальных его статей не десятки, а сотни. Не помню, есть ли в Караганде еще журналист, который позволил бы себе, как Малик Имашев, издать даже книгу со значащим названием – «Некоторые статьи последних лет». А сколько им сделано за 20 лет работы в «Полиграфии» для улучшения печати наших газет! Как же не возвести его в сан ветерана нашей журналистики?

Диалог десятилетней давности с сегодняшними комментариями (с пленки «Земляков»):

– Малик Имашевич, я долгое время поработал редактором «Последних известий» на облрадио. И часто давал сообщения, что карагандинские полиграфисты первыми в республике сделали то-то и то-то...

– Я скажу: и не только в Казахстане! Многие мы сделали первыми и по Советскому Союзу. В области 11 газет печаталось на 20 машинах. А печать была такая, что человека на фотографии даже родственники не узнавали. Это у меня вызвало обиду: как же так? почему у нас такое? И я начал поиски: что есть в стране, что бы можно и нам сделать. Вот тогда и фотонабор появился. Сначала в городе

Владимире, вторым – у нас. И стали мы все районные газеты в Караганде, на Ленина, 2 печатать! Одной машиной и в течение двадцати часов! Работали в райцентрах до этого человек сорок и – сутками! А у нас – трое! И всего несколько часов!

– А газеты ваши! Одно удовольствие – в руки взять!

– Да. Офсетная печать... Теперь вот перешли на компьютерный набор. В Казахстане и фотонабор только у нас, и компьютеры... В Кустанае, Кокчетаве пробовали, но не так, как у нас... Первыми мы создали и производственное объединение. Название-то «ПО» везде взяли, но комплекс полиграфический только нам удался. Чтоб один хозяин был, один расчетный счет – такого нет пока в Казахстане ни у кого. А переход на бригадный метод труда? Первыми в Советском Союзе... Это мне стоило двух лет нервов!

– Столь много первенства в технологии... У вас что, рука была... крепкая... в Москве? Или взятки давали? Или сказывался ваш авторитет большого партюкрата?

– Помогало мне единственное – желание сделать что-то новое! Душа все время говорит: услышал что-то где-то, а почему – не мы? В сельском хозяйстве работал – и там искал, что бы интересное применить. Скажем, зимний окот овец. Организовал это я... Экспериментальные поля кукурузы... и так далее! Мне скучно, когда долго нет чего-то нового!

Владимир Маяковский говорил о Ленине, что он «к товарищу милел людскою лаской», а «к врагу вставал железа тверже». Позволю себе некоторое кощунство, но эти характеристики один в один подходят к моему земляку Малику Имашевичу Имашеву.

Пришло в голову нашему правительству поэкспериментировать с пенсиями и пособиями ветеранам боев и труда, и Малик Имашевич во весь рост встал на защиту их прав. В марте 1999 года он публикует резкую статью «Покушение Правительства на ветеранов» с адресными обращениями к правителям:

«...Несколько слов о том, где деньги лежат.

Господин Балгимбаев (тогдашний премьер. – В. Л.), ответьте нам вначале: что, разве, кроме пенсий старикам, в Республике под вашим чутким и умелым руководством ничего не осталось? Что, уже все то, что было вам, правителям, вручено народом, – все распродано, роздано, разбазарено и растащено, что кроме пенсий и льгот ветеранам негде искать деньги? Хорошо, вы в текущем году обкорнаете наши пенсии и льготы, а что будете делать через год, кого будете обирать и грабить? Вряд ли у вас хватит духа навалиться на бесчисленных коррупционеров, обитающих в том числе и рядом с вами».

И там же:

«Недавно в очередном своем телеинтервью министр г-жа Коржова поучала нас: «Нельзя жить одновременно в реальном и ирреальном мире». Она права. Но только нужно разобраться, кто живет в реальном, а кто в ирреальном мире. По нашему убеждению, мы, народ, живем в реальном нищенском мире ада, а вы, наши правители, – в потустороннем (и реальном!) мире рая».

Пришло в голову руководителям нашей области переименовать «Индустриальную Караганду» в пресловутую «Орду», да еще и начать отсчет истории одной из значительнейших газет Республики не с 1931 года, а с января 1994 года, и неустрашимый ветеран отправился к инициатору этих «новшеств» Н. С. Бектурганову с требованием умерить зуд переименований и зачеркиваний прошлого.

Этой бурной встречи оказалось мало, и Малик Имашевич обратился с письмом к главе областной администрации П. П. Нефедову. Имя газеты и годы ее истории он защитил. Но его самого под видом заботы о здоровье лишили поста руководителя ПО «Полиграфия», которое он сделал лучшим в Республике и одним из лучших в СССР. Да еще принялись обливать грязью и предприятие, и

коллектив. «Новоиспеченный пенсионер» опять возвысил голос:

«До сих пор живут слухи, распушенные о полиграфии, – писал он главе области. – Прошу: положите им конец. Предприятие и коллектив, которые в 1993 году дали 22 процента всей продукции и 37 процентов прибылей всех полиграфпредприятий областей республики, имевшие производительность труда в три с половиной раза выше средней республиканской, заслуживают нормального, непредвзятого отношения!»

Безоглядные ортодоксы национальной и демократической «идеи» взялись сковыривать с пьедестала один из лучших исторических и художественных памятников Казахстана, а не только Караганды, – памятник В. И. Ленину. И ветеран Имашев телеграммой предупреждает Президента страны: «Если будут взрывать памятник Ленину, я лягу у его подножия, и пусть взрывают вместе со мной!»

Мне импонирует, что Малик Имашевич, обладая даром слова и неравнодушным сердцем, чаще и больше, чем кто бы то ни было из наших старейшин и общественных авторитетов, борется за права ветеранов войны, за то, чтобы память о тех кровавых годах, о великом мужестве народа, преодолевшего все трудности и повалившего наземь самого страшного из человеческих врагов – фашизм. В канун 55-летия Победы, в марте 1999 г., он с горечью и болью писал:

«Осталось до дня Победы каких-то два месяца – как молчали об этом великом событии в истории человечества и, прежде всего, в нашей, так и продолжают молчать; как по телевидению гнали американские боевики, так и гоняют в день по десять штук, а места для фильмов, показывающих подвиг нашего народа, не находится. То же самое можно сказать о песнях войны, и какофонии бритоголовых

девок, длинноволосых бородачей заморского покроя. Видимо, никак не образумятся наши СМИ, видимо, та война для них вовсе не война их дедушек и бабушек».

И еще раз – фрагмент из «Земляков»:

– Малик Имашевич, мы, люди старшего поколения, помним оценки истории по поводу итогов войны. А на ваш взгляд, почему мы победили, ведь и войну начали неподготовленными, и вся Европа против нас шла?

– Я считаю, что это великий труд нашего народа был. И в тылу: «Все для фронта! Все для победы!» И на поле боя: никто не жалел себя.

– А сейчас то и дело слышишь: я – казах, а ты – русский!

– Это после горбачевской перестройки начали кричать: «Я – казах! Ты – русский»... Бить в грудь: «национальное самосознание»! Тогда не было этого. Мы были советские люди. Это наша Родина, и мы ее защищали. Я воевал в Белоруссии, а был уверен, что защищаю Казахстан!»

Читатель, возможно, подумает, что автор предложенного эссе не просто под обаянием личности Малика Имашевича Имашева, а прямо-таки боготворит его. Извините, вы меня не так поняли! Некоторые темы моего героя мне совершенно не импонируют, а некоторые убеждения и откровенно не нравятся. Достаточно одного примера: в статье «Истина, опрокинутая в прошлое» автор видит причину развала СССР чуть ли не исключительно в действиях мирового сионизма и советских евреев в частности. Меня этот подход к осмыслению истории не только не устраивает, но и возмущает неким своим примитивизмом.

Однако наши разногласия не мешают мне глубоко уважать ветерана. Уважать и восхищаться его неслышимой неутомимостью.

М. И. Имашев зорко и остро реагирует на важнейшие события не только в нашей области и Республике. Вот лишь несколько названий его актуальных статей, опубли-

ликованных в СМИ и книге «Некоторые статьи последних лет»: «Письмо русскому брату» (призыв к русским не мириться с тем, что страной правят люди без совести и чести), «Идея о ханстве – откровенное ханжество» (о безумных призывах реорганизовать Казахстан в ханство), «Вольтер в опале. В почете Ришелье» (о нравах нашей демократии), «Проклятие поджигателям войны» (об угрозах Ираку), «Ирак повержен. Кто следующий?».

Эти статьи – уже не журналистика в ее обыденном понимании. Это, на мой взгляд, динамичная, огненосная публицистика.

Подняться на этот уровень – завидная судьба. И достойная честь!

ИМАШЕВ М. И. 22 января 1922 г. родился в бедной крестьянской семье села Катон-Карачай Восточного Казахстана. С октября 1942 года вплоть до Победы воевал летчиком. Его боевая судьба во многом сходна с судьбой героя «Небесного тихохода».

После войны закончил партшколу в Алма-Ате и ВПШ в Москве. Работал первым секретарем Шетского райкома партии, председателем Карагандинского облсовпрофа, секретарем Карагандинского обкома партии, руководителем полиграфии в Караганде. Сегодня пишет книги.

Почетный гражданин г. Караганды. Награжден пятью боевыми и трудовыми орденами СССР и орденом «Парасат» Республики Казахстан. Занесен в «Золотую Книгу Почета Казахстана».

Октябрь 2004 г.

– Я запрещаю вам писать обо мне! –
и трубка – бряк по аппарату! И – гудки...

Колокол и набат

Размышления над репликами и публикациями

Меня, случается, упрекают, что пишу о себе, в каждой книге – рассказ через себя и т. п. Но вот задумалось мне написать о ветеранах журналистики, в том числе об опальном карагандинском журналисте Валерии Розенберге, и пришлось просить дополнительной информации, поскольку Валерий – в зарубежье, у его бывшего коллеги и друга. Он пообещал, но спустя неделю пришлось напомнить об обещанном. Он снова пообещал, но «всухую» пролетела еще неделя. Позвонил в третий раз... – а раздраженный друг послал меня на три буквы

А потом уже ко мне затрезвонил звонок:

– Говорят, вы меня искали. Зачем?

– Мне хочется написать о некоторых ветеранах карагандинской журналистики. Вот и вас я хотел поспрашивать...

– И что вы хотите обо мне написать?

– Да я еще размышляю... изучаю...

– Нет, вы скажите: *что* именно вы хотите обо мне написать?

– Но как я могу сказать, *что*, если...

– Так вот: я запрещаю вам писать обо мне!

И трубка – бряк по аппарату. Потом – гудки... гудки...

Нет, собеседница, конечно, имела право бросить трубку, поскольку именно она позвонила мне. Вот если бы я позвонил, а она бросила трубу, это было бы невежливо...

А вообще-то... кто им «дал такое право надо мой куражиться»?

После этих двух «обломов» я твердо решил писать только о себе.

Осуждайте, не осуждайте, но поскольку я терплю, и вы потерпите!

По выходу первых моих «Земляков» мне захотелось узнать ее мнение – ведь опытный и уважаемый мной журналист, мыслит весьма глубоко.

– Хорошо сделал. Интересно, – похвалила она.

А после второго выпуска программы «Земляки» она со свойственной ей резкостью рубанула:

– Не понравилась мне твоя программа. Ты в ней Высоцкого крутишь, а я его не люблю.

Я, поперёшный, с того дня почти все программы стал иллюстрировать песнями нелюбимого ею барда. А жажда ловить ее мнения у меня поисскакла.

Как-то в разгар перестроечных «мероприятий» вижу в популярнейшем тогда журнале «Огонек» фрагмент ее письма, в котором она негодует по поводу преступной близорукости руководства республиканской «юстички»: как можно держать в должности зампрокурора Карагандинской области Я. Богуславского, который, как оказалось, работал помпрокурора в Карлаге? Между прочим, ни одного примера преступной деятельности этого помпрокурора в письме не приводилось. Просто само собой разумелось: раз он работал в Карлаге, значит – «тать» и... кто там еще!

А уже в эпоху «триумфального шествия» демократии по развалинам СССР читаю ее статью в «Индустриальной Караганде», в которой она разносит в пух и прах диктаторский прием коммунистов наводить порядок в засранных нами городах путем... пресловутых коммунистических субботников.

И что поделаешь со мной, «поперёшным» и «самовлюбленным»! Мне, вишь ли, пришла в голову мысль: жаль, что жители Павлодара (которые когда-то «принудительно» соревновались с нами, карагандинцами, в экономике, культуре), так вот жаль, что жители павлодарцы поголовно не выписывают нашу «Индустриалку». Они бы прозрели и – раз и навсегда! – прекратили поголовно выходить на свои «чистые пятницы», которые еще называют

«исаевскими пятницами» (по имени их первого секретаря обкома партии Б. В. Исаева, которого мы им подарили, чтоб не морочил нас разговорами за чистоту улиц и высокое качество изделий своего завода-знаменосца).

Впрочем, наши нынешние демократические власти, вопреки протесту нашей землячки, тоже взялись вытаскивать нас на субботники, только обозвав их как-то по-другому.

Ну? Видите, как я все по себя и про себя? Тогда пойдём дальше! Помните:

«Люди мира, на минуту встаньте!

Слушайте! Слушайте! Гудит со всех сторон!

Это раздаётся в Бухенвальде

Колокольный звон! Колокольный звон!»?

Когда-то мы ложились спать под душераздирающие звуки этой песни и вставали по утрам, взбудораженные до самых глубин, буквально трепеща под ее терзающий смысл: «Звон плывет, плывет над всей Землей!..»

Если опросить с полсотни карагандинцев: «Как вы относитесь к творчеству журналистки Колоколовой?» – вряд ли наберется с десятков тех, кто поймет, о ком, собственно, идет речь. *А я помню!*

Если задать уточняющий вопрос: «Что считает своей главной темой журналистка Е. Колоколова?» – и в этом случае информация вряд ли расширится.

А если спросить: «Как вы относитесь к тому, что Е. Колоколова избрала для себя заглавной темой историю Карлага?» – тут же последует ответ:

– Так это Екатерина Кузнецова о Карлаге все время пишет! Она не просто пишет – она десятилетиями бьет в набат: не забывайте Карлаг!

Кто-то мне сказал: «Обычно журналисты не любят становиться заложниками негативной темы. Пишут и о хорошем, и о плохом. Катя Кузнецова словно родилась для обличения. Она верхним чутьем улавливает то, из-за чего можно возмутиться, вскричать, что можно пригвоздить!»

Да, Кузнецова. А до 70-х лет в «Индустриальной Караганде» она публиковалась под девичьей фамилией – Колоколова. Но после трагической гибели супруга – известного карагандинского журналиста и поэта Николая Кузнецова – Екатерина Борисовна раз и навсегда заявила себя Кузнецовой. Уверен: для продолжения дела супруга и их журналистской династии; для увековечения памяти Николая. Его подло убили, но фамилия останется на страницах газеты. Ее суровая судьба, возможно, и является стимулом к тому, чтобы преимущественно говорить о чужих страданиях...

Меня, бывает, попрекают в нескромности. Заявляю не в первый раз:

– Я и не собираюсь умирать от скромности! Скорее всего, кончину мне обеспечит один из современных братцев-злодеев, то есть инфаркт или инсульт.

Потому позволю себе заявить, что почитаю себя сегодня *третьим* по значимости и популярности журналистом в Караганде!

– Почему? – спросите. – На каком основании?

А вот знайте!

Даже и восемь лет спустя после «прихлопа бастыковой рукой» живет в памяти земляков моя авторская радиопрограмма «Земляки». Это, во-первых. Пришли к читателю за эти годы десять моих книжек – во-вторых. И уж скромно не говорю о том, что *четырежды* достаивался журналистских премий республиканского уровня. Тем не менее безо всяких сомнений *впереди себя* ставлю Владимира Рыжкова, собкора «Казахстанской правды», и независимую теперь (поскольку, мы оба с ней на так называемом заслуженном отдыхе) журналистку Екатерину Борисовну Кузнецову.

И не потому вовсе ставлю их впереди себя, что *первый* по субординации намного выше нас: то он – первый замредактора «Индустриалки», то собкор самой «Правды», то республиканский собкор, а потому, что он самый, на мой

взгляд, глубокий аналитик и безукоризненный стилист; а *вторая* – по-моему, наиболее последовательна в избранном «репертуаре» – болевой для общества теме – злодейств в Карлаге; и острый автор газетных публикаций и книг.

Я потому их нумерую 1-й и 2-й цифрами, что мои визави обладают беспримерной *энергией слова*! Только и слышишь: «а вот Кузнецова написала!» или «А читали, что говорит Рыжков?» За энергию слова и завидную новаторственность в работе отдаю им первенство, не лишнее бы и мне самому!

Мне импонирует характер Екатерины Борисовны. Сам, жаль, не таков...

Я наблюдал её манеру держать собеседников на изрядной дистанции от себя. Дозорные её заостренной натуры всегда начеку! – не подпустят никого ближнего необходимого, кажется, даже без заметных волевых усилий хозяйки, – это мое наблюдение. И не только мое.

Я слышал, как она никогда не лезет в карман за словом. Тетива ее мыслительного лука всегда натянута. И стрела остроумного, а то и злого ответа немедленно найдет цель, если хозяйка только заподозрит недоброжелательность или просто напор по отношению к себе.

Мне кажется, она не боится, что категоричной или резкой репликой кого-то больно заденет или обидит. При малейшей попытке ограничить ее волю, мысль, настроение – она бьет. И всегда – наотмашь! «Размазывает», говорят.

Ежли ошибаюсь, ужо простите старика, Катерина Борисовна!

Я с уважением, а то и с восторгом отношусь к публикациям Кузнецовой в «Индустриалке», во «Взгляде». Она поднимает трепещущие темы – о нашем бескультурье, о произволе коммунальщиков. Читаю, прицокивая языком (*видите, я выполняю обещание: пишу исключительно о себе!*), и уж если сильно восхищусь, звоню автору – благодарю, поздравляю.

Вот, к примеру, фрагмент из ее статьи в газете «Взгляд» под «обалденным» названием «Баку – столица Атлантиды»:

«...Один подслушанный разговор, опрокидывающий в бездну:

- Книжки ты читаешь?

- Конечно.

- А что читаешь?

- Боевики разные...

- Где-нибудь, кроме Караганды, бывал?

- Не-а.

- А где Азербайджан знаешь?

- Не-а. Зачем мне? Я же юристом буду, а не географом.

Пока - студент, юристом будет. Правоведом, следователем, судьей, прокурором... не приведи бог!

Говорят, в гимназиях учат лучше, чем в обычных школах. Там, в гимназиях, дети отобранные, по конкурсу проходят. С ними можно идти на «опережение», больше дать - они возьмут. В школах - дети обычные, троечники, им - что давай, что не давай...

Да так ли? И из отличников нередко выходят заурядные доктора, и из троечников - очень хорошие инженеры. Дело не в том, изучали ли там, в школах-гимназиях, эти избранные дети риторику или валеологию, или химию-физику по особо сложной программе. Дело в другом. В чем?

Думаю в школе прежде всего ребенка надо научить учиться, «привить» его на самостоятельное добывание и потребление знаний. Потом, в вузе, «прививка» эта срabотает. И когда преподаватели вуза спросят студентов, что их больше заинтересовало в кругу изложенных проблем, ответом не будет мертвая тишина...»

Тема статьи злободневна. Слог превосходный. Язык - что надо!

Нет сомнения, публицист или журналист имеют право писать на любую тему, в положительном аспекте или критическом. Критерием правомерности их выступлений должна быть только истинность сообщаемых фактов, обдуманность делаемых выводов. Но когда Екатерина Борисовна бросается в бой за «историческую справедли-

вость», этот критерий, мне кажется, не всегда соблюдается. Или она не считает нужным его соблюдать.

Вот фрагмент из очерка «Свой в своего всегда попадет» (сборник «Куст карагана», Алматы, 1996, стр. 15):

«В аулах свирепствовали уполномоченные в кожанках, свято исполнявшие приказ партии: отнять все, до последнего стебелька, увести всю живность, до последнего ягненка. Под красными знаменами и лозунгами, написанными рукой кожаных комиссаров, ползли по степи телеги, груженные зерном, семенили стада, погоняемые новоявленными хозяевами жизни – так начинал свое победное шествие социализм по казахской степи...»

Зло, хлестко! А вот исторично ли?

Камзабай Букетов рассказывал как-то: «У моего отца, скотовода, было пять сыновей. Они тоже стали бы скотоводами – не больше. Но все пятеро получили высшее образование, а Евней Арстанович стал Академиком!»

На мой взгляд, это вот больше похоже на шествие социализма по казахской земле!

Я сам не переживал голода 33-го года, но вкусил его всем детским ртом в 39-м, в совхозе «Мартовский» Алтайского края. Мы всей семьей следили, когда соседка-казашка выкинет на помойку очистки от картофеля (у них семья была преогромнейшая, и картофеля, на наше счастье, требовалось много). Подбирали мы эти очистки, промывали и варили из них супец. А десертом мне, помню как сейчас, бывал кусочек жмыха, который моя мама, совхозная доярка, «занимала» у коровенок для голодного сыночка.

Только вот не помню я в те дни и в том местечке ни одного «кожаного комиссара», а голодных семей по соседству помню не одну.

И еще про «приказ партии»: «отнять все, до последнего стебелька»...

В июне 47-го, когда мы еще не отдышались от голодного 46-го, попал я, 10-летний кулундинский мальчик, в Горный Алтай – в детский костно-туберкулезный санато-

рий «Чемал». В нем несколько лет лечились дети блокадного Ленинграда, а теперь к ним стали подселять и нас, алтайцев. И хотя вся страна боролась с невероятными военными разрушениями и последствиями минувшего послевоенного голода, нас, 120 скрюченных болезнью мальчишек и девчонок, кормили и лечили согласно всем требованиям исцеления от туберкулеза. (Сейчас, простите, так же?) Мы даже умудрялись приторговывать пышными санаторскими булочками (через окно палаты) с местными жителями... Все это я описал в повести «Босоногие», которую читали и одобрили карагандинский агроном Анатолий Курепин и популярный московский писатель и артист Валерий Золотухин, лежавшие в те годы со мной в Д.К.Т.С. И это наше лечение-обучение в течение многих лет именно партия приказала делать. Не та ли, что упоминается писательницей Е. Кузнецовой?

*«Звон плывет, плывет над всей землею,
и гудит взволнованно эфир...»*

Раны не могут зиять вечно! Это опасно для живого. Раны должны заживать и заживут, если их не беречь беспрерывно! Не потому ли стал редко звучать бухенвальдский «колокольный звон»?

Но Страдавших в Гулаге, Сгинувших в Карлаге не даёт – и не даст? – забыть *Екатеринин набат...*

Ноябрь 2004 г.

Дмитрий Чиров:

«На судьбу я не жалуюсь!»

Защитник спецпереселенцев

Наша государственная культура получила очередную звонкую оплеуху: в австрийском городе Граце в переводе с русского языка на немецкий вышла книга карагандинца Дмитрия Чирова «Средь без вести пропавших». Это рас-

сказ о тех фронтовиках, кто был пленен в боях Великой Отечественной. Публиковать его австрийцам оказалось нужнее, чем нам. Ну почему, а?

К слову, и у великого соседа – в России – не равнодушны к творчеству карагандинца: в журнале «Волга» регулярно печатают его очерки о жизни спецпереселенцев в Казахстане, в приморском городе Калач ставят его пьесу.

У нас же Дмитрий Трофимович сегодня менше востребован. Если вообще востребован, коль говорить по большому счету.

В августе 96-го года в программу «Земляки» обратилась «враг народа» (в пятилетнем возрасте была названа таковой) Мария Хилова из Темиртау:

– Расскажите о Дмитрие Чирове! Он второй после Солженицына, кто осмелился заговорить о жизни репрессированных. И стал бескорыстным защитником спецпереселенцев.

В тот же день магнитофон программы «Земляки» писал взволнованный рассказ 75-летнего подвижника...

– Я сам спецпереселенцем не был! Я сюда к отцу приехал. А с отцом такая штука случилась. В 31-м году в Щапове под Уральском он не захотел вступать в колхоз и уехал работать в город. Между прочим, со справкой, что оставил свое хозяйство и скотину колхозу и права голоса не лишен... А через год ночью пришел к нему сотрудник ОГПУ... И после трех месяцев допросов более двух тысяч таких «виноватых» были отправлены на пять лет в Караганду... А меня поместили в детдом. Года через два у нас на Урале стало голодно, отец и уговорил меня приехать к нему. Потом и здесь был голод. И тысяч двести детей переселенцев погибли в том страшном 33-м...

...Судьба щедро раскрашивала яркими мазками жизнь Дмитрия Чирова. Семилетку в Караганде он закончил с отличием... Педагогические курсы в Уральске – тоже с отличием... В семнадцать лет стал учителем, причем в бывшей станции Лбищенской, где погиб Чапаев... Успел два года прослужить в Красной Армии и лишь три месяца – повое-

вать. Пятая армия генерала Потапова под Черниговом была разбита, в плен попал не только солдат Чиров, но и тысячи бойцов, и сам командарм...

Извивы судьбы случались и дальше: попал Чиров в «лагерь смерти» в Силезии, но не погиб, как 100000 его горемычных коллег, а был переведен в один из лагерей Австрии: «Люди там оказались другие, мягче. И жизнь человечнее, что ли!»

Бог и дальше «метил» Чирова: после австрийского лагеря он попал в запасной полк, а не... в районы Магадана. В лагере оказались наши контрразведчики, и они знали, кто там был кто...

В 47-м уральский голод вновь погнал Дмитрия в Караганду, где в тот год уродилась картошка. Бывший солдат к тому времени закончил пединститут, стал крепким педагогом; дети и школа стали его жизнью. Преподавал в 25-й школе и в пединституте.

– На судьбу я не жалею! – восклицает Дмитрий Трофимович. – Хорошая пенсия, да еще подрабатываю в университете. И счастлив тем, что меня знают хорошие люди. От друзей в Австрии нет-нет получаю подарки: они супругу мою помогли вылечить. Мой выпускной класс 53-го года часто собирается, кто жив... вот и нынче съезжались – из Москвы, Омска... А мечта? Хочу все-таки издать 12-томную книгу «Всего одна жизнь». И памятник умершим спецпереселенцам поставить! Трудом своим и мучениями они заслужили это!

– Что же вас, Дмитрий Трофимович, подвигло заняться именно спецпереселенцами?

– Желание устранить несправедливость. После культа личности были реабилитированы жертвы 30-х годов. А о спецпереселенцах, о раскулаченных ничего не сказали, будто их и не было! А они, в большинстве своем неграмотные, не могли о себе сказать! Вот и выступил я в 88-м году со статьей «Посмотри истории в глаза!» Потом была спецпереселенческая быль «За что?» в нашей «Индустриалке» и «Искушение невиновности» в журнале «Волга».

...Еще семь лет назад у Чирова была готова к печати рукопись 12-томного труда. Оставалось найти издателя...

Одич том издали австрийцы. А остальные?

«Мне не нужен гонорар! – восклицает Дмитрий Трофимович. – Пусть деньги от издания пойдут на памятник погибшим переселенцам!»

Памятник, говорят, тоже готов. Осталось найти... место. И поставить.

Может, нам и в этом должны помочь австрийцы?

Август 2003 г.

Сегодняшний комментарий

Сегодня Дмитрий Трофимович Чиров, слава Богу, жив и здоров. В октябре у него случилось важное событие: из Австрии к ветерану приехали гости – потомки того фермера, у которого советский военнопленный батрачил до самой Победы и возвращения на Родину, – внучка Кристина с мужем Вальтером и переводчицей Мартой.

Гости проявили неистовый интерес к нашей жизни: совершили экскурс по Караганде, посетили православный храм, где служил святой отец Севастьян, побывали в столице Казахстана – Астане, встретились с «биографами» Дмитрия Трофимовича – поэтом Еленой Зейферт и автором программы «Земляки». Встреча была весьма приятной, потому что гости оказались весьма душевными, и потому что порадовались мы за земляка – руководство области и города пообещало оказать помощь в публикации его книг дома – и что изданная в Австрии книга его оказалась полиграфическим шедевром. Для меня, например, издание такого качества хоть бы одной книги – несбыточная мечта!

У меня в гостях случился и казус. По собственной инициативе в нашу компанию влился один из вузовских преподавателей (назовем его «господин К.»), и *растащило* его на безудержные похвалы Германии и Австрии, их экономики и нравов. Вопреки поэту, у него выходило подобострастное: «Мы – увы! А вы – умы!» Чтобы остудить восторженную го-

рячность земляка, пришлось соотнести для гостей параметры Австрии и Казахстана:

– Вы, конечно, славны Моцартом и Штраусами, а мы... По численности населения «великая Австрия» уступает «азиатскому Казахстану» в два раза, по территории – в... 32! На один квадратный километр в Австрии приходится 22 жителя, а в Казахстане *на каждого жителя* приходится по 122 квадратных километра! У нас в кладовых Земли заложена вся «таблица Менделеева», вам в этом плане от Бога досталось меньше, так что... – гости с удовлетворением слушали эту «арифметику», восхищенно кивали головами, а когда я закончил «справку» словами: – Так что, дорогие гости, и вам есть чем восхититься у нас, как это делает мой коллега, говоря о вас! – они заплодировали. А господин К., мне показалось, и не подумал усомниться в своих симпатиях...

Ноябрь 2004 г.

Павел Шумкин:
«А мы сами какие?»

Последний оппозиционер

Из карагандинских оппозиционеров-забастовщиков Павел Александрович Шумкин оказался самым несшибаемым. Одни «закрыли уста на замок», другие махнули за рубежи. Павел по-прежнему в седле и – в строю защищаемых им шахтеров.

Но однажды его все-таки сшибли! Правда, в виде радиопередачи.

Сначала Д. П. Телегин, который за кресло главного редактора областного радио боялся, кажется, больше, чем даже за саму жизнь, запретил программу «Земляки» о лидере независимых горняцких профсоюзов, а потом и новый председатель телерадиокомпании С. Байдалы, слышавший демократом, отверг мои призывы выпустить «Шумкина» в эфир.

Так и остался Павел Шумкин «невыпускным». В каталоге «Земляков» эта программа значится, а в эфире она не звучала. Но я бережно храню кассету и при случае с удовольствием прокручу желающим ее послушать.

Кому-то, может, захочется обвинить меня в приятельских отношениях с Шумкиным, если я так упорно воюю за него. Нет! Ни с одним из лидеров забастовок у меня не было и намека на дружбу, а с Шумкиным с первого дня установилась даже вражда. Я об этом не раз заявлял и в разговорах, и в репортажах с «забастовочных» мероприятий. Он мне платил той же монетой.

Это было, пока забастовщики шумели и «гудели». Но недавно за ними оказалось Дело.

Трое неравнодушных к шахтерской судьбе, а именно П. Шумкин, Н. Глюздин и П. Пастухов, семь лет по крупицам собирали сведения и издали «Книгу памяти погибшим горнякам Караганды».

Такого пока не было ни в СССР, ни в США, ни в других странах. И сделана была работа практически без помощи властей и общественных организаций. Что называется, в порядке «коммунистического субботника».

Когда «Книга памяти» оказалась у меня, я ошалел от огромности выполненной работы и непреходящего ее значения. Товарищи вывели не вернувшихся из-под земли трудяг на уровень воинов, погибших в Великой Отечественной! Чувства распирали меня, когда буквально глотал строчки этой книги и писал рвущуюся из сердца рецензию – «Это надо живым!»

Павел Шумкин пришел по первому зову. Большой, остроугольный, словно вырубленный из ствола старого дерева. Молча прочел пару страничек и молча пожал мне руку.

Но мы тут же сцепились с ним из-за моих замечаний по книге.

В ней, утверждал я, много ненужных повторений... Павел видит в этом «задумку» – показать естественность писем родных и близких погибших горняков.

Книге не хватает системности в расположении материала, наступал я... Павел видит в этом ее прелесть. Ему вообще не нравится гладкость.

Книге не помешает более последовательная документальность: по каждой шахте имеется список погибших и рядом – письма родственников о некоторых из них. Но вдруг оказывается, что тех, о ком говорят письма, нет в списках. Начинаешь растерянно соображать: может, он не с этой шахты?..

Но переубедить Шумкина практически невозможно! Его упёртость, видимо, не столько мужское качество, сколь шахтерское. Зачем его ломать?

С этой перепалки начался новый этап в отношениях между мной и «оппозиционером». Написав что-нибудь спорное, я стал призывать Павла Александровича в качестве оппонента. И с каждой новой встречей все нужнее и нужнее становится следующая. Его мнения всегда четки и конкретны – без слюней. А что по-шахтерски резки, так это мы потерпим!

Шумкин не оспаривает присвоенного мной звания «оппозиционера», но эдак негромко – то ли припоминая, то ли размышляя, раскрываться ли, – сообщает, что сегодня он не практик, а, скорее, теоретик. На международной конференции горняков в Польше выступил с докладом о безопасности труда в подземных работах; корпееет над сценарием документального фильма – опять же о безопасности шахтеров; пишет в Интернете...

Словом, дел у «оппозиционера» хватает.

А необычная его мягкость в действиях – отчего? Поумнел? Разочаровался в «другах забав и игрищ»?

Ответа я не знаю.

«Душа – бумеранг», сентябрь 2003 г.

Сегодняшний комментарий:

«Пишет в Интернете...» А ведь это сегодня, пожалуй, главное содержание жизни П. А. Шумкина. Виртуальная газета «Навигатор» и частная газета «Общее дело» охотно и регулярно публикуют его статьи – как правило, разработа-

тывающие какую-либо актуальную проблему (безопасность шахтерского труда, нищенское положение ветеранов труда и пенсионеров, общественные движения), резкие по тону и острые по языку.

Можно смело сказать, что у Шумкина как публициста есть свой *слог*, без чего немыслима сама принадлежность человека к клану пишущих. Этот слог отличается образностью, компактностью, остротой, если не сказать, сарказмом. Если быть точным, просто *злостью*, порой не сдерживаемой никакими требованиями журналистской этики.

Для примера достаточно сослаться на статью о ходе парламентской предвыборной кампании в Караганде **«Сезон изжоги» (О позиции оппозиции)**. Я нарочно выделяю название статьи и подзаголовки ее, чтобы показать читателю *игру слога* по-шумкински. Тут и аллитерация, тут и каламбур!

А вот типичные его определения предвыборных действующих лиц:

– сами выборы: *«истерия скакунов за народным счастьем», «уксусный дух»,*

– кандидаты в депутаты: *«они желают, чтобы власть немного потеснилась... ну хоть немного потеснилась, а лучше вообще исчезла бы из тонированных дворцов... чтобы на нее можно было свалить бывшие и будущие проколы своего желанного руления страной»; их речи: «трели соловьев из казенной или «оппозиционной» клетки»,*

– манера их поведения в ходе предвыборной борьбы: *«горячечный наскок на граждан», «так ведут себя суетливые подростки, гонимые гормонами»,*

– группы поддержки: *«оплаченные рекруты», которым приказано за 50 баксов: «проникнуться любовью к кандидату и его «светлым» и «актуальным» лозунгам, изложенным в глянцево-книжечках», «штурмовые отряды для атаки земляков»,*

– избиратели: *«объект нынешнего одноразового внимания», «зазевавшийся у подъездов народ», «они еще не определились в классической дилемме, что лучше: честный и глупый или умный, но подлец».*

Тон, настрой и стиль цитируемой статьи наверняка вызвали бы у меня и её резкое отторжение, и даже брезгливость по отношению к автору, но тем и симпатичен мне Павел Шумкин, как независимый журналист, что, издеваясь над сущими характерами и явлениями, он видит то, что считает нужным народу Казахстана в будущих избранниках и даже идеальным: «...Чтобы каждый из них был штучным, качественным товаром – духовно целостным, морально выдержанным, интеллектуально богатым, психически здоровым».

А я, знаете, тоже за таких избранников!

Ноябрь 2004 г.

Мой редактор

1

Надо мной за полвека творческой работы было много редакторов. Так много, что я в сомнениях, чем больше мне гордиться: *обилием* их или *разнообразием*.

На Алтае в районной газете с поэтическим названием «Дело Октября» Семен Гусев, мудрец и алкаш, учил меня основательности в работе над словом и... питию, закусывая не спеша; его «сменщик» Николай Григорьев, чиновник и «нарцисс», наставлял наперед всего ориентироваться в работе на знаменательные даты; а его «сменщик» Константин Кинелев, поэт и романтик, радовался обязательности и легкости моей на подъем; первая моя телешефиня в Барнауле, Александра Урусова, коммунист до мозга костей и бесконечно одинокий человек, неопишимо жучила меня (как и весь десяток своих подчиненных) за качество первых сценариев и немало их отправила «в корзину», но когда я оказался в больнице, ежедневно, мучаясь одышкой, возносила на третий этаж свое могучее тело, отягощенное еще и увесистыми «тормозками» для меня, а когда я все же написал что-то стоящее, прослезилась над моими страницами.

Период работы на ТВ и радио в Караганде тоже интересен «самобытностью» моих шефов: Вера Колабаева, почти не писавшая сценариев сама и в правке моих работ обходившаяся исключительно «галочками» на полях, была неистощима на подбрасывание тем и героев (один из них, к слову, позже попал даже под расстрел по «меховому делу»); Федор Кузовков, главный на облрадио, сам делавший программы «Партийная жизнь», «Советы и жизнь», и от подчиненных требовал партийной принципиальности и точности, дважды он «зарубил» мои передачи только потому, что «так никто не пишет»; сменивший его Дмитрий Зинчук, «Димитрий многомудрый», как я его окрестил, оказался докой в официальном протоколе, знатоком областной номенклатуры, и от подчиненных требовал предельной точности в освещении жизни области и поименовании должностных фигур; сменивший его Бахытжан Мукушев, живчик в жизни и генератор идей в работе (еще недавно – лучший, на мой взгляд, молодежный журналист радио, а после успешного окончания ВПШ – лучший завсектором печати обкома партии... ВПШ – это не хухры-мухры. Помните, у Высоцкого: «То ли стать мне Президентом США, то ли взять да и окончить ВПШ?»), буквально вытягивал из тебя что-нибудь новое или, как минимум, поновей; сам при этом в погоне за новизной грешил авантюризмом, потому и стал мне в конце концов гонителем. Правда, позже – и другом.

О двух последних «шефах» с подробностями, именами-фамилиями говорить не хочется: один (с задраным вверх подбородком, аки «многогордый») все время оглядывался: «а что скажет княгиня Марья Алексевна», а другой все выглядывал... не несет ли кто заветную «фляжку».

Творческого проку от этих двоих практически не было. Думаю, не только мне, но и никому, хотя начальствовали они, бывало, во всяких СМИ.

Зато весь карагандинский период (а это 33 года!) был надо мною и во мне *Редактор* не административный, а *избранный* моей душой, умом и сердцем.

Имя *Моего Редактора* Яков Лазаревич Розенберг.
 Ветеран областного радио, собственный корреспондент Казрадио.

По характеру, манере поведения и тону речи он, мне кажется, был истинным Ментором. Именно с большой буквы – Учителем, Наставником.

С первых встреч мне от него изрядно доставалось.

Случилось как-то непредвиденное обильное застолье. Я поверил знаменитому бригадиру-проходчику Федоруку, знаменосцу и орденосцу, что шахтеры – народ малопьющий. «Я так вообще не пью», – уверенно сказал Василий Иванович. И в доказательство перед поездкой к знаменитому звеньевому Евгению Белайцу (на годовщину сыночка) предложил принять «по 50 граммов». «Пятьдесят» эти под умную беседу улетели легко-легонько, так что, вставая из-за стола, Василий спросил: «Может, не будем оставлять на донышке?»

А у звеньевского оказались полны и изба и ванна... В избе – вся бригада проходчиков с женами и чадами, а в белоснежной ванне до краев – бутылки «Пшеничной», «Столичной» и пр. Изобилие это, конечно, за «вечерок» с обеда до ночи было сведено на нет, но помню, что, уходя из гостей за полночь, мы с Васей заглянули в «ванную-бар» и обнаружили стоящую на ее дне одну-единственную «Пшеничную»: «О! – воскликнул Вася, – «на посошок» есть!»

Ну а затем я, естественно, заблукал в городе, куда переехал какой-то месяц назад, и обратился с вопросом «Скажите, где остановка такси?» к проходившей мимо солидной паре карагандинцев. В ответ последовало неожиданное: «Вы с телевидения? Литвинов?» У меня хватило ума ответить хитроумно: «Нет, мне нужна остановка...»

Гостеприимные горожане, конечно, вывели меня на дорогу. Но утром, случайно заскочив в кабинет редактора «Новостей» Валерия Яковлевича Розенберга, я столкнулся носом к носу с ночным «проводжатым» и на сей раз вместо вопроса «Вы – Литвинов?» получил следующее:

– Вам, молодой человек, не надо бы начинать свою деятельность здесь со вчерашних упражнений. Чревато!

По тому, как по-хозяйски чувствовал себя этот импозантный мужчина в кабинете Валерия, я сообразил, что урок мне преподает сам Яков Лазаревич Розенберг, маститый журналист Караганды и Казахстана. Помнится, я буркнул что-то вроде: «Извините, форс-мажор...»

Вторая «заноза» случилась вскоре. Опять беспечно ворвавшись к Валерию, я с ходу выдал только что услышанный смешной анекдот, конечно, с картинками. Но смеха Валерия не последовало, зато из-за моей спины прозвучал колоритный баритон с нотками категоричности:

– Я попросил бы вас, молодой человек, в присутствии моего сына не демонстрировать свое пристрастие к похабщине!

Я успел подумать: «Эка беда, вольность при двух 30-летних мужиках и одном 50-летнем...», но только извинился. Краска стыда коснулась моих щек даже сейчас, когда я пишу эти строки.

Резкие эскапады по моему адресу, наверное, вызваны были складом его характера. У меня сложилось впечатление, что главная его эмоция – солидный вид в окружающей среде. Когда вижу на экране знаменитого «графа», великого актера кино Пороховщикова с его импозантностью, вмиг вспоминается Яков Лазаревич: одинаковые манеры!

3

Сколько знаю, он никогда и никуда не опаздывал.

«Он за всю жизнь даже носового платка не потерял! Настолько был аккуратен...» – добавил Михаил, сын журналиста, прослушав эти строки.

Не числилось за ним и ни единого не выполненного обещания или даже просто сказанного слова.

У меня была масса возможностей убедиться в этих наблюдениях.

На редакцию молодежных телепередач («Юность»), возглавить которую меня пригласили с Алтайского ТВ, была возложена обязанность освещать и все спортивные состязания. А лучшим спорткомментатором в Караганде, как оказалось, слывет Я. Л. Розенберг.

И ни разу Яков Лазаревич не подвел нашу редакцию опозданием ли, «прогулом», какой-то ошибкой или еще чем-то.

В репортажах его не было бушующего азарта, не было крика.

Они были интеллигентны. И *вкусны*.

На его фоне два других наших комментатора смотрелись как-то... провинциально что ли, хотя и звучали с накалом.

(С тоской думаешь, как жаль, что нет теперь репортажей с местных футбольных и хоккейных баталий по ТВ! Только репортажи... с заседаний и совещаний).

Мной руководило не так любопытство, сколько профессиональный интерес, когда я прислушивался к информации и радиорепортажам Якова Розенберга, звучавшим на алма-атинской волне. Они были так насыщены мыслью и фактами, так широки по своей географии и тематике, что казались многообъемными. Каково же было мое изумление, когда на бумаге я увидел длину многих его информационных сообщений... – в 7, в крайнем случае – в 10 строчек!

Нередко звучали и продолжительные его репортажи – с богатой информацией, обоснованными рассуждениями, четкими обобщениями. Но и они имели классическую ограниченность – от 4 до 7 минут!

Кстати, как-то и мне надо было сделать такое: со Всесоюзного радио – из Москвы! – заказали мне два радиоочерка... продолжительностью в 4 минуты. Но как я ни пытался, у меня не выходило меньше 6 минут. Спасибо, они там сами сократили, – и получилось «нич-а-а»!

Вспоминаю просмотры сюжетов (не самостоятельных репортажей, а именно новостных сюжетов) сегодняшней программы «Сары-Арка» Карагандинского ТВ: чуть ли не все они – по 5 минут *вязкой словесной каши*, без какого-

либо намек на размышления или обобщения. Или программы областного радио: *30 минут пустословия* и практически – без монтажа пауз, посторонних звуков и пр.

Будто и не у кого учиться нынешним «агитаторам-горланам»!

4

По зачину моей зарисовки можно подумать, что Яков Лазаревич Розенберг был со мною чопорен и привередлив. Ничего подобного!

Все шестнадцать лет, что довелось мне делать «Последние известия» областного радио, мастер нет-нет да и заглядывал ко мне. Иной раз «подкинет» что-нибудь из новостей, иной раз моей информацией вооружится. А проглядывая мои сюжеты, проворчит, бывало: «*Же*», «*уже*»... Эк, сколько «*ужей*» по страницам у тебя ползает...» Я не вспылывал, как некоторые коллеги: «не надо меня учить!» Мотал на ус советы и говорил «спасибо».

Однажды Яков Лазаревич взял меня с собой в командировку. Хоть за моими плечами был добрый десяток лет работы в газетах, на ТВ и радио, не грех было поучиться у мастера. Побывали мы на Казахстанской Магнитке, в каком-то из попутных совхозов. Яков Лазаревич беседовал с руководителями, записывал интервью рабочих, а я просто наблюдал, слушал.

Сразу бросалось в глаза, что собкор Казрадио преотлично *владеет темами* беседы – и в металлургии, и в сельском хозяйстве. Это зримо проявлялось в точности и четкой направленности его вопросов. Мне думалось: «Какую ж работу надо делать над собой, чтобы, не имея высшего образования, быть столь грамотным!»

Беря интервью, Яков Лазаревич был немногословен. Слушает и слушает собеседников да одобрительно поддакивает, чем говорит сам.

Когда возвращались домой, мы оба молчали, а если заговаривали, то о чем-нибудь совершенно не касающемся состоявшихся встреч. Якову Лазаревичу, полагаю, и в голову не приходило спросить «ученика», «словил» ли он

что-нибудь полезное для себя, а я тихо-тихо «переваривал» то, что увидел и услышал.

С какой моментальностью Я. Л. Розенберг реагировал поперву на мои проколы, с такой же решительностью впоследствии не раз вставал на мою защиту. Однажды на партийном собрании всерьез заговорили о необходимости завести «персональное дело Литвинова»: то сей коммунист удосужится партвзносы передать секретарю через жену, то на собрание опоздает, теперь на «Правду» подписаться отказывается. «Стыдно слышать его оправдания тем, что он, видите ли, покупает «Правду» каждое утро в киоске!..» – шумел парторг, отстаивая запланированный на очередное заседание партбюро вопрос. И тут решительно поднялся ветеран партии Розенберг:

– Что мы все время треплем имя Литвинова? Стыдно! Человек делает важное дело. Хорошо, могу сказать, делает... А мы его дергаем... А что не всегда он всюду поспевает, так «Последние известия» – это такая работа... Кто не знает, попробуйте! Вместо «персональных дел» давайте лучше пожелаем Владимиру Ивановичу успехов. Это будет полезнее.

Жалею, что это выступление Я. Л. Розенберга я не слышал, не было меня на том собрании. Но речь его решительную мне передали, и мне ее не забыть.

К слову сказать, кое-кто из сослуживцев корил меня за излишнюю прямоту, щепетильную принципиальность, чрезмерную требовательность к качеству журналистского слова и прочие такие «грехи». Ничего не поделает мне, друзья, с собою! Мой собственный багаж в этом плане пополнился еще и щедрыми дарами Моего Редактора – Якова Лазаревича Розенберга, ушедшего от нас в полной творческой силе и с глубокими планами.

Душевное ему спасибо и – вечная память!

Я. Л. Розенберг (16.11.1915 г. – 7.08.1983 г.) родился в городе Днепродзержинске. Трудовую жизнь начал заводским слесарем-сборщиком. С началом войны он – доброволец народного ополчения, но выбывает из боевых рядов после тяжкого ранения под бомбежкой.

В 41-м году семья Якова Розенберга, пополнившаяся к этому времени двумя сыновьями – Михаилом и Валерием, эвакуировалась в казахстанский город Атбасар. Яков здесь всю войну трудился первым секретарем райкома комсомола. В 1948 г. началась карагандинская биография Розенбергов. Яков Лазаревич становится сотрудником областного радио. Спустя одиннадцать лет способного репортера приглашают на должность собственного корреспондента Казрадио по Карагандинской области. Микрофон собкора Республики Я. Л. Розенберг выпустил из рук лишь с кончиной. В ноябре 2005 года Караганда отметит 90-летие своего беззаветного певца? А?

Вряд ли! Областное-то радио опять закрыли...

Январь 2005 г.

Незавершённые портреты

Начиная книгу о земляках, я намечал рассказать о многих ветеранах карагандинской журналистики, с которыми меня столкнула судьба, о ком имею собственное мнение и располагаю необходимым для наброски портрета материалом. К сожалению, не все получилось.

1

Хотелось рассказать о режиссере студии телевидения **Юрии Спиридонове**. Этот уникальный талант умудрялся между служебными обязанностями и «приобщением к стакану» писать потрясающие по силе фельетоны. Смело скажу, что так остро, так зубодробительно фельетоны в Караганде никто больше писать не умел! Помню, с каким восторгом в «Правде» («Правда» тогда – это, я вам скажу, ой какой уровень!) я прочитал его фельетон «Истцы и дети». Тема понятна? Спиридонова охотно печатал и несравненный «Крокодил». Кажется, там я прочитал Юрин фельетон «...енская ...ежда». Это – о поломанных рекламах и витринах. Потрясающими были и «Джентльмены у... дачи!» Где сейчас Юра, не знаю.

Вера Галактионова засветилась сначала рассказом в журнале «Юность». А работать начинала в «Индустриальной Караганде». Ее статьи, очерки по стилю больше бы подходили «Комсомольской правде» – без бюрократической лексики, без казенных оборотов, мягкие, лиричные или остро отточенные. Немудрено: Вера закончила факультет прозы Литературного института им. Горького. А ушла она из «Индустриалки», говорят, из-за несоответствия по образованию. Правда, ее тут же взяла в свои собкоры «Казахстанская правда». И печатала там Вера весьма интересные материалы. *Интересные!* Именно в этом слабы наши сегодняшние журналисты. Сейчас Вера Галактионова – известная в России писательница, издала в Москве семь книг.

Виктора Рачкова я узнал сначала как работника отдела агитации и пропаганды обкома партии. Он часто заносил в «Последние известия» облрадио разного рода информации о воинах-интернационалистах. Точные и интересные. Виктор, тихий, не шумливый, выглядел печальным. Не помню, видел ли я улыбку на его лице... Журналистское Имя он сделал себе острыми критическими статьями, громившими бюрократов и мздоимцев. Судьба его оказалась трагичной: поздним вечером погиб под колесами автомобиля. До сих пор никто не знает, был ли это несчастный случай или убийство.

2

«За роялем... тоже еврей»

«Добросовестность и трудолюбие, неизменная чуткость к людям, умение доводить начатое дело... были характерными чертами журналиста», – так сухо и стандартно писалось в некрологе **Льву Иосифовичу Дикельбойму** 19 ноября 1974 года. Сегодня 30-летний печальный юбилей коллеги...

А друзьям Лев Иосифович запомнился совершенно иным!

Стоило мне приземлиться в кабинете молодежной редакции студии ТВ, как вошел, будто только и ждал меня, метеорный, сухонький, с улыбкой на тонких губах мужичок, протянул тонкую руку:

– Будем знакомы! Лев Иосифович.

Сел у стенки через стул от меня и принялся перебрасывать взгляд с меня на экран телевизора и опять – на меня. «До всего равнодушный...» – подумалось мне.

– Не знаете, что за ансамбль танцует? – спросил я для оживления.

– Марокканский... или кубинский, – дернул он плечиком, – но за роялем... кажется, тоже еврей! – и бисерно рассмеялся.

Оказалось потом, что его ко мне потянула родственность душ: тоже работал в молодежной прессе – девять лет отдал «Комсомольцу Караганды». Так что «трудолюбие, неизменная чуткость» не главное в нем. Кажется, сказочник Бажов первым увидел «живинку в деле» – это о Дикельбойме! В комсомольской прессе не держали «сухарей», впрочем, в отделах писем трудящихся – тоже. А Лев Иосифович как раз и работал старшим редактором отдела писем и изучения общественного мнения Карагандинской студии ТВ.

Это сейчас ничего не обозначает: «отдел писем». А тогда... «карагандинцы гордились своим телевидением, млели у голубых экранов и, спеша на работу, успевали спросить у каждого встречного: «А вы слышали, что сказала сегодня наша Светочка?»

Это я цитирую из своей «трилогии» телеобзоров под названием «Взгляд с позиций «бороды»... Дальше там:

«Светлана Тарасова на карагандинских голубых экранах смотрелась как Мериллин Монро, – яркая блондинка с лучистыми глазами, сочными губами, белоснежной улыбкой и неправдоподобной способностью обаятельно беседовать с телезрителем. Она притягивала к экранам людей так, словно впорхнула к ним на кухню вместе с телевизором и сидит вот тут, напротив, потягивая чаёк и перекидываясь с вами дружескими репликами.

Но была она и притягивающе-ласкающей, и безжалостно-карающей. Когда звучала «Почта голубого экрана», которую готовил неподражаемый журналист-ветеран Лев Дикельбойм, у разного ранга бастыков и мысли не появлялось удирать от телевизоров под видом «мне так некогда!», напротив, они, как кролики перед удавом, замирали у экранов, ловя каждое слово критики, каждую ноту белокурой красавицы. И частенько вставали от экрана в поту...»

Народ карагандинский валом валил в ту редакцию – и ногами, и письмами. Помню, как от души мы порадовались за Льва Иосифовича Дикельбойма, когда журнал «Телевидение и радиовещание СССР» опубликовал большую его статью о работе с письмами телезрителей. Объем «почты» голубого экрана Караганды – 17.740 писем в квартал – поражал даже самых «упёртых» скептиков!

Через несколько месяцев мне удалось «достать» Льва Иосифовича: в августе 1974 года (при содействии нашего шефа и аксакала Калия Аманбаева) этот же наш профессиональный журнал опубликовал и мою статью о работе телеклубов «Смена», «Интеграл» и «Диапазон» (для подростков, студентов и молодых рабочих). Тот номер журнала вместе с приятной новостью принес мне в редакцию именно Лев Иосифович.

Такая вот была в те годы в Караганде журналистика.

Умер Дикельбойм рано, на 53-м году (трагическая гибель сына-солдата, талантливейшего математика, подкосила его).

Не могу я и сегодня с его смертью смириться: Лев Иосифович был для меня энциклопедией по Караганде и неким стимулом оптимизма.

Через два года мне пришлось возглавить редакцию Дикельбойма. С большим натягом делал я «Почту голубого экрана» и как жалел, что нет уже Льва Иосифовича – некому надрать мне уши за некультипистую работу! Это был, кажется, самый позорный эпизод в моей журналист-

ской жизни, хотя и удалось помочь встать на ноги обезноженному Володе Деркачу – благодаря «Почте» выучился он на классного часового мастера...

3

«Грозенберг»

Валерий Розенберг (теперь-то, конечно, Валерий Яковлевич, поскольку в изрядных годах мы!) на полном серьезе говорил мне, что считает Льва Дикельбойма своим учителем в информации. И приводил поучительный пример из их практики:

– Звонит мне как-то среди ночи Лёва... И радостно сообщает, что на кондитерской фабрике сегодня («Сегодня!») Чего еще надо репортеру?) – запущена новая автоматическая линия высокой производительности. Я, как был в нижнем, уселся за стол и накатал единым духом горячую, дышащую свежестью Информацию! Утром отпечатал её и выложил перед собой как символ удачи дня! Вдруг опять звонит Лёва:

– Валер, я забыл сказать, какие изделия...

– Конфеты, наверное, или...

– Записывай! «На новой линии намечено освоить выпуск новейшего вида продукции – батончиков из говнеца». Ха!

А через пять минут заходит, сверкая глазами и зубами:

– Ну, ты понял, что все поступающие новости надо *про-* и *перепроверять*? Понял: *про-* и *пере-*! Даже друга перепроверяй!

Словом, крепко проучил меня мастер Дикельбойм...

...Мне тоже на полном серьезе надо объявить, что я учился собиранию и изложению новостей у Розенбергов – отца и сына!

По натуре своей мне тогда легче было написать сценарий получасового телеочерка, чем десятистрочное сообщение! А приходилось их писать постоянно, ибо директор телестудии Евгений Лукич Пелещук приказал безоговорочно: *всем редакторам из командировок привозить,*

как минимум, 1-2 информации для «Новостей»! Я их, бывало, привозил и по 5-6, но вот написать... Как выражаются мои соплеменники – «сто чортив тобі в рэбра!» От моего «мастерства» (а я ведь не новичком приехал из Барнаула – «зубром»; новостями тоже приходилось там заниматься!) Валерий сначала чертыхался, потом смеялся и нещадно правил мои шедевры. Ну а потом, естественно, начал похваливать.

Я частенько посиживал у него в кабинете; вроде бы отдыхал, а на самом деле приглядывался, ведь у него была особая манера готовить выпуск «События и люди». Казалось, ему и не надо было звонить по телефону, чтоб собрать новости – звонил ему *весь город!* То на шахту «Северную» досрочный Новый год пришел... То «жилстроевцы» еще пять домов сдают... То кондитерам очередное знамя вручают... Валерий вроде бы только и делал, что, черкнув несколько слов в блокнот, вдруг жадной рысью накидывался на бумагу, насупясь кустистыми бровями и нещадно дымя сигаретой, набрасывал десяток строчек и – укладывал очередной листок в лесенку перед собой, как бы поднимаясь по этой лесенке вверх... У него не только для сбора информации было немислимое число друзей! Он словно примагничивал *Личности* к себе: помню, именно у него познакомился с режиссером из Москвы Владимиром Шамшуриным, писателем Владленом Берденниковым и журналистом Сергеем Подгорбунским – из Алма-Аты. А местными своими «находками» он охотно делился со мной: буквально за ручку привел в «Юность» барда Виктора Баранова, студентку Милу Ведерник, создавшую Клуб интернациональной дружбы.

Он признавал только один вид отношения к работе – работу «без балды». «События и люди» его, как правило, определялись в разряд лучших передач недели. А сатирический выпуск «Колючий экран» (в основном о мздоимцах) настолько точно бил по целям, что его сначала «обрезали», а потом вообще запретили. Особенно потрясли высшее руководство сюжеты о злостных неплательщиках квартплаты, поскольку оказались эти неплательщики в большинстве своем... самим же высшим руководством!

А как Валерий смотрел в телеэкран, будучи назначен рецензентом! Казалось, он всем телом так и втянется в него!

А какие рецензии он делал на летучках!

Помню, как-то ведущий летучки попытался ограничить его рецензию 10 минутами.

– Тогда мне здесь нечего делать! – рубанул Валерий и гордо пошел из-за трибуны в зал.

– Хорошо, Валерий Яковлевич, – отступил бастык, – рецензируйте, как намечали.

До приезда в Караганду насмотрелся я редакционных летучек вдоволь – и в газете, и на телевидении. Но то, что увидел на летучке при рецензенте Розенберге, – это, скажу вам!.. Минут сорок он жестко крушил всё, что увидел за неделю на экране, – того за банальность сюжетного хода, того за нарочитость мизансцен и чуть не всех – за конноязычие или серость картинки на экране.

Мои нынешние жесткие телерецензии в книгах «Взгляд с позиций «бороды» по сравнению с его тогдашними – это ни больше, ни меньше – *оды!*

Еще больше меня поразило тогда, что зал не вскакивал, не вскрикивал, он сидел... втянувши головы в плечи. И когда Валерий, закончив, пошел к своему месту, его провожала тишайшая тишина. «Он же... сам Грозенберг!» – подумал я тогда, а Валерий позже смирился с «кликухой».

Примерно так же он выступал и на наших партсобраниях: то громил начальника телецентра за плохую работу автопарка, то «вмазывал» со всего плеча коммунисту Воккову за то, что при работе над передачами, позволяет себе *закупать* продукты в совхозах, то «размазывал» коммуниста Лит-ва за очередной развод...

Ох и не любил кое-кто из нас его прямоу, а особенно – остроу!

Помню, отмечался юбилей студии ТВ в кафе «Весна». Валерия, уже уволенного по *личной* просьбе, среди нас не было (не от глубины ума подмахнул наш директор написанное вгорячах заявление). И я, огорченный потерей друга, вылез с тостом в том духе, что «волки кроликов жуют – может быть, подавятся!» Что тут случилось! «Тебя тоже надо гнать вслед за Розенбергом!» – заорало два

десяток глоток. Пришлось нам с женой пересесть в другой зал и вдвоем отмечать... их юбилей.

Валерий потом работал в киногруппе «Карагачдаугля». Делал фильмы о трудовых победах шахтеров. Затем, как я шутил, «упакованный в фирму и высокомерие», появился в коридорах областного радио, хотя и говорил ранее, чуть не скрипя зубами: «В этот гадюшник? Никогда!»

Видимо, стать редактором облрадио надо было для того, чтобы Яков Лазаревич Розенберг, сходя со сцены, мог именно Валерию завещать микрофон собственного корреспондента Казрадио.

Так и вышло, но... не надолго! Эстафету отца Валерий принял твердо и надежно. В республиканском эфире наша Караганда вновь зазвучала, как ей и надлежит звучать! Но, видать, «накаркал» я в своей празднично-женской песенке:

Когда рука уронит микрофон...

Его подхватит мужественно Женщина!

Микрофон Розенберга-старшего вскоре отобрали у младшего, сократив должность русского собкора в Караганде. Оставили только казахского... Обаятельную женщину.

– Казахский собкор не владеет русским журналистским языком! – вскричал я в сердцах.

Меня тут же успокоили:

– Не переживай: русские новости ежедневно перегоняются в Алма-Ату из... папки твоих «Последних известий».

Я не поверил в это вероломство, но гордость за качество нашей работы приятно ворохнулась внутри.

...Самой большой потерей в моей жизни считаю возникшее у нас с Валерием Розенбергом непонимание. Я ощущаю и сегодня неизбывное горе, что лишился возможности быть возле него в самые тяжкие минуты: когда умер Яков Лазаревич, когда умерла его супруга Ада, когда Валерия лишили любимой работы и когда он вынужден был уехать в Германию.

Кажется, Бахытжан Мукушев горько сказал по этому поводу:

– Похоже, наша страна озабочена тем, как избавиться от профессионалов.

«Алексей-Бессмертный»

Факты с многоточиями

Поступки человека имеют свойство сохраняться в памяти людей, если даже, на первый взгляд, незначительны и совершены давным-давно.

...Если собрать «до кучи» все сочиненное «Алексеем-Бессмертным», как я дружески называю **Алексея Александровича Воейкова**, – статьи, заметки, книги и... докладные записки на подчиненных – получится собрание сочинений, потолще «ленинианы» – «Собр. соч. в 58 томах», а то и всего, что издал певец мушкетеров Дюма.

Правда, все написанное им... не приведи боже.

...Недавно старейший журналист Барнаула и Караганды отметил свое 78-летие! Но – по-прежнему на посту! И самого, кажется, плодovitого автора «Индустриальной Караганды» (чуть не в каждый номер успевает принести солидный «кирпич!»), и редактора газеты «Шахтерская неделя», которая и пишется-то, кажется, им одним. Да еще и книги он издает почти ежегодно!..

...У него вообще потрясающая способность *езде успеть*. Или *езде подоспеть*... Он первым среди алтайских журналистов приобрел автомашину, да не какую-нибудь, а «Волгу». Поношенную, правда, но все-таки...

...Он первым среди карагандинских журналистов, хотя и жил тут всего-то годик-другой, въехал в фешенебельный обкомовский дом.

Он первым среди радиожурналистов области взялся возглавить так называемый отдел *русского* радиовещания, надуманный У. Ах-вым. Странное, согласитесь, национальное отмежевание в регионе, где 70 процентов проживающих – русские, а коренной народ, весь до единого, прекрасно говорит на языке Толстого и Пушкина!

Псевдо-патриоту нации У. Ах-ву понадобилось подчеркнуть свою архисовременность, а Воейков тут же подсуетился в единомышленники...

...Он первым среди пишущей братии области органично влился в рыночную экономику: будучи отправлен на пенсию, открыл частное предприятие – радиоканал «Надежда». И, по-моему, первым из нас ощутил в руках тепло зеленых купюр, сдавая свой качал в аренду одной из религиозных конфессий...

Правда, нам для антизабастовки-93 предоставил канал безвозмездно! (Об этом в книге – дальше).

...Он первым высказал идею создания... «Союза писателей Карагандинской области». Хотя и годы назад, и сегодня это лишь заурядное объединение графоманов.

Общепринято было в СССР и в Казахстане, что в Союз писателей принимаются те авторы, кто издал, как минимум, три книги и представил рекомендации признанных писателей с трехлетним стажем пребывания в СП. Но в нашем областном «союзе» только трое имеют опубликованные книги, а о легитимных рекомендациях в Караганде не приходится и говорить – нет «кворума», поскольку ушли из жизни последние наши члены СП Казахстана Михаил Балыкин и Жаик Бектуров. Кстати, в СП СССР А. А. Воейкову, как он ни бился, вступить не удалось...

...Он катастрофически забывчив! Может, например, потрясать у тебя перед носом своим текстом и панически восклицать: «Ты не видел, куда я положил свой текст?!» Может в порядке исключения купить пачку сигарет, но и при этом поминутно стрелять сигареты у встречных-поперечных...

...Впрочем, его забывчивость суть величина не постоянная.

Попросил, например, помочь ему найти мастеров для постройки дачки. Но угостить меня за услугу каким-нибудь огурчиком, конечно, забыл. На мой упрек по этому поводу удивленно спросил:

– А почему я обязан тебя угощать своими огурцами?..

Не забыл обратиться ко мне за помощью в оформлении документов на приобретение новой машины (раньше купить авто без партийной и производственной характеристик – помните? – было невозможно; пришлось мне и писать, и в инстанциях заверять), а когда я «возмутил-

ся», почему меня первым «не покатали на новой машине», он воззрился на меня удивленно:

– А почему я должен катать тебя на своей машине?..

...Слезно упросил меня однажды пойти на риск, и подставить под риск других людей, но достать запретное лекарство, чтобы спасти ему руку. Мы это сделали, правая рука его хирургами была спасена...

А он не забыл... этой самой рукой написать вскоре две докладные на меня. Одна из них, совершенно уникальная, даже цитировалась в районном суде, куда я обращался с иском о защите моих прав:

«Председателю ТРК.

Докладная.

Вчера на летучке Литвинов обозвал меня старым дураком».

И – подпись с числом!

Забыл только друг, что присказка «старый дурак» лепится мной и мужикам, и, простите, бабам, и даже... табуретке, о которую ушибся!

Стоп!!

Он, между прочим, первым в Караганде благословил в жизнь мою повесть «Босоногие». За что я ему безмерно благодарен! Посмотрел подробный план повести и сказал: «Да это же готовая книга!» – и я помчался писать... Правда, саму книгу он так и не взял в руки...

А я, между прочим, являюсь единственным в городе владельцем его повести «Шумят обские плёсы». Даже у автора ее нет!

Однако журналиста надо видеть «по полету», то есть по его творчеству.

Вот, например, заголовок статьи в «Шахтерской неделе»:

«Вихри хрональные веют над нами» (в смысле, хроникальные, что ли? Или, может, охрентельные?).

А вот как бы портрет выдающегося горняка (декабрь 1997 г.):

«Профессор, доктор технических наук Н. А. Дрижд смотрит на своих студентов и видит в каждом из них самого себя...»

Так-таки в каждом? И совсем всего себя?

«...Ведь когда-то вывел шахтерскую гвардию своего бассейна на передовые рубежи тогда великого государ-

ства – всего Союза. Им идти дальше, приумножая опыт своих отцов и дедов».

Какой, собственно, имеется в виду опыт отцов и дедов?

А вот абрис некоей ситуации (октябрь 2004 г.):

«Как все-таки сочетается иногда профессия с самой личностью! Раганин энергичен, не по годам молод, крепок, но годы, хотим мы того или не хотим, все равно берут свое. Начал прибалывать, сам почувствовал слабину, но этого не должны были видеть другие. Горняк, а он не имеет права проявлять слабости».

Стиль – «зашибись»! И как в той песне: «каким ты был – таким остался».

Вот такая нынче в Караганде журналистика!

Журналистов у нас ныне, наверное, не меньше, чем шахтеров. И чуть ли не все пишут в духе приведенных выше образцов.

А коллеги мои – Дикельбойм и Розенберг – не устремляли свое внимание на разного рода ЧП – они ударной силой своего слова боролись против тех, кто создает эти ЧП, или способствует им; они не заглядывали в замочные скважины и под резинки трусов: главным для них было – «жила бы страна родная», и всякий сброд не мешал бы ей жить!

Декабрь 2004 г.

ШЕФЫ МОИ... С АВЕРСА И РЕВЕРСА

Незнаменитая, да?..

Доброй памяти А. П. Урусовой

С направлением крайкома...

Перелистываю страницы своих старых сценариев, к которым прикасались ее пальцы и на которые опускалось ее дыхание... Пролетело как-то, прошелестело тридцать с лишним лет, а я вот, постаревший побольше чем на тридцать лет, словно это было совсем вчера, ощущаю и заботу этих вовсе не миниатюрных пальцев, и теплоту дыхания ее, смешанного не с французскими и даже не рижскими духами, в лучшем случае, с «Красной Москвой»...

Странно сейчас представить, а ведь я года два прожил в комсомольском общежитии, что стояло стена к стене с Барнаульским телецентром, и ни разу не переступил порог этого самого телецентра. Телевизора у меня, как и у других живших в общежитии «комсомолят», не было, да я его к тому времени, кажется, и в глаза не видел. Носясь по командировкам крайкома комсомола «от Кулунды до Кош-Агача», я довольно регулярно и небезуспешно публиковал свои заметки в газете «Молодежь Алтая», пара очерков моих прозвучала по краевому радио, а вот телевидения для меня словно не существовало! И они меня не приглашали, и я им не навязывался.

Так, наверное, никогда и не довелось бы мне стать «звездой голубого экрана» – провинциальной, конечно! – если бы не инструктор отдела агитации и пропаганды крайкома партии Н. Ф. Ильичев, жутко занятый курением, выпивательством и писательством человек, а потому не имевший ни ми-

нутки, чтобы оторваться от своей убогой пишмашинки и внимательно взглядеться в отставника-инструктора комсомольского крайкома. Поскольку посетитель продолжал стоять и переминаться за его спиной, тем самым показывая, что он все-таки ждет ответа, Николай Федорович остановил щелканье клавиш:

– Говоришь, комсомольский возраст истек? В журнальстику хотелось бы вернуться?

– Истек, – решил я быть предельно лаконичным.

– Ну, опусы твои в «Молодежке» я читал. И по радио что-то слышал. Помню, и в районной газете ты... – Ильичев заложил в машинку новый лист, – трудился... Да, трудился... – за медленной речью-размышлением опять последовал стрекот машинки. – Видел я тут в отделе... экспозицию лучших районок. Мелькали там и твои сельхозполосы из «Дела Октября»... – он, напечатав несколько строк, вытащил лист из-под валика, прочитал, лихо расписался: – Вот тебе направление на студию телевидения, к Геннадию Ильичу Осипову. Рекомендуем тебя старшим редактором пропаганды.

– Так я телевизора в глаза не видел!

Ильичев на это мое восклицание поднял кустистые бровищи и махнул рукой: – Освоишься! Тебе помогут... весьма развитое твое комсомольское нахальство... и Урусова! – он как-то весело-грустно хмыкнул и опять уткнулся в машинку.

...Геннадий Ильич Осипов, новый, точнее, вчера назначенный директор студии ТВ, неулыбчивый, респектабельно одетый, с большим открытым лбом, но маленьким подбородком и пронзительными маленькими глазками, отчего он казался как бы заостренным книзу, словно тот железнодорожный костыль (позже он оказался таким и по характеру: спокойно-мудрый, но затронь – вонзится, как гвоздяка), прочитав направление, тихо (внутренним голосом!) позвонил по телефону:

– Александра Павловна, зайдите, пожалуйста.

И только после этого скупно улыбнулся.

– Вам, наверное, сказали, что я тут тоже новенький? Целая команда пришла, молодая: Вадим Явинский с ра-

дио, Вячеслав Штыров – после университета. Меня из «Алтайской правды» направили... Был там, – он горделиво усмехнулся, – королем информации... а теперь новичок-директор. И вот вы – из комсомола... Неплохо!

Тихо раскрылась дверь, тихо проскользнула в нее крупная – по всем статьям! – женщина. Мельком скользнула по мне взглядом некрупных, глубоко всаженных глаз. Во всем ее мощнейшем облике, бросилось мне в глаза, только голова была небольшая и глаза маленькие. Она молча опустилась на стул, что был поближе к двери. Эта небольшая головка, маленькие зоркие глаза и самый дальний от стола директора стул на какое-то время овладели моими мыслями. И, как в тумане, промелькнули мимо первые фразы, которыми обменялись Геннадий Ильич и Александра Павловна. Врезалась в память только ее не то огорченная, не то скептическая фраза, которую она тихо произнесла, ознакомившись с моим направлением:

– Вы сказали, Геннадий Ильич, что товарища направил к нам крайком партии. А я вижу здесь подпись... всего лишь инструктора отдела... Даже не заведующего...

– Дело, наверное, не в ранге подписавшего, – подобрался директор. – Дело, может быть, в том, сумеет ли Владимир Иванович справиться с обязанностями старшего редактора.

– Хорошо, Геннадий Ильич, я вас поняла, – как бы спохватилась принципиальная женщина. – Так мы пошли? – она обращалась непонятно к кому, ко мне или к директору. Я потом частенько ловил эту ее особенность – обращаться с вопросом, не очень понятно, к кому.

По коридорам, по лестнице на второй этаж я, носивший тогда пятидесятые размеры одежды, еле поспевал за грузной и грозной своей новой начальницей. Она протолкала меня, как буксир, в самый угол второго этажа, отомкнула дверь с простенькой вывеской «Гл. редактор общественно-политических передач», легко проскользнула в манюсенький кабинетик, молча села за небольшой стол и, как мне показалось, со вздохом произнесла:

- Садитесь, - и, кажется, пожала плечами. По ее примеру я плюхнулся на ближайший к двери стул, хотя их между столом и дверью вместились всего три штуки, и при желании я мог рукой дотянуться до нее.

- Образование у вас, надо полагать, высшее? - не поднимая на меня глаз и словно ища что-то на столе, спросила она.

- Высшее, - с вызовом бросил я. - Литфак пединститута.

- М-мм, - пропела она бесцветно, - а я думала, журфак... Завтра вы заполните листок по учету кадров, а сейчас так... для знакомства. Где работали?

- Районная газета - от корректора до ответсекретаря. Райком комсомола... первый секретарь. Все это в селе Родино. И крайком комсомола - завкабинетом комсомольской работы, ведущий инструктор по Горному Алтаю и ряду степных районов, замзавотделом...

- Для направления на телевидение, да еще старшим редактором этого, знаете ли... - она сделала паузу, полную и удивления и, мне это легко виделось, возмущения. - Мало этих ваших... звонких титулов.

Я счел нужным помолчать. Но потом комсомольское нахальство и свойственная с детства «поперешность» дернули меня за язык:

- Есть у меня и еще один титул... Я - человек, никогда не видевший телевизора!

- Даже так? - Александра Павловна по-детски прыснула и заколыхалась в смехе всеми своими килограммами. - Ну, Ильичев!.. Ну, агитпроп! - она колыхалась, наверное, минут пять. Ей-Богу, не меньше. - Тогда у нас с вами уж точно... что-нибудь получится! - прервав смех, закончила она.

Я проработал в Барнауле под ее руководством года четыре, пока она не уехала в Оренбург, а потом еще тридцать лет - в Казахстане, конкретно в Караганде. Понятно, конечно, что из Оренбурга она мной не руководила. Но она меня *вела* все эти годы, хотя вот уже двадцать лет как ее похоронили оренбургские коллеги. Но я почему-то верю, что и на Алтае, и в Оренбуржье есть еще и еще

люди, которых, как и меня, Александра Павловна Урсова, вела и ведет по профессии. А потому я обязан рассказать о том, как она это делала.

Носом да в забор...

В душе-то у меня в те дни, конечно, были смятение и даже изрядный трепет, и сомнения были относительно моих тележурналистских способностей, но я, конечно, ходил гусем, нахально «погагакивал» при знакомстве с новыми коллегами, хлопать дверями главных – директора, главреда и главрежа – без лишнего повода не считал нужным, и, помню, сразу решил поставить себя на нужный уровень. Александра Павловна словно и не видела этого моего «фасона», ни разу не хмыкнула и не фыркнула. Так, взглянет как-нибудь, скажет что-то и – к своему какому-нибудь делу. Не проявила она никаких эмоций и в тот памятный день, когда я, заполнив «Листок по учету кадров», показал ей, а потом понес директору. Геннадий Ильич был не только мастером слова, но и человеком дела: уже через 15-20 минут я расписывался в приказе о назначении меня старшим редактором пропаганды Барнаульской студии телевидения...

К слову сказать, на самых первых телена начальников мне везло не только в Барнауле, но и в Караганде, куда я переехал по приглашению через пять лет после описываемых событий.

Чуть-чуть скажу об этом. Когда я прошел в барнаульских редакциях (пропаганды, молодежных передач, теленовостей и снова пропаганды), что называется, «Крым и Рим», раздался некий междугородний звонок, представившаяся главным редактором Карагандинского облтелерадио Верой Андреевной Колабаевой, сказала, что в Караганде «внимательно ознакомились с моими барнаульскими сценариями и с надеждой приглашают меня на должность старшего редактора молодежных телепрограмм». Я даже изумился нежданно-негаданно проявленному «международному» вниманию, но тут же ответил:

– Хорошо. Присылайте письменное приглашение.

Письмо из Казахстана не заставило себя ждать. Оно гарантировало должность старшего редактора молодежных телепрограмм, квартиру в течение полугода, подъемные – «в день вступления в должность».

Эта вот четкость приглашения, а больше мои проблемы (развалилась дотоле завидная для многих семья, а жизнь в Барнауле пошла такая, что пожрать стало нечего!) позвали меня в немедленную дорогу. И надо сказать, карагандинцы, а именно начальник управления Калий Алибекович Аманбаев и директор студии ТВ Евгений Лукич Пелешук оказались предельно точны в слове – за подъемные я расписался в расходном ордере уже после обеда 9 ноября 1969 года – сразу, как только расписался под приказом о назначении, а двухкомнатную квартиру в трех кварталах от студии ТВ получил – верите? – через шесть с половиной месяцев.

Но продолжим о главном – об А.П. Урусовой.

Сразу после ознакомления с ее крохотным кабинетиком, она безо всяких эмоций, лишь незаметно вздохнув, проводила меня в мой кабинет, где в тот момент никого, кроме трех желтых однотумбовых столов, не было. «Мой-то кабинет раза в два больше...» – мелькнуло у меня в голове. Слово «наш» у меня как-то не звучало.

– А это, видимо, столы моих подчиненных? – спросил я удовлетворенно.

Александра Павловна пульнула в меня острым взглядом и повернулась уходить. Уже взявшись за ручку двери, пожала плечами:

– Это вы насчет... звания старшего редактора? Оно у нас вообще-то скорее... номинальное. Делать бы хорошие передачи, а кто тут старший, кто младший... – и она ушла.

А я остался привыкать к воздуху в кабинете, виду за окном и к своему столу. Кстати, тридцать пять лет прожил я с тех пор, поменял немало кабинетов и столов, но вид из того окна до сих пор щиплет душу. Было это дело утром, и мартовское солнце не только уверенно пробивалось ко мне сквозь роскошные кроны сосен, но и как-то распарило их хвою. И они, эти лапы, дружелюбно тяну-

лись ко мне – окошко открой и ласкайся с ними! – колючими и такими пахучими, что ноги подкашиваются! Я открыл форточку, поскольку окно еще было оклеено, и в момент опьянел от хвойного аромата! Хотелось дышать, дышать – и ничего больше.

Так, наверное, и стоял бы я, и пьянел у окна, но скрипнула дверь, вновь деловито вошла моя начальница:

– Ваши товарищи... редактор Николай Тищенко и ассистент режиссера Евгения Ракитина сегодня на съемках. А вы можете познакомиться со сценарием, над которым они работают. Это, мне кажется, будет полезно вам... как новичку, – она не посчитала нужным подать мне пачку листов, просто положила их на мой стол.

Я отметил про себя, что она при этом нахально заменила «нужно» на «полезно», а «как старшему редактору» – на «как новичку». Но я сдержался, не фыркнул, а молча сел за стол.

Сценарий повествовал о военных годах. По левому краю страницы шли напечатанные маленькими столбиками описания фотографий, названия документов, какие-то непонятные мне аббревиатуры, а по свободной части страницы – тексты кусками. Смысл я понял сразу: женщина и мужчина воевали в разных танковых частях, ранеными попали в плен, потом был концлагерь, встретились в беде, полюбили друг друга, многие их документы хранятся в краеведческом музее. Связи же какой-то между кусками, текстовой связи, я в сценарии не обнаружил. Так – эпизоды, эпизоды. Где сценарий-то?

Все это я и высказал Александре Павловне через полчаса после того, как она заходила ко мне. Я решил, что обязан сделать свое заключение по сценарию как... старший редактор. А. П., снова лишь мельком стрельнув в меня взглядом, взяла сценарий:

– Значит, не показалась работа Коли Тищенко? Ну, хорошо, – отрешенно и устало произнесла она. И уткнулась в какие-то бумаги, а мне осталось идти к себе и изобретать, чем бы заняться.

Тоскуя и чертыхаясь, я разобрал стол, пробежался глазами по некоторым бумажкам и обнаружил «План передач редакции пропаганды на 1-й квартал 1965 г.», составленный неким Савельевым, видимо, моим предшественником. В графе «кто готовит» увидел, что именно ему предстояло до конца марта подготовить два «Дневника международной жизни», теперь, значит, мне. Ага, это уже кое-что! Ведь так не хотелось идти к начальнице за заданиями. Тут я обнаружил и список авторов редакции, в том числе и лекторов крайкома партии, ведущих «Дневник». С ними приходилось встречаться в столовой крайкома.

– А что! – воскликнул я радостно. – Глядишь, и обоснуюсь здесь... ишь, сколько фамилий знакомых!

Опять скрипнула дверь, и опять весь ее проем заполнила фигура Александры Павловны. Она долгим взглядом оценила мои застольные занятия и, мне показалось, более мягким тоном промолвила:

– Это хорошо, что вы сами нашли себе дело. Я как раз хотела сказать, что надо бы позвонить... вашим старшим коллегам из крайкома партии, напомнить, что мы ждем очередной «Дневник международной жизни». Заодно и обозначитесь... как старший редактор.

Проговорив это принятым ею по отношению ко мне бесстрастным тоном, она пошла к двери и, как в первый заход, взявшись за ручку двери, обернулась:

– И еще. Кончается март, апрель пролетит быстро, а там и День Победы. Вы бы созвонились с крайвоенкоматом, кого они нынче порекомендуют для встречи с телезрителями. Это, видимо, и будет ваша первая телепередача...

Она ушла, а я почувствовал испарину на лбу. До меня дошло, что это ведь не ручкой по бумаге водить. Тут под софитами, под красным циклопическим взглядом телекамеры надо будет задавать людям вопросы. Да не абы какие, а умные! Утром-то, идя на второй этаж, я заглядывал в павильон, видел, что там делается...

Дни полетели, полетели. Дела закрутили, закрутили.

Дней через десяток я первый раз впахался «носом в забор». Прошел в эфир телеочерк Тищенко о влюбленных танкистах-лагерниках. Я смотрел его дважды: на тракторной репетиции и вечером по эфиру, специально оставшись на работе, поскольку дома-то у меня телевизором и не пахло. Смотрел я это, смотрел и никак не мог понять, куда девался тот самый сценарий, рванный на куски, вроде бы не собранный, что я читал в первый день и по сути дела раздраконил перед Александрой Павловной? Тут все шло динамично, логично и – увлекательно! Потом уже сообразил, что все текстовые дыры тут заполнили музыка и дикторские позы и паузы. Я почувствовал горячей своей физиономией, что в момент моей скоропалительной рецензии на этот сценарий думала обо мне А. П. Стыдоду мою усугубила еженедельная летучка, где очерк моего «подчиненного» был назван чуть ли не шедевром, и принято было решение повторить его в эфире еще хотя бы пару раз.

В общем-то морду свою на летучке я держал с наклоном к давненько покрытому краской полу, но успел уловить выразительный взгляд Александры Павловны в мою сторону. Но главное фиаско свыше... назначенного журналиста было еще впереди. Хотя и промежуточные проколы на новой для меня трассе жизни еще были...

Началось с того, что Партия и Правительство Решили (это произносилось настолько возвышенно и значительно, что иначе чем с больших букв писать это и нельзя!) 20-летний Юбилей Великой Победы отметить как можно шире и торжественнее. И редакция пропаганды студии ТВ поневоле оказалась на направлении главного удара.

– Надо, – сказала мне Александра Павловна, – пригласить в студию для интервью или беседы, а может быть, и нескольких интервью «интересных» ветеранов. Это во-первых, а во-вторых, созвонитесь со своими... старшими друзьями из крайкома партии (она это, усмехнувшись, произнесла со значительностью), чтобы дали нам доклад для торжественного собрания. Мы как-то обыгрываем его в передачах...

И пошло-поехало!

Ветеранов войны военкоматы, музей и архив насоветовали мне множество. Я пообзванивал, ей-богу, десятка полтора. Расспрашивал, как здоровье в канун Дня Победы, как поживают, где и как воевалось, а потом поздравлял с великим праздником и желал всего доброго. Но никого не приглашал на передачу – делал отбор для себя. Потом пригласил пятерых – самых представительных, хорошо говорящих, да еще с разных военных фронтов и разных военных специальностей, ну и, конечно, с полным иконостасом на груди. Было даже два Героя Советского Союза! В редакции мы долго, часа, наверное, два, говорили об их боевом пути, отобрали выразительные эпизоды.

Потом я неделю, наверное, перекладывал все это на бумагу – в сценарий... Передача обещала быть – во! И, что главное всего, я нисколько не сомневался в этом, даже не волновался!

Наконец, Женя Ракитина, ассистент режиссера, приветливо сверкая красивыми глазами из-под очков и самими очками, позвала нас в павильон на трактовую репетицию. Ветераны, не унимаясь в воспоминаниях, чинно повставали со стульев и гуськом направились за нею. А у меня в этот момент... отнялось все. И руки, и ноги, и тело! Я пытался встать со стула и... не мог! Я пытался стереть со лба обильно выступивший пот – и не мог поднять ни одной руки... Летели минуты, десятки минут, а я сидел, откинувшись на спинку стула, и даже рот открыть, чтоб с отчаяния заматериться, не мог. Прибежала встревоженная Женя. Потом пришла удивленная Александра Павловна. Влетела вскоре и взъерошенная секретарша. Что? Почему? – кричали их глаза и рты.

- Н-не мм-мо-гу... – еле промычал я.
- Почему?
- Боюсь!!!

Интервью с моими ветеранами в тот вечер провел А. П. Савельев, мой предшественник «по столу», случайно оказавшийся у нас в здании по делам «Союзпечати», куда его перевели тру-

даться. Потом он благодарил меня, что я дал ему заработать аж 7 рублей...

Сегодня меня не удивляет, отчего это меня тогда так обуял страх. Странно и несколько непонятно то, почему никто и никогда из коллектива не попрекнул меня этим приступом медвежьей болезни перед эфиром. Тактичный народ!

В это же время я продолжал выполнять первое задание Урусовой по подготовке к празднику Победы – бомбардировал звонками отдел пропаганды крайкома: «дайте доклад!». Но к этому времени было решено, что с докладом на торжественном будет выступать Сам. То есть первый секретарь крайкома А. В. Георгиев! И, следовательно, никакого доклада никто нам не даст. «Звоните помощнику первого, – сказали мне, – а еще лучше приходите в драмтеатр сами со своими камерами!».

Я – к Александре Павловне:

– Доклад не дают, отсылают к помощнику. Или, говорят, приходите сами с камерами и снимайте.

– Ну что ж, – говорит она, – звоните помощнику... А снимать весь доклад на пленку – они что, с ума сошли? Вместе с вами, а?

– А если не снимать, а эту... передвижную телевизионную станцию в театре поставить?

– Ну посмотрите с режиссером, что и как. Мы пока только со стадиона транслировали...

Еще полдня я бил телефоны. И к ней опять:

– Теперь меня послали к завлито Бирюку. Он цензор, что ли? Говорит, что прежде, чем вы будете снимать на кино доклад, договоритесь, чтобы в эфир не прозвучали фамилии Сталина, Жукова и наименования дивизий, которые формировались в Барнауле.

– Чушь какая! – фыркнула Александра Павловна. – Ну, а вы?

– Я позвонил помощнику Георгиева и спросил, как можно передать Александру Васильевичу запрет Бирюка на Сталина, Жукова и алтайские дивизии...

– Ну, а он? – лицо Александры Павловны стало почему-то еще круглее, в глазах забегали искорки.

– А помощник послал и Бирюка и, по-моему, меня на три буквы, – невозмутимо сказал я.

Александра Павловна залилась смехом, колыхаясь всем телом и вытирая слезы тыльной стороной ладони. Сквозь смех спросила:

– Ну, а вы?

– А я сходил в драмтеатр вместе с Женей Ракитиной, посмотрели, можно ли там ставить камеры ПТС... Это же три буквы! – запридурился я. – А потом пошел... еще на три буквы – к ЗБГ.

– Что еще за ЗБГ? – у моей начальницы даже слезы остановились.

– К нашему главрежу – Захарию Борисовичу Гутчину.

– Ну, а он?

– А он кричит: «Вы с ума сошли! Транслировать заседания по ПТС! Это не стадион! Софиты будут бить в глаза президиуму и докладчику! Один оператор с камерой будет торчать на сцене – позор! А другой и вовсе – стоя с камерой в проходе, все затмит зрителям своей ж... Ну не всем, а кому – полпрезидиума, кому – докладчика! Кому это в голову взбрело? Да нас всех с работы погонят!»

– Ну, а вы? – Александра Павловна перестала смеяться, как-то подобралась, даже, кажется, стала жилистее.

– А я думаю, это будет здорово, если в торжественном собрании, посвященном 20-летию Победы, примут участие не только избранные, но и весь Барнаул, весь Алтай, у кого есть телевизоры.

Она подперла подбородок ладонью и, словно видела в первый раз, стала рассматривать меня. Я же уставился в окно, на кроны сосен...

– Ладно! – наконец сказала она. – Считайте, что выполнили задание. А с ЗБГ... ну, дает! А с Захарием Борисовичем мы, думаю, договоримся... – и поднялась из-за стола. В глазах ее прежней бесстрастности теперь не было.

Накануне Дня Победы я напросился к соседу посмотреть трансляцию из драмтеатра. Докладчик, А. В. Георги-

ев, – сам первый секретарь крайкома! – как всегда, говорил звучно и воодушевленно. А когда заговорил о роли в войне Сталина и Жукова, сибирских, в том числе алтайских, дивизий, а он их перечислил все-все до единой, да еще и названия дал полностью, у телевизора, где собрался в тот час, считай, весь подъезд, была хорошо слышна взволнованная тишина. И взорвалась она потом нашими аплодисментами!

Ведь все это говорилось *впервые за двадцать лет!*

Но я тем не менее заерзал на стуле: «Ох, и нагорит мне!».

В этот момент я до слез переживал Победу, еще не зная, что она сулит лично мне в связи с предстоящим знакомством...

Боже! Праведный...

Незадолго до исторических дней открытого и широкого празднования 20-летия Победы, в апреле, вероятнее всего, дает мне Александра Павловна письмо, подписанное группой шоферов автобазы «Главкузбасстроя». Письмо как письмо, обыкновенная заявка на исполнение любимой фронтовой песни в связи с Днем Победы. Но мою Главную зацепило не то, что бывшие фронтовики просят исполнить фронтовую песню, а фамилия одного из подписантов. «ПРАВЕДНЫЙ Антон Иванович» – стояло под адресом. Скорее всего, он и писал письмо, поскольку дальше шли кое-какие сведения о нем: на войну пошел в первые ее дни прямо на своей полуторке, всю войну подвозил снаряды на батарею, заслужил медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды. А полуторку свою – целехонькую, хоть и с пробоинами на корпусе! – в 46-м году сдал в народное хозяйство. Сам он, Бог миловал, ни разу не был даже ранен.

– Что скажете? – спросила Александра Павловна, которая так и нависала надо мной, пока я пробегал глазами письмо.

– Надо выполнить, конечно, заявку, – пожал плечами я. – И зачитать, конечно, все письмо целиком...

– Да? – заметно затухающим голосом осведомилась А. П. и потянулась было за письмом, но вдруг оживилась:

– А может, отыскать Праведного? Может быть, подумаете над тем... как это он всю войну под артобстрелами возил снаряды, а сам ни разу не был ранен... и машину сохранил? И фамилия – Праведный...

– Ладно, – сказал я, а в мыслях мелькнуло: «Вот зацепило ее... Тут с юбилеем возни ой-ей-ей! Дать в концерте «Эх, дорожка, фронтовая!» с выдержками из письма, да и...».

Богом сохраненного Антона Ивановича я в субботний вечерок нашел на одной из улочек обязательного для всех городов «Копай-города». Автор письма, крупный, грузный, с полным, почти без морщин, лицом, сидел на скамеечке возле одной из дверей белого длинного барака, то ли грелся на солнышке, то ли наблюдал за действиями пацанят, что-то строящих в песке.

– Эй, орлы, – шумнул он им, когда я представился и присел возле него на лавочку, – галдите потише! – И пояснил, улыбнувшись: – Внучок тут, Антошка!

Рассказчик он оказался никудышный. Чуть не час я пытался вытянуть из него интересные эпизоды, да ничего не вытягивалось.

– Наши стреляют, ихние стреляют... – пожимает мощными плечами шофер. – А я знай подвожу снаряды, пока комбат махает рукой...

– А награды: «За отвагу», «Красная Звезда»... как? – ерзаю я.

– «За отвагу»... – ухмыляется Праведный, – это под Сталинградом... На нашу батарею с десятков танков поперло... Комбат охрип кричать то батарейцам свои команды, то мне: «Снаряды давай!». А тут еще «мессер» прицепился. Кружит, паразит, и кружит надо мной... И поливает, и поливает... Но я убежал-таки от него. Со страху, наверно... – и Антон Иванович смеется.

– Ну, вы совсем... – морщусь я в разочаровании. – А «Звездочка»?

– Дак тоже ничего такого... Это под Кюстрином... Там, знаете, сколько пушек на каждый километр наставили! И снарядов мы, шоферы, столько повезли! Если кучей сложить, гора будет ой-ей-ей.

Антон Иванович звал в барак чайку попить, но меня на чай не вдохновляло, и мы сговорились, что в понедельник он, проезжая мимо моего дома, тормознет, и мы поедем по его строительным маршрутам.

Утром я лихо взобрался в кабину голубого с белыми разводами самосвала 11-15 АЛК, и мы помчались на известковый завод за раствором. Я сидел в новенькой кабине ЗИЛа, испытывая вдохновение, словно наездник на скачках, машина азартно наматывала километры сначала по улицам города, потом по его окраинам и колдобинам стройплощадок, а Антон Иванович, что меня неприятно кольнуло, ну абсолютно безо всякого азарта и вдохновения рулил себе и рулил. Однообразие его действий вскоре стало даже раздражать меня: подъедем к заводу, он подрулит под пасть бетономешалки, выйдет из машины, покажет накладную перемазанному мужичку – и садится в кабину молча. Перемахнем опять город, приедем на стройку, подрулит к емкости с раствором, выйдет, покажет другому перемазанному свой листок, поднимет кузов для слива – и опять рулит и рулит, до завода... К концу дня от моего азарта и вдохновения не осталось ни хрена! Зато спина была мокрая, поясница затекла, голова гудела... А водила – хоть бы хны!

Но поздним вечером, похватав наскоро ужина и чуток пообщавшись с семьей на тему: «Откуда ты явился такой измызанный?», я вытащил из футляра свою бережно лелеемую «Москву» (была когда-то не весть какая пишущая машинка) и, вобрав побольше воздуха, чтобы он в итоге трансформировался в святое вдохновение, лихо отстукал: СЦЕНАРИЙ. Передернул каретку и пониже: «ПРИЗВАНИЕ – ПРОСТО ШОФЕР». И замер, счастливый: заголовок родился – дело пойдет!

Наутро я трепетно возложил свой труд на стол Александры Павловны. «Уже готово?» – удивилась она и кивнула мне на стул.

Гордый и возвышенный, я расположился у стола, эдак небрежно облокотившись на его край. А. П. вскоре после первых прочитанных строк почему-то нахмурилась, потом ее полные щеки пошли красными пятнами. Первый лист она дочитала до конца, второй пробежала глазами, третий, четвертый и пятый раздраженно перелистнула и подняла на меня помутневшие глаза:

– Что это?

– Сценарий, – встрепенулся я.

– Ч т о - о? – выдохнула она изумленно.

– Сцена... – только и успел вымолвить я.

– Это чушь, а не сценарий! – она вскочила со стула так стремительно, что я перепугался: не проломил ли потолок головой.

Во мне что-то екнуло или гукнуло, челюсть откинута вниз для словоизвержения, но именно оттуда звуков не последовало. По-моему, в эти секунды в кабинете звучали только два звука: громкое сопение разъяренной начальницы, да чуть тише – похлопывание ресниц ошарашенного подчиненного.

– Сценарий! – яростно хмыкнула Александра Павловна. – Тут и для хреновенького доклада на каком-нибудь вашем комсбюро материала не хватит!.. А язык! – она схватила мои аккуратно отпечатанные на любимой «Москве» странички: «Мне рассказали, что автобаза – одно из лучших хозяйств в городе... Часто завоевывает первые места в районном соцсоревновании...». Вы, говорят, даже литсотрудником в районке были? Видна школа! «Среди работников базы больше двухсот человек – ударники коммунистического труда...». Да вы же комсомольский вожак! Неужели у вас говорят таким... профсоюзным слогом?

Она опустила на свой стул так, что он под нею аж вскрикнул. И отбросила ко мне мои странички:

– В общем... сие «творение» – ни в какие ворота!

...Я говорил, что мне тогда шел тридцатый, и, значит, не только самонадеянности, но и силенок было побольше. Дома я дождался, когда все семейство уляжется (телевизора-то не было!), и утащил на кухню свою «Москву». Славно мы с ней поработали, и в начале десятого утра я церемонно выложил перед А. П. *новый вариант* сценария, теперь уже под заголовком «ПРОСТО ШОФЕР».

Она с недоумением взглянула на меня и принялась читать. Вскоре я почувствовал, что в нее вселяется... вчерашний бзик.

– Это вы за ночь, что ли... натрудили? – спросила она, явно сдерживая душевный взрыв, потому что дышала с паузами, а по лицу переливались багровеющие пятна.

– Ну почему? – сказал я вроде спокойно, хотя все у меня вибрировало. – Начал вечером...

– Но не пишут же так! – вскрикнула она. – Писательство... вообще – процесс... не двиганья руками, а шевеления мозгами!

Выдав этот экспромт, шефиня вдруг замолкла и отвела мутные глаза от меня, в окно. Молчала долго, собираясь с доводами или с душевными силами.

– Вчера я вам цитировала... ваши железобетонные характеристики коллектива. А сегодня вы поражаете меня... какими-то кирпичными характеристиками несчастного Антона Ивановича. Вот, вслушайтесь... В себя! «В нем действительно нет ничего необычного». А почему надо искать необычное-то? Вы что – обрадовались бы, увидев в нем черты Квазимодо? И вот еще: «открытое русское лицо». А у китайцев что – лица закрытые? А вот уж вовсе шедевр: «привычная русская походка немного вразвалочку». Моряки да рыбаки, говорят, ходят вразвалочку, так они во всех народах есть!

Она словно споткнулась или задохнулась. Под кожно-сальным покровом лица ее по-мужски заходили желваки. Перебирая мои листочки, вдруг прыснула:

– «Обычный человек, как десятки людей в его возрасте, как сотни других водителей»... Эх закручено! Бухгалтерия, а не журналистика! Такое, милоч, пишут, если

мыслей в голове нет! А может, и ума... В общем, это... – она ткнула в мой сценарий пальцем, словно хотела про- ткнуть его вместе с крышкой стола, – *никому не нужно!*

Обиженный, встал я со стула, шагнул вон из ее не- уютного кабинета. Уже закрывая дверь, услышал:

– Попробуйте все-таки рожать свои произведения не так скоропалительно. Не горит же ничего...

Неужели предал?..

Я говорил выше, что было мне тридцать годков, была самонадеянность, и силенки были, потому и «пахать» мог сутками. Но тут сработало простое упрямство, и утром следующего дня я твердо впечатал в начальственный стол *третий вариант* своего сценария.

Александра Павловна, как мне показалось, вздрог- нула. Начала было читать, не видя даже, что на сей раз я не присел, а независимо вытянулся у стола. И вскоре я опять увидел пятна на ее полных щеках и движение жел- ваков на округлых скулах. Не дочитав и первой страни- цы, она спокойно – или равнодушно? – сказала:

– Оставьте это здесь. Я внимательнее вчитаюсь...

Дел у старшего редактора, конечно, хватает. Пере- дач только своих, как минимум, две в неделю, да надо посмотреть сценарии второго редактора, на репетициях побывать, телефонные звонки немало времени съедают. Но сегодня вся моя работа состояла в поисках ответа на вопрос: «Что она скажет?» – другое я был просто не в состоянии делать. И часам к четырем терпение мое ис- сякло, я отправился за ответом к ней. Александра Пав- ловна удивленно воззрилась на меня:

– Что-нибудь случилось?

– Нет. Вы же сказали, что сценарий повнимательнее...

– Он вам так срочно нужен? – она сразу как-то по- тухла, вынула из кипы бумаг мои сегодняшние листочки, уставилась на них, поиграла губами, пожалала плечами,

взяла авторучку и... перекрестила ею все до единой мои страницы, оставив нетронутым только заголовок.

Я так и обмер.

– Вот, так... знаете, – сказала устало, – ибо все это никому не нужно. Кроме, пожалуй, заголовка. Да и он, если честно, топорный.

Она взяла перечеркнутые листочки и придержала их, словно не зная, отдать ли мне или швырнуть в корзину. Мне их отдать было уже невозможно – я закрывал ее дверь с обратной стороны.

– Вернитесь, Литвинов! – резко сказала она. – Я советую вам побывать еще раз в коллективе автобазы. Если в этом вашем... новорожденном варианте... штампов стало поменьше, зато Антон Праведный словно в воздухе парит... не перекуривает даже ни с кем.

...Я должен прервать свои воспоминания. Сейчас только случился трогательный факт – пришло письмо из Барнаула. Ставший в последние годы для меня родным, ветеран алтайской журналистики, писатель Виктор Самуилович Серебряный, «князь Серебряный», пробивающийся через разные болячки, бесконечно занятой человек, в ответ на мой телефонный вопрос о дожурналистской деятельности А. П. Урусовой прислал мне подробнейшее пояснение.

Господи, до чего же вы отзывчивы и добры, алтайские мои друзья и коллеги! «Князь Серебряный» сорок лет назад прочитал в газете «Молодежь Алтая» мой первый очерк о маленькой агрономше и тут же откликнулся: похвалил и предложил написать что-нибудь для краевого радио, где он тогда заведовал литературно-художественной редакцией, а во все мои карагандинские годы, когда я наезжаю в Барнаул, находит время встретиться, ввести меня в курс писательско-журналистской жизни Алтая. Оказался и первым рецензентом – причем добровольным! – первой моей, так и не напечатанной книги...

А теперь Виктор Самуилович (спасибо!) прислал мне подробнейшее «досье» на Александру Павловну. Грех да и только, но кроме своих собственных впечатлений, я ведь

ничего до сего дня о ней не имел. Ни где она родилась, ни что закончила, ни какой трудовой путь прошла...

Итак, А. П. Урусовой в нынешнем сентябре исполнилось бы 67 лет (естественно, в год написания этого очерка, 1987. – В. Л.). А наша переписка с нею прервалась двадцать лет назад, и, не случись преждевременной смерти, сколько добрых, умных советов я еще получил бы от нее! В 11-летнем возрасте моя наставница стала сиротой – умерла ее мама, и Саша осталась на воспитании старшей сестры-учительницы. Помнится, до конца своей жизни Александра Павловна, безмужняя и бездетная, кроме заботы о своих подчиненных, леклась о двух своих племянницах, видимо, дочерях сестры. 18-летней девчонкой выпускница педучилища из Пензенской области приехала на Алтай и стала учительницей одной из семилеток Благовещенского района, почти родного для меня. Через год ее избрали секретарем райкома комсомола, а в тяжком июне 42-го года 22-летняя Саша Урусова становится завкабинетом партработы райкома.

Сколь много похожего, чуть не общего у нас с Александрой Павловной! И у меня рано умерла мама, и меня воспитывала тетя, и я закончил педучилище, и тоже работал секретарем РК ВЛКСМ (Родинского, по соседству с Благовещенским). Александра-то Павловна знала мои «этапы», может, потому и обращалась со мной как Мать – сначала держала в ежовых рукавицах, а потом по-матерински заботилась.

Росла в работе она стремительно: год – и новое место, да повыше, много ответственнее. И какие годы выпали на ее рост: июнь 42-го – парткабинет райкома ВКП(б), июль 43-го – слушательница крайпартшколы, февраль 44-го – уже парткабинет Барнаульского меланжевого комбината... а это значит, неостановимая работа по организации снабжения воюющей армии тканями для солдатских одежек. Потом были два года работы редактором многотиражки «Алтайский текстильщик», три – инструктором крайкома партии, а в 1951 г. (когда «аз грешный», пятиклассник, редактировал рукописный жур-

нал детского санатория в селе Чемал, Александра Павловна, поскольку партия снова сказала «надо», стала ответственным редактором краевого радиокомитета, через девять лет – главным редактором студии телевидения.

...Очередная встреча с Антоном Праведным, моим неподдающимся героем, случилась в самый канун Дня Победы и оказалась такой, что и сегодня, спустя 33 года, при воспоминании о встрече у меня волосы на голове поднимаются.

Коллектив автобазы «Главкузбасстроя» я застал в жуткой суматохе – с минуты на минуту должно было начаться торжество по случаю возрожденного праздника Победы. Хоть этот коллектив, естественно, весьма и весьма омолодился, но подтянувшие животы ветераны, при белых рубашках и галстуках, надушенные, как минимум, «Тройным одеколоном», казалось, составляли тут несомненное большинство. Они чинно ходили-расхаживали, солидно беседовали, напрочь отринув шоферскую расхристанность, значительные, счастливые от чувства своей личной причастности к Победе Народа над жестокими захватчиками. А между ними сновали-бегали комсомолочки, обслуживающие торжество.

Антон Иванович встретил меня приветливо, молодецки приобнял:

– Пошли, *мой собкор*, поприсутствуешь на нашем посиденье.

Расселись в актовом зале. Я – рядом со своим героем. Парторг, как принято, выступил с докладом, небольшим, но прочувствованным. Потом, звеня орденами и медалями, ветераны боев поднимались на сцену и получали Почетные грамоты и подарки. Антон Иванович был вызван на сцену первым. Прижав к груди грамотку и подарок, он вдруг вытянулся и не по-граждански воскликнул:

– Служу Советскому Союзу!

По сидящим в зале будто током продернуло, и он взорвался аплодисментами. Не знаю, так ли было задумано, или Праведный оказался пионером в своем армей-

ском благодарственном слове, но остальные ветераны отвечали на подарки тем же:

– Служу Советскому Союзу! – и зал отбивал себе ладони.

А потом был небольшой комсомольский концерт. А потом перешли в просторную столовую, только часть народа, без орденов и помоложе, вроде испарилась. Осталась группка руководства и ветераны, да меня Антон Иванович утянул за собой и посадил рядом.

Столы были сервированы заранее: шницели с лапшой, нарезанная кругляками колбаса, сыр голландский, разложенный солнышком, квас в графинах, множество бутылочек «Особой Московской».

Шоферы, народ, известно, всегда охотно пьющий, на сей раз за стаканы не хваталась, что-то толковали сосед с соседом, да так увлеченно, словно не виделись давным-давно, а то и вообще встретились впервые. Так бы, наверное, и долго было, но тут руководство встало за своим столом, гулко прокашлялось и проникновенно произнесло:

– *Дорогие Фронтовики!* – мне показалось, что это так и сказано – заглавными буквами и курсивом. – Речи мы торжественные, произнесли, а теперь не грех скромно и отобедать. Поднимем же первый тост за Великую Нашу Победу!

Собравшиеся, прозвенев своими иконостасами, встали и, всякий раз приговаривая: «За Победу! За нашу Победу!», – прозвенели стаканами, в которые были налиты, словно отмерены, ровно сто граммов, будто те самые знаменитые «наркомовские сто грамм», что всю войну добавляли солдатам сил и убавляли горя и горечи.

Не помню точно, но, кажется, вторые «сто грамм» были подняты за тех, кто не довоевался до Победы. И снова встали фронтовики, встали тихо, без звону, и замерли, склонив головы, почти у всех белые. Помолчав, бесшумно опрокинули стаканы в себя, бесшумно опустились на столовские табуретки. Это грозное, горестное молчание погнало по моей спине горячую изморозь... Тихо, незаметно кто-то потянул: «Бьется в тесной... печурке... ого-о-онь...». И вздохом откликнулось сразу полсотни

сведенных тоской ртов: «На поленьях смола-а, как слеза-а-а...»

Судорога свела мои руки и ноги. А фронтовики, тихим речитативом трудно выбрасывали из немолодых глоток, хоть и разогретых не закусанным стаканом, строчку за строчкой своей песни-гимна.

Но сил у них хватило разве что на куплет с припевом. Потом они просто замычали мотив, склонились головами на плечи соседу. Потом сцепились руками за плечи и в такт песне закачались влево, вправо...

А потом уже и мелодия песни куда-то пропала, и осталось одно мычание, в него ворвались тяжкие всхлипы, потом рыдания... Я никогда не видел дотоле и никогда не видел после такого спрессованного, общего мужского горя и готов был развалиться на части или рухнуть тут же замертво.

...Наутро я осторожно положил перед Александрой Павловной, на мой тогдашний взгляд, совсем иной сценарий о Праведном. Назывался он уже не так выпренне, как первые три, а именно «Четыре дороги», и я показывал своего героя уже на фоне трех других водителей, но «четыре дороги» были *образом* его нелегкого жизненного пути – дорога довоенная, «дорожка фронтовая», послевоенные пути-дороги и, наконец, дорога жизни – молодой муж, отец, дед...

Александра Павловна перелистала четыре немногословных моих страницы. Сначала в глазах ее что-то сверкнуло, потом просверк принакрылся тучкой. И она тихо сказала:

– Я внимательно прочитаю. Зайдите через часик...

Через час я застал ее над моими страничками. Лицо моей начальницы было печальным. И – скорее усталым, чем бодрым.

– Понимаете, Владимир Иванович, – тише, чем обычно, начала она, – мне вас нечем порадовать. По серьезному счету, это... – она ладошкой хлопнула по моему сценарию, – тоже никому не нужно...

Меня эти слова как ошпарили. Я думал, что после пережитого в столовой автобазы сумею вдохнуть жизнь в рассказ о Праведном. И эту ночь работал, словно пел...

– В чем ваша беда? – грустно продолжила Александра Павловна. – У вас тут всё слова, слова, вроде правильные слова... Вот: «один из творцов этой радости – Антон Праведный – коммунист, строитель, просто шофер». Мне кажется, самому Антону Ивановичу будет неловко слушать это... Вы все время говорите, говорите. А надо ведь *показывать!* В этом суть всякой журналистики...

Вышел я от нее, словно в похмельюге. Меня качало, подташнивало... подталкивало. И подтолкнуло к кабинету директора телестудии. Геннадий Ильич выслушал мою полубредовую речь, воспринял ее как жалобу и тут же вызвал Александру Павловну.

– Владимир Иванович весьма расстроен... – начал он осторожно, щадя и жалобщика и ту, на которую пришли с жалобой. – Вы в четвертый раз забраковали его сценарий. Это тяжело вынести, согласитесь...

– Точнее, в пятый... – тихо откликнулась Александра Павловна.

– Даже в пятый? – поднял брови директор. – Но, может быть, не стоит просто браковать сценарии, а помочь товарищу? У вас же огромный опыт, Александра Павловна.

Урусова вскинулась при этих словах, но, взяв себя в руки, встала и, как и в первую нашу «тройственную» встречу, негромко сказала:

– Я поняла вас, Геннадий Ильич. Можно идти? – и вышла, а я остался наедине с директором и своим отчего-то вспыхнувшим лицом.

– Может, мне лучше уволиться? – вытолкнул я из горла комок.

– Это решать вам, Владимир Иванович, – сказал Осипов. – Но, я помню, вас к нам направил отдел пропаганды и агитации крайкома. Направил!

Потом был Праздник, была упомянутая ранее трансляция торжественного собрания из драмтеатра.

Потом так случилось, что знакомый майор из краевого управления милиции чуть не среди ночи вытащил меня посмотреть на группку подростков, которые отметили окончание ремесленного училища разгулом и грабежом доброй сотни горожан, собравшихся на обском острове

отдохнуть в выходной день. Выходка пацанов была столь дикой, кричащей, что я без раздумий занялся этим делом и в течение двух месяцев подготовил три сложные телепередачи под названием «Как случилось?..» Забегая вперед, скажу, что две из них транслировались на Алтайский край и Новосибирскую область и вызвали множество откликов... Но об этом чуть позже, поскольку это еще один пробный камень сюжетной линии «гл. редактор Урусова – ст. редактор Литвинов».

Через несколько дней после встречи у директора я принес своей Главной *шестой* вариант сценария об Антоне Праведном. На сей раз он был аж на шести страницах, то есть сильно распух против предыдущего, и мне казалось, что теперь-то я раскрыл образ удачливого шофера. А. П., прочитав текст при мне, долго играла пальцами с нижним уголком машинописи, я напряженно ждал.

– Устами директора студии... вы упрекнули меня в том, что я терзаю ваши сценарии и вовсе не помогаю вам их писать... – напряженно заговорила она. Я промолчал, почувствовав дискомфорт где-то у копчика. – Смотря что понимать вообще-то под понятием «помощь», – она сделала паузу. – Но и этот ваш вариант... я не подпишу в эфир! Хотя он и чуть лучше прежних...

В голосе ее зазвучала руководящая твердость, а я не могу сейчас сказать, чего во мне в ту минуту было больше: отчаяния от своей неумелости или злости на нее за непомерную требовательность. Казалось, что она просто не понимает мои работы...

– В этом вашем варианте опять изрядно словесной трескотни. И мало мысли, – продолжала изничтожать меня Урусова. – Совсем уж мало... души. Вы, помнится, рассказывали мне, как плакали шоферы-фронтвики в своей столовой. Почему же этот душераздирающий эпизод никак не отражен в сценарии?

...Будь это сегодня, я бы в ноги поклонился своей Главной за такую учебу, а тогда я *бзыкнул* и сдуру выкинул фортель, который она имела полное право не простить мне никогда.

К нам из Новосибирска нагрянул на предмет творческой помощи известный режиссер В. Беспалов, ибо новосибирцы были и есть в творческом плане посильнее других сибиряков. И я подсунул ему для прочтения своего *последнего Праведного*. Думал, вдруг гость подскажет что-нибудь путнее. А он возьми да и заяви в своей обзорной речи на нашей летучке:

– Тут Литвинов дал мне свой сценарий о шофере. Мы по таким сценариям снимаем фильмы. А у вас их бракуют главные редакторы... Причем, кажется, в шестой раз.

Меня эта похвала бросила в жар. Александра Павловна, я увидел, вздрогнула и низко опустила голову.

Ни в тот день, ни в следующий она не сказала мне ни слова. Но, видимо, Беспалов счел нужным отдать мой сценарий именно ей, и она, возвращая его мне, горестно произнесла:

– Ну что ж... Одни стараются получше писать, другие жалуются то директору, то заезжему режиссеру. Право на это есть... – и твердо добавила: – Но подписывать ваши сценарии к эфиру ни директор, ни гость не будут... Это моя обязанность.

...До сих пор храню все шесть своих так и не прошедших в эфир «Праведных» и давно понял, что Александра Павловна по отношению к ним была совершенно права. И с грустью вижу, что мои сегодняшние коллеги пишут точно такие же опусы, только вот нет на них нынче Александры Павловны...

Так случилось...

Итак, о той многосерийной передаче про подростков, которая резко изменила мою ситуацию.

То ли Александра Павловна не страдала злопамятностью, то ли увлеченность, с какой я взялся за проштрафившихся пацанов, импонировала ей, ни в лице ее, ни в тоне в дальнейшем никак не проявлялось досады или обиды за мое фискальство директору и гостю из Новосибирска. Однако первый вариант сценария передачи «Как случилось?..», где я азартно описывал-расписывал куцые био-

графии подростков и их «подвиги» на острове Невестинском, она сразу же отправила в корзину:

– Расписывать все эти дурости большого ума не надо! – четко обозначила главный редактор свою позицию. – Проанализировать причины этого и как-то обозначить пути борьбы с беспределом правонарушителей – вот что интереснее и нужнее.

Для «анализа и поиска путей» я пригласил в передачу по одному представителю из крайоно, крайкома комсомола и краевой милиции. Особенно ликовал, предвкушая успех, когда обсуждал тему с капитаном милиции Ниной Васильевой, обладавшей потрясающе яркой внешностью и ловко подвешенным языком. Она столь зажигательно рассказывала, как они в детских комнатах милиции увлекают и развлекают подростков, как буквально в считанные месяцы делают из них чуть ли не паинек, что мы, остальные участники предстоящего разговора, только цокали языками да руками всплескивали!

А на трактовой репетиции я едва не лишился сознания. Ровно, умно отговорили учитель Г. Рубченко из крайоно, комсомолка Р. Сидорова, и я, почувствовав некую флегму в передаче, добавил пафоса, чтоб вывести на разговор красавицу-капитана, нет, умницу-капитана! А она, сидя в кадре вальяжно, многообещающе, вдруг покрылась багровыми пятнами, разверзла, как перед приступом эпилепсии, искривившийся рот и утробно провещала:

– М-мы, выполняя указания... – и замолчала, не закрыв рта.

– Простите, Нина Васильевна заволновалась, – во рвался я в эпицентр ее паники, – а у меня еще один вопрос к педагогу...

Г. П. Рубченко, ветеран просвещения, умница и тактичнейшая женщина, четко и кратко ответила на незапланированный вопрос и мягко пришла на помощь терпящей крушение женщине:

– Нина Васильевна, – мягко осведомилась она, – у вас, наверное, есть свои дети?

«Молодчина, – восхитился я про себя, – меняет тему разговора, чтобы вывести бедную милицию из ступора...». Но!

– Й-я-а! Мм-мы... выполняя... – опять заколодило капитана, и она, вскрикнув: «ой, я не могу!» – закрыла лицо руками.

«Ну, б..., рухнула передача!» – у меня затряслись колени, испариной покрылась спина. Я кое-как взял себя в руки, вывел на разговор «комсомолку», и она, умница, развила свою воспитательную позицию, а я мягонько, ласковенько, для чего понадобилось опустить мою горячую ручищу на охолонувшую ручку обаяшки из милиции, сказал, нет не сказал, а проулыбался словами:

– А сейчас мы попросим нашу милую Нину Васильевну привести нам несколько примеров по перевоспитанию подростков. У них столько интересного в детских комнатах милиции!

О Господи! Лучше бы я этого не говорил, ибо Нина Васильевна, начавшая было успокаиваться, вдруг дико вытаращила глаза и задушенно выкрикнула: «Мммм-ыыыы!»

Это было все, что она сказала до конца трактовой репетиции!

Весь мокрый и будто зашибленный редактор, двое женщин, несколько обескураженные, и Нина Васильевна, качающаяся, как та несчастная рябина, пошли на обсуждение репетиции. Я предвидел разнос и... вынос!

Главреж ЗБГ, Александра Павловна и вся группа выдачи от ассрежиссера до шефа-осветителя были уже в кабинете.

Захарий Борисович собрался было, по обыкновению, произнести глубокоинтеллектуальный монолог, сводящийся обычно к совету: за те пять часов, которые остались до выхода в эфир, поработать над тем-то и тем-то, как Александра Павловна радостно и душевно произнесла:

– Ну что? Все нормально. Всем спасибо! До 18-ти часов можно съездить домой, отдохнуть. А затем – в эфир!

– Мило улыбнувшись каждой из женщин, она пошла из кабинета, а мы – следом.

Век не забуду ту передачу! Ни на одной другой со мной такого не приключалось. Это же нарочно не придумаешь, чтобы соловушка-милиционерша так «опарафинилась» на репетиции (я чудом не схватил тогда инфаркта!); чтобы строжайшая моя начальница вдруг расхвалила ну уж явный провал; чтобы удушенная на репетиции капитанша на передаче (в прямом эфире!) заговорила так, что я еле одерживал ее, чтобы дать другим вставить хоть словечко!

Не забуду и реакцию на эту передачу.

Директор студии телевидения Г. И. Осипов, встретившись на второй день в коридоре, ухватился за мою пуговицу и прорычал:

– Впредь – не скулить об уходе! Можешь работать! – и я воспрял.

А главный редактор литературно-художественного вещания Вадим Явинский при встрече протянул:

– Ничего-о! Однако... косноязычен же ты, старик! – и я чуть-чуть вспотел.

Александра Павловна, вызвав меня, с потеплевшими глазами задумчиво проговорила:

– Все нормально. Но надо проследить за ходом этого дела. И дать еще одну передачу. Возможно, репортаж из зала суда. При этом как-то родителей... родителей задействовать! – и я засиял.

Через месяц-полтора такая передача вышла. Она транслировалась на весь Алтай и Новосибирскую область. Телезрители засыпали нас письмами. Они бережно подшиты мною в приличную по весу папку.

...– А днем рождения тележурналиста Литвинова, – то ли лукаво, то ли со сдерживаемой теплотой сказала мне Урусова, – можете считать 4 декабря 1965 года, канун Дня Сталинской Конституции... – и она улынулась всем лицом. И глазами, и губами, и немалым уже количеством своих морщинок.

Надо сказать, рождение это мне далось не легче, чем матерям дается выстрел в свет пятикилограммовым дитятей!

За последующие 33 года мне, кажется, только еще разочек удалось в одном телерассказе использовать такой конгломерат жанров, как в памятной «Летописи Ярыгиных»: и диктор в кадре с полухудожественным текстом, и мини-постановка с актерами, и киносъемки, и фоторепортаж, и прямой репортаж по ПТС с семейного торжества по случаю Дня Конституции, причем, поскольку попеременно включались то павильон студии ТВ, то ПТС (передвижная телестанция), заброшенная на край города километров за семь от телецентра, работали две постановочных группы числом эдак человек в сорок.

А героя – знаменитого экскаваторщика, лауреата Сталинской премии Никифора Ярыгина, вернее, его семейную династию экскаваторщиков, – мне подарила, конечно, Александра Павловна. И, поощренный ею таким образом, я расстарался (с тех пор имел над собой ни много ни мало *тринадцать* главных, но они и все вместе не подарили мне столько тем и идей, сколько одна Урусова!). Хочется привести здесь фрагмент из этой передачи – некую придуманную мной на основе воспоминаний ветерана-строителя вставную пьесу.

Кабинет начальника участка стройки 30-х годов. Большое, в полстены, окно. В него видны строящиеся корпуса Горьковского автозавода и странный экскаватор, задравший хобот. Начальник участка говорит по телефону. Слева – нога на ногу, издевательски пыхая своей сигарой, американский инженер.

НАЧАЛЬНИК (кричит): Да знаю, знаю!.. А что я могу сделать, что? Вишь, вон стоит, задрал хобот (указывает рукой в окно). Ну?.. Да где я тебе возьму машиниста?.. Есть, говоришь? Ярыгин? Чего ж ты, черт, душу мне мотаешь?.. Давай его сюда. Уже ушел? Добро! Все? Ну, давай... (Кладет трубку. Обращается к инспекту). Парня подыскали. Будет машинист, господин инженер!

АМЕРИКАНЕЦ: Это есть фантазий... (Пускает кольца дыма). Ваш правительство жалеет деньги. Вы нам деньги – мы вам... специалист. Большой квалификаций!. Без специалист техника – металл. Как это по-русски? «Не помажешь, не поедешь!» (Довольный, хохочет).

НАЧАЛЬНИК: Ничего, господин инженер, дайте срок! Будут и у нас толковые механики. (Стук в дверь). Да, да! (Входит кто-то, останавливается спиной к камере). Слушаю вас.

ЯРЫГИН: Ярыгин я, товарищ начальник. Мастер сказал, машина тут у вас.

НАЧАЛЬНИК (живо): Давай сюда, садись... Где на механика-то учился?..

ЯРЫГИН: Курсы трактористов... у нас в деревне прошел.

АМЕРИКАНЕЦ (встает, усмехаясь): Как это по-русски будет сказать?.. «Не в лошадь – овес!..»

НАЧАЛЬНИК (озадаченно): М-да... значит, тракторист... А экскаватор-то видал?

ЯРЫГИН: Да увидал, вон стоит. Мудреная штуковина... Поглыбже бы поглядеть надо...

НАЧАЛЬНИК: Ну, ладно. На вот инструкцию. Читать-то можешь?

ЯРЫГИН: А как же? Три класса кончил...

НАЧАЛЬНИК: Жаль, ну да ладно, инструкция все одно на ихнем языке. Может, хоть чертежи разберешь...

АМЕРИКАНЕЦ: Это смех подобно! Это абсолютно бесполезен! Механик надо учить от детства!

ЯРЫГИН: Так я пошел, товарищ начальник?

Киносюжет: замавленные руки листают замавленную инструкцию. Голос Ярыгина за кадром: «Ишь ты, хитрая штука! А ты не смейся, Рокфеллер, все одно разберусь!»

Панорама по приборам экскаватора. Руки прикасаются к рычагам, потом опять листают инструкцию. Голос: «Думаешь, напялил на башку котелок, так и умнее всех. У нас тоже котелки есть... Разберемся!»

Через затемнение - тот же кабинет. Начальник что-то пишет. Американец пыхает сигарой.

НАЧАЛЬНИК (не отрываясь от бумаг): Так вы, господин инженер, не хотите помочь Ярыгину разобраться в конструкции?

АМЕРИКАНЕЦ (выпустив дым): Я говорил вам – это бесполезен!

НАЧАЛЬНИК (едко): А я говорю: «как у вас говорят, это... не по-джентльменски!»

АМЕРИКАНЕЦ: Мне грустен, но вы заданий свой выполнит в конец другой пятилетки... как у вас говорят: «Морковкин заговенья».

Раздается грохот мотора экскаватора. Начальник и инженер бросаются к окну.

На киноплёнке: дрогнула стрела экскаватора, опустился ковш и загреб, загреб землю.

Из студии: крупно два лица: сначала – изумленное лицо американца, потом торжествующее – начальника участка.

НАЧАЛЬНИК: А цыплят у нас по осени считают, господин инженер!

Американец «закрывается» клубами сигарного дыма. Наплывом на сияющее лицо начальника – фотография сияющего Ярыгина.

На сохранившихся экземплярах сценария этого телерассказа почти нет поправок Александры Павловны. Так, небольшие пометочки... А я помню, как засветились ее глаза, когда она при мне прочитала этот довольно большой сценарий на одном дыхании, прочитала, обхватила ладонькой нижнюю часть лица. «Что с ней? – мелькнуло у меня в мозгу. – Неужто... губы вздрагивают?».

А дальше у меня пошла та-а-кая война!

С начальником ПТС: «Как мы в декабрьский вечер затащим параболу на крышу пятого этажа и будем там замерзать?» – восклицал он.

С начальником телецентра: «В дикий мороз мои люди попадают с этой крыши! Вы на преступление нас толкаете!» – возмущался этот.

С главным режиссером: «Вы столько всего впихали в свой, согласен, однако, неординарный сценарий, столько запрограммировали переключений с КСК на ПТС и обратно, что я не найду вам режиссеров и ассистентов, которые не наделали бы миллион накладок!» – шумел он.

После пошли бои с постановочными группами.

Режиссер, монтирующий все «картинки» на студийном пульте: «И диктор, и актеры, и фотографии... Да я столько площадок в павильоне не покажу тремя камерами!»

Режиссер на ПТС: «Квартира Ярыгиных мала! А народу за столом больше десятка! Какими объективами работать операторам?»

Я вот думаю: как это выходило, что чуть не при всех «наездах» на меня технарей и режиссеров *рядом* тотчас оказывалась Александра Павловна? И когда мой, вообще-то устойчивый баритон, от пылкости перепалок срывался чуть ли не на дискант, раздавался спокойный, сипловатый альт Урусовой:

– Так! Все успокоились... Не все? Кто особенно обеспокоен? Телецентр не знает, как спасти техников от падения с крыши и замерзания? А что, у вас тулупов нет? Или у вас нет ремней безопасности?

И опять: чуть возникали наскоки на меня, Александра Павловна «ледоколом» заступала нападающим подходы ко мне и таранила своим весом (в смысле: аргументацией и твердостью) одного за другим – *всех* нападавших и даже просто сомневавшихся в закономерности того или иного узла моей «Летописи Ярыгиных». Если нападение следовало сзади, она опять оказывалась в нужной точке и теперь «крылами» прикрывала мой тыл.

...Пишу эти строчки, а слезы застилают глаза. От горечи, что никогда больше и никто так ледокольно не за-

щищал меня. И от стыда, что вскоре после декабрьского «рождения тележурналиста Литвинова» произойдет его (МОЁ!) майское падение, ибо «слаб человек» и не защищен от «иудиного комплекса».

А потом случилось самое неприятное в моей жизни...

Сначала Александра Павловна не разрешила в эфир передачу о великом умельце и новаторе из числа сосланных народников В. К. Штильке, породившем настоящую культурную революцию на Алтае, а буквально вслед «зарубила» и сценарий о бывшем эсере Д. Г. Сулиме, начальнике штаба героически погибшего знаменитого красногвардейского отряда Петра Сухова.

Принципиальная коммунистка решительно заявила:

– В период подготовки к празднованию 50-летия Великого Октября мы не можем позволить себе популяризовать народника и эсера!

Меня растрясло и разнесло. Я, не думая, ворвался в кабинет директора студии и чуть ли не со слезами попросил его передать молодежную редакцию вместе со мной в состав литературно-художественной главной редакции. То есть из подчинения А. П. Урусовой – в подчинение Вадиму Явинскому. Геннадий Ильич выслушал молча, хмыкнул удивленно и тихо позвонил:

– Александра Павловна, спуститесь, пожалуйста, ко мне...

Александра Павловна осторожно миновала проем двери, с покорной улыбкой поздоровалась с директором и тут увидела меня. Маленькая черненькая тучка пробежала по ее лицу, но ничего, как всегда, не сказав, не спросив, моя шефиня изготовилась слушать.

– Владимир Иванович... – Осипов сделал выразительную паузу, – настойчиво просит передать «Молодость» в подчинение Вадиму Яковлевичу. Что вы на это скажете?

И... повисло тягостное молчание. Я спиной ощутил, как вздрогнула Александра Павловна. И до сих пор помню, как она молчала. И никогда не забуду, как она прошептала:

– А что я могу сказать на это... – вдруг встала и пошла к двери. Я успел увидеть ее глаза, полные слез.

Ее молчание – меня оглушило. Пришла тягучая, злая обида – на все, на всех. На себя. И не хотелось работать, «изыскивать».

Хотелось завывать...

Так, эпизоды, фразы

(Из давних записей, писем)

Прежде, чем предаться расшифровке давних записей, закончу рассказ о... третьем моем предательстве, ибо я уверен сейчас, да и тогда, когда, поддавшись минутному душевному взрыву, переметнулся «под другое крыло», был уверен, что поступил «по-иудинному», но я в общем-то быстро опомнился. Однако «локоть близок, да не укусишь»!

Два или три месяца я все-таки поработал в составе команды Явинского, но стыд мучил меня, приходилось, издали увидев Александру Павловну, заскакивать в какой-нибудь ближайший кабинет, чтобы не увидеть в ее глазах презрение. Хотя... сейчас вот думаю, вряд ли было оно, презрение. Скорее Александре Павловне тоже было стыдно, но за меня. Стыдно и безмерно больно...

Мне удалось уговорить Вадима Явинского, чтобы он под благовидным – и принципиальным! – предлогом попросил Урусову... забрать «Молодость» с Литвиновым назад, а я к этому времени наберусь мужества, приду к Александре Павловне – повинюсь, извинюсь и зарекусь подличать. Стратегия и тактика оказались верными: Александра Павловна меня простила и пустила «в свой дом». *К счастью моему, она тиранила меня еще три года!* Спасибо тем годам!

А теперь о том, что запомнилось, нет – врубилось в память – и было вроде ориентиров в работе и поведении...

* * *

Весной 67-го с бригадой я поехал в Родинский район, где за десяток лет до этого работал в газете «Дело Октября» и первым секретарем райкома комсомола. Была идея – сделать теплую передачу «Село наше – Родино» с блестящими патриотизма, крупинками новизны, ибо был канун 50-летия Октября.

Когда мы там все сделали и собирались домой, последовал телефонный приказ Урусовой: «Срочно переброситься в Благовещенский район и оперативно дать репортаж о выдвижении доярки Н. Мусатовой кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР!».

Потом были (в основном из-за поиска транспорта и неминуемых ввиду этого опозданий) нервотрепка и бессонные ночи, работа впроголодь и мат-перемат. Успели, несмотря на весеннее бездорожье, снять репортаж. Но из-за треклятой русской «штрафной» (да не одной!) влип я в скандал с «тоже-пьяным» проводником поезда, потом попал под кулаки милиции, потом... под судебный штраф.

Вернувшись в редакцию, тут же написал в партбюро «донос» на самого себя, но коллеги мои, а я был замом секретаря партбюро, что-то долго «телились», потом в спешке схватились за меня, ибо бдительный судья прислал на меня компромат аж секретарю-идеологу крайкома партии. Оттуда последовало: «Со всех постов его и из партии – во-он!».

На собрании я честно все изложил. И такое тут началось! Ортодоксы кричали «во-он!», осторожные помалкивали, нашлись и такие, что спросили руководство: «Ну выгоним его... За случайный срыв?»

Партсобрание студии ТВ... не подчинилось приказу самого крайкома! Мне от макушки до пяток налепили разных наказаний, но с работы не уволили и из партии не исключили. 20 человек из 30 присутствующих заступились за меня. Правда, о прямых выходах в эфир «по-советовали» на время забыть... Помню, мелькнула тогда у меня в голове мысль: «А есть ведь и такая партия!»...

* * *

Предвыборный репортаж прошел. Через неделю был готов и сценарий передачи «Село наше – Родино». Я пришел к Урусовой:

– Как быть? Идея-то в том, что Родино не только наше, но и мое.

– И пиши так, – не понимая меня, сказала Александра Павловна.

– Но собрание запретило мне появляться в эфире... полгода.

– Вот еще... дурь! – буркнула главный редактор. – Передача проиграет, если ее будет вести другой! А главное для нас – все-таки передача... – и она уткнулась в бумаги.

Облегченный душой, рванул я к своему сценарию!

* * *

– Терпеть не могу недоношенные идеи! – возмутилась Александра Павловна, когда я принес ей первый вариант сценария про комсомольца 30-х годов, колоритного красавца Василия Безрукова. – Доноси... потом приноси! А то я не пойму: это просто о нем или о времени? И запомни: паршивая штука – недоношенные идеи!

* * *

С благословения А. П. («Ты все по историческим личностям ударяешь! Где герой сегодняшней?») я «перехватил» идею «Комсомольской правды» и начал цикл телеочерков под рубрикой «Социальный портрет». Помню, А. П. с удовлетворением подписала в эфир моего «Токаря № 1» о Николае Печенине с Алтайского моторного завода, долго билась, чтобы отправить в Москву на ЦТ очерк о комбайнере Алексее Предеине из совхоза «Новоалтайский», а прочитав рассказ о наладчике полуавтоматов Василии Миргородском с того же моторного, удивленно взметнула брови:

– Когда это ты, Владимир Иванович, успел поработать наладчиком, да еще и полуавтоматов?

– Да не был я никогда наладчиком!
– А написано так... словно работал! – она как-то жалобно улыбнулась и промокнула глаза уголком платочка: непрошенные слезинки выдали ее радость.

* * *

Уникальная у нее была манера работать над своими собственными передачами! Она считала, например, что главный редактор не имеет права часто «мелькать в кадре», «отбирать заработок» у своих подчиненных, да и «если делать передачи часто, качества... не жди». Во-вторых, каждый свой сценарий просила распечатывать в пяти-шести экземплярах (по числу подчиненных редакторов) и раздавала нам эти экземпляры, прося:

– Почитайте, пожалуйста, не торопясь. Мне очень интересны ваши замечания и советы по сценарию.

Когда она первый раз подошла ко мне с этой просьбой, я оторопел: что можно посоветовать самой Урусовой? И тут же ляпнул это ей.

– Не надо так, Владимир Иванович, – потемнела она лицом. – Автор не все видит в своем творении, и любой, даже незначительный совет, может оказаться очень нужен ему...

Позже я и сам, получив текст с машинки, в первую очередь давал его почитать старичку, который работал у нас помощником режиссера, и с волнением ожидал его суда... Немудрящие его мысли не раз, бывало, помогали мне!

* * *

Однажды я заикнулся, что при зарплате в 120 рублей (напоминаю, это были 60-е годы!) гонорар в 70-80 рублей маловат. Взгляд у Александры Павловны в момент стал колючим и жестким.

– А вы не пробовали заработать эту же сумму... на заводе?

И мне как-то сразу расхотелось продолжать разговор.

В другой раз она вдруг спросила:

– А кем вы работаете у нас?

– Да вроде старшим редактором.

– Вот именно, вроде... По вашему костюму видно...

Я расшибся в лепешку, влез в долги, но купил 70-рублевый болгарский костюмчик.

– Ну вот! Старший редактор пришел! – восторженно встретила меня А. П., когда я, обновленный, вошел к ней через парочку дней.

* * *

Случилось, что я оказался в стационаре. Был я тогда холостым, почти одиноким, думал, что никому не нужен. Но, хоть часы проверяй, после тихого часа ко мне в палату, отдуваясь от жары и усталости, втискивалась... Александра Павловна. И волокла каждый раз то помидоры с огурцами, то арбуз здоровенный, то колбасы чуть не кило. За три недели лечения, она, ей-богу, раз десять поднималась на четвертый этаж госпиталя. Угощала меня и кратко, так сказать, конспективно знакомила с новостями края и города, родного ТВ... Ее визиты радовали и... немало ранили меня. Жалко было, что не сын я ей.

* * *

Однажды, ворвавшись к ней, я увидел Александру Павловну уронившей голову на скрещенные на столе руки, вздрагивающей от тихих рыданий.

– Что с вами? Случилось что-нибудь?

Она подняла голову, вытерла платочком глаза, щеки и сказала слова, которых я уж никак не ожидал:

– Знаешь, я только сегодня, Володя, поняла, насколько тебе работается и живется труднее, чем всем нам. Хоть и написала Зоя Александрова в «Известиях», что свой костюль ты носишь как украшение к костюму... но как же тебе трудно!.. – помолчала и еще сказала чего я не ожидал: – Только вот поняла я эту простую истину, когда самой стало... совсем плохо. Опухоль у меня нашли...

* * *

А вскоре она пригласила меня к себе домой – попрощаться. Уезжала в Оренбург, как считалось тогда, «по семейным обстоятельствам». Присутствовали на проводах тогдашние руководители телерадиокомитета, инструктор по печати крайкома партии, писатель Виктор Попов, его супруга, собкорр «Известий» Зоя Александрова... Между этими высокими особами Александра Павловна почему-то решила затесать и меня, малозначимого тележурналиста.

Сама она, таская и расставляя выпивку и закуску, балагурила, смеялась, пытаюсь создать атмосферу непринужденности, но посиделки были-таки грустноватыми, кое-кто из гостей даже на часы украдкой посматривал. Вот им-то и врезал Виктор Попов своим тостом:

– Саша, – сказал он с улыбкой, но едко, – за твой отъезд я пить не буду. Это горе! Горе не только нам с Зоей, всем журналистам телевидения и радио, но и для всех телезрителей и радиослушателей. Я выпью за то, чтобы хватило здоровья и сил тем, кто тебя толкнул к отъезду... Пусть им достанет силенок работать так, как работала ты... Пусть сумеют они сделать то, что удалось сделать тебе. Сделать – и пупки не надорвать! – и он лихо опрокинул стакан в рот. Те, кого это касалось, изображали вид, что их это не касается, и тоже опорожнили стаканы со словами: «Правильно... В точку...».

* * *

Вторую по сложности передачу после «Летописи Ярыгиных» (и качеству тоже!) – «Даю вам последний урок» о мужестве учителей города Камня-на-Оби в годы революции, гражданской и Великой Отечественной войн – я начал делать еще при Урусовой, а заканчивал уже при новом главном редакторе – А. Воейкове. Даже не прочитав до конца первой страницы моего сценария, он принялся сосредоточенно зачеркивать мои строчки и писать сверху свои, да так увлекся, что вторую страницу переписывал, вовсе не читая ее.

«М-да, сия «школа» не много даст толковых выпускников!» – хмыкнул я про себя и попросил, если есть замечания, высказать их, а уж писать за меня не надо...

Запахнувшись дымом сигареты, главный нехотя отдал мне листы.

К слову сказать, получив сценарий уже для работы, режиссер Борис Андреевич Вахрушев, вскричал:

– Вы такое наворотили, Владимир Иванович! Где я вам найду актрису, которая сумеет в кадре целых пять минут... молчать за несчастную арестантку Кадыкову?

– Но не могла же Ефросинья Кадыкова после того, как крысы в одиночной камере съели ее новорожденного ребенка... еще и говорить что-то... этому извергу-колчаковцу, – возразил я. – Она и молчит! А сыграть это, наверное, сможет Перфильева. Не зря же она в Барнауле – единственная Заслуженная артистка России! Кстати, этот эпизод очень понравился Урусовой... – и Борис Андреевич, помолчав, пошел к себе.

...Через два месяца после отъезда Урусовой в Оренбург я тоже уехал – в Караганду. Здесь вскоре и получил от нее большое хорошее письмо, где она сказала: «Вот уж не могла и подумать, что ты решишься на отъезд из Барнаула». К письму была приложена разработка серии передач по бытовому обслуживанию горожан. «Может быть, тебе это пригодится...» – такая была трогательная приписка... Письма с такими «приложениями» я получал до самой ее смерти.

...Александра Павловна Урусова, к сожалению, не оставила после себя ни книг, ни ученых трактатов. Ушла из жизни как бы незнаменитой. Но вот уже тридцать лет она – в моем сердце, в каждой строчке, написанной мною за эти годы. И уверен, не только в моей.

Июнь 1998 года

(Очерк публиковался в журнале «Алтай». Барнаул, 2000 г.)

Неколебимый...

*или Десять эпизодов из руководящей
деятельности многогордого Д. Т.*

Разве ж я хоть что-то разешил?
Разве я вошел куда без стуку?
(Из песни бюрократа)

«Я, как председатель...»

Он пришел к нам на летучку на третий день после своего назначения. Слушал, казалось, без интереса, будто тут не присутствовал. А в конце, выступая, несколько раз надавил: «Я, как председатель комитета... считаю... заявляю...»

После летучки я остался в кабинете главного редактора и сказал: «Хотел бы поделиться с новым начальником некоторыми мыслями». Он отнесся к этому благосклонно, даже улыбнулся ободряюще.

Но стоило мне произнести: «Пусть не обидится на меня главный, но долгие планерки, которые он проводит ежедневно, мешают работе коллектива – сбивают с ритма, часто портят людям настроение...», как он отрубил:

– Я, как председатель, заявляю, что такие планерки теперь будут проводиться во всех подразделениях комитета!

– Прошу прощения. Мне кажется, что у нас неправильно организована работа дикторов: они разрываются между радио и телевидением. Бегают и зимой и летом, то туда, то сюда. И работать над текстами на радио у них нет возможности, – скороговоркой выпалил я, еще на что-то надеясь.

– Я, как председатель комитета, заявляю: так будет и впредь!

– Мы не печатаем программы радио в газетах, не даем их ни по телевидению, ни даже у себя по радио... –

эта фраза еще не успела выползти из моего горла, как последовал энергичный ответ:

– Я, как председатель, считаю, что... нам надо быть скромнее!

Меня взорвало:

– Если человек, вчера назначенный председателем, сегодня то и дело долбит «Я, как председатель!..» и тут же отмечает все предложения, вряд ли он действительно будет председателем! – и выскочил из кабинета главного.

Интересно то, что через несколько дней все, что я предлагал, и что тут же отметал новый наш начальник, было сделано! И ежедневные планерки исчезли, и дикторов разделили между РВ и ТВ, и программы радио появились в газетах. Метаморфозы, да и только!

«Начинать надо с достижений!»

За месяц до этого, еще при старом председателе, меня посылали в соревнующуюся с нами Павлодарскую область. Павлодарцы, надо сказать, к моему визиту отнеслись очень доброжелательно, мне предоставили на несколько дней автомашину, дали магнитофон, организовали встречи с несколькими руководителями города и области, сопровождали на несколько предприятий, потом на радио выделили мне пленку и переписали мои многочисленные записи с «Репортера», устроили пышные проводы «на уровне» председателя их облте-лерадиокомитета. И мчался я домой окрыленный, с интересными планами – дать аж три передачи под рубрикой «Радиомост Караганда – Павлодар». О том, как павлодарцы холят свой город. О том, как они чуть ли не на всех предприятиях наладили выпуск товаров широкого потребления. Смех да и только, но перед отъездом в Павлодар я у нас не мог купить пижаму, шарфик и еще что-то, а в Павлодаре все это было. И не заводное, а свое. Пижамы они, помнится, выпускали... на кирпичном заводе! В третьем репортаже я хотел рассказать о сотрудничестве между карагандинцами и павлодарцами, о проблемах этого

сотрудничества. Чтобы была и звуковая гармония, я записал подачи и закрытие «радиоканала» в исполнении и павлодарских и карагандинских дикторов, сопроводив все это позывными радио Караганды и Павлодара. Но мой «проект», как принято сейчас говорить, лопнул, едва коснувшись о деревянную стену деревянной логики нового председателя!

Его категоричное «нет» отмело и саму форму «радиоканала», и построение цикла...

– Что это еще за радиомост? – заворчал он, когда я решил с ним посоветоваться, поскольку главный редактор оказался в отпуске. – Телемост – это понятно, идет прямой эфир, а вы делаете монтаж.

– Это начало цикла, и мы договорились с павлодарским радио, что в следующих передачах используем и прямые телефонные репортажи, – пытался пробиться я сквозь начальственное раздражение.

– А что это за подход – начинать с чистоты города, а не с достижений павлодарцев в промышленности и сельском хозяйстве? Чушь какая-то! – председатель брезгливо откинул мой сценарий. – В эфир не пойдет! Я как председатель...

И как я ни пытался объяснить, что у павлодарцев первое, что бросается в глаза, это удивительная чистота улиц, от чего и воздух свежее, и лица у горожан светлее, начальник был неумолим: «Нет! Я, как председатель...» А ведь шел ноябрь, и каждый день мог снять вопрос о наведении порядка на наших улицах – под снежным покрывалом наши окурки и бумажки припрятаются.

Несколько раз звонил главный редактор радио Павлодара, Кузьма Семенович Тюрин: когда пришлете передачу, мы её уже дважды ставили в программу – а мне было нечего сказать. Месяца через два мое терпение лопнуло, и я отправился к секретарю обкома партии К. А. Аманбаеву, рассказал ему все. Он молча выслушал и тут же позвонил моему главному редактору:

– У вас почему-то залежалась передача Литвинова о Павлодаре. Её бы надо дать в эфир.

И на другой день «Радиомост» был в эфире. Но две других передачи о павлодарцах я подготовить не смог. Не пела моя отравленная душа – и все тут!

Как память об этом случае остались позывные павлодарского радио, которые уже шестой год служат позывными моей авторской радиопрограммы «Земляки».

«Вернитесь, я поставлю подпись!..»

Было у меня такое правило, когда выпускал «Последние известия»: раз в неделю вырваться из редакции и, загодя договорившись о встречах, проскочить по нескольким адресам – завод или фабрика, шахта или учебное заведение, а в конце дня – какой-нибудь из ближайших совхозов, взять коротенькие интервью или о событии или по какой-то проблеме. Работал-то в редакции один, и выпуск тогда был десятиминутный, надо было его как-то делать разнообразнее и *географичнее*, что ли. И уж конечно поострее.

Вот и отправился я однажды с таким планом: как сейчас помню, взял интересные интервью на шахте «Стахановская», фабрике «Динамо», на предприятии слепых, в Октябрьском райотделе милиции. После обеда меня ждал директор комбината стройпластмасс Идеал Мусалимов, а за ним главный агроном совхоза имени Свердлова А. Крупский. И вдруг шофер заявляет:

- В совхоз не поеду. У меня он в путевке не обозначен.
- Так впиши его в путевку.
- Не имею права. Приказ новый вышел, только председатель может разрешить выезд за черту города.
- Господи, да я же пятнадцать лет маршрут сам указывал шоферу!
- А теперь только председатель.

Звоню председателю прямо из кабинета начальника милиции в том смысле, что шофер не едет в совхоз, и слышу железный ответ.

- Правильно делает, это мой приказ.

– Но ведь мы буквально в трех-четыре километрах от совхоза! И в шестнадцати... от вас!

– Возвращайтесь сюда, я поставлю подпись.

– Простите, Д. П., шестнадцать километров отсюда, к студии, потом шестнадцать километров – обратно! Сколько времени! Сколько бензина! Не проще ли сказать шоферу, чтобы внес в путевку совхоз?

– Нет, я не буду нарушать свой приказ. Возвращайтесь, я поставлю подпись, и поедете обратно.

Я отправил «за подписью» шофера. А сам занялся милицией для другого сюжета. Шофера не было почти до шести вечера, так что милиции пришлось отправлять меня на попутных до студии. Где-то на полпути мимо нас промчался в Майкудук мой шофер с начальственным разрешением ехать в совхоз... Коту под хвост ушли и мои планы, и драгоценное для редактора «Последних известий» время, и бензин, и нервы.

Зато приказ принципиального председателя остался девственным.

«Не будем будоражить население!»

Лето 89-го года. Забурлили шахтерские страсти. Началось в Шахтинске на «Казахстанской», перекинулось в Сарань, Караганду.

Раненько утром я прибежал в редакцию «ПИ», звоню Д. Т.:

– Дайте машину, я смотаюсь в Шахтинск. На забастовку.

Категорическое, как обухом по голове:

– В Шахтинск ехать запрещаю. Не будем будоражить население!

– Но мы же не имеем права молчать!

– За этот запрет отвечаю я! И прекратим об этом, В. И.!

– Хорошо. Но хоть на шахту Костенко я могу поехать?

– На Костенко езжайте. Но чтоб никаких забастовок!

– и гудки в трубке.

Еще не было и 9-ти, когда я вошел в кабинет директора костенковцев Гульницкого:

– Как тут у вас, Николай Сергеевич?

– Пока спокойно, – ответил директор, – люди готовятся спускаться под землю.

– А как вы считаете, все это... к худу или к добру?

– Бастовать у нас – это же не против хозяина. Против себя...

Вместе пошли на общий наряд. Слушали по селектору доклады с шахт – почти везде волнения. В забой ушли только несколько коллективов. И вдруг здесь, в спокойном зале костенковцев, по людям прошла какая-то нервная дрожь. Это, прорвав выставленное Гульницким ограждение, в полной подземной амуниции к трибуне устремилась пятерка незнакомых шахтеров. Их лидер не дал и опомниться хозяевам:

– Я Вячеслав Сидоров, взрывник с шахты имени 50-летия Октябрьской Революции... Мы зовем вас на общий митинг. Поддержим забастовку шахтинцев!

И тишины в зале как не бывало. Разобрались по участкам и там пошли, что называется грудь на грудь... А я рванул на 50 ЛОР. Перед шахтой дорогу преградил пикет, но стоило мне открыть дверцу «Волги», как шахтеры закричали:

– Редактор едет! Редактор едет! Пропусти!

Возник коридор до самой трибуны, вернее до съездившегося под трибуной человека в светлой рубашке с короткими рукавами. Подойдя, я узнал директора шахты П. П. Нефедова:

– Вот видишь... – сказал он.

Пока я разматывал шнур микрофона, с трибуны, прямо над нашими с П. П. головами, принялся «взрывать» народ взрывник Сидоров, вернувшийся от костенковцев...

Вечером, когда я дописывал свой репортаж, мимо моих окон мощно шли на митинг тысячи шахтеров. Мой репортаж после рассказа о виденном говорил: «Человек родился, чтобы трудиться. Станки и машины строились, чтобы трудиться. И мой разум, и моя душа не понимают ситуации, когда человек сидит на площади, а станки и машины стоят без движения... Бороться за свои права надо! Но, может, лучше, не бросая работу?»

«Грозный» Д. Т. на радио не появлялся. На митинге его тоже не видели. А когда шахтеры потребовали трансляции митинга, он передал им, что для трансляции нет средств. И тогда последовал шахтерский ультиматум: если через час ПТС не приедет на площадь, руководство ТВ и РВ будет сметено! И митинг транслировался. До утра!!

Лето 91-го года. Будучи на больничном, я утром услышал о ГКЧП. Примчался в кабинет и, как и в 89-м, звоню председателю:

– Мне нужна машина. Дам мнения людей о том, что творится в Москве.

И тот же, что в 89-м, свинговый ответ:

– Нет! Не будем будоражить население!

Все-таки я сделал выпуск. И дал эти мнения.

Но выпуск в эфир не дали...

А через два дня Мукушев, Розенберг и Денисов...

«опередили» меня, использовав, кстати, и мои записи.

А всё этот осторожный Д. Т.!

«Доложу, что не подготовил передачу...»

Отшумела антителегинская смута. Стремительно и по всем правилам дворцовых переворотов в кресло председателя телерадиокомпании сел Б. Мукушев. А через год – новая смута, теперь уже с забастовкой. И проверенными партократическими приемами в пресловутое кресло втиснули У. Ахметова. Все это время многогордый Д. Т. был за нашим горизонтом. Перебивался, говорили, на бирже, в МЧП. А на областном радио в главных взлетали и отлетали временщики – Денисов, Батырханова, Кирличенко... На этом «демократизм» Ахметова и улетучился. Даже запаха не осталось. И тут в коридорах ТРК замелькал бодрый, улыбчивый и современно-джинсовый Д. Т. Свою многогордость он, кажется, притушил и здоровался со всеми за ручку...

Таким он и выглядел первые несколько месяцев на посту главреда радио. Душа-парниша, да и только! И программу свою «Ваша линия» нередко насыщал остры-

ми репликами и вопросами в адрес руководства города и области. И соскучившиеся по мукушевским «Контурам», радиослушатели даже потянулись к новому народному заступнику. А журналисты очень скоро раскусили: ну, во-первых, новый-то заступник в своей острой критике *никого* конкретно не трогает! Так, пуляет словеса в абстрактное «руководство»... а, во-вторых, ни один внутренний, наш вопрос, даже самый пустяковый, будничный, он не решает, всех куда-то к кому-то отфутболивает. И уже появилась в нем опять некая осанка, - та самая, истинно «евойная», многогордость. И вслед за нею выказались... зубки, сначала вроде бы просьбишка «ну, ты пойми, ведь спросят с меня за эту твою фразу... а я, сам понимаешь, закрепиться еще не успел...» А потом чуть не в каждой моей, например, передаче стал обнаруживать криминал или что-нибудь такое, что «там, как говорят, не поймут... Ты, как говорят, пойми меня...»

Никогда не забуду нервотрепки перед одним из Дней Победы! В «Земляках» ансамбль «Скань» пел довольно острые частушки. Из-за дефицита лекарств для ветеранов войны, из-за формально работающих магазинов для ветеранов доставалось там и мэру города (без упоминания фамилии), и главе областной администрации П. Нефедову, звучал припевчик и такого рода:

«Неужели президент наш не знает,
Что уж вся Караганда вымирает?»

Прослушав программу, Д. Т. сделал новое лицо – гордое, глубокомысленное, решительное:

– Это не пойдет. Убери про мэра. И про Нефедова убери. А где про президента, убери весь цикл.

– Но ведь здесь все – правда! И – это же частушки! Люди поют... А мы им рот закрываем? Тоже мне, областное радио...

– Ладно, как говорят...

– Тогда вот вам текст, вычеркивайте сами и пусть монтажницы вырезают. Я этого делать не буду. Мне стыдно за такую нашу работу!

– Я ничего *лично* вычеркивать не буду. Если сам не сделаешь, доложу председателю, что передача не была подготовлена. И можешь обижаться, как говорят...

Программа к Дню Победы не вышла, месяц лежала в столе. Все уговоры многогордого оказались напрасными. Долг перед участниками передачи – четверыми членами «Скани» вынудил меня похерить из частушек самый смак – и про мэра, и про Нефедова, и про Президента. Кстати, я как-то пропел мэру Ш. Уразалинову частушку про него – он изумился: «А что тут такого? Почему он запретил?»

– Да «княгиня Марья Алексевна», видать, не умерла. Вдруг чего скажет!

– Я смотрю, ох и работнички вы там... – махнул рукой Шаймерден.

«А что кроется за этим Монсальватом?..»

Кажется, в марте 95-го пришли ко мне домой известные карагандинские художники – Бегалин, Проценко, Пацюра, супруги Раковы и предложили сделать программу о... «государстве Великий Монсальват», которое они решили создать... Гражданами этого государства, замыслили живописцы, будут жители всей Земли и всех планет Солнечной системы, если какие-нибудь из них заселены. Центром государства объявляется Караганда, и в ней каждый год проводятся всемирные карнавалы, почище бразильских! На карнавалы съезжаются поэты, певцы, артисты, художники, философы и прочая, и прочая. Словом, государство создаётся с целью единения людей для всеобщей радости... И все в государстве – графы, князья, герцоги, таланты...

Я с великим удовольствием записал программу. И в конце её сказал: «Спасибо, друзья, за великолепную идею. И пусть вас станет больше, чем сейчас: принимайте меня седьмым гражданином символического Великого Монсальвата. А поскольку я журналист радио, принимаю имя «Рыцаря Неравнодушного Слова».

Многогордого Д. Т. мечта художников о всеобщем счастье не просто насторожила, она, мне кажется, переположила всю его умиротворенную душу! У него обострился рецидив страшной болезни – «какбычегоневышлизма» (евтушенковский диагноз). «Еще одно государство на территории суверенного Казахстана?», «А кто знает, что за люди к нам понаедут?», «А если я выпущу это в эфир, что скажет Нуралы Султанович? а Утен Ахметович?»

Я не увидел этих вопросов в глазах Д. Т., потому что он не поднимал их от стола. А когда поднял, в них ничего не светилось, и я услышал знакомое:

– Я не подпишу. Как говорят... кто знает, что кроется за этим... Монсальватом!

В таких случаях хоть тресни, ничего не докажешь. Но художники решили побороться: взяли компакткассету с записью и прокрутили её на худграфе в пединституте и старшеклассникам СШ-3. 56 из 70-ти слушавших одобрили идею и передачу!

Я выложил перед Д. Т. анкеты с ответами. Он и не взглянул на них. И все же программа вышла в эфир... Через пять месяцев!

«Отключите Литвинову энергию!..»

Особенно блестящ Д. Т. как исполнитель. Он понимает шефа с четвертьслова. Вот три эпизода из того периода, когда У. Ахметов руками Д.Т. навалился на меня, как на председателя ненавистного ему профкома. Профсоюзную организацию на ТВ практически возродил я, значит, любыми путями надо было уничтожить меня.

На общем собрании коллектива А. Абдакимов из администрации и У. Ахметов при содействии «болота» заткнули рот профсоюзникам и мне, в частности. «Ваша профсоюзная организация не зарегистрирована у меня!» – заявил Абдакимов. Тогда мы здесь же собрали расширенное заседание профкома и заставили ретивого заступника Ахметова, одного из самых больших демагогов на моем веку, присутствовать на этом заседании, и дали при нем по

мозгам У. А. А поскольку разговор велся на двух языках, мы с Толеутаем Дамиевым вели запись заседания на диктофоны. Назавтра я в монтажной облрадио попытался переписать запись с диктофона, чтобы вручить её полный текст тому, кого мы критиковали, т. е. Ахметову. Где-то на середине работы в монтажной вырубился свет. Я – к механику С. Круглову, дескать, что случилось?

– Д. Т. приказал отключить вас, – сказал Сергей, – говорит, что вы переписываете запись, не относящуюся к производству...

Я – к многогордому:

– Что вы творите? Критика в адрес председателя ТРК, по-вашему, не имеет отношения к производству?

– Считаю, что не имеет. И вот докладная председателю.

– А вам не стыдно через механика-пацана вытворять такое над человеком, втрое старшим его, я уж не говорю о разнице в должностях... неужели не стыдно?

– Можете жаловаться...

Он произнес эту фразу всего один раз и – сухо, коротко, а мне тут же вспомнилось, как в кинофильме «Возвращение Максима» её дважды пропел жандармский чиновник: «Мо-о-жете жа-а-ловаться! Мо-о-жете жа-а-ловаться!» За obstruction нашего профкома Абдакимов потом извинялся. Д.Т. и не подумал извиниться. Не было команды?

...Вот уж, поистине, не знаешь, где упадешь! Но вторая докладная не заставила себя ждать, хотя «исполнителю», кажется, изрядно пришлось пососать свои пальцы, чтобы высосать из них причину для этой докладной.

А случилось это во вторник, когда я вполне в благодушном состоянии пришел на летучку. Её надумали проводить в кабинете Базара Мамырова, где смог от табачного дыма стоит как над промзоной.

– Прошу прощения, но мне нельзя сидеть в этом кабинете, – заговорил я просительно, – аллергия от табачного дыма.

– Мы не можем подстраиваться под всех.

– Ну, ладно. Я тогда сяду в открытых дверях, – проворчал я и принялся устанавливать стул в проеме дверей.

– Все! Можно расходиться, – объявил Д.Т. – Литвинов сорвал сегодняшнюю летучку. Председателю будет вручена докладная...

...Третий административный шедевр изрядно расписавшегося автора родился сразу после моего «больничного».

Эти «докладные фокусы» имеют дурацкую привычку вызывать у меня то гипертонию, то стенокардию. В этот раз бюллетень у меня закончился в субботу, но попасть к врачу я как-то не успел, решил сделать это после обоих выходных, в понедельник прибежал в монтажную и принялся с Т. Вабель монтировать очередную передачу. Вдруг резко распахнулась дверь, и перед нами выросли бледный У. А. и почему-то серый Д. Т.

– Тамара Евгеньевна, предыдущую передачу, коммерческую, Литвинов монтировал, будучи на больничном? – спросил строго У. А.

– Извините, – Т. Е. проявила больший такт, чем высокообразованные начальники, – видимо, лучше спросить В. И., он же здесь...

– Т. Е., остановите монтаж. А вы, Литвинов, на больничном – и идите домой. Мы не хотим отвечать за вашу смерть на работе!

– Мой больничный закончился еще в субботу. Что вы себе позволяете? – взорвался я. Но «заботливых» гостей и след простыл.

Не успел я зайти в кабинет Д.Т. и, дрожа от негодования, спросить «Тебе не стыдно за эти вещи?», как туда ворвался У. А. и скомандовал:

– Мне нужен акт: Литвинов, нарушая больничный режим, пришел на работу. И пусть Воейков и Вабель подпишут!

Д. Т. схватил ручку и с восторгом принялся за работу.

– Да одумайся ты, – сказал я ему, – тебе же сегодня стыдно будет за это! Закрыт у меня больничный.

– Ну, а где он? – спросил он с какой-то гримасой.

– Да чтоб вас черт забрал, – огрызнулся я и поковылял в поликлинику, хотя до прихода моего врача было еще часа два.

Часов в пять, взмыленный от ярости и вновь подскокившего давления, я снова был в редакции и показывал злосчастный бюллетень поочередно всем, кто подписал акт. Воейков и Вабель разводили руками, а Д. Т. промямлил:

– Я попробую забрать акт у председателя... если он отдаст.

Кто-то, прочитав об этих трех эпизодах, скажет:

– Мелочные поступки. Стоит ли унижать себя злопамятностью?

Я думаю иначе. Это не просто поступки. Это перлы-поступки! Со-вершавший их – не человек. Человечек... Уж простите меня за резкость.

«Я признаю себя виновным...»

Только собрался было закруглить «мемуары» тем эпизодом, суть которого вроде бы можно обозначить подзаголовком, как память (злая? или оскорбленная?) подсказала, а вернее спросила:

– А разве случай с арестом программы «Земляки» об опере детсада «Звездочка» – «Кайсак-Кулан», – поставленной ребятами, – не очередной «перл Д.Т.»? А «ловля блох» в программе о главном враче областной больницы и маринование этой программы в течение недели – это тоже не «перл»? А выступления на заседаниях Советского районного суда, полунаивные, полуфальшивые, а в целом брехливые – они что?.. Ладно, черт с ней – с чертовой дюжиной!

Закончим последним эпизодом. Новый председатель ТРК, переведенный из Жезказгана, докладывает коллективу новую концепцию теле- и радиовещания. Приемлемая концепция. Хорошая даже. Об этом я и сказал, выступив первым.

– Но! – взрезал я, – выполнить эту концепцию будет трудно, если сидящие слева от вас, господин председатель, помощники добровольно не уйдут в отставку. Они

оба по семь раз нарушили трудовое законодательство, незаконно увольняя людей!

– Я признаю критику! – тут же вскочил в нужном ракурсе Д.Т.

Он мастер находить нужные ракурсы. Ба-а-льшой мастер...

Сентябрь 1997 г.

P. S. *Все эти репортажи об эпизодах «руководящей деятельности» Д. Т. написаны мною были точно в те дни, когда случались, – занесены в мои Дневники. Так что не только за достоверность событий, но и за точность «речений» шефа ручаюсь головой!!*

Бахытжан Мукушев:
«Мы так любили друг друга...»

Неисчерпаемый?.. Да!

Мне бы о коллеге, «протее», шефе (а эпизодично – и друге) роман написать под эдаким кожевниковским названием «Знакомьтесь: Мукушев!» Материала о нем у меня – тьма-тьмущая! Автографы его на моих заявлениях-докладных... Автографы на книгах из его уникальной библиотеки, которые он приносил в обмен на что-нибудь эдакое из моей... И кипа газетных статей: *его, о нем, в защиту его, против него!* И сценарии моих радиопрограмм с его то невероятно умными замечаниями, а то такой галиматьей! Да еще несколько томов моих дневников, которые я писал особенно всерьез, когда он до печенок «доставал» меня своими придирками, пакостями, а то и просто *подляной*. Нет, на роман меня – за год до 70-летия – явно не хватит, а душевное эссе посвятить любимому Бахе я просто обязан. Только не обольщайтесь: одноцветным, однотонным оно не выйдет. Не такие мы с ним люди.

Первая наша особенность.

После окончания им высшей партшколы в Алма-Ате и работы в течение приличного отрезка времени завсектором печати обкома партии именно я, когда нас спросили, предложил назначить Б. Б. Мукушева главным редактором областного радио. Не потому, что он сумеет лучше предшественника командовать нашим коллективом, а потому что, как никто другой, сумеет научить радиожурналистов *писать*. И именно я жестко восстал против назначения его председателем телерадиокомпании. Не потому, что он не сумел научить нас писать, а потому, что *ущербно руководит людьми!*

А именно он – инициатор появления в эфире *авторской радиопрограммы Владимира Литвинова*, которой я тут же придумал благодарное название – «Земляки», и он немедленно одобрил его! Но об этом позже... Именно

он одобрил и мои пробы в прозе – похвалил сначала рассказ «Карандаш», потом серию рассказов и, наконец, без обиняков согласился стать редактором первой моей книги «Сердца раскрываются».

Вот, кстати, один из его автографов на книге Андрея Сергеева «Omnibus» (я, как ныне говорят, безумно рад этому обмену, потому что дневники Сергеева лучше всякого звонкого клича будят во мне творческое вдохновение):

«Настоящим удостоверяю, что мною, Мукушевым Б. Б., произведен обмен с гр-ном Литвиновым В. И. этой книги на роман Э. Лимонова «Иностранец в смутное время». Совершено 10 мая 1998 года, в день окончания В. И. занимательного и значительного труда «Сердца раскрываются».

Работая в обкоме, Бахытжан нет-нет да и использовал мой творческий потенциал в большем объеме и более широком диапазоне, чем это делал со мной весь сонм моих чудо-шефов:

– Иваныч, – звонит как-то в редакцию «Последних известий», – ты постоянно работаешь с письмами трудящихся и нештатников. Как смотришь, чтобы помочь председателю облсполкома подготовить доклад о работе с письмами и жалобами трудящихся для Сессии облсовета?

– У тебя нет желания на пару деньков съездить в Ульяновский район? – звонит в другой раз. – Надо бы проверить у них систему книжной торговли.

Я пишу доклад. И еду в район – копаюсь в отчетах книжников.

Потом следует просьба-задание, близкое мне по профилю работы: сделать анализ районной газеты. Почему не помочь другу? Делаю.

А четвертое задание повергло меня в шок: для семинара-совещания журналистов и рабселькоров сделать анализ языка и стиля... самой «Индустриальной Караганды». Шуточки, а? Мэтры «Индустриалки» скажут: какой-то Литвинов, «*всего лишь с радио*», начнет нас учить?

Бахытжан, хоть и простуженный, сам приволок ко мне домой толстенную подшивку областной газеты и дал на исполнение задания всего неделю. Штудировал я га-

зету, не взирая на авторитеты, исходил исключительно из интересов ее многотысячного читателя, которому хочется быть грамотным и эрудированным. А у кого же набраться эрудиции и грамотности, если не у газеты?

На совещании-семинаре случились неожиданности. В президиум, к удивлению газетчиков, вошли не только секретарь-идеолог К. Султанов и заведомо агитпропа А. Нестеров, но и первый секретарь обкома В. Локотунин! А вторая неожиданность, что – вопреки регламенту! – один из докладчиков (догадались, что Литвинов?) превысил основной доклад К. Султанова аж на 3 минуты! Мне казалось, что я очень серьезно размышлял над стилем и языком коллег-газетчиков, а зал (и президиум!)... то и дело заливались смехом...

После окончания семинара уже на крыльце редакции меня догнал замредактора газеты Сейтказы Матаев, чтобы пожать руку и сказать «большущее спасибо за хороший, объективный анализ!» А мне не хватало обыкновенного «спасибо» от Бахытжана: он всерьез разболелся и на семинаре быть не смог. Но на второй день позвонил из дому и сказал, что «шефы премного довольны» его «избранником-аналитиком»...

А вот вторая особенность. Мы буквально рвали друг друга уже вскоре после прихода его к власти на облрадио. В дни шахтерских забастовок, поскольку я категорически выступил против них, только и слышал от шефа:

«Да какой ты, к черту, журналист!»,

«Ты здесь 12 лет не работаешь, а отсиживаешь часы!»,

«Здесь не будет двух главных редакторов!»

С эфира между тем один за другим снимались мои репортажи...

А «ярлыки» лепились не только в кабинетах, но и, так сказать, во всеуслышанье. В июле 91-го «Индустриалка» опубликовала большущую статью М. Серовой из Сарани, где «святая простота» обвинила меня... – ну и ну! – в *подстрекательстве шахтеров к забастовкам*, явно репутав меня с В. Розенбергом.

На мое опровержение «Слышали звон», где я упрекал в основном газетчиков и лишь частично коллег, что не вступились за меня, хотя знают мои антизабастовочные позиции, последовала сокрушительная статья Б. Мукушева и В. Розенберга, где вместо полемики с Серовой посыпались «обвинения» мне: «политический доносчик», «ударил в спину коллективу» и даже – «демонстративно покинувший КПСС»...

Я, естественно, огрызнулся. Чаше неумным манером, вроде: «Заявляю, что из-за постоянной травли, передергиваний фактов и слов, из-за Вашего отказа публично извиниться передо мной за оскорбления статьей в «ИК», угрозы: «Мы не сработаемся!», «Я уволю Вас!» и пр., я объявляю персональную забастовку протеста – не войду в Ваш кабинет, пока Вы не извинитесь!..»

Справедливости ради надо сказать, что Бахытжан Бопанович, видимо, внутри-то себя страдал от своих выходов, а потому спустя два года после низвержения его позвонил мне, извинился, и мы, как бывало вначале, заружили.

В чем все-таки неправ был Б. Б. Мукушев как администратор?

На мой взгляд, в том, что, начав деятельность главного редактора облрадио весьма свежо, по-новому, дав и нам возможность более глубоко вздохнуть, призвав нас к созданию действительно нового творческого лица областного радио, он постепенно изменил свое лицо: неисчислимы его идеи до конца не додумывались, внедрялись с ходу, и это вскоре обернулось легковесностью в нашей работе, авантюризмом, а для большинства из нас растерянностью: или самому что-то придумывать, или ждать, когда главный принесет тебе обязующую идею. Начали рождаться, как мотыльки, и умирать, как мотыльки, передачи типа «Лицо в толпе», «Нон-стоп», «Сеньорита Информация и доктор Шлягер», выпуск «Последних известий» под вычурным названием «Контакт» в виде «слоенки»: сообщение – на русском языке, оно же – на казахском, следующее – опять в слой... – всего не упом-

нишь. Я хоть и внедрял кое-что из этих новаций, но просил главного поглубже осмысливать идеи, поменьше ёрничать с «сеньоритами» и «нон-стопами», но Главный (человек высокообразованный и весьма талантливый, но столь же амбициозный) «закусил удила» и ни к каким доводам не прислушивался. Они лишь раздражали его. И тем больше, чем быстрее лопались мыльными пузырями его «нон-стопы».

Взойдя на трон Председателя ТРК, Бахытжан стал внедрять и *административные «новшества»*: создал дирекции, вместо редакций, но, главное, назначил директорами далеко не лучших людей: тот не отличался умом, тот не мог удержаться от лишнего стакашка, тот и собой-то руководить не мог, не то что людьми... Через месяц-другой пришлось «менять коней на переправе». Еще одно «новшество» – заключение контрактов с сотрудниками – Бахытжан внедрял упрямо, даже остервенело, ломая всякое сопротивление, но... как оказалось, себе «на погибель». Он положил под сукно одну за другой две моих «Служебных записки» с доводами против контрактации как несвоевременной и пока аморальной. Курьёз! – но когда его сняли с поста «в связи с окончанием контракта», он добивался в Конституционном суде отмены контрактов в системе Казрадио и телевидения, опираясь на... мои доводы!

А что крупного, запомнившегося сделал Бахытжан Мукушев, работая главным редактором радио и председателем телерадиокомпании?

Он дал позывной нашему творчеству для выхода на новый, более высокий, а именно раскованный уровень. Он взбурлил нашу тихую, ровную обыденность, придал ей динамичный ритм.

А вот самое крупное и запомнившееся из личных деяний Мукушева: острокритическая – а для тех времен просто взрывная! – радиопрограмма «Контуры». Пролетело десятилетие, а карагандинцы до сих пор прицокивают языком, вспоминая, как разила чиновников, бюрократов и мздоимцев эта программа. Разила словом, пора-

жала композицией своей и музыкальным оформлением. Именно в ней впервые зазвучали на нашем радио обличительные песни Галича и Талькова, Лозы и Розенбаума. Бахытжану с его «фактором обаяния» удалось привлечь к созданию программы-бомбы не только друзей-коллег К. Денисова и В. Розенберга, но и собкора «Комсомолки» В. Комарова.

Правда, в программе не раз звучало изрядное враньё, за что я частенько «клевал» ее. Так однажды коллеги лягнули, что на шахте имени Костенко первыми захватили земельные участки директор Григорий Презент и начальник участка Валерий Литвинов. Те, возмущенные, приехали:

– Мы взяли участки потому, что горняки не хотели их брать, и пришлось позвать... «делай как я!» Но еще год назад эти участки у нас забрали, поскольку мы там даже и не побывали. Так что будьте любезны опровергнуть «утку»!

Но грешить они умели, а вот каяться – «извините»...

Потом «контуровцы» обвинили в «безделье» директора техникума, депутата облсовета Д. М. Бойко, а в «незаконном ремонте» квартиры – начальника облсельхоза В. Н. Мирзу. Все это тоже было чушью!

Второе, что можно назвать запомнившимся деянием Бахытжана Мукушева, – это развязанные руки автора этих строк, уцепившегося за благодатную идею шефа и конвейером запустившего в эфир сразу приглянувшуюся карагандинцам авторскую программу «Земляки». Мукушеву, как руководителю, удалось нащупать главный нерв журналиста Литвинова – его страсть к поиску интересных людей и своеобразную манеру «залезать им в души». В течение минувшего десятилетия «Земляки» вспоминаются карагандинцами вместе с «Контурами».

Наконец, третье из надолго запомнившихся деяний Мукушева (правда, большей частью, с негативным оттенком) – это «псевдозабастовка» тележурналистов Караганды в феврале 1993 года. Поводом и «капсюлем» взрыва негодования коллектива послужила отставка Мукушева Б. Б. с

поста председателя телерадиокомпании, как писалось в приказе «телевизионно-радийного министра» Ш. Муртазы, «в связи с окончанием срока, определенного контрактом». Острый не только на слово, но на мысль и идею, Бауытжан Бопанович тут же подменил мотив приказа более «съедобным» в среде пишущей братии: «преследование журналистов за свободомыслие».

«Сидение телевизионщиков на работе, не работая» затем мягко перетекло в голодовку Б. Мукушева и примкнувших к нему двоих лидеров шахтерской забастовки и «благотворительную поездку» их в США, где наших возбужденных земляков не только поили-кормили, но и объявили Почетными гражданами какого-то населенного пункта. Подробнее о моем взгляде на этот «бумбараш» читатель узнает ниже из написанной в те дни «Хроники моей антизабастовки».

Кстати, приведу интересный эпизод, о котором известно теперь только двоим в Караганде (один недавно умер). Накануне замены прежнего председателя ТВ и РВ Телегина на более способного я был приглашен на «7-й этаж» взять интервью у тогдашнего главы области по случаю «100 дней» его правления, а он позвал на беседу и своего первого зама.

После интервью, в котором, к слову, говорилось и о чрезмерной лихости (чаще безответственности) авторов радиопрограммы «Контуры», меня вдруг спросили: «А кого бы вы предложили в председатели ТРК?» Я с открытой душой назвал фамилии трех московских собкорсов – газет «Правда» и «Известия» и нашего коллегу от Всесоюзного радио и ЦТ – далеких от наших местнических склок и по творчеству своему более высокого уровня. «А мы подали в Алматы других», – переглянулись мои высокие собеседники. «Да уж поделитесь, пожалуйста, за чаем-то можно...» – закинул я удочку. И мне назвали трех кандидатов в мои начальники, среди которых был и Ахметов, да еще на первой позиции! На мой взгляд, это были наиболее удобные для власти кандидаты... «Тогда уж лучше Мукушев!» – воскликнул я огорченно. «Но мы уже подали список...» – последовало в ответ.

То «юбилейное» интервью главы области (тогда он назывался Председателем облсовета) было подготовлено, но поскольку делалось «без санкции» Б. Мукушева, он его «зарубил». («Ну, смелый, черт! – подумал я. – И хитрый!»). Вскоре нонсенс с интервью стал лазейкой к сговору «моих шефов»: он, во-первых, выдал в эфир удобный ему вариант интервью, а именно: «К. Денисов – Председатель» (Костя в который раз не постеснялся пройти по моим следам!); во-вторых, прикрыл свои «Контуры» и нам запретил «острить» в эфире; а они помогли ему устроиться в кресле председателя ТРК.

Было и еще одно широко известное явление «от Мукушева»: *гибкость его в политической ориентации*. От молодых лет он был примерным коммунистом (журналистское образование получил в ВПШ и в аппарате обкома не самой маленькой ложкой едал). Когда же грянуло это ГКЧП, одним из первых убежал из КПСС и на волнах путча стал первым на теле- и радиоволнах. В это смутное время, он дважды перелицовывался: то был *Координатором демократических движений*, а когда его низвергли, затеял свою забастовку, как *социалист*.

После перехода на *свободный полет* мой визави своим острым пером атаковал *власть* со страниц создаваемых им совместно с Ю. Мизиновым газет «Зебра», «Колесо», а с Л. Падиаровым – в документальной ленте «Казахстан в эпоху Нурсултана Назарбаева». По-моему, в это время он уже был заядлым *«кажегельдинцем»*... Поскольку в небольшой нашей области преследуемому оппозиционеру нелегко действовать без угрозы для своей свободы и даже жизни, Мукушев переехал в Алматы и стал видным независимым журналистом: редактировал газеты «Республика-2000», «Мегаполис». Сейчас, говорят, с позиций «объективного оппозиционера» он выпускает газету «Туран» в Атырау.

Кажется, пора заглянуть в мою «Хронику...» 1993 г., которую Мукушев позже хотел даже опубликовать в газете «Колесо», но ее прикрыли. Выполняю его желание – довожу документ до читателя:

ХРОНИКА МОЕЙ АНТИЗАБАСТОВКИ

(Во имя правды фамилии «героев» забастовки не меняю, хотя у кого-то и может возникнуть *искус* поискать иную истину).

1 февраля 1993 г., понедельник: Что-то надвигается... Утром записал «легальный» вариант «Земляков» (без комментария). Но, прокрутив утренний выход в эфир Нестеренко, насквозь подстрекательский и подхалимский, решил, что мне прятаться со своими мыслями не надо!

Сделал начитку комментария из радиостудии, увидел при этом, в каком напряжении стояли Вдовин и Кузеванова. Тут и случился наивно объясненный Федором инцидент: «Извини, Иваныч, не на ту кнопку нажал – запись надо повторить». Я понял, что меня просто дублируют, но для чего – пока не ясно. Сплюнув, пошел перезаписываться. Затем сам, без участия монтажниц, записал дубль программы «Земляки» («Сталинградцы») плюс ответы на вопросы по Мукушеву, то есть мой комментарий. Вот фрагмент из него:

«Мукушев сумел расколоть коллектив доверенного ему предприятия на друзей и врагов, лично угодных ему и лично не угодных. И как только забрали у него портфель, так и задрались первые со вторыми.

А в журналистском деле прорех у нас стало не меньше, а даже больше, чем до Мукушева. Мы ушли в сторону от освещения реальной жизни трудящихся области, от раскрытия острейших хозяйственных и общественных проблем. Излюбленной темой стали забастовки и скандалы. Наши телекамеры и микрофоны почти не показывают тружеников села и города. Эфир переполнен пустопорожными, зачастую пошлыми поделками «Комтека» и радио «Банга».

И вот – пик руководящей и вдохновляющей деятельности Бахытжана Мукушева: три недели телерадиокomпанию лихорадят митинги, склоки. Все это сливается в эфир, вперемешку с дифирамбами Мукушеву.

Словом, идет заурядная драчка из-за амбиций Мукушева, а лидеры НПГ раскричались на всю область: «Бастуйте шахтеры! В опасности гласность!»

Днем мне было тревожно: никого нет, все в студии ТВ, под угрозой выход радио в эфир. Под угрозой срыва мои сталинградские «Земляки» - именно в день, Победы под Сталинградом! Обсудили ситуацию с Ерланом Исаевым, который после исчезновения К. Денисова и А. Осинной остался единственным «чином» на радио: надо спасать эфир. Решили: подготовим и переведем «Последние известия», а вечером дадим передачу монгольских журналистов. Исаев написал как бы распоряжение, поручив мне готовить «Последние известия», поскольку их редакторы «рванули на забастовку», и я приступил к работе. В 12.30 появились машинистка Килафлы и «выздоровевшая» Мухамедиева. Я им сказал, что замдиректора поручил мне отвечать за выпуск, и будем делать его вместе, а подпишу его сам. Но Мухамедиева... «сместила» Исаева, заявив:

– Ерлан отвечает только за казахские передачи, поэтому выпуск «ПИ» мы понесем на подпись к Балбековой. И хлопнула дверью.

Ближе к 17.00 нам стало известно, что в эфир пойдут только объявления и звуковые сигналы – «коллектив» решил бастовать и на ТВ, и на радио...

Работа кончилась!!

Поскольку мы были готовы к выходу в эфир, я предложил У. Ахметову, назначенному председателем, решив вопрос с начальником управления связи Б. Хамедовым, выйти с нашими передачами *через городской радиопузел*. После 19.00 мы большой группой, в том числе У. Ахметов и замглавы обл администрации, отправились на радиопузел. Но выход в эфир не состоялся: дежурная смены не согласилась включить магнитофон без разрешения своего начальника Архангельского, а он (сказал нам по телефону) не может дать разрешение без визы Хамедова; а тот якобы получил команду от замминистра связи, что все

вопросы надо решать через председателя Гостелерадио Ш. Муртазу. А где его было в это время искать?

Тогда мне подумалось, что в городе легче совершить смену власти, чем защитить её. Необходимые по всякому поводу визы парализуют саму власть!

Где-то в 20.00 стало известно, что можно выйти в эфир на телевидении через «Комтек». Передача «Комтека» готовилась почему-то в тайне, шепотом, как будто не Мукушев с компанией, а мы делали антигосударственное дело. Почему-то было стыдно... Передача на «Комтеке» была записана, но в эфир не вышла. Техники главного пульта что-то схимичили в аппаратуре.

Тут я подумал, что, наверное, и в самой республике не так уж трудно совершить какой-нибудь переворот. «Согласования» помогут...

Вот доказательство: на студии ТВ полно милиции и областного начальства, а реальная власть – у забастовщиков. И руководит-то ими всего-навсего Нестеренко, взятый на радио три месяца назад. Правда, опираясь на Балбекову, которая с легкостью отменила приказ самого министра по Мукушеву.

2 февраля, вторник. Утром, кажется в 9.05, мой комментарий по телефону прокрутил мне домой сам Мукушев. «Ну что, хер Литвинов, съел? Ничего у вас не получится!» Я сказал: «Получится, Бахытжан Бопанович, получится!»

День был настолько взбалмошный, что всего и не припомню.

Из «штаба» сообщили, что вместо К. Денисова временно назначен пенсионер-«кооператор» А. Воейков, которого я давненько не видал. Вскоре он пришел. Я делал «Последние известия». Алексей предложил пробиваться на его кооперативный радиоканал «Надежда» (мы его – потом для конспирации называли «запасной». – В. Л.), правда, там всего лишь магнитофон и, значит, нужно все делать на пленке – и дикторские открытия-закрытия, и «Последние известия», и основной материал. А как записать, если техники всё замкнули и смылись?

Тут меня осенило: а ведь можно дикторское открытие-закрытие да и «Последние известия» записать на «Репортер», потом переписать на монтажный стол и смонтировать. Затем согнать все передачи на один рулон. Долго, муторно, но можно! Благо, Н. Алипбекова и Т. Вабель, монтажницы, несмотря на запугивания звукорежиссера, не влились в ряды забастовщиков.

И пошла работа, поскольку впереди было «ясно!» Были со мной Б. Мамыров, Е. Исаев, С. Батырханова и наши «надёжи» – Нургаин и Тамара (без них мы бы вообще ничего не сделали!), включился А. Воейков, и звонила, что придет, диктор Галя Рахимова.

Позвонила со студии Мухамедиева и приказала:

– Все – на собрание трудового коллектива! Будем избирать делегатов для встречи с министром!

– Кто созывает собрание?

– Этого я вам не скажу! – последовал ответ.

– Тогда вы продолжайте там играть, а мы будем работать!

– Вы об этом пожалеете! – пригрозила «лидерша».

Она обзвонила всех, кто работал на радио, и они – ко мне.

– Будем работать, – сказал я, – радио не для нас, а для области.

Позже я связался с Ахметовым, он подтвердил мою позицию и сказал фразу, которую затем повторял каждое утро:

– В. И., держи обстановку на радио!

Так хотелось именно сегодня, в день окончания *Сталинградской битвы*, выйти с «Земляками» о них, почтить память погибших сталинградцев и отдать должное еще живым! Но... Воейков доставил пленку на радиоузел с опозданием, начальник смены уже ушла, а дежурная не могла найти какую-то фишку, чтобы включиться в сеть. И все усилия наши пошли насмарку... Т-твою налево!

Впервые за полвека карагандинцы сидят без радио!

3 февраля, среда. Непредсказуемый день! И переломный. Как сама Сталинградская битва. Утром позвони-

ла мне домой вахтерша радио: «Нестеренко, Шевченко и Жоров при помощи какого-то лейтенанта без формы отстранили постового сержанта и пытаются выйти в эфир».

За какие-то 2 минуты я успел по телефону перекрыть им путь и срочно рванул на радио. Но машина, присланная за мной замом мэра города Н. Сеньковским, забуксовала во дворе, и я приехал с опозданием минут, наверное, на 5-7. За это время кое-кто стучался в дверь, но милиционер уже не пускал никого. В связи с этим техник Е. Конова устроила истерику Т. Вабель. Разошлась до того, что обозвала Тамару Евгеньевну «старой сукой». Как будет потом глядеть ей в глаза?

Войдя в здание, я увидел грустных Мамырова и Вабель.

– Что случилось? Что вы такие смурные?

– Техники Шевченко и Морозова, – отвечают, – заперлись в аппаратной и не впускают никого.

Я тоже постучал в аппаратную. Молчание. Позвонил по телефону – молчание...

На вызов прибыл сам начальник райотдела милиции Яровой, пытались достучаться, вскрыть дверь в аппаратную «домушным» способом. Не получилось. Наших девчат осенило: есть рабочий вход со двора! Проверили: там на дверях – амбарный замок. Все ясно: приходили, чтобы, как и на телестудии, вырубить аппаратуру. По моей просьбе Яровой установил на радио круглосуточный пост милиции.

А мы стали решать, что делать. От Ахметова поступил тот же сигнал: «держат обстановку на радио!»

Поскольку «Земляки» выбились из графика, решили повторить их вечером (вместе с моим комментарием), а также подготовить «Последние известия» с объяснением, в каких условиях мы работаем. Все работали как черти. Немного «плавал» А. Воейков – никак не мог справиться с ощущением своей неопределенности, но что-то работал. Порадовал Владимир Жоров. Утром при встрече я не подал ему руки («Ты предал радио, Володя!»), зато, когда он как всегда кропотливо заработал над готовым выпуском «ПИ», я подошел к нему:

– Здравствуй, Володя. И прости за утреннее, – он, молодец, только кивнул и что-то спросил о выпуске, уходя от разговора.

А за стенами радио всё гудит. Приехал «министр» Шерхан Муртаза: беседует с Мукушевым и «делегатами трудового коллектива». С трудом удерживаю наших на рабочих местах. Всем хочется узнать: что там?

Мне работать не дают телефонные звонки горожан. С трудом дозвонились к нам мэр Уразалинов с Сеньковским: «Спасибо Вам – Вы проявили мужество!»

Тревожным голосом звонила моя Любка. Ей, пока я до 11-ти тут торчу, достаётся немало: домашний телефон не смолкает!

После обеда вдруг – жутко встревоженный звонок Ахметова:

– В. И.! Быстрее сюда: председатель арестован!

То есть Муртаза? Ошалели вконец мукушевцы!

Но я примчался в студию, когда «ареста» уже не было: Муртаза и сопровождавшие его Н. Бектурганов и А. Шукаев из области сидели «в президиуме» собрания в павильоне студии, а гудящий коллектив – как дуэлянты! – напротив. Я сел поблизости от президиума, чтобы видеть всех. Выступить мне нужно было только в *нужный* момент. Наши-то надеялись, что я буду противовесом *тем* лидерам.

Балбекова явно перестаралась в усердии: додумалась пригласить уволенного Мукушева в президиум и спровоцировала еще один конфликт: Муртаза и Бектурганов в ответ пересели в «партер». Перед залом маячила комичная «президиумная» тройца: Балбекова-Осина-Мукушев. Правда, Мукушев, поскольку тёртый, в президиум не сел, пристроился левее.

Собрание шло без обычного «кто еще выступит?» Пёрли к трибуне и к телекамере Падиарова, как мухи на мед. Сшиблись, что называется, стенка на стенку: «Я за Мукушева! – Я против Мукушева!» Вспоминалось собрание год назад, когда Мукушева делали «административным открытием». Он приказал все собрание транслиро-

вать в эфир! Тогда стенки не было. Против Мукушева шел один... настырный Литвинов... Мое злющее выступление (минут 12) целиком ушло в эфир. Потом не раз люди говорили мне: «Спасибо, за правду!»

Я выжидал долго, хотя меня подталкивали к трибуне. Пришлось все-таки выйти раньше, чем хотелось: на радио-то было пусто! Выступал вроде спокойно, заявил, что забастовка на ТВ и радио – это, скорее, провокация, поскольку сотни тысяч карагандинцев ослеплены и оглушены; что самая большая наша ошибка – прекращение работы, ибо мы не у Мукушева на службе, а у граждан области; что Мукушев заразил весь коллектив: в плоть и кровь наших людей всасываются подслушивание, подглядывание, перешушукивание.

Как и в прошлом году, меня перебивали, сильно орали. Это сбило с плана – упустил сказать главное: защищая свое кресло, Мукушев «бросил на пулеметы» наиболее незащищенных людей.

Вдруг вскочил бывший мой друг Б. Лелюх (телеоператор, которого никто ни разу не видел на радио!):

– Вы слушаете подонка, подлеца, негодяя! Он пьянствует каждый день!

Он потрясал кулаками у меня над головой... А все молчали. Молчал мой родной коллектив, даже те, кто ко мне относится по-человечески. Молчали – и убивали во мне... вдохновение. Это выльется потом в мой душевный бунт...

С собрания ушел раньше всех, сказав на ходу:

– Начальнички Денисов и Осина бросили радио! И тогда «еле слышно сказал комиссар: «Коммунисты, вперед!» Я иду на радио!

Мне за эту фразу потом «выдала» Тамара Вабель, не знающая поэта Межирова. Не поняла и журналистка «Индустриалки» Наташа Рыжкова: «Какой комиссар, В. И.?» Пришлось уточнить: «Совесть моя!»

В 19.10 с магнитофона «Надежды» вышли в эфир «Последние известия» и «Земляки» (о сталинградцах) с комментарием по Мукушеву – в конце!

(У меня сохранилась та наша «подпольная» пленка. Я с волнением прослушиваю ее. А читателю хочу частично воспроизвести «ПИ» того вечера, когда мы «прорвали блокаду», замкнутую забастовщиками. Вот о чем читали землякам Б. Мамыров и Г. Рахимова – без музыкальных позывных облрадио, без перебивок, но с волнением и гордостью за Караганду:

– Горняки бассейна могут быть довольны итогами январской работы. Уровень добычи по крайней мере не ниже января года минувшего. Сверх плана на-гора выдано 52 тысячи тонн угля...

– Разрыв прежних экономических связей с Украиной и Россией сказался на судьбе еще одного карагандинского предприятия – экспериментального завода КНИУИ. Многие механизмы, поступавшие из этих стран, ему придется делать самому...

– А теперь новость для тех, кто не получал в январе зарплату и пенсии. В карагандинские банки поступили, наконец, деньги из Госбанка Казахстана...

– Прыжок цен вновь взвинтил инфляцию. Килограмм говядинки вытаскивает из вашего кармана до 270 рублей. Колбаса «Любительская» пошла на побитие рекорда стоимости – 576 рублей. А от цены сырокопченой колбаски аж голова кружится – 1048 рублей! Да, забыли про водку! С 1 февраля бутылка «Русской» «просит» 280, а «Пшеничная», хоть разбавленная, хоть не разбавленная, – три сотни!..

– На сахар, масло и водку в феврале сохраняются январские нормы отпуска по талонам...

– О спорте. Наши фехтовальщики – молодцы! – заняли второе место в международном турнире...

– А погода сегодня не радуется: снег, метель, низкая облачность... Декабрь 2004 г. – В. Л.)

4 февраля, четверг. День был более четким, но тоже трудным. Позвонил Бектурганов, чтобы я обязательно был на пресс-конференции Муртазы: «Очень надо!» Я позвонил Ахметову: «На конференцию пойдут Батырха-

нова и Исаев, они будут и за себя и за меня. А мне надо «держат обстановку на радио». Он согласился.

Потихоньку готовил «ПИ» (Воейков усиленно помогал – «срисовывал» информушки из газет); Арман, студентка, взялась печатать, вместо потерявшей совесть нашей машинистки.

С обидой просматривали газеты: «Городская» в излюбленном стиле изгаляется, «Экспресс» смакует «любовь народа» к забастовщикам. Их там, дескать, и поят, и кормят, и мягкое ложе стелют...

И ни в одной газете – ни одного слова, что главное-то наше дело делают за забастовщиков всего 7 человек! *И радио говорит!*

При подготовке выпусков нас сбивает с ритма ожидание «вышестоящих вестей»: о встречах Муртазы, о реакции на забастовку областной администрации. В конце концов, мы плюнули на это и выходим из положения подручными информациями. Батырханова и Исаев примчались в мыле. Я в заботе: успеют ли? Ведь столько надо переписать! Потом монтировать! Воейков побежал помогать им. А я лепил, как мы говорим, «морду» «ПИ» и «открышку-закрышку». И напортачил так, что стыдно! Не записал заранее концовки и перебивочной фразы на тот случай, если репортаж с пресс-конференции не влезет на одну пленку. Из-за моей оплошности оказалось много накладок. Да еще из-за технических неудобств не уложились в сроки – вышли в эфир лишь в 19.10.

Я скрипел зубами: морды бы намыть нашим дезертирам – Денисову, Осиной, Кузевановой... Их сидение сейчас – уже не защита Мукушева, а издевательство над телезрителями и радиослушателями.

Между прочим, карагандинцы и нас не оставили без помощи, пусть маленькой, но необходимой. Чтобы не отрывать людей от дела, милиционеры взяли на себя обязанности вахтеров – открывают входную дверь; Виктор Войтешонок из индустриального техникума притащил нам бумаги, поскольку у нас она кончилась (эта его бумага – бывшие курсовые работы студентов, чистые с обратной

стороны); мэр города Уразалинов еще дважды давал мне машину. Кстати, коллеги мои, хоть и чинами повыше (все «завы») – Исаев, Батырханова и «временный» Воейков, – забыв, что я рядовой, делали все, что просил и даже чего не просил, угадывали мысли на лету. Спасибо, «ребята»!

5 февраля, 1993 г., пятница. Утром в эфир дали опять репортаж с пресс-конференции и «Последние известия», перекрыв на сколько-то Алма-Ату. Рассудили: выступал член правительства – простят за нарушение графика. Правда, девчата с радиоузла, стараясь исправить мои технологические оплошности, не смогли предусмотреть порыв пленки. Ну, да ладно, этот блин и комом нужен радиослушателям!

А отношения между бастующими, т.е. лежащими и закусывающими бесплатной пищей, которую им доставляет «некое МП», как написал С. Песнев, – *картинные*: мы, пыхтя над пленкой по 14-16 часов и перебиваясь одним (собственным!) бутербродом, работаем над очередной передачей, а они, придя со студии, сидят в кабинете напротив и лыбятся во весь рот. Смакуют свою неуязвимость, газетную любовь к ним! А дефилируя по коридорам, даже не отвечают на «Здравствуйте!» Вот она – суть мелочной натурки! Приголубленные начальством, «доп-пайками», ажиотажем охлократии, считают себя на голову выше тех, кто трудится и просто честен.

Плюнули мы на эти выпендривания, определились, что делать. Опять придется выходить на «запасном». Дадим «ПИ» и монгольских журналистов о жизни оралманов, а утром, поскольку время не позволяет, только монголов.

В «штабе» стали забывать наш «окруженный гарнизон»: звонки все реже, необходимые вещи для работы (бумагу, пленку, батарейки для «Репортеров» и «орудия труда» уборщицы – все ее причиндалы замкнуты) не шлют. А у нас всего три открытых кабинета и, значит, три телефона – теснимся. Да еще бесчисленные звонки радиослушателей не дают никакой возможности собирать информацию для «ПИ». На мои мольбы открыть мой бывший кабинет, где стоят три телефона, Ахметов бес- сильно разводит руками:

– Не можем! Газеты и так приписали нам мешок вероломств...

– Неужели ни вы, ни в администрации, ни очарованные Мукушевым руководители газет и послушные им «перья» не понимают, что это уже не забастовка, а прямой саботаж! – ору я в бессильной ярости.

Газетчики за последние дни просто ошалели: гонят *стаи* «уток»!

«Соб. инф.» в «Городской»: «Малопереваримая продукция».

Я бы посмотрел, сколь переваримой вышла бы их продукция, забастуй у них секретарши и наборщицы, почтальоны и даже... главные редакторы!

И еще «Городская»: «Помещение радио опечатано».

А оно ни одной минуты не было опечатано!

«Индустриалка»: «Любимая карагандинцами передача «Контур» Мукушева...» Да она закрыта им самим 13 месяцев назад!

«Комсомолка»: «Забастовщики забаррикадировались!»

А туда совершенно свободен вход! Только если проходит кто-то из нас мимо, забастовщики орут: «Позор вам, штрейкбрехеры!»

И даже «Правда»: «Забастовщиков поддержали 5 шахт».

На мой вопрос: «Так ли это?» – директор объединения «Карагандауголь» по производству В. М. Петров отрезал:

– Ложь! И пора прекратить втягивание шахтеров во всякую грязь!

Я отвлекся от главной заботы пятницы, 5 февраля: как готовить выпуск «Последних известий»? Поступит ли официальная информация о встрече забастовщиков с главой области П. Нефедовым? Откроется ли наша аппаратная, или опять искать машину, чтобы поспеть к сроку на «запасной»? К вечеру – радость: принесли шесть батареек для «Репортера», можно не бояться, что не запишем дикторов!

Пошли слухи, что Ахметову удалось сторговаться с Денисовым, и в понедельник, кажется, заработает обычная цепочка. Я звоню Ахметову:

– Программы на вечер пятницы, на утро субботы и на утро понедельника *готовы*. Могу ли я свою миссию «держателя обстановки» считать оконченной?

Отвечает: «Да, спасибо», – и кладет трубку.

Понимаю: человек занят, не до теплых слов подчиненному. Понимать-то понимаю, а обида резанула. Какого черта я влез в эту шкуру? Что, мне одному надо защищать интересы радиослушателей, заодно и государственные? Ведь понятно: борьба идет уже не за *возобновление вещания*, а за кресло!

Передачи вышли с меньшим числом *накладок*... Может, в понедельник смогу, наконец, сходить к врачу (больничный неделю не закрыт); зарплату, наконец, получить; и заняться очередной программой «Земляки».

Все время возвращался мыслями к этой шумихе. Почему так много перевирают, да и вообще влезают не в очень ясное им дело газеты? Почему наш коллектив, глухо бурливший против Мукушева уже полгода, даже те, кому он поломал судьбу, вдруг так поднялись за не очень мудрого руководителя?

Ответ находил в одном: ошибки при снятии Мукушева и назначении Ахметова были настолько неуклюжи, что в людях пробудились «овечьи повадки»: одна побежит даже в пропасть – остальные за ней. А Утен Ахметов, на мой взгляд, слишком опасливо входил во власть, боялся попасть на провокацию. Но, даже и не совершив грубых ошибок, не попавшись на провокации, он «замазался» о них. И вот прослывшийся «придворным оператором» Падияров раздает победные интервью жадным до определенного *цвета и запаха* журналистам.

И конечно сработало чисто русское – жалеть страдальцев. Пожалели и – всё забыто: что Мукушев диктаторствует, что он давным-давно престал быть защитником «рабочих и крестьян» (с его легкой руки мы просто забыли об их делах и заботах), что он лишь случайно

первым пострадал от неумно проводимой контрактации, хотя готовил её, как капкан для не угодных ему. И что он, подбирая команду под себя, принимал на работу пьяниц, отвергнутых в других коллективах, просто неумех, назначал себе заместителей по принципу – «из лейтенантов сразу в генералы». Словом, ему нужны были не профессионалы, а подхалимы. И он имеет их. Вон как бузят!

8 февраля, понедельник. Исполнив намеченные походы в поликлинику и за зарплатой, еле притащился на радио, хотя и не собирался, но помощники иззвонились: «В. И., приходите, мы совсем одни!» Воейков сразу ошарашил:

– Сказали, чтобы ты продолжал свою «миссию».

Здрас-сьте! Я еще от пятницы не остыл (взбунтовалось во мне все: орал, топал ногами, посылал всех к черту – сорвались тормоза), а тут опять то же. Пашешь, как раб, газетчики тебя грязью обливают, да еще и начальник новый, словно маятник, то в одну сторону, то в другую... Однако Воейков, Батырханова, Жоров, Рахимова и Дубровин уломали меня. Подсунули какой-то невнятный приказ Ахметова («временно... выпускать «ПИ»!) Пришлось *пролить слезу внутри себя* и... взяться опять за все на свете: сбор информации, компоновку программы, поиск машины, порядок и... тысячи звонков. Да еще и машинисткой работать!

А забастовщики все чаще заглядывают на радио: то молча шныряют по коридорам, то ходят гуськом. Воейков обжегся – догнал Килафлы:

– Отпечатайте, пожалуйста, информацию.

– Я подчиняюсь только Денисову! – изрекла она величественно.

Процессия, подобно монахиням Маяковского, прошествовала к своему забастовочному лежбищу и кормищу...

Опять вышли в эфир «с запасного». Были 18-минутные «ПИ», да Воейков самолично поставил... концерт для автодорожников. Халтура, но ладно уж: сумасшедшие снежные заносы в последние дни действительно поставили дорожников в сложное положение - будет хоть какая-то поддержка.

9 февраля, вторник. В 8.30 позвонила вахтер ВВО: «Если Вы не придете в 8.45, я закрою радио и уйду». Пришлось «ломиться» через заносы всеми четырьмя. Успели с Воейковым, «приняли» смену.

Какова обстановка на ТВ? Как будем выходить – опять с запасного или у себя? Дадут ли нам всё необходимое? Откроется ли еще хоть один кабинет? Вопросов много – ответов нет. Целый день отбиваюсь от звонков: «Дайте интервью про грипп! Дайте интервью про хоккей!» Сам прошу городской комитет ветеранов рассказать о подготовке к военным датам... Все обещают – и никто не приходит. Заносы, что ли?

Вдруг получаем новую оплеуху от «Индустириалки». Три дня назад они опубликовали огромную, но трезвую статью Д. Зинчука о «Забастовке». «Сама себя высекала»? А сегодня «дезавуировали» её! Чисто широкобородовская полоса – это уже не просто слепота и глухота, не собственная позиция его, а подлость. Вот нравится им толкаться среди забастовщиков – и всё тут! Дескать, зачем нужны читателям те, кто работает? Мелькает мысль: Мукушев развалил не только телерадиокомпанию, но и коллектив «Индустириалки»... Ум его и «исключительность» не помешали его тлетворности... Мы вынуждены были отмахнуться передачей «Газетные «утки» над облрадио»! Но Исаев и Батырханова удержали меня от чрезмерного наскока на коллег-газетчиков...

Из штаба приходят Дубровин. По его команде твердый забастовщик Вдовин выдает мне под роспись рулон пленки. Спасибо хоть за это!

– Как выходить будем? – спрашиваю главного инженера.

– Через «запасной», – отвечает, – а то они могут и навредить.

Вот они, результаты «мукушевизма»: мы не верим друг в друга! Мы боимся подвоха не просто «ты мне – я тебе», а подвоха делу, доверенному нам страной. А работу мы сделали ко времени. Выпуск «ПИ», правда, оказался коротковатым – подвели трое не пришедших на интервью. Но «Земляки» об «афганце» А. Звереве и беседа с

Л. Переверзевым из агропрома о том, что ждет нас в овощных магазинах, вышли добротными. Они же будут звучать и утром.

В 17.30 звоню Ахметову: «Все готово, нужна машина везти пленку на радиоузел». «Ищем», – отвечает. «Завтра меня на работе, видимо, не будет». «Почему?» – спрашивает. Отвечаю: «Заболела гриппом жена, и я себя чувствую отвратно. Если уж сильно понадоблюсь, ищите дома». «Ладно», – и гудок.

Кроме выпуска «ПИ» в течение дня сделал интервью поэтессы и матери Л. Луниной. Нужно для 8 марта. Но у меня нет передачи на 23 февраля! И машины нету! И заносы сумасшедшие! И как работать, когда вернется «команда Денисова»? Я ведь органически не принимаю бездельников и холуев, а кое-кто из наших уже жалеет «Котика»...

Мне жалко всех наших «забастовщиков», кто пониже рангом – Коновалову, Килафлы, Левину, Морозову, Вдовина, Зражевскую. Мукушев вскоре взлетит снова. Если не в журналистике, так в коммерции. «Комтек», «Виза», «Банга», какой-то, мне пока неведомый «Статус», да еще некий «КМРБ» – всюду его бодряцкий дух и походка вперевалочку! А что будут делать наши «забастовщики», точнее, саботажники, если дело дойдет до законности?

10 февраля, среда. Чувствую себя отвратно: в голове шумит; суставы, выкрученные бездорожьем, не дают и по квартире ходить. А в голове крутятся слова, сказанные этим «чудом» из Егиндыбулака – Карипбеком Куюковым:

– Да, нашумели вы на всю область... Никогда не думал, что такое возможно на телевидении и радио.

А врач во 2-ой поликлинике, казашка, резанула:

– Мукушев – не сын своего народа.

Позвонил Ерлан Исаев: «На радио команда Денисова не появилась – что делать, В. И.?» - «Не знаю!» – ответил я, и... в горле сдавило.

И действительно – не знаю. Если бы ситуация была обратной, т. е. меняли Ахметова на Мукушева, такого бы не

было. Мукушев ничего не боится, успевает вовремя проявить решительность. И его не останавливают сантименты...

Отчасти от этого у него и сторонников больше...

Пролетело с момента этих записей 11 лет! Сколько воды утекло... Как изменились люди и обстановка! «Забастовщики» вскоре поняли, за что они на самом деле боролись. А чуть позже начали и сожалеть о своих обманутых надеждах, о том, что выместили ярость на телезрителях. Большинство «антизабастовщиков» уже через месяц раскусили нового шефа Ахметова и начали с ним борьбу (в первую очередь автор этих строк) – яростную, долгую, но победную.

Однако продолжим разговор о газетной деятельности моего шефа и друга. Вот его живописный взгляд на политическую ситуацию в стране, почерпнутый из двухполосной статьи «Мы так любили друг друга...» в октябрьском номере газеты «Республика-2000»:

«Пятнадцать лет назад ЦК партии коммунистов утвердил нового управляющего Советским Союзом. Правителем одной шестой части земной тверди с населением больше четверти миллиарда человек стал Михаил Горбачев. Седьмой Генеральный секретарь был самым молодым хозяином СССР после Владимира Ленина и Иосифа Сталина. День его абсолютного возвышения прервал череду участвовавших прощаний со старцами Политбюро, прямо из кабинетов переходившими на погост у Кремлевской стены».

Лихо, даже смачно. А вот как рисует Б.Б. портрет политического деятеля:

«Новому правителю досталось тяжелое наследство. Вместе с дряблыми московскими вседержателями хирела и огромная страна от Карпат до Сахалина. Она задыхалась от удушливой общественной атмосферы восьмидеся-

тых годов. Она горела в жару странной войны, спрятанной у юго-восточных пределов державы, в горах и долинах афганского Гиндукуша. Она цепенела от предчувствий надвигавшегося голода и смуты.

В апреле 85-го в Ленинграде, колыбели трех потрясших мир русских революций, Генсек растревожил свой усталый народ заявлением, что в стране давно нет порядка. Из уст Михаила Сергеевича выпорхнул термин «перестройка», ставший самым, пожалуй, популярным словом второй половины XX века».

У Мукушева вообще хлесткий язык, когда он берет в проработку не нравящегося ему человека. Вот какими беспощадными красками набрасывает автор лик другого партбосса:

«Геннадий Колбин, новый прокуратор юго-восточной имперской провинции, управлял ею два с половиной года.

И ехал на площадь Леонида Брежнева в свой громадный офис, где, не зная усталости, распекал, грозил и разгонял.

Он не слушал возражений, не входил ни в чье положение, не позволял проявить себе ни малейшей слабости. Он не был снисходителен, терпим и толерантен. И с невозмутимостью лесного животного раздавил или покалечил не одну номенклатурную судьбу.

Казахстанцы не питали теплых чувств к Колбину»

Читаю эти «мазки»: «не слушал возражений», «не входил ни в чье положение», «не был снисходителен, терпим и толерантен», «раздавил или покалечил судьбу»... – и бесстыже хихикаю: какой знакомый портретец! Я же несколько лет лицезрел его и... испытывал на себе!

Знаю, что не от рождения в Бахытжане было все это. Научили! В обкоме партии было принято говорить со старшим по чину в позиции «руки – по швам». В обкоме он так и делал, а придя к руководству радио, пришел в неистовство от того, как это Литвинов не стоит перед ним

с руками по швам! Ох, и не вязалось это с его лозунгом: «Свободу журналистскому слову!»

По сути своей борьба его под этим лозунгом сводилась к тому, чтобы *право власти* затыкать рот свободному слову *переть в свои руки*. А журналисты Караганды «купились» на его «левую фразу» и пошли метать громы молнии во всех и вся. И даже бастовать во вред полуторамиллионной области.

Показанный образец его журналистского *слога* говорит, что творческий потенциал Бахытжана Мукушева только-только раскрывается. Мы еще увидим его *серьезный труд*, когда политические дрожжи перебродят в его уме и душе. И это – верю! – будет мощный труд!

Декабрь 2004 г.

НАКОНЕЦ, О ЛЮБВИ! СО СТРАДАНИЕМ...

В ОБЪЯТИЯХ
«ВАЛЮТ-ПОЭТИКИ»»,
или
«А король-то...»

Как много в мире можно достичь
с помощью денег, всего лишь денег!
С. Ойянен (фин.)

Во все века были люди, которые бездарно писали.
И во все века были люди, которые, не умея писать,
писали неостановимо.

Их болезнь называется графоманией.

Но графоманы не всегда облакали свою писанину в форму книги. Не спешили предлагать читателю «отравленную конфетку». Одним это не позволял сделать стыд за бездарную писанину, другим – пустой кошелек.

В нашем случае – полный баланс. Графоман издает книгу за книгой, причем не продает ее, а, обладая несметными богатствами, позволяет себе навязывать всем в виде подношений. В первую очередь, конечно, знаковым людям и... неискушенным выпускникам школ вместе с аттестатами (как... духовное напутствие?)

На мой взгляд, в литературе все-таки есть некая квадрига поэзии: образ – рифма – ритм – настроение.

Ничего этого в упомянутой книге нет и в помине. Только и того, что настроение с одного лишь бока просматривается – кричащая влюбленность.

Но, скажем, такие настроенческие восклицания людей, как «эй-ей!», «ого-го!», «у-ух ты!», совсем не составляют поэзии. Так и одно настроение – еще не поэзия. Ибо поэзия, говаривал Маяковский, «что добыча радия»... И далее: «В грамм – добыча, в год – труды! Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды!»

В нашем случае на бумагу ложилось то, что сию минуту приходило в голову. Какие уж тут тонны!

Я не скажу, что мои поэтические строки здесь выше по качеству, чем вирши Автора книги, но... – «стремлением вдохновенным должны гореть глаза!» – восклицает он (стр. 19). И – они у меня загорелись!

Кстати, уважаемые критики мои! Если найдете у меня некультияпистые рифмы или шкандыбающую ритмику, не пеняйте сильно – по избранному жанру пародии я просто обязан быть ближе к авторскому стилю.

К ВЫХОДУ НОВОЙ КНИГИ ПОЭТА-ОЛИГАРХА

*«А на пути обратном, обалдевший,
полюбовался городскими голубями»*

Какой дизайн!
какой тираж! –
обрушил местный Олигарх
на город наш;
а смысла нет – лишь оформление.
И – город в изумлении
(а кто-то – в озверении!):
ну и... «сочинение»!

ПЕЧАЛЬНОЕ ШЕСТИСТИШИЕ

Бесплатное приложение –
Едешь ты или просто идешь –
Лепят тебе его подчинённые...
Я не берусь оценить сочинение,
Ежели смысла нет и на грош,
Вложены лишь миллионы...

ПОСПЕШИШЬ...

*«Все стихотворения, песни, клипы
сборника написаны и созданы
за один год...» (стр. 5)*

Когда в бильярде не спешат –
Попадают в лузу.
Когда в поэзии спешат –
Плюхаются в лужу...

РЕПЛИКА НА ПОЛЯХ КНИГИ

Читаю на стр. 22:

*«Каждому из нас
свой нужен спутник.
Трудно, ненадежно жить без цели.
Метаться в жизни,
как заблудший путник,
Не находя, не видя свет в метели...»*

Какой богатый пейзаж! Я имею в виду не природный, а словесный. Тут тебе и тема «спутника», и тема «цели», и тема «заблудшего путника», и – «света в метели»... Так о чем, бишь, речь? Что всегда нужен спутник в жизни? Или все-таки – цель? А может, поводырь в метели? Или Автор нуждается все-таки в проблеске «света в метели»?

А-а, догадываюсь: на ночь Автор подчитал, видать, главу о метели в «Капитанской дочке», и забродили поэтические строчки! Спутник там был, путник тоже, и цель была... А вот сигнал о приближении заветного жилья подали не электрические фонари в метели. Подкачало воображение, спутало мысли, потому и стихи – не поймешь о чем...

Впрочем, в смакуемой нами книге так на каждой странице.

НОВОЕ – ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

В бытность мою в 60-х годах комсомольским секретарем на Алтае, активно пропагандировал и проводил *Месячники книги*. Естественно, им нужна была нестандартная реклама. Помню, с Андреем Цыбиновым, завотделом культуры района, гремели мы таким его «произведением»:

*Есть книги хорошие,
есть книги хреновые.
Хорошие – старые,
хреновые – новые.
Хреновую книгу,
подобно газете,
почаще используй,
сидя в клозете.*

СОВЕТ ЧИТАТЕЛЮ

*«Подаст кувшин,
златом (?) налитый...»*

Мягкая книга,
к делу сгодится:
вырви страницу
и... чтоб освежиться.

РЕПЛИКА НА ПОЛЯХ

Читаю:

*«От жизни счастья не ждите,
не ждите, что Всевышний вам
подаст кувшин, **златом налитый**,
любовь подарит сверху вам...»*

Соображаю, но понимание идет туго. Всевышний, конечно, не даст ни злата, ни «баксов», ни даже тенге, особенно в миллионном исчислении. Но любовь-то, считалось до сих пор, всегда нисходит свыше. А браки влюбленных так вообще свершаются там – на небесах.

Или теперь уже по-другому? Делай ее, эту любовь, как делаешь банки и ломбарды, – и нечего при этом вспоминать Всевышнего?

ЕЩЕ НЕ НАЧАЛ – УЖЕ КОНЧИЛ?

*«Желание кипит в моей крови,
Душа кричит,
поет от наслаждения».*

Не нахожу я места изумлению
(бывало это с кем-то разве?):
чуть захотел ее... –
и только от хотения! –
«красиво, исступленно»
бьюсь... в оргазме!

СОВЕТ АВТОРУ

*«Не оставляйте места
времяпровождению!»*

Чем вирши пустые
без меры строчить,
не лучше ли Вам...
Буквари изучить?

РЕПЛИКА НА ПОЛЯХ КНИГИ

По своей патетике следующую строфу можно считать основополагающей в поэтической нацеленности Автора:

*«Каждый день идите вы на взлет,
Жизнь принесет и горечь вам, и мед.
Не уступайте, расширяйте взмах!
Цели, как стихи, пусть будут на устах».*

Тут я даже растерялся: пылкие стихи раздвоили мои мысли! С одной стороны, хочется восхититься, как они точно копируют первомайские Призывы ЦК КПСС. Помните: «Металлурги! Наша сила – в ваших плавках!»?

А с другой, неловко сказать, но они наталкивают на пушкинское: «Не мог он ямба от хорея, как мы ни бились, отличить...» Может, валют-поэзии вообще не нужны поэтические нормы?

А потом: вот эти «цели», которые, «как стихи, пусть будут на устах» – они сами о себе кричать должны, что ли, эти цели?

Ну-у, я тупой, ну не пойму никак!

«АБРА-» или «-КАДАБРА»?

Герой в тельняшке из кинофильма «Мы – из Кронштадта» призывно восклицал: «Я такое скажу!.. Все постигнут!»

Автор читаемой нами книги на многих страницах говорит такое, что я, как ни ломаю извилины, постичь смысла не могу. Попробуем вместе, а?

«А истина вдруг спряталась трусливо
За тонким и надежным дверцем...» (стр. 57)

«Для съемок клипа «Разлука» была приглашена студия «Партнер», **представляющая в своем лице операторов кино и телевидения**» (стр. 163)

«Но что цветы? Безмолвные красоты,
Живой грации немые декорации» (стр. 191)

«Я стал другим, не узнавал себя,
И счастье впитывалось
неведомо откуда» (стр. 229)

«Нам обоим не до сна,
Ты в объятиях меня» (стр. 239)

«Как хотелось ночь продлить,
Время вспять переломить» (там же)

«Не зная, как себя держать,
Весь покраснел от треволнения» (стр. 243)

«Сам замер в нервной упряжке:
Как примет сей она пассаж?» (стр. 244)

«Пот прошиб волос корней,
Словно пронзило меня током» (стр. 247)

«Отряхнувшись от странного спросонья,

Растер глаза, вздохнул я облегченно» (стр. 251)

«Любовь свою не предавайте никогда,
Мыслям неверным закрывайте *ворота*» (стр. 254)

«На горках ехать не боится,
А за рулем журчится смех» (стр. 286)

«*Быстро, налегке одевшись,*
побежал на рынок за цветами.
А на пути обратном, обалдевший,
Полубовался городскими голубями...» (стр. 251)

Это и просто рифмоплетство – да простит меня Автор за прямоту, но возблагодарит за урок грамоты, – и вполне детский лепет. Кто бы при мне ни читал этих строк, все покатываются со смеху...

А ведь можно было Автору, если самому не под силу грамотно писать, а «очень хочется», – пригласить грамотного редактора, заплатить ему, сколько *попросит*, и избавить читателей от бесчисленных стилистических и грамматических ляпов!

ПОПЫТКА ОТРЕДАКТИРОВАТЬ АВТОРСКОЕ ТВОРЕНИЕ

«*Ты в объятиях меня...*»

«Грамотность» эту терпеть не могла,
и мысли в тексте не видя ни згы, –
всё! – берусь и редактирую!
Стиль поправляю, «ляпы» корректирую...
Но... не на долго хватило огня:
она «*в объятиях меня*»!
А я... – хоть ты меня убей –
от *городских балдею голубей*!

Бывает, заику
лечить попытаешься, –
Ан глядь: уже сам
почем зря з-з-заикаешься...

А 100.000 тиража срабатывают!

Слышу множество мнений о валют-поэтике. Среди них, однако, – ни одного похвального. Все в одном ключе: от брезгливости до гнева. Но это, так сказать, в кухонном варианте.

Почему же на общественном уровне молчат специалисты: преподаватели и учителя литературы, карагинские писатели? Почему не вступятся за честь Поэзии и Языка?

Боимся? Раньше боялись твердого кулака, а теперь боимся тугого кошелька?

А ведь так нужен тот андерсеновский мальчик, который громко, на весь люд, воскликнул бы: «А король-то голый!» – и все прозрели.

ГОСПОДИ, КАК СТЫДНО!

Стыдно за тех, кто писал к книге «предисловия» и «послесловия» и поставил имя Автора чуть ли не в один ряд с именами Тютчева и Вознесенского, Рембо и Сулейменова, Маяковского и Бродского, ибо забыли сказанное: «не поминай имя всуе»!

Стыдно за всех нас, ибо зачем такое «творчество» покупать, принимать в подарок и даже читать. Оно, как все сокровенное, каким бы глупым ни было, храниться может только на самом дне души и на дне самого глубокого сундука!

Стыдно за самого Автора, «ибо не ведает, что творит», и позволил себе, уповая на банковские счета, корезить язык великого народа!

Стыдно и печально и за себя мне, что принялся разбирать написанное в святом любовном экстазе: разбирать и оценивать, осуждать и осмеивать. Грех изгаляться над таким! И стыдно мне за грех этот.

Стыдно и печально!

Стыдно и печально...

ОДНАКО...

Любимый наш Штирлиц, как помните, говорил, что главное искусство встречи не в том, как войти в разговор, а в том, как выйти из разговора. Посему мне никак нельзя обойтись без «спасибо».

Спасибо полиграфистам, что выдали читателю приятное на вид, эстетичное по расцветке, профессиональное по изготовлению изделие!

Спасибо фотографам (и опять – полиграфистам), что дали для книги огромное число прекрасно сделанных и не менее прекрасно отпечатанных фотографий.

Спасибо и Автору, что дал этой книгой некоторую работу людям плюс... на 306 страницах книги преподнес читателю хоть одну близкую к поэтическому звучанию строчку, а именно: «Ты мне всего лишь улыбнись!» (стр. 225), которая рефреном звучит в каждой строфе стихотворения и таким образом доводит число хороших, звучных строк в книге до... пяти.

Спасибо нам, читателям, что, с трудом осилив полторы сотни страниц безграмотного русского текста (о казахском, упаси Аллах, я не говорю ни слова!), не укладываем чемоданы, чтобы... – «Карету мне, карету!» – в знак протеста против вопиющего издевательства над Поэзией и Языком (не в пустом разговоре, а в завлекательной книге с прибабасами – CD-дисками и DVD-дисками – и сотысячным тиражом)!

Особое спасибо нашим юным читателям, нашим детям, если пропустят мимо ушей то, что увидят их глаза на страницах самой дорогой по оплате и дешевой по сути книги. Ибо, как сказал «возвышенный» здесь Маяковский, «дыра в ушах не у всех сквозная, иному может запасть!»

ЭПИТАФИЯ... СЕБЕ, ПАРОДИСТУ

Друзья меня страшат:
*«Крутые не прощают!
Что стоит Олигарху
Язык твой прищемить?
Закажет – расстреляют,
Прикажет – в пыль вкатают...
Ты что, как очумелый,
Совсем не хочешь жить?»*

– Я – жить хочу!
Я – боязливый!
И рисковать
я не привык.
Но кто и чем
мне ни грозил бы,
не дам в обиду
Русский
Мой Язык!

P. S.: Ну а если случится... *Стаканы нальете... –
и имя заказчика в книге найдете.*

ИСПОВЕДЬ «РЫЦАРЯ НЕРАВНОДУШНОГО СЛОВА»

Журналист и писатель Владимир Иванович Литвинов хорошо известен карагандинцам. В конце 60-х начинал молодежным редактором на телевидении, затем редактор информации и радио а в 90-х годах – автор и ведущий весьма популярной радиопрограммы «Земляки».

Владимир Иванович – лауреат четырех республиканских журналистских премий, автор десяти опубликованных книг. Они в основном написаны в жанре документальной прозы. В книгах интересны очерки о героях программы «Земляки», рассказы о сегодняшней нашей нелегкой жизни. А в последних трех – с общим красноречивым названием «Взгляд с позиций «бороды»... – ветеран делает критические разборы программ карагандинских телевизионных каналов и некоторых книг, вызвавшие широкий резонанс у наших «акул пера» и у читателей.

– Владимир Иванович, а за что четыре премии?

– Первая, в 1976 году, – на молодежном телефестивале «Жолдас» за телеочерк «КПД: как его понимает токарь Виктор Бычковский», снятый вместе с Борисом Лелюхом. Вторая, в 1994 г., за создание проблемных радиопередач (имеется в виду авторская радиопрограмма «Земляки»). Третья, «Алтын Жулдыз», в 1999 году, за программы «Земляки» о детском доме имени Крупской и двух слепых певцах Караганды. Четвертая (2004 год, за подписью Дариги Назарбаевой) – за принципиальность и наступательность в журналистике.

Как оценивает работу карагандинских журналистов, в частности, молодых, об этом наш разговор с Владимиром Ивановичем.

– Чем, по-вашему, наша журналистика отличается от прежней, советской?

– Я всю жизнь выписывал «Комсомольскую правду». А года четыре назад отказался: «Комсомолка» стала жел-

той, принялась публиковать эротические опусы Дарьи Асламовой, описывать скандалы, непрерывно кого-то на ком-то женит, разводит. А ранее это была потрясающая газета Василия Пескова, Ярослава Голованова, Инны Руденко, Ольги Кучкиной. Это журналисты, которые давали моим мозгам, моей душе знания и глубину чувств. И если уж «Комсомолка» стала желтой, то карагандинская журналистика вообще ни в какие!..

У нас газет стало много, а квалифицированных журналистов мало. Расплодил наш КарГУ журналистов, которые писать не умеют, принципы работы не знают, не уважают их. Приведу простой пример. В одной крупной газете журналист публикует *собственный отклик* в поддержку годового Послания Президента. Так журналисты не делают. От своего собственного имени выступать с «одобрямсами» не этично. И не профессионально! Если журналист хочет одобрить что-то от Лидера, он должен найти грамотного экономиста, ученого, строителя... и дать его мнение. А отклик от самого себя – это мелкий подхалимаж перед высоким административным лицом.

Молодым приходится чересчур много писать. За подписью одного журналиста в одном только номере газеты я видел восемь статей. Мало того, что материалы очень слабые, безграмотные, так они еще и анонимны! Все подписаны псевдонимом. И я, читатель, гадаю, чью позицию мне предлагают принять? Кто автор материалов? Получается, что чуть не вся газета анонимная.

– *Вы считаете, что журналисту не нужно подписываться псевдонимом?*

– Почти никогда! Мое журналистское кредо – а я имею право это говорить, потому что работаю в средствах массовой информации полвека. И всегда ставлю собственную фамилию даже под заметкой в три строчки. Не потому, что претендую на гонорар, а потому, что беру на себя всю ответственность за эту публикацию! За все строчки и за каждое слово! В прошлом году на региональном сайте Центра правовой помощи СМИ я вел «Ра-

диошколу», так в ней громко говорил ребятам, что отвечаю даже за каждую паузу в своих очерках!

– По-вашему, зачем журналисты часто используют псевдонимы?

– Оправдываются, дескать, публиковать в одном номере газеты несколько материалов под своей фамилией нельзя. А под псевдонимом, значит, можно? Правда – в другом: они прячут от читателя качество своей работы!

Тут важно еще вот что. В Казахстане русский язык не является государственным, отчасти поэтому некоторые стали позволять себе обращаться с ним весьма вольно. Я думаю, если бы он был вторым государственным, обращение стало бы более пиеетным. А то поэты пишут безграмотные стихи, прозаики безграмотную прозу. Что делают газетчики – вообще туши свет! Безграмотность сегодня усугубляется все больше и больше, ибо теперь в наших школах русский язык и русскую литературу преподают всего два часа в неделю, а ранее ведь было два часа в день!

Беда заключается и в следующем. Над молодыми журналистами должен стоять опытный редактор, помогать, учить «рекрутов» Но некоторые газеты толком никто не редактирует. Руки редактора не видно – и все тут! И проскакивают на страницы то глупости, то пошлости, то лютая безграмотность. А читатель – читай, давься этой мешаниной!

Но когда пытаешься кого-то ткнуть носом в написанное, видишь в его страдальческих глазах: «Ну да! И буду потом сидеть, как дурак... с вымытой шеей!». Словом, не очень хотят наши молодые журналисты, чтобы их учили. А у нас есть кому учить, есть и у кого учиться! Помню, как-то, вычитал: «Пиши так, чтобы твои «подвалы» вырезали на память». Признаюсь: у меня не один год хранятся «подвалы» Светланы Кохановой, Валерия Савина, Марата Каирбекова, Екатерины Кузнецовой, Петра Жуковского. Но не хотят у них учиться наши молодые – вот в чем беда.

– Что важнее, на Ваш взгляд, в журналистике: талант или упорный труд?

– Еще Горький говорил: «Талантливых писателей очень мало. А многие хорошие писатели достигли успехов благодаря упорному труду».

Что такое *гениальность*? Это значит, что так больше никто не напишет. А *хороший* журналист тот, кто много пота проливает. Я понимаю, что сейчас нынешним журналистам так много приходится писать в номер, поскольку штат маленький. Но когда человек много пишет в один номер – это халтура. Ведь написать даже две приличные статьи в один номер и опытный, талантливый журналист берется не часто.

Автор «Повести о настоящем человеке» Борис Полевой как-то рассказывал, как писал очерк для «Правды». Он три месяца жил на избранном заводе, в командировке, потом четыре месяца писал. Очерк понравился читателям. А директор завода письмо прислал: «Спасибо вам! Гудок, с которого Вы начали очерк, теперь у нас есть. Мы его сразу сделали после Вашей публикации». Полевой говорил: «Мне стало стыдно. Эта выдуманная мной деталь – заводской гудок – будет бросаться в глаза всем, а сам очерк – нет!»

А у нас ляпы на каждом шагу – от спешки, от всезнайства, от самоуверенности! И не сгораем от стыда.

– *Сейчас сенсации, желтые факты играют в прессе главную роль. Как вы относитесь к этому?*

– За сенсацией погоня была и в советские времена. Просто тогда это называлась «вставить коллегам фитиль». Но это не было самоцелью. Главным было другое – тронуть душу человека, дать пищу его уму. Успех публикации (и тираж!) зависит от того, *как написано!* Если хорошо, для популярности газеты – уверен! – не понадобится голых задниц и выпяченных гениталий.

– *А Вы согласны с выражением, что газета живет один день?*

– Ничего подобного! Еще лет двадцать назад прочитал в «Комсомольской правде» статью Юрия Роста, как собака сидела на аэродроме и ждала хозяина два года. Я эту статью не забыл, несмотря на то, что прошло двадцать лет.

Помню даже портрет собачки, заголовок. Это плохая газета живет даже не день, а час. Ты ее перелистал и отнес в туалет. А хорошая статья останется в памяти.

– Владимир Иванович, на Ваш взгляд, как повысить профессионализм работников средств массовой информации?

– Во-первых, на факультет журналистики надо брать не всех, кто туда приходит, а тех, кто знает, зачем пришел. Те, кто просто хочет писать, это заурядные графоманы. Те, кто имеет что сказать людям, из этих и получатся журналисты. Журналисты – это в общем-то проводники идеологии, душевных порывов человека. Кроме того, СМИ крепко влияют на государственную политику. Поэтому журналистов надо как летчиков отбирать. Только если человек любопытен, из него может получиться журналист. Как-то пришли ко мне из КарГУ 15 будущих журналистов. Я три часа перед ними распинался, рассказывал-показывал, а у них под конец не возникло ко мне ни единого (!) вопроса. Разве выйдут из них толковые журналисты? Ну, если и выйдут, то... к старости! Во-вторых, необходимо научиться держать удары. Удары критики, упреки читателей. Написал, а тебя взяли и отчихвостили. Скажи спасибо – и пиши снова. Вообще, если наплеватьски относиться к критике в твой адрес, журналистом не стать. Посредственных журналистов много, потому что люди идут в СМИ зарабатывать, а не работать. Если ты попал в журналистику и писать не умеешь: есть два выхода – либо извиниться и уйти, либо, скрипя зубами, преодолеть себя и упорно работать. Пусть не каждая статья будет шедевром, но хотя бы «коронка» должна появиться обязательно. Такая, что некий «зануда Литвинов» вырежет ее и сохранит на память.

Опубликовано в газетах: «Вестник Фемиды»,
«Индустриальная Караганда» и «Журналист»
(Алматы). Ноябрь 2004 г.

*(Вот как размахнулся Евгений Мохов, который
задал мне вопросы!)*

Автор сердечно благодарит за дружескую, бескорыстную помощь в подготовке к изданию десяти своих книг, а особенно юбилейного сборника «Я с вами»:

Александра Акбердина
Кайрата Алиева
Абильду Алимбаева
Рушана Бараева
Айбека Бегалина
Виктора Горецкого
Мереке Жусупова
Дмитрия Колесникова
Александра Кочкина
Любовь Литвинову
Валерия Литвинова
Владимира Лосева
Виталия Малышева
Татьяну Мельниченко
Александра Перегринна
Владимира Рыжкова
Тараса Сержантова
Анатолия Степаненко
Наталью Степаненко
Наталью Сухорукову
Павла Шумкина

КТО ЕСТЬ КТО И КТО – ГДЕ:

КНИГА 1-я. Я С ВАМИ

9 МАЯ – 60 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ

Композиция:

1. «Дождались-таки святого дня!»	3
2. Звучат сохраненные голоса:	
пехотинца Абдуали Сыздыкова	6
медсестры Евдокии Ярковой	8
артиллериста Бориса Сигала	9
зенитчика Павла Кунина	11
разведчика Степана Косенко	14
связиста Степана Ушкова	
(устаами вдовы Тамары Захаровны)	18

23 МАРТА Е. А. БУКЕТОВУ БЫЛО БЫ 80

Наш Евней как Антей 23

ПТЕНЦЫ ГНЕЗДА ЕВНЕЕВА

Иван Кирилюс	41
Виталий Малышев	46
Александр Акбердин	57

16 ФЕВРАЛЯ ДВОЙНОЙ ЮБИЛЕЙ ХИРУРГА

Сергей Лохвицкий 69

УЧЕННЫЕ ВНЕ ЛАБОРАТОРИИ

Абылкас Сагинов	81
Абильда Алимбаев	85

БУДЕМ ЖИТЬ И ТВОРИТЬ, ЗЕМЛЯКИ!

Валерий Цой	89
Николай Мисливец	97

Владимир Крупский	106
Георгий Евстигнеев	108
Юрий Лукаш	114

Оксана Дашко	118
Светлана Дроздовская	120
Анатолий Степаненко	122
Василий Уркунов	126

ЖИЛА БЫ ДЕРЕВНЯ МОЯ!..

Валентина Кутузова	137
Александр Христенко	143

СТРОИТЕЛЯМИ ДЕРЖИТСЯ ЗЕМЛЯ!

Аркадий Фридлянд	147
Василий Язев	153

«С КЕМ ВЫ, МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ?»

Айбек Бегалин	156
Владимир Проценко	167
Карипбек Куюков	175
Татьяна Еремина	186
Абрам Мендельштам	198

КНИГА 2-я. У ВАС ЕСТЬ КАМЕРТОН?

СОБРАТЬЯ ПО МАГИИ СЛОВА

Симон Соловейчик	209
Михаил Балыкин	218
Малик Имашев	228
Екатерина Кузнецова	240
Дмитрий Чиров	247
Павел Шумкин	251
Яков Розенберг	255
Незавершенные портреты...	262

ШЕФЫ МОИ... С АВЕРСА И РЕВЕРСА

Незнаменитая, да?..	274
Неколебимый...	315
Неисчерпаемый?... Да!	329

НАКОНЕЦ, О ЛЮБВИ! СО СТРАДАНИЯМИ...

В объятиях «валют-поэтики», или «А король-то...»	355
---	-----

Приложение

Исповедь «Рыцаря Нравнодушного Слова» (публикация из газет, в сокращении)	367
--	-----

Владимир Иванович ЛИТВИНОВ

Я С ВАМИ

Портреты, написанные словом

В 2-х книгах

Главный редактор – уважаемый Журналист
(автор только и делал, что парировал его скептицизм)

Редактор и корректор Татьяна Мельниченко
(давила автора пунктуацией и эрудицией)

Редактор Наталья Степаненко
(была камертоном в работе над страницами)

Обложка Мереке Жусупова

Коллаж Айбека Бегалина (Караганда, 2005 г.)
с шаржем Геннадия Буркова (Барнаул, 1966 г.)
«Орден Землячества и Духовного Братства»

придумали и вручили

Галина Суворова и Татьяна Летучая

Фотографии сделаны Айбеком Бегалиным
и Дмитрием Колесниковым с видеопленки,
снятой Кайратом Алиевым

Компьютерная верстка Мереке Жусупова

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Объем 23,5 п.л.

Заказ № 23. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ТОО «Арко»,
г. Караганда, ул. Ленина, 2.